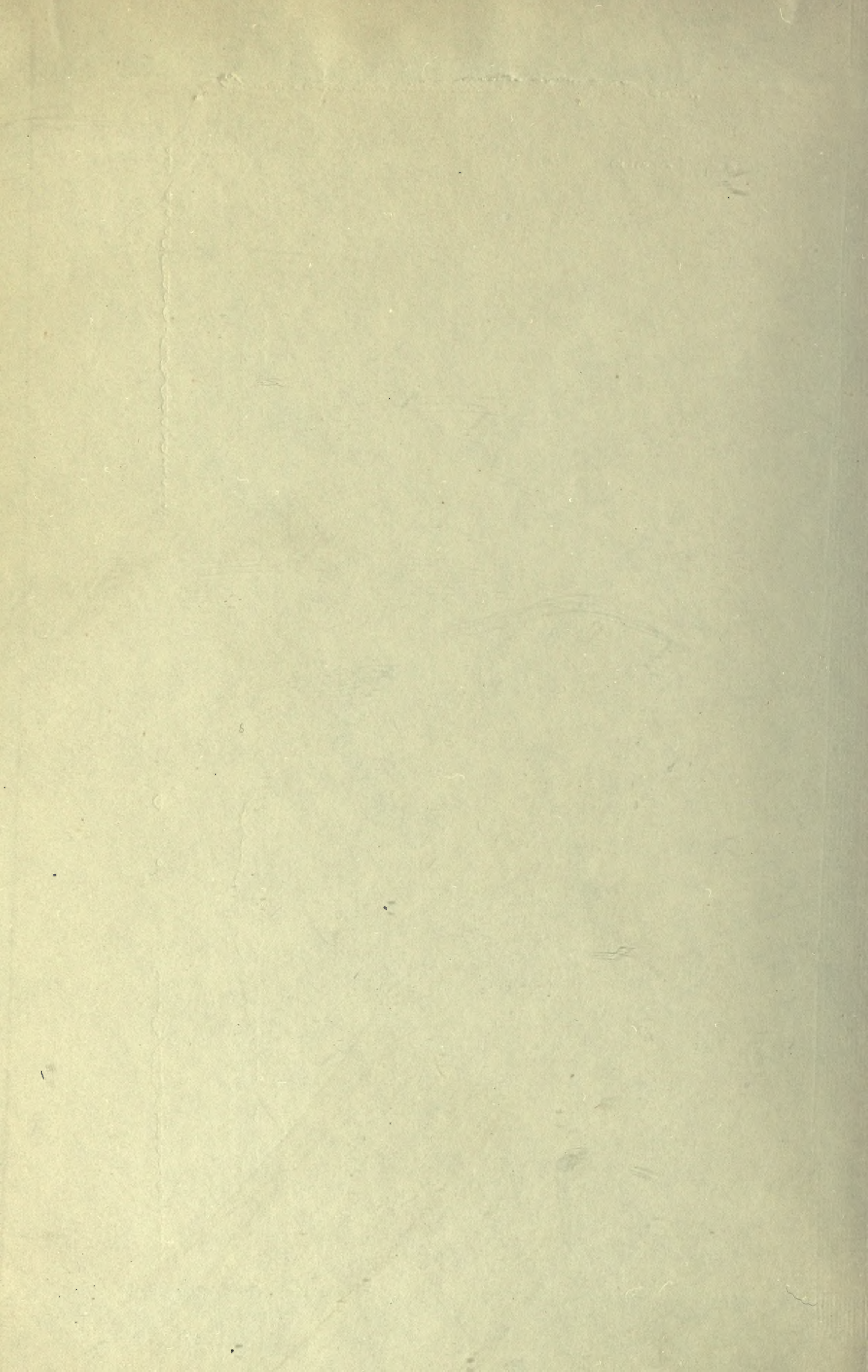

ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ

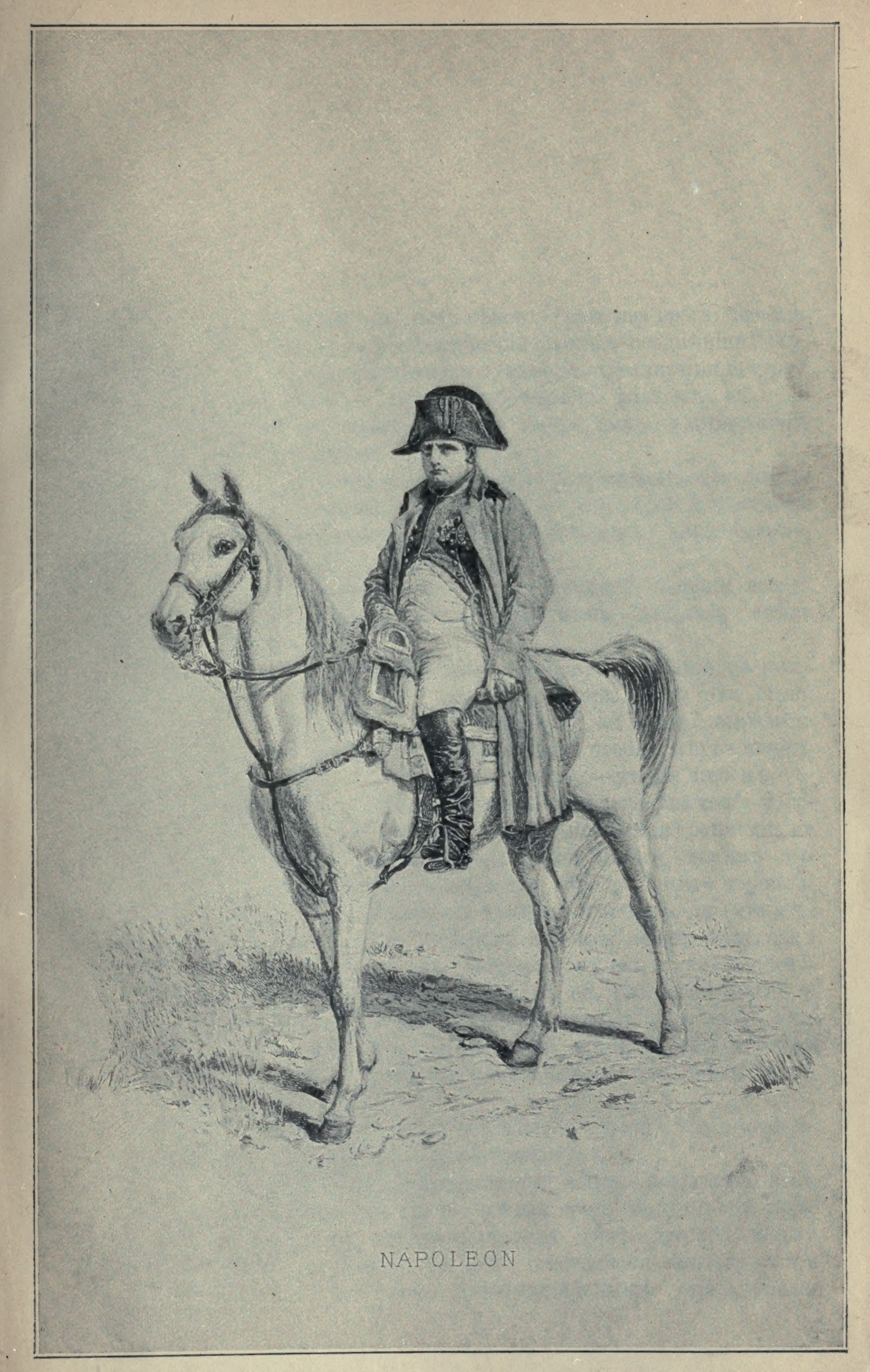
ВЪ ВОСПОМИНАНІЯХЪ И
ПЕРЕПИСКѢ СОВРЕМЕННИКОВЪ.

Съ иллюстраціями.

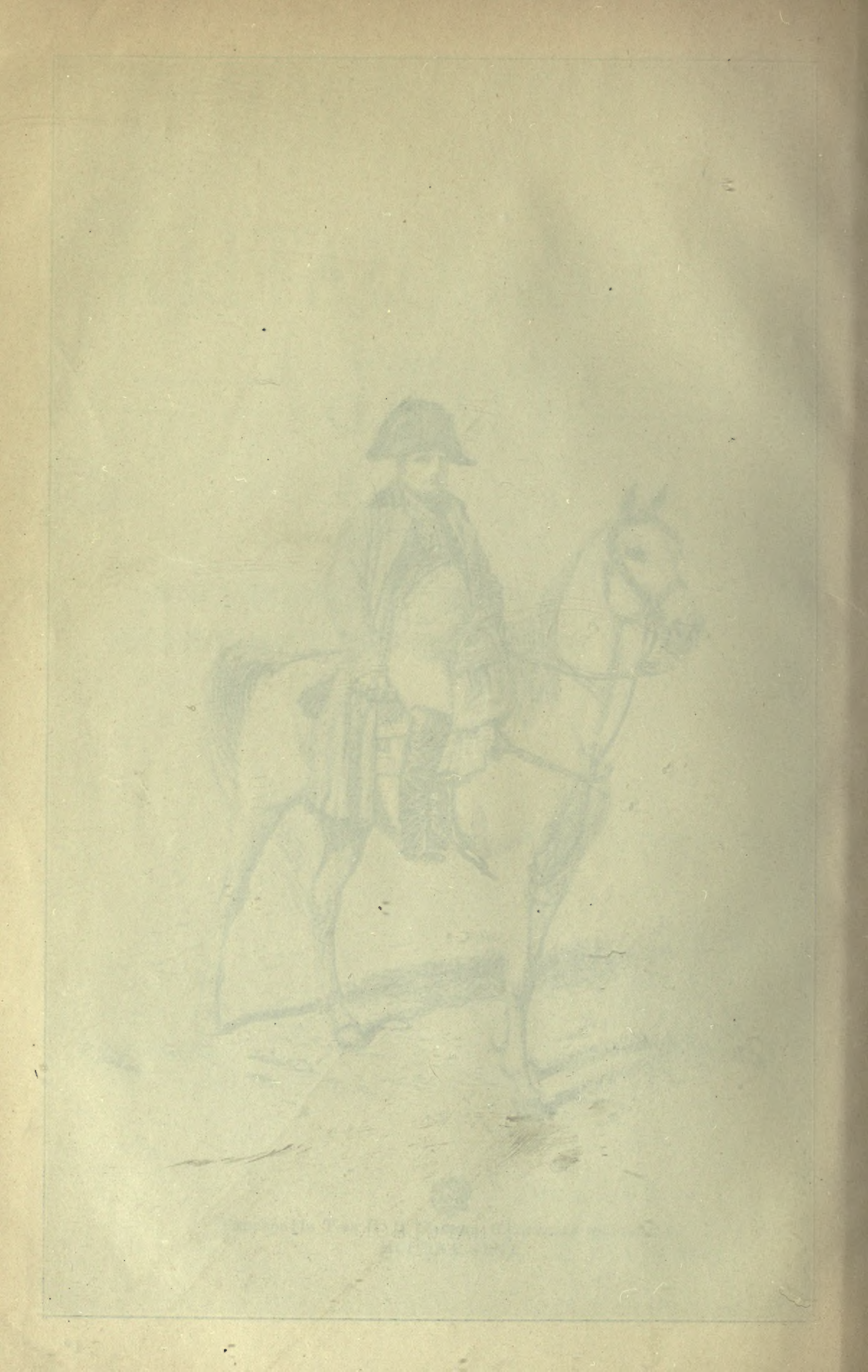
Сборникъ
составилъ В. В. Каллашъ.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., свой д.
МОСКВА.—1912.

NAPOLEON

У жизни, ушедшей «въ тьму вѣковъ», есть два врага: легенды ближайшихъ потомковъ и историческій анализъ позднѣйшихъ изслѣдователей. Первыя окутываютъ туманомъ идеализаціи пеструю и яркую канву живого событія, обобщаютъ реальное въ призрачное; второй разсѣкаетъ живую ткань, изъ одухотворенной клѣтки создаетъ мертвый препаратъ.

Но біеніе вѣчно умирающей и вѣчно возрождающейся жизни оставляетъ свои неизгладимые слѣды—въ перепискѣ и близкихъ къ событіямъ воспоминаніяхъ современниковъ, участниковъ, творцовъ историческаго момента.

Сквозь толщу противорѣчій и субъективной окраски всегда пробивается въ нихъ, при перекрестномъ допросѣ, свѣтъ жизненной правды.

Герценъ писалъ: «Письма больше, чѣмъ воспоминанія; на нихъ запеклась кровь событій—это само прошедшее, какъ оно было, задержанное и нетлѣнное». Еще глубже ту же мысль выразилъ кн. Вяземскій: «По мнѣ, въ предметахъ чтенія нѣтъ ничего болѣе занимательнаго, болѣе умилительнаго—чтенія писемъ, сохранившихся послѣ людей, имѣющихъ право на уваженіе и сочувствіе наше. Самыя полныя, самыя искреннія записки не имѣютъ въ себѣ того выраженія истинной жизни, какимъ дышатъ и трепещутъ письма, написанныя бѣглою, часто торопливою и разсѣянною, но всегда, по крайней мѣрѣ, на ту минуту, проговаривающейся рукою... Записки все-таки не что иное, какъ обдуманное возсозданіе жизни. Письма—это самая жизнь, которую захватываешь по горячимъ слѣдамъ ея. Какъ семейный и домашній бытъ древняго міра, внезапно остывшій въ лавѣ, отыскивается цѣликомъ подъ развалинами Помпеи: такъ и здѣсь жизнь, нетронутая и нетлѣнная, такъ сказать, еще теплится въ остывшихъ чернилахъ».

Чѣмъ позднѣе «обдуманное возсозданіе жизни», тѣмъ меньше въ немъ этой «нетронутости и нетлѣнности».

Наступающій юбилей Отечественной войны заставитъ насъ еще разъ возобновить въ своей памяти тотъ могучій толчокъ, который вызвалъ въ крѣпостнической тинѣ русской жизни живое и свѣжее движеніе, который генетически связанъ и съ декабристами, и со всѣми освободительными стремленіями

XIX вѣка, который смыкаетъ цѣпь между 12 годомъ, 19 февраля и 17 октября—въ его идеѣ, а не практическомъ осуществленіи... Пушкинъ съ прозорливостью пророка еще въ 1821 году писалъ о только что скончавшемся Наполеонѣ:

Хвала!.. Онъ русскому народу
Высокій жребій указалъ
И міру вѣчную свободу
Изъ мрака ссылки завѣщалъ...

Научная литература объ Отечественной войнѣ и теперь уже очень велика; приближающійся юбилей, несомнѣнно, пополнитъ ее рядомъ цѣнныхъ трудовъ, которые станутъ на высотѣ современной исторической науки. Намъ казалось полезнымъ воскресить живой голосъ участниковъ этихъ грандіозныхъ событій, ихъ воспоминанія и переписку. Дробить этотъ послѣдній матеріалъ по историческимъ рубрикамъ и схемамъ, игнорировать личности и ихъ отраженія было бы неосторожно: цѣльной картины все же не получилось бы, зато въ пестромъ калейдоскопѣ осколковъ замерла бы «теплота жизни», сбереженная «остывшими чернилами».

Цѣль настоящаго сборника—свести современнаго читателя съ воскресшими свидѣтелями далекаго прошлаго, представить, *въ разрѣзѣ*, какъ реагировало русское общество, отъ верховъ и до низовъ, на событія Отечественной войны. Ихъ «задержанное» навсегда чувство и «нетлѣнная» мысль скажутъ многое и дополнятъ то, что дастъ всесторонній (и все же односторонній) анализъ современнаго историка.

В. К.

Изъ записокъ графа Ѳ. В. Ростопчина.

Къ сожалѣнію, записки знаменитаго «градоначальника» Москвы, имя котораго органически слилось со многими легендами Отечественной войны, до сихъ поръ еще вполнѣ не опубликованы. Въ печать попали только незначительные отрывки [1]) изъ нихъ, все же представляющіе большой историческій интересъ. Страстный и пристрастный, Ростопчинъ всегда умѣетъ подойти къ предмету съ новой, неожиданной стороны и нѣсколькими штрихами нарисовать цѣлую картину. Благодаря ему «патріотизмъ» московскаго дворянства получаетъ совсѣмъ особое освѣщеніе; можно не соглашаться съ его оцѣнкой и характеристикой Кутузова, но для нихъ тогда у Ростопчина было слишкомъ много данныхъ: гибель Наполеона, ретроспективно, многое измѣнила въ прежнихъ взглядахъ...

Изъ-за отрывочныхъ фактовъ и фразъ часто у Ростопчина проглядываетъ жесткая правда жизни, стертая потомъ идеализованными образами легенды. Къ нимъ стоитъ прислушаться...

Въ минуту, когда губернскій предводитель [2]) кончилъ свою рѣчь [3]), нѣсколько голосовъ воскликнуло: «Нѣтъ! не по четыре со ста, а по сту съ тысячи, вооруженныхъ и съ продовольствіемъ на три мѣсяца». Большинство собранія съ громкими криками повторило эти слова. Государь благодарилъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ.

Теперь надо изъяснить поводы этой необыкновенной щедрости. Предложеніе губернскаго предводителя было справедливо и благоразумно; но два голоса, первые захотѣвшіе дать больше, чѣмъ было предложено главою дворянства, принадлежали двумъ весьма различнымъ лицамъ. Одинъ былъ человѣкъ очень умный и предлагалъ мѣру, которая ему ничего не стоила: у него не было никакой собственности въ Московской губерніи. Другой, человѣкъ съ здоровыми легкими, былъ подлъ, глупъ и дурно принятъ при дворѣ. Онъ предлагалъ мнѣ свой голосъ за честь быть приглашену къ императорскому обѣду. И вотъ, какъ можно увлечь собранія, и какъ часто они рѣшаютъ и дѣйствуютъ по одному увлеченію и безъ размышленія! Какъ часто человѣкъ превознесенъ до облаковъ газетами и біографіями за дѣйствіе

---

[1]) Сборникъ «XIX вѣкъ», «Русскій Архивъ».
[2]) Ген.-маіоръ В. Д. Арсеньевъ.
[3]) Къ московскимъ дворянамъ, по поводу дополнительнаго набора рекрутъ для борьбы съ Наполеономъ, въ московскомъ Благородномъ Собраніи.

или слово, хотя, быть-можетъ, онъ тотчасъ же раскаялся въ своемъ поступкѣ или въ словѣ, имъ произнесенномъ.

Въ другой залѣ, гдѣ было купечество, я былъ пораженъ впечатлѣніемъ, которое произвело на нихъ чтеніе манифеста. Вначалѣ слушали съ глубочайшимъ вниманіемъ; потомъ стали появляться знаки нетерпѣнія и негодованія. Когда Шишковъ дошелъ до словъ, «что непріятель приближается съ лестью на устахъ и съ оружіемъ въ рукахъ», произошелъ взрывъ негодованія: били себя въ голову, рвали волосы, ломали руки; слезы бѣшенства текли по лицамъ, напоминавшимъ древнихъ героевъ. Я видѣлъ человѣка, который скрежеталъ зубами. Въ шумѣ нельзя было разслышать словъ; слышны были одни вопли и крики негодованія. Это было зрѣлище единственное въ своемъ родѣ. Въ эту минуту русскій человѣкъ выражалъ свои чувства свободно; онъ забывалъ, что онъ рабъ, и возмущался при мысли, что ему угрожаетъ иноземное иго. Тутъ опять выступили наружу истинно-русскія свойства. Эти люди сохранили и одежду и характеръ народа; ихъ бороды придавали имъ почтенный и величественный видъ. Подобно предкамъ, у нихъ не было другихъ правилъ, другихъ законовъ, кромѣ тѣхъ, которые выражаются въ слѣдующихъ четырехъ поговоркахъ, служащихъ для нихъ основою всѣхъ, и добрыхъ и дурныхъ, поступковъ:

Великъ русскій Богъ,
Служить царю вѣрой и правдой,
Двумъ смертямъ не бывать,
Чему быть, того не миновать.

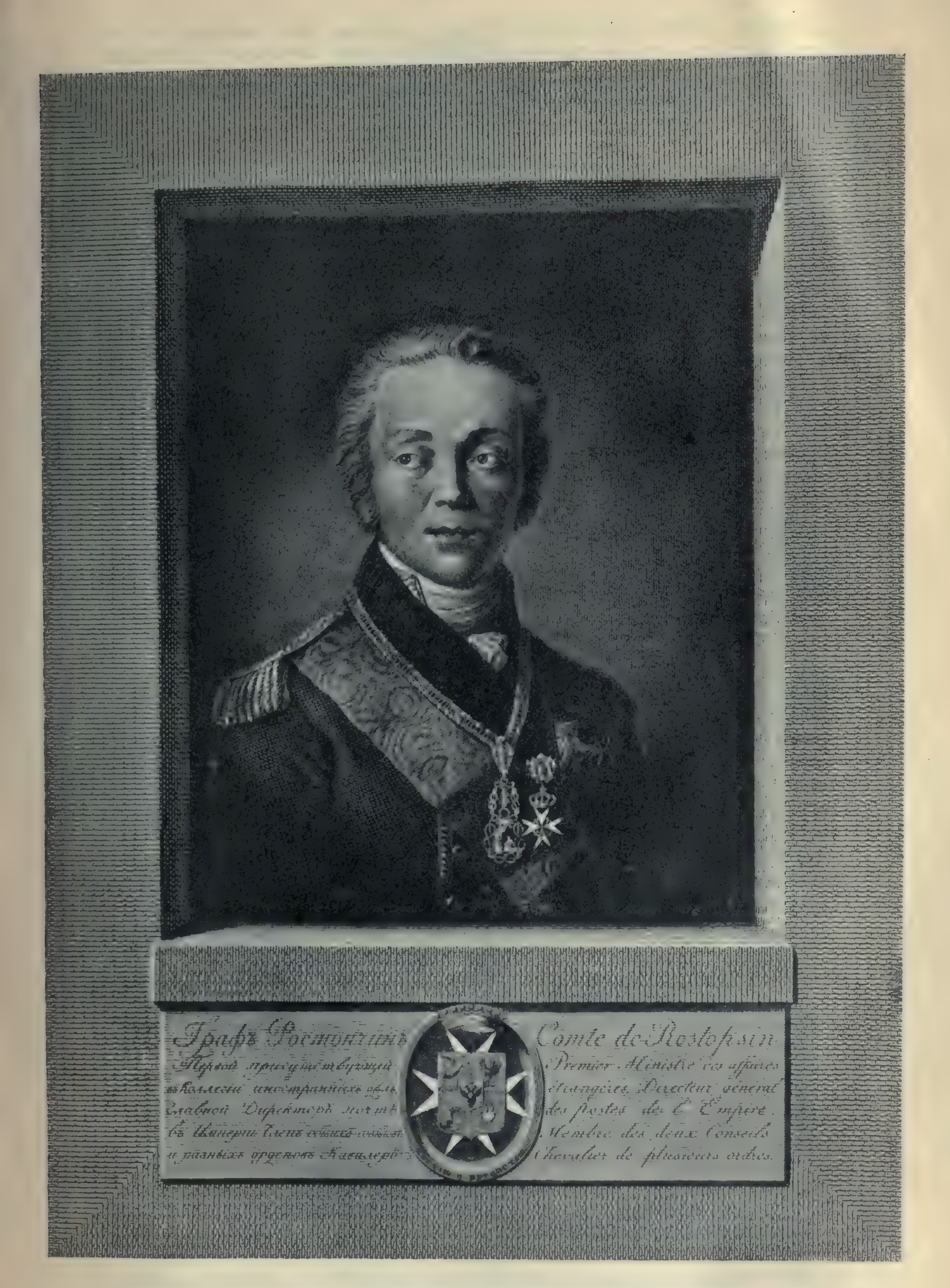
Московскій городской голова, имѣя 100 тысячъ рублей капиталу, первый подписалъ 50.000 рублей. Онъ перекрестился, сказавъ: «Мнѣ Богъ далъ, я отдаю Отечеству».

Я возвратился въ Кремль, чтобы доложить Государю эту добрую вѣсть (32.000 ратниковъ и пожертвованія въ 2.400.000 р.). Я засталъ его въ кабинетѣ съ Балашовымъ [1]) и Аракчеевымъ. Его Величество сказалъ мнѣ, что онъ счастливъ тѣмъ, что возымѣлъ мысль пріѣхать въ Москву и меня назначить генералъ-губернаторомъ. Потомъ, когда я откланивался, онъ съ чувствомъ обнялъ меня. Когда я вышелъ, Аракчеевъ поздравилъ меня съ тѣмъ, что я получилъ величайшій знакъ милости государевой; «ибо,—прибавилъ онъ,—я служу ему съ самаго его воцаренія, и онъ ни разу меня не обнялъ». А Балашовъ сказалъ мнѣ: «Будьте увѣрены, что графъ никогда не забудетъ и никогда не проститъ вамъ этого объятія». Въ ту минуту я смѣялся, но впослѣдствіи я имѣлъ вѣрныя доказательства, что министръ полиціи былъ правъ, и что онъ лучше меня зналъ графа Аракчеева.

Я засталъ князя Кутузова (въ Филяхъ, въ 3 верстахъ отъ Москвы), сидящаго и грѣющагося у огня; его окружали генералы; адъютанты являлись за приказаніями. Иныхъ онъ отсылалъ къ Барклаю, другихъ къ Беннигсену, иногда къ Толю (квартирмейстеру), своему любимцу, человѣку, достойному своего покровителя. Кутузовъ принялъ меня съ великою учтивостью и отвелъ въ сторону. Мы остались вдвоемъ въ продолженіе получаса. Тутъ съ этимъ человѣкомъ былъ у меня любопытный

---

[1]) Министръ полиціи.

Графъ Ростопчинъ
Первой присутствующий
въ коллегии иностранныхъ дѣлъ
Главной Директоръ почтъ
въ Имперіи Членъ обѣихъ совѣтовъ
и разныхъ орденовъ Кавалеръ
Comte de Rostopsin
Premier Ministre des affaires
étrangères. Directeur général
des postes de l'Empire.
Membre des deux Conseils
Chevalier de plusieurs ordres.

разговоръ, ясно показывающій всю низость, всю неспособность, всю трусость предводителя нашихъ армій, которому довѣрили спасеніе Отечества и который ничѣмъ незаслуженно получилъ титулъ Спасителя Россіи. Онъ объявилъ мнѣ, что рѣшается здѣсь же дать сраженіе Наполеону. Я замѣтилъ, что мѣстность сзади позиціи, имъ занимаемой, идетъ довольно крутымъ склономъ до самаго города; если наши войска хотя немного подадутся назадъ, они, какъ ни попало, вмѣстѣ съ непріятелемъ, войдутъ въ московскія улицы, что собрать оттуда нашу армію будетъ невозможно и что онъ рискуетъ погубить ее всю. Онъ продолжалъ меня увѣрять, что его не принудятъ перемѣнить позицію, но что если случится, что ему необходимо будетъ отступить, онъ отойдетъ къ Твери. На мое замѣчаніе: «тутъ будетъ недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ», у него вырвалось: «но надо помнить о Сѣверѣ и прикрывать его». Онъ имѣлъ въ виду резиденцію Императора и не обращалъ вниманія на двѣ вещи: первое, если корпусъ Витгенштейна будетъ уничтоженъ, маршалъ Сенъ-Сиръ будетъ въ Петербургѣ гораздо прежде него; второе—занявъ Москву, Наполеонъ не вздумаетъ отважиться на шестинедѣльный сентябрьскій походъ съ цѣлью въ концѣ октября овладѣть Петербургомъ. Кромѣ того, направляясь по тверской дорогѣ, Кутузовъ отдѣлялся отъ всѣхъ своихъ запасныхъ силъ; непріятель овладѣвалъ всею страною до Чернаго моря. Я спросилъ Кутузова, не думаетъ ли онъ направиться по калужской дорогѣ, по которой шли запасы изъ внутреннихъ губерній. Онъ отвѣчалъ мнѣ уклончиво. Онъ сказалъ, что послѣ Бородинскаго сраженія корпусъ короля неаполитанскаго принялъ это направленіе, и что онъ желалъ бы избѣгнуть встрѣчи съ нимъ. Потомъ онъ началъ пустословить о сраженіи, которое онъ дастъ; просилъ меня пріѣхать послѣзавтра съ архіепископомъ и двумя чудотворными иконами Божіей Матери. Онъ говорилъ, что желалъ бы пронести ихъ по всѣмъ войскамъ, чтобы духовенство прочло молитвы и окропило бы святою водою всѣхъ воиновъ; просилъ прислать ему нѣсколько бутылокъ вина; увѣрялъ меня, что завтра ничего не будетъ, «ибо (прибавилъ онъ) я знаю методу Наполеона: сегодня вечеромъ онъ остановится, цѣлый день дастъ отдохнуть войскамъ, послѣзавтра развѣдаетъ мѣстность и на слѣдующій день сдѣлаетъ нападеніе»...

Мы возвратились съ нимъ къ огню, гдѣ собрались и спорили генералы. Дохтуровъ, которому приходилось начальствовать лѣвымъ флангомъ, пришелъ доложить, что не было возможности провести артиллерію по причинѣ крутыхъ береговъ рѣки и крутой горы. Я разговаривалъ съ Барклаемъ, который сказалъ мнѣ: «Вы видите, что хотятъ дѣлать! Если сдѣлаютъ глупость и будутъ сражаться на этомъ мѣстѣ, единственное, чего я желаю—это, чтобы меня убили». Беннигсенъ [1]), котораго я не видалъ съ кончины императора Павла, подошелъ ко мнѣ. Я превозмогъ ужасъ, который внушалъ мнѣ этотъ глава враговъ моего благодѣтеля, и я узналъ отъ него, что онъ не вѣритъ сраженію, которое возвѣщалъ Кутузовъ; что они сами еще не знали, сколько находится войска въ строю, что отступленіе необходимо, и что за нимъ послѣдуетъ занятіе Москвы непріяте-

---

[1]) Одинъ изъ участниковъ убійства Павла I.

Гр. Ѳ. В. Ростопчинъ.

лемъ. Солдаты были мрачны, офицеры унылы. Смятеніе было страшное; каждый давалъ свои совѣты; вездѣ спорили...

Въ 11 часовъ мнѣ доложили о пріѣздѣ герцога Виртембергскаго и принца Августа Ольденбургскаго. Одинъ былъ генералъ-аншефъ, другой—генералъ-лейтенантъ; оба состояли при арміи. Они пріѣхали звать меня, чтобы я вмѣстѣ съ ними отправился къ Кутузову и убѣждалъ его не оставлять Москвы и дать сраженіе. Объясненіе мое было короткое. Я спросилъ, на военномъ совѣтѣ настаивали ли они на необходимости драться. Они отвѣчали мнѣ, что не были даже приглашены на совѣтъ. Тогда я замѣтилъ Ихъ Высочествамъ, что, будучи—одинъ дядею, другой двоюроднымъ братомъ Государя, они гораздо болѣе меня имѣютъ право заставить Кутузова перемѣнить намѣреніе; что, кромѣ того, у меня до утра столько дѣла, что я не могу пожертвовать 5 часами на поѣздку, которая, какъ я предвижу, будетъ безполезна. Ихъ Высочества сказали мнѣ, что они были у фельдмаршала, но что Кутузовъ спалъ, и ихъ не допустили. Послѣ сильныхъ жалобъ и осужденій главнокомандующаго они оставили меня, проникнутые горестію и озадаченные оставленіемъ Москвы.

Мой ординарецъ возвратился и сказалъ мнѣ, что Милорадовичъ съ нашимъ аріергардомъ проѣхалъ по Арбату, и что за нимъ долженъ слѣдовать непріятельскій авангардъ. Я сѣлъ на лошадь и поѣхалъ къ Рязанской заставѣ. Подлѣ Яузскаго моста я встрѣтилъ князя Кутузова съ его приближенными. Я поклонился и не хотѣлъ вступать съ нимъ въ разговоръ; но онъ, привѣтствуя меня (что могло показаться насмѣшкою), сказалъ: «могу васъ увѣрить, что я не удалюсь отъ Москвы, не давъ сраженія». Я ничего не отвѣчалъ: отвѣчать на вздоръ было бы глупо.

Прежде чѣмъ я доѣхалъ до Яузскаго моста, я былъ остановленъ нѣсколькими офицерами, которые шли пѣшкомъ и были

ранены. Они попросили меня дать имъ денегъ. Я отдалъ все, что со мною было, но желалъ бы дать гораздо болѣе. Они благодарили меня со слезами на глазахъ. У меня текли слезы: мнѣ было горько видѣть израненныхъ офицеровъ, принужденныхъ просить милостыню, чтобы не умереть съ голоду.

Пріѣхавъ къ заставѣ, я съ трудомъ могъ пробраться: столько столпилось каретъ и войскъ, спѣшившихъ выйти изъ города. Въ ту минуту, когда я выѣзжалъ за заставу, раздались три пушечные выстрѣла, разгонявшіе толпу. Выстрѣлы эти были знакомъ, что непріятель занялъ столицу, и возвѣстили мнѣ, что я уже больше не градоначальникъ. Я оборотилъ лошадь и благоговѣйно поклонился этому первому городу Русской Имперіи. Въ ней я родился, былъ ея охранителемъ; долгъ мой былъ исполненъ, совѣсть моя была чиста; но горесть сжимала меня, и я принужденъ былъ завидовать русскимъ, убитымъ подъ Бородинымъ: они не были, по крайней мѣрѣ, свидѣтелями торжества Наполеона.

Мои воспоминанія о 1812 годѣ.

Автобіографическая записка П. А. Тучкова.

Извѣстная своимъ правдолюбіемъ и трагической судьбой семья Тучковыхъ (коренные москвичи) выдвинула нѣсколько крупныхъ дѣятелей Отечественной войны. Одинъ изъ нихъ Павелъ Алексѣевичъ, впослѣдствіи предсѣдатель Комиссіи прошеній и членъ Государственнаго Совѣта († 1858), оставилъ свои безхитростныя, полныя суровой правды и благороднаго патріотизма, записки о пережитомъ [1]). Онѣ даютъ прекрасную, хотя и сжатую, картину военныхъ событій до взятія Смоленска. Подъ Смоленскомъ Тучковъ попалъ, раненый, въ плѣнъ, и съ этого момента его личныя наблюденія прекращаются. Большой историческій интересъ представляетъ его разговоръ съ Наполеономъ, во весь ростъ, со всѣми его сильными и слабыми сторонами, рисующій яркую фигуру «великаго корсиканца».

Передъ началомъ кампаніи 1812 года я былъ бригаднымъ генераломъ 2-й бригады 17-й пѣхотной дивизіи. Бригаду мою составляли: Бѣлозерскій и Вильманстрандскій пѣхотные полки; бригада находилась, какъ и вся дивизія наша, во 2-мъ пѣхотномъ корпусѣ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Багговута. Корпусъ расположенъ былъ близъ мѣстечка Янова, по правому берегу рѣки Виліи; бригадная моя квартира была въ селеніи Забѣлинѣ, принадлежащемъ графу Воловичу.

Хотя всѣ увѣрены были, что война съ французами неизбѣжна, ибо знали, что Наполеонъ самъ прибылъ уже къ войскамъ своимъ, приближавшимся къ границамъ нашимъ; но пріѣздъ въ Вильну адъютанта его генерала Нарбонна и отъѣздъ генералъ-адъютанта Балашова къ Наполеону подавали какую-то надежду, что на-

---

[1]) Онѣ были напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ“ 1873 г.

чавшіеся переговоры могутъ отклонить, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время, военныя дѣйствія, какъ вдругъ 13 числа іюня, въ три или четыре часа пополудни, получаю я повелѣніе отъ генерала Багговута, чтобы безъ малѣйшей медленности съ бригадою моею идти къ мѣстечку Оржанишки и, принявъ подъ начальство мое находившіяся тамъ войска, защищать устроенный на рѣкѣ Виліи близъ онаго мѣстечка мостъ (въ концѣ повелѣнія генералъ Багговутъ приписалъ своей рукой: «скажу вамъ, что вчерашній день непріятель перешелъ чрезъ Нѣманъ и занялъ городъ Ковно»); въ случаѣ же невозможности защитить оный, сжечь, не допуская никакъ непріятеля овладѣть переправою. Собравъ расположенные по разнымъ селеніямъ полки мои и артиллерію, выступилъ я съ оными къ назначенному пункту и на разсвѣтѣ 14 числа прибылъ въ мѣстечко Оржанишки, гдѣ нашелъ три роты артиллеріи, Курляндскій драгунскій полкъ и команду гвардейскаго морского экипажа, состоявшую изъ одного унтеръ-офицера и 12 человѣкъ рядовыхъ, подъ командою мичмана Валуева, кои находились тутъ при построеніи вышеописаннаго моста чрезъ Вилію. По прибытіи моемъ на мѣсто, тотчасъ занялся я расположеніемъ артиллеріи, дабы въ случаѣ непріятельскаго нападенія могла оная съ выгодою дѣйствовать. Нашъ берегъ рѣки былъ выше и командовалъ противулежащимъ, а потому вся артиллерія и поставлена была по оному; по другую же сторону рѣки оставлены были только одни извѣщательные посты. Между тѣмъ приказалъ я мичману Валуеву собрать сколь можно болѣе соломы, сухого хвороста и смоляныхъ бочекъ и все оное разложить на мосту, дабы, въ случаѣ надобности, можно было въ самой скорости исполнить предписаніе корпуснаго командира; тѣмъ болѣе сіе нужно было, что пловучій мостъ былъ построенъ изъ толстыхъ сплоченныхъ сосновыхъ бревенъ, кои, бывъ напитаны водою, скоро горѣть не могли.

Въ два часа пополудни получилъ я повелѣніе зажечь мостъ и, по совершенномъ истребленіи онаго, отступить со всѣмъ отрядомъ и присоединиться къ корпусу, оставя для надзора и извѣщенія о движеніяхъ непріятеля по берегу рѣки Виліи Курляндскій драгунскій полкъ, что мною и было исполнено въ точности: мостъ зажженъ, и когда былъ совершенно истребленъ, то я, отступя отъ мѣстечка Оржанишки верстъ восемь, нашелъ весь второй корпусъ уже собравшимся, къ коему и присоединился. Въ тотъ же день, вслѣдствіе повелѣнія главнокомандующаго арміями генерала-отъ-инфантеріи Барклая-де-Толли, начали мы отступленіе наше чрезъ селеніе Лабонари и другія къ мѣстечку Колтынямъ, куда и прибыли 17 числа; 18 число оставались на мѣстѣ, но въ ночь выступили по дорогѣ къ городу Дриссѣ. При вступленіи нашемъ приказано было мнѣ сжечь вновь выстроенные въ Колтыняхъ провіантскіе магазины, наполненные провіантомъ, что мною и было сдѣлано: болѣе чѣмъ на милліонъ руб. хлѣба истреблено огнемъ въ нѣсколько часовъ.

Вся 1-я армія, кромѣ 1-го корпуса, бывшаго подъ начальствомъ генер.-отъ-кавалеріи гр. Витгенштейна, 29 іюня соединилась въ укрѣпленномъ лагерѣ подъ городомъ Дриссою, на обѣихъ сторонахъ рѣки Двины расположенномъ. Тутъ я получилъ повелѣніе, не доходя главной позиціи версты за двѣ, остановиться съ ввѣренною мнѣ бригадою на большой дорогѣ и состоять подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта графа Палена 2-го, коему ввѣ-

рено было начальство надъ аріергардами арміи, расположенной въ укрѣпленномъ лагерѣ при городѣ Дриссѣ.

Укрѣпленія лагеря сего на лѣвомъ берегу рѣки Двины состояли изъ шести редутовъ, прикрывавшихъ фронтъ арміи; оба фланга примыкали къ Двинѣ, ибо рѣка обтекала мѣсто сіе дугою. Для соединенія съ правымъ берегомъ позади позиціи были устроены чрезъ рѣку четыре моста и для защищенія оныхъ—мостовыя укрѣпленія. Все сіе было построено задолго еще предъ начатіемъ военныхъ дѣйствій, съ большимъ тщаніемъ и издержками, и хотя главнокомандующій объявилъ приказомъ своимъ по арміи, что надѣется на мѣстѣ семъ ископать непріятелю могилу, но за всѣмъ тѣмъ всякій видѣлъ неудобство сего столь тщательно укрѣпленнаго лагеря; ибо, оставляя уже то, что въ тылу арміи протекала столь значительная рѣка, какова Двина, и чрезъ которую переправа, въ случаѣ потери сраженія, могла бы быть весьма затруднительна и что весь фронтъ позиціи нашей закрывалъ густой лѣсъ, могущій во время сраженія совершенно скрывать всѣ движенія непріятеля, но онъ могъ переправиться чрезъ Двину и выше и ниже сего мѣста и симъ однимъ движеніемъ заставить насъ оставить укрѣпленія наши, воздвигнутыя съ столь многими трудами и издержками.

Въ это время былъ назначенъ начальникомъ штаба арміи генералъ-лейтенантъ Паулуччи, который, я помню, отдавая по службѣ мнѣ нѣкоторыя приказанія и говоря объ лагерѣ, безпрестанно ошибался будто бы, называя оный вмѣсто лагеря подъ Дриссою лагеремъ подъ Пирною, давая тѣмъ понимать худое его объ ономъ мнѣніе и что съ нами можетъ то же случиться, что съ саксонцами подъ Пирною [1]).

Не знаю, кому, ему ли, Паулуччи, или другому кому, обязаны мы тѣмъ, что оставили сію позицію, не ожидая на оной непріятеля, и что, несмотря на отданный приказъ главнокомандующаго, которымъ онъ торжественно объявилъ, что болѣе не уступитъ уже ни на шагъ земли непріятелю, 2 числа іюля армія отступила чрезъ Двину, по дорогѣ къ Полоцку. Мнѣ приказано было принять начальство надъ всѣми войсками, оставшимися еще по отступленіи арміи въ мостовыхъ укрѣпленіяхъ, и, въ случаѣ нападенія, удерживать оныя до прибытія войскъ перваго корпуса, подъ командою генерала Витгенштейна, но какъ непріятель еще не показывался, а 1-й корпусъ прибылъ, то я въ тотъ же день, оставя укрѣпленія, присоединился къ арміи, съ коею и слѣдовалъ уже чрезъ Полоцкъ до города Витебска, куда и прибыли мы 11 числа іюля мѣсяца.

Армія, пришедъ въ Витебскъ, расположилась на бивакахъ по обѣ стороны рѣки Двины. Второй нашъ корпусъ и второй кавалерійскій оставались на правомъ берегу при самомъ городѣ; прочія же войска, перейдя рѣку, расположились по дорогѣ, идущей на мѣстечко Бѣшенковичи.

Хотя витебскіе провіантскіе магазины и наполнены были мукою, но для перепеченія оной и изготовленія для арміи сухарей никакихъ предварительныхъ мѣръ взято не было; а потому приказано было отрядить изъ полковъ значительное число людей для печенія хлѣбовъ и сушенія сухарей; вся же армія 12 и 13

---

[1]) Въ началѣ Семилѣтней войны, когда саксонцы при подобныхъ условіяхъ были разбиты.

Генералъ Маіоръ Князь
БАГРАТІОНЪ,
въ Италіи и въ Швейцаріи 1799

чиселъ оставалась подъ Витебскомъ безъ движенія. 13 числа главнокомандующій Барклай-де-Толли отрядилъ корпусъ генерала Остермана-Толстого по дорогѣ къ Островнѣ, съ тѣмъ, чтобы, открывъ непріятеля, удерживать приближеніе его къ Витебску. Составлявшіе авангардъ сего корпуса два эскадрона лейбъ-гвардіи гусарскаго полка съ одною конно-артиллерійскою ротою неосторожно нашли близъ Островны на непріятеля и, бывъ опрокинуты имъ, потеряли шесть артиллерійскихъ орудій, доставшихся въ руки непріятеля. Корпусъ генерала графа Остермана-Толстого вступилъ въ дѣло съ авангардомъ непріятельской арміи, бывшимъ подъ начальствомъ неаполитанскаго короля Мюрата, которое продолжалось во весь тотъ день съ большею потерею людей съ обѣихъ сторонъ, но безъ всякаго успѣха. Здѣсь потеряли мы, къ сожалѣнію всей арміи, между прочими убитыми генералъ-маіора Окулова, офицера весьма храбраго и достойнаго.

14 числа отряженъ былъ генералъ-лейтенантъ Коновницынъ съ командуемою имъ дивизіею и частію кавалеріи для смѣны графа Остермана-Толстого, который и вступилъ въ дѣло съ непріятелемъ; но, бывъ гораздо малочисленнѣе его, принужденъ былъ отступить до деревни Комарки, гдѣ былъ подкрѣпленъ генералъ-лейтенантомъ Тучковымъ 1-мъ, пришедшимъ туда, по приказанію главнокомандующаго, съ гренадерскою дивизіею.

Съ 14 на 15 число іюля, въ ночь, приказано было всей арміи занять позицію по правую сторону рѣчки Лучицы, а генералъ-лейтенанту графу Палену 2-му принять начальство надъ авангардомъ оной. Но главнокомандующій, получа извѣстіе отъ князя Багратіона, что Могилевъ уже непріятелемъ занятъ и что онъ съ ввѣренною ему арміею не можетъ соединиться съ нами иначе, какъ только подъ Смоленскомъ, приказалъ 1-й арміи, оставя занятую уже позицію, слѣдовать по дорогѣ къ городу Порѣчью. Непріятель, видя все движеніе арміи, атаковалъ сильно аріергардъ нашъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта графа Палена 2-го состоявшій; но благоразумными мѣрами сего генерала и храбростію войскъ нашихъ, несмотря на превосходство силъ непріятельскихъ, былъ удержанъ, и аріергардъ нашъ отступилъ въ большомъ порядкѣ, прикрывая движеніе арміи.

Я, выступая съ бригадою моею и съ прочими войсками второго корпуса и отойдя отъ Витебска верстъ 15, получилъ повелѣніе корпуснаго моего командира (вслѣдствіе предписанія главнокомандующаго арміями) возвратиться къ аріергарду и заступить мѣсто генералъ-адъютанта барона Корфа, по случаю приключившейся ему болѣзни; почему одинъ, съ адъютантомъ моимъ, принужденъ былъ ѣхать обратно по дорогѣ къ Витебску.

Дорога сія на всемъ протяженіи ея была покрыта обозами и бѣгущими изъ города жителями, спасавшимися отъ непріятеля. Къ вечеру подъѣхалъ я подъ самый городъ, и хотя встрѣчающіеся со мною жители и увѣряли, что непріятель уже занялъ городъ, но я, не давая въ томъ имъ полной вѣры и желая скорѣе прибыть къ мѣсту моего назначенія, въѣхалъ уже въ предмѣстье онаго, какъ раздавшіеся выстрѣлы въ самомъ городѣ подтвердили мнѣ справедливость показаній ихъ. Посему, своротя съ большой дороги вправо, поѣхалъ я полями отыскивать аріергардъ нашъ. Адъютантъ мой, не помню какимъ образомъ, отсталъ отъ меня, такъ что я, оставшись совершенно одинъ, былъ въ безпрестанной опасности вмѣсто своихъ наѣхать на какой-

нибудь непріятельскій отрядъ, тѣмъ болѣе, что мнѣ совсѣмъ неизвѣстно было не только положеніе нашего аріергарда, но даже куда онъ при отступленіи своемъ взялъ направленіе. Смотря во всѣ стороны и разглядывая пристально всѣ предметы, представляющіеся глазамъ моимъ въ пространныхъ равнинахъ, окружающихъ городъ Витебскъ, увидѣлъ я, наконецъ, въ довольно далекомъ разстояніи идущую кавалерію, и хотя по соображенію движеній войскъ и могъ предполагать, что кавалерія сія принадлежала къ нашему аріергарду, но легко, однакоже, могло случиться, что и непріятель, занявъ уже окрестности города, отрядилъ оную для прикрытія своего фланга или для преслѣдованія нашего аріергарда; подъѣхавъ же ближе, я могъ разсмотрѣть, что въ головѣ колонны шли уланы; но чьи они были, наши ли или непріятельскіе, сіе оставалось для меня не рѣшеннымъ, ибо и польскіе уланы были въ такихъ же почти мундирахъ, какъ и наши, и я могъ оныхъ принять за своихъ. Къ счастію, усмотрѣлъ я, что за уланами слѣдовали гусары, въ сѣрыхъ мундирахъ, и какъ я зналъ, что въ аріергардѣ нашемъ былъ Елисаветградскій гусарскій полкъ въ таковыхъ мундирахъ, то, увѣренный, что отрядъ сей принадлежалъ къ числу войскъ нашихъ, смѣло поѣхалъ къ онымъ, гдѣ и нашелъ генералъ-адъютанта барона Корфа, съ отрядомъ коего и слѣдовалъ уже до города Порѣчья.

Главная квартира 1-й арміи расположена была въ самомъ городѣ Порѣчьѣ; мнѣ же съ отрядомъ, состоявшимъ изъ двухъ пѣхотныхъ и одного егерскаго полка, приказано было, не доходя до города версты за три, занять позицію, каковая мною и была избрана близъ корчмы, стоящей на большой дорогѣ, подлѣ которой отрядъ мой и расположился на бивакахъ.

Ночью услышали мы непомѣрный крикъ въ городѣ, гдѣ расположена была главная квартира, и даже громкое «ура» раздавалось въ ночной тишинѣ. Я не зналъ, къ чему сіе можно было отнести, а потому, приказавъ отряду моему стать къ ружью, послалъ адъютанта моего узнать о причинѣ сего крика. Чрезъ полчаса возвратился онъ ко мнѣ и донесъ, что это не что иное было, какъ то, что разныхъ полковъ люди, найдя оставленные откупщиками винные подвалы и выкатя изъ оныхъ бочки съ виномъ, праздновали счастливую свою находку; но шумъ скоро былъ прекращенъ, и все вошло въ прежнюю тишину и порядокъ.

На другой день армія выступила по дорогѣ къ Смоленску, куда прибывъ 20 числа іюля и найдя уже тутъ вторую нашу армію, подъ начальствомъ генерала-отъ-инфантеріи князя Багратіона, расположилась биваками на правомъ берегу рѣки Днѣпра.

Съ 20 по 26 число іюля армія оставалась безъ всякаго дѣйствія, и непріятель насъ не безпокоилъ. Провіантскіе магазины въ Смоленскѣ, такъ же какъ и въ Витебскѣ, были наполнены провіантомъ; но и здѣсь, какъ и тамъ, не было принято никакихъ заблаговременно мѣръ къ изготовленію сухарей,—а потому отданнымъ по арміи приказомъ велѣно было съ каждаго полка откомандировать сначала по 60 человѣкъ, а потомъ и еще по 100, для печенія хлѣбовъ и сушки сухарей. Сія откомандировка изъ фронта людей была для полковъ весьма чувствительна, тѣмъ болѣе, что и безъ того полки потеряли уже много оныхъ, ибо при началѣ отступленія арміи отъ границъ нашихъ сперва всѣ поляки, потомъ литовцы, а, наконецъ, и бѣлорусцы, въ ночные

переходы полковъ, отставая отъ оныхъ, возвращались въ домы свои; и можно навѣрное положить, что, съ начала отступленія отъ границъ нашихъ до Смоленска, армія потеряла такимъ образомъ изъ фронта болѣе 10.000 человѣкъ. Наконецъ, заготовя провіантъ на трое сутокъ, обѣ арміи, подъ командою военнаго министра Барклая-де-Толли, 26 іюля выступили тремя колоннами къ селенію Руднѣ, съ намѣреніемъ напасть на непріятеля, который, безъ магазиновъ и по весьма скудному отъ земли продовольствію, долженъ былъ растянуть войска свои по частямъ на большое пространство. Мнѣ приказано было принять команду надъ отрядомъ генералъ-маіора князя Шаховского, состоявшимъ изъ двухъ полковъ егерей, одного гусарскаго, одного казачьяго и шести орудій конной артиллеріи, и съ отрядомъ онымъ занять селеніе Касплю. Флигель-адъютантъ Е. И. В. Михайло Орловъ былъ прикомандированъ къ отряду сему, въ должность оберъ-квартирмейстера. Сіе движеніе армій нашихъ, конечно, должно бы было увѣнчаться блистательнымъ успѣхомъ, еслибъ предпріятіе это было выполнено, ибо въ то самое время (какъ узналъ я послѣ) вся непріятельская армія тянулась боковымъ маршемъ отъ Двины къ Днѣпру, по чрезвычайно дурнымъ лѣснымъ и почти непроходимымъ дорогамъ, такъ что артиллерія ея и обозы съ великимъ трудомъ и съ помощію только людей могли по онымъ слѣдовать.

27 числа арміи достигли: 1-я до Инкова, 2-я до Надьбы; но вдругъ главнокомандующій арміями, получа какое-то извѣстіе, будто бы непріятель, сосредоточивъ всѣ силы свои на дорогѣ къ Порѣчью, идетъ по оной на Смоленскъ, приказалъ 1-й арміи поспѣшать обратно на защиту онаго. Мы, возвратясь къ Смоленску, не нашли тамъ никакого непріятеля и, простоявъ понапрасну еще трое сутокъ и не видавъ никого, 1 числа августа опять пошли тою же дорогою къ Инкову и Касплѣ и, пришедъ на мѣста прежней позиціи, за три дня предъ тѣмъ нами оставленной, расположились на бивакахъ. Во время сихъ неудачныхъ нашихъ переходовъ съ мѣста на мѣсто непріятель, пользуясь бездѣйствіемъ нашимъ, собралъ всѣ войска свои и, переправясь чрезъ Днѣпръ при Розойнѣ, напалъ на генерала Невѣровскаго, занимавшаго съ отрядомъ своимъ городъ Красный, и, опрокинувъ его, преслѣдовалъ по большой смоленской дорогѣ до самыхъ почти стѣнъ города. Главнокомандующій арміями, получа о томъ извѣстіе, приказалъ войскамъ поспѣшить обратно на защиту Смоленска; обѣ арміи, прибывъ туда въ третій уже разъ, заняли прежнюю позицію и расположились подъ городомъ на бивакахъ по правую сторону рѣки Днѣпра.

Возвращаясь съ отрядомъ моимъ и не доходя еще до Смоленска верстъ за десять, на разсвѣтѣ дня, услышали мы пушечные выстрѣлы; скоро потомъ и ружейный огонь ознаменовалъ намъ, что мы приближаемся къ мѣсту сраженія; когда же взошли на высоты берега Днѣпра, то увидѣли, можно сказать, подъ ногами нашими всѣ движенія непріятеля и усилія его завладѣть городомъ, а равно и оборону войскъ нашихъ. Какъ люди ни утомлены были ночнымъ переходомъ, болѣе тридцати верстъ нами сдѣланнымъ, но никто не думалъ объ отдыхѣ; глаза всѣхъ въ теченіе цѣлаго дня обращаемы были на мѣсто сраженія, представлявшагося намъ въ видѣ панорамы. Непріятельская армія облегала укрѣпленія города, по лѣвую сторону

Кн. М. И. Кутузовъ-Смоленскій.

Днѣпра лежащія, и образовала большое полукружіе, коего оба фланга примыкали къ Днѣпру.

5 числа августа во весь день были мы свидѣтелями весьма жаркаго сраженія подъ стѣнами Смоленска. Непріятель отчаянно нападалъ и старался овладѣть укрѣпленіями то съ одной, то съ другой стороны города; самое же большое его стремленіе было на такъ называемыя Малаховскія городскія ворота; во весь день артиллерія его не переставала стрѣлять по городу и кидать въ оный гранаты. Къ вечеру весь городъ пылалъ (строеніе большею частію было деревянное); даже окружавшія городъ старинныя каменныя башни—все было въ огнѣ, все пылало. Вечеръ былъ прекраснѣйшій, не было ни малѣйшаго вѣтра; огонь и дымъ, восходя столбомъ, разстилалися подъ самыми облаками. Несмотря, однако, на громъ пушекъ, ружейную пальбу, шумъ и крикъ сражающихся, благочестіе русскаго народа нашло для себя утѣшеніе въ храмѣ Предвѣчнаго. Въ восемь часовъ вечера въ соборной церкви и во всѣхъ приходскихъ раздавался колокольный звонъ. Это было наканунѣ праздника Преображенія Господня. Уже колокольни и даже самыя церкви пылали, но всенощное молебствіе продолжалось. Никогда столь усердныхъ молитвъ предъ престоломъ Всевышняго не совершалось, какъ въ сей роковой часъ города. Всѣ только молились, не помышляя о спасеніи своихъ имуществъ и жизни, какъ бы въ упрекъ непріятелю, что наградою для него будетъ одинъ пепелъ. Наконецъ все утихло; кромѣ пожирающаго пламени и треску разрушавшихся строеній, ничто не нарушало тишины. Непріятель прекратилъ нападеніе и занялъ прежнюю позицію вокругъ городскихъ укрѣпленій. Въ городѣ уже никого не оставалось, кромѣ защищавшихъ оный войскъ: всѣ жители, оставя дома свои и имущества на жертву непріятелю, удалились изъ города. Въ продолженіе всего того дня дороги, ведущія въ Россію, покрыты были несчастными жителями, убѣгавшими отъ непріятеля: старики съ малолѣтними, женщины съ грудными дѣтьми—все бѣжало, не зная сами куда и что будетъ съ ними. Намъ оставалось одно только утѣшеніе, что непріятель былъ совершенно отбитъ на всѣхъ пунктахъ съ большою для него потерею. Да и съ нашей стороны оная была значительна; мы потеряли (какъ говорили) убитыми болѣе шести тысячъ человѣкъ, въ томъ числѣ достойныхъ генераловъ: Скалона и Баллу; непріятель же потерялъ болѣе 20 тысячъ человѣкъ. Отъ плѣнныхъ узнали мы, что у нихъ между прочими въ тотъ день убитъ былъ генералъ Грабовскій и ранены генералъ Заіончикъ и многіе другіе.

На другой день всѣ полагали, что битва подъ стѣнами Смоленска будетъ возобновлена; но вдругъ неожиданно, въ 12 часовъ ночи, армія получила приказаніе, оставя городъ и большую московскую дорогу, перейти на правую сторону Днѣпра и занять высоты, находящіяся въ двухъ или трехъ верстахъ отъ города.

Бывшія войска въ городѣ и на лѣвомъ берегу рѣки, перейдя въ самомъ городѣ чрезъ мостъ, шли на назначенныя имъ мѣста; полки же дивизіи нашей, составлявшіе наканунѣ резервъ войскъ, бывшихъ въ дѣлѣ, бывъ приближены къ самому городу, въ взводныхъ сомкнутыхъ колоннахъ, оставались еще на мѣстахъ своихъ; ружья были составлены, и люди лежали при нихъ на землѣ; вдругъ пули непріятельскія на насъ посыпались, ибо не-

пріятель, видя отступленіе наше, кинулся въ городъ и, перейдя чрезъ рѣку въ С.-Петербургское предмѣстье, выслалъ противъ насъ стрѣлковъ своихъ. Прежде чѣмъ мы поспѣли стать въ ружье, нѣсколько человѣкъ было ранено, а подо мною верховая лошадь. Главнокомандующій отрядилъ генералъ-адъютанта барона Корфа удерживать непріятеля, который, прогнавъ его за рѣку, занялъ опять С.-Петербургское предмѣстье; мы же отступили на назначенныя намъ мѣста по диспозиціи.

6 числа августа армія весь день провела на позиціи въ колоннахъ, въ боевомъ порядкѣ; всѣ ожидали, что главнокомандующій рѣшится, наконецъ, на семъ мѣстѣ дать непріятелю

Гр. Л. Л. Беннигсенъ.

генеральное сраженіе. Но въ шесть часовъ вечера я получилъ приказаніе явиться въ главную квартиру. По прибытіи туда встрѣтилъ меня генералъ-маіоръ Ермоловъ, исправлявшій тогда должность начальника штаба арміи, и, отдавъ мнѣ диспозицію главнокомандующаго объ отступленіи арміи по дорогѣ къ Москвѣ [1]), объявилъ повелѣніе его принять начальство надъ авангардомъ первой колонны, составленнымъ изъ Елисаветградскаго и Изюмскаго гусарскихъ полковъ, пѣхотнаго Ревельскаго, егерскихъ: 20-го и 21-го, и роты конной артиллеріи, съ коимъ я долженъ былъ слѣдовать проселочною дорогою на селенія: Крыхоткино, Гедеоново, Карелье, Писарцы, Ступино и Бредихино, на большую дорогобужскую дорогу. Первая армія должна была идти двумя колоннами, изъ коихъ первую составляли: 2-й, 3-й

[1]) Подлинникъ оной, за подписаніемъ начальника штаба г.-м. Ермолова, сохранился у меня и по сію пору.

и 4-й пѣхотные и 1-й резервный кавалерійскій корпуса, подъ начальствомъ брата моего г.-лейтенанта Тучкова 1-го; эта колонна должна была по диспозиціи слѣдовать за отрядомъ моимъ въ четырехъ верстахъ; вторая же колонна, составленная изъ 5-го и 6-го пѣхотныхъ, 2-го и 3-го кавалерійскихъ и 1-го кирасирскаго корпусовъ, подъ командою генерала Дохтурова, за отрядомъ генералъ-маіора Невѣровскаго, должна была идти на селенія: Соколино, Пайсалово, Маршулки, Сущово до Прудища. Вторая армія, подъ начальствомъ князя Багратіона, должна была продолжать отступленіе по дорогѣ къ Дорогобужу.

Въ 8 часовъ вечера выступилъ я съ отрядомъ моимъ, коего авангардъ составлялъ Елисаветградскій гусарскій полкъ и два орудія конной артиллеріи, подъ начальствомъ генералъ-маіора Всеволожскаго; прочіе полки егерскіе, подъ начальствомъ генералъ-маіора князя Шаховского, и Ревельскій пѣхотный подъ начальствомъ шефа онаго, родного брата моего, генералъ-маіора Тучкова 4-го, шли со мною.

Проселочная дорога, по которой отрядъ мой и 1-я колонна арміи должны были слѣдовать, пролегала во многихъ мѣстахъ чрезъ лѣса и болотные ручьи, чрезъ которые хотя и были мосты, но весьма ветхіе и сдѣланные только для проѣзда крестьянскихъ телѣгъ, такъ что при первомъ переходѣ артиллерійскихъ орудій и кавалеріи оные должно было поправлять и даже вновь перемащивать, разбирая для сего близлежащія крестьянскія строенія, что весьма затрудняло и останавливало ходъ отряда и 1-й колонны арміи.

7 числа августа, около 8 часовъ утра, вышелъ я на большую московскую дорогу, и хотя по предписанію, полученному мною отъ начальника штаба, слѣдовало мнѣ идти прямо на селеніе Бредихино, но, къ удивленію моему, видѣлъ я, что Бредихино отстояло отъ мѣста соединенія дорогъ, гдѣ мы вышли на большую московскую, нѣсколько верстъ далѣе отъ Смоленска, такъ что, еслибы я выполнилъ въ точности данное мнѣ предписаніе, то открылъ бы непріятелю сей столь важный пунктъ, и непріятель, придя на оный, отрѣзалъ бы всю ту часть войскъ нашихъ и тяжестей, кои, слѣдуя по проселкамъ, не успѣли бы еще выйти на большую московскую дорогу. Потому я и рѣшился, вмѣсто того, чтобъ идти влѣво къ Бредихину, поворотить вправо по дорогѣ къ Смоленску, съ тѣмъ, чтобъ, найдя впереди удобное мѣсто къ оборонѣ, занять позицію и, тѣмъ прикрывъ соединеніе дорогъ, дать время колоннѣ, за мною слѣдующей, выйти на большую дорогу. А какъ генералъ-маіоръ Всеволожскій съ авангардомъ отряда моего, слѣдуя въ точности предписанію начальства, вышедъ на большую дорогу, ушелъ въ Бредихино, то я послалъ адъютанта моего поручика Новикова съ повелѣніемъ, чтобы онъ какъ можно скорѣе шелъ назадъ и присоединился ко мнѣ.

Пройдя двѣ или три версты по большой дорогѣ, близъ деревни Латышино, нашелъ я возвышенное мѣстоположеніе, именуемое Валутина гора, которое показалось мнѣ удобнымъ къ занятію позиціи, ибо большая дорога отъ оной шла внизъ по отлогости ея, у подошвы коей протекала небольшая, но довольно грязная и топкая рѣчка Строгань. Берега оной покрыты были частымъ кустарникомъ; далѣе влѣво къ Днѣпру оное мѣсто

отдѣлялось отъ берега болотистой лощиной, доходящей почти до самой рѣки Днѣпра.

Подойдя къ мѣсту сему и не видя еще непріятеля, я приказалъ всему отряду остановиться, дабы дать время отдохнуть людямъ, утомленнымъ весьма труднымъ ночнымъ переходомъ, болѣе десяти часовъ продолжавшимся безъ отдыха; самъ же, объѣхавъ и осмотря мѣстоположеніе, возвратился было къ отряду моему; но тутъ нашелъ исправлявшаго должность генералъ-квартирмейстера арміи полковника Толя, по приглашенію коего, давъ ему изъ-подъ адъютанта моего верховую лошадь, поѣхали мы вмѣстѣ впередъ, дабы осмотрѣть предполагаемую къ занятію позицію, и къ отряду генералъ-маіора Карпова, бывшему впереди насъ съ казаками. По совѣту полковника Толя, я приказалъ занять еще небольшую высоту, лежащую по дорогѣ къ Смоленску, саженяхъ въ двухстахъ отъ Валутиной горы, и отдѣленную отъ оной протекающею рѣчкою Строганью, двумя орудіями конной артиллеріи и эскадрономъ елисаветградскихъ гусаръ, предъ коими по кустамъ разсыпанная рота егерей составляла цѣпь, прикрывавшую высоту сію; 20-му и 21-му егерскимъ полкамъ, подъ командою генералъ-маіора князя Шаховского, приказалъ я занять кусты по обѣимъ сторонамъ дороги по берегу рѣчки Строгани; Ревельскій же пѣхотный полкъ съ конно-артиллеріею, подъ командою генералъ-маіора Тучкова 4-го, оставался на возвышеніи Валутиной горы. Въ семъ положеніи ожидалъ я непріятеля.

Въ 11 часовъ утра непріятель показался. Стрѣлки его вступили въ перестрѣлку съ нашими егерями; занявъ лежащія противъ насъ высоты, онъ открылъ сильную пушечную стрѣльбу по двумъ нашимъ орудіямъ, поставленнымъ на высотѣ съ эскадрономъ гусаръ, подъ прикрытіемъ коей увидѣлъ я идущую на насъ непріятельскую кавалерію. Опасаясь потерять орудія, послѣ нѣскольких сдѣланныхъ изъ оныхъ выстрѣловъ, приказалъ я взять оныя на передки и вмѣстѣ съ гусарами и егерями отступить на главную позицію за рѣчку Строгань, при отступленіи же разобрать мостъ, на ней находящійся, что все было исполнено въ точности, безъ всякой съ нашей стороны потери.

Видя превосходство силъ непріятеля, я послалъ тотчасъ донести о томъ начальствовавшему 1-ю колонною арміи, брату моему генералу-лейтенанту Тучкову 1-му, который зналъ всю важность защищаемаго мною пункта, тѣмъ болѣе, что весь второй нашъ корпусъ, бывъ задержанъ непріятелемъ около Смоленска, тянулся еще по проселочной дорогѣ и не прежде вечера могъ выйти на большую. Онъ прислалъ на подкрѣпленіе мнѣ гренадерскіе полки: лейбъ-гренадерскій и графа Аракчеева, изъ коихъ первый остался на высотахъ при большой дорогѣ, а второй занялъ опушку лѣса влѣво отъ дороги, лежащую позади лощины, отдѣлявшей позицію нашу отъ рѣки Днѣпра.

Непріятель, войдя на высоту, оставленную нами, и устроивъ на оной сильную артиллерійскую батарею, открылъ огонь; но какъ высоты Валутиной горы командовали оною, то огонь его и не могъ дѣлать намъ большого вреда, между тѣмъ какъ наши выстрѣлы гораздо болѣе причиняли ему онаго. Высланные непріятелемъ стрѣлки, сколь ни усиливались выгнать егерей нашихъ изъ занятаго по обѣимъ сторонамъ дороги кустарника, дабы очистить дорогу колоннамъ своимъ, но всѣ усилія ихъ

остались безъ успѣха, и егеря наши, пользуясь мѣстоположеніемъ, не уступали ни на шагъ непріятелю. Вскорѣ потомъ непріятель, построивъ сильную кавалерійскую колонну, повелъ оную прямо по большой дорогѣ, съ намѣреніемъ или овладѣть батареею нашею, или, заставя насъ свезти оную, оставить позицію. Кавалерія его пошла на рысяхъ, несмотря на жестокій пу-

Впередъ ребята за Царя и за отечество я и дѣти мои коихъ приношу въ жертву откроемъ вамъ путь.

шечный и ружейный огонь, нами по ней открытый; но, подъѣхавъ къ разобранному нами мосту и видя невозможность перейти чрезъ рѣчку въ бродъ, подъ сильными картечными выстрѣлами, принуждена была, поворотя назадъ, съ поспѣшностію удалиться, потерпя значительный уронъ.

Непріятель, наблюдая всѣ движенія арміи нашей и зная, какой онъ вредъ могъ бы нанести оной, еслибъ удалось ему заставить

отступить отрядъ нашъ за пунктъ соединенія дорогъ (ибо симъ однимъ движеніемъ онъ могъ бы овладѣть всѣми тяжестями арміи, не вышедшими еще на большую дорогу), безпрестанно умножалъ силы свои подходящими къ нему войсками, а посему и главнокомандующій генералъ-отъ-инфантеріи Барклай-де-Толли, прибывъ самъ на мѣсто сраженія и видя, сколь необходимо было удерживать оное, приказалъ генералъ-адъютанту графу Орлову-Денисову, съ казачьимъ отрядомъ генералъ-маіора Карпова и гусарскими полками Сумскимъ, Маріупольскимъ и Елисаветградскимъ, занять все пространство, влѣво отъ позиціи нашей до рѣки Днѣпра находящееся, ибо вся непріятельская кавалерія, подъ начальствомъ неаполитанскаго короля Мюрата, туда потянулась (какъ видно было), съ тою цѣлію, чтобъ, обойдя лѣвый нашъ флангъ, принудить насъ къ отступленію; но храбрость кавалеріи нашей отряда генерала Орлова-Денисова не позволила ему сіе выполнить. Наконецъ, часовъ въ пять пополудни, маршалъ Ней, устроивъ сильныя пѣхотныя колонны и открывъ съ батарей своихъ жестокій пушечный огонь, повелъ атаку прямо на центръ нашъ, но подоспѣвшіе, по повелѣнію главнокомандующаго арміями, полки подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Коновницына, остановивъ стремленіе непріятеля, заставили его отступить на прежнюю позицію. Послѣ сего, въ продолженіе болѣе двухъ часовъ, непріятель не предпринималъ никакого движенія, и казалось, что на сей разъ все было кончено, какъ вдругъ въ 7 часовъ вечера, когда уже солнце было совсѣмъ на закатѣ, онъ, открывъ жесточайшій пушечный огонь со всѣхъ устроенныхъ имъ батарей, въ центръ нашей линіи сильными колоннами повелъ атаку. Мнѣ дали знать, что непріятель завладѣлъ небольшою деревнею, лежащею подъ правымъ флангомъ нашимъ, почему я, поскакавъ туда и найдя близъ того мѣста пришедшій ко мнѣ на подкрѣпленіе Полоцкій пѣхотный полкъ подъ начальствомъ генералъ-маіора Филисова, приказалъ оному, выгнавъ непріятеля, занять оную деревню попрежнему, что и было исполнено съ успѣхомъ. Между тѣмъ услышалъ я, что батарея наша, находящаяся въ центрѣ позиціи, на большой дорогѣ, совсѣмъ замолкла, почему вся линія стрѣлковъ, занимавшая (какъ выше было сказано) кусты, лежащіе предъ фронтомъ позиціи, не слыша болѣе дѣйствія артиллеріи нашей, начала подаваться назадъ. Прискакавъ на оную батарею, нашелъ я, что всѣ уже орудія были взяты на передки и свезены съ мѣстъ своихъ. На спросъ мой, кто осмѣлился сіе сдѣлать безъ приказанія моего, начальникъ батареи отвѣчалъ мнѣ, что онъ сіе сдѣлалъ по неимѣнію болѣе зарядовъ, ибо зарядные ящики, по приказанію начальства, еще наканунѣ были отправлены впередъ съ обозомъ къ Дорогобужу, дабы чрезъ то сократить длину отступающей арміи; при орудіяхъ же оставлено было только по одному зарядному ящику, изъ которыхъ всѣ заряды выстрѣлены. Я, не полагаясь на слова его, велѣлъ при себѣ открыть всѣ ящики и, найдя, что у двухъ или трехъ орудій оставалось еще по нѣскольку зарядовъ, приказалъ оныя снять съ передковъ и, поворотивъ противъ непріятеля, начать изъ оныхъ дѣйствовать, дабы симъ показать войскамъ нашимъ, находящимся въ цѣпи, что позиція нами не оставлена и что оную слѣдовало еще удерживать; самъ же, поскакавъ на то мѣсто, гдѣ находился главнокомандующій со всѣмъ его штабомъ, дабы объяснить ему все происходившее,

нашелъ его оставляющаго уже позицію вмѣстѣ съ начальникомъ артиллеріи генералъ-маіоромъ графомъ Кутайсовымъ, который на донесеніе мое главнокомандующему о томъ, что артиллерія оставила мѣста свои безъ приказанія по недостатку снарядовъ, увѣрялъ меня, что онъ приказалъ уже другой батарейной ротѣ идти на смѣну тѣхъ орудій и занять тѣ же самыя мѣста, гдѣ первыя находились, на что я ему отвѣчалъ, что это выполнить уже будетъ очень трудно, ибо непріятель, пользуясь отступленіемъ войскъ нашихъ, конечно, взойдетъ и займетъ оставленныя нами высоты, что точно и случилось, ибо онъ, видя подающуюся назадъ цѣпь нашу и что батарея прекратила огонь свой, смѣло пошелъ впередъ и, перейдя рѣчку Строгань, приближался къ позиціи нашей.

А. П. Ермоловъ.

Такъ какъ генералъ-лейтенантъ Коновницынъ, пришедшій по распоряженію главнокомандующаго съ гренадерскими полками на подкрѣпленіе ко мнѣ, былъ по службѣ меня старѣе, то я спросилъ позволенія у него взять одинъ изъ пришедшихъ его полковъ и съ онымъ, спустясь съ высоты позиціи, идти навстрѣчу непріятеля, на что онъ и изъявилъ свое согласіе. А потому, подъѣхавъ къ одному изъ оныхъ, объявилъ я полковому командиру приказаніе его, чтобъ полкъ слѣдовалъ за мною навстрѣчу идущаго непріятеля, но, къ удивленію моему, услышалъ отъ командира того полка разныя отговорки, какъ-то: что люди его очень устали и что ужъ и безъ того много полковъ разстроенныхъ, а его полкъ въ порядкѣ, то потому ему казалось бы лучше сберечь оный, нежели подвергать новой опасности. Я сдѣлалъ ему за сіе выговоръ и, не слушая ничего, приказалъ полку, построенному уже въ колонну, идти за мною, что было и исполнено. Но какъ уже между тѣмъ начало смеркаться и даже было довольно темно (ибо хотя день былъ и ясный, но къ вечеру небо покрылось тонкими облаками, отчего и темнота начала усиливаться), видя же нехорошее расположеніе полкового командира и судя по тому и о прочемъ, не могъ я надѣяться, что полкъ выполнитъ съ успѣхомъ предпріятіе мое; но не могъ и опасаться никакихъ для себя дурныхъ послѣдствій, тѣмъ болѣе, что, бывъ верхомъ, въ случаѣ какой-либо неудачи, я менѣе подвергался опасности, нежели всѣ прочіе. Едва я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ въ головѣ колонны, какъ пуля ударила въ шею моей лошади, отъ чего она, приподнявшись на заднія ноги, упала на землю. Видя сіе, полкъ остановился; но я соскочилъ съ лошади и, дабы ободрить людей, закричалъ имъ, чтобъ шли впередъ за мною, ибо не я былъ раненъ, но лошадь моя, и съ симъ словомъ, ставъ на правый флангъ перваго взвода колонны, по-

велъ оную на непріятеля, который, видя приближеніе наше, остановясь, ожидалъ насъ на себя. Не знаю, отъ чего, но я имѣлъ предчувствіе, что люди заднихъ взводовъ колонны, пользуясь темнотою вечера, могутъ оттянуть и потому шелъ съ первымъ взводомъ, сколько можно укорачивая шагъ, дабы прочіе взводы не могли оттягивать. Такимъ образомъ приближаясь къ непріятелю, уже въ нѣсколькихъ шагахъ, колонна, закричавъ «ура»! кинулась въ штыки на непріятеля. Я не знаю, послѣдовалъ ли весь полкъ за первымъ взводомъ; но непріятель, встрѣтя насъ штыками, опрокинулъ колонну нашу, и я, получа рану штыкомъ въ правый бокъ, упалъ на землю. Въ это время нѣсколько непріятельскихъ солдатъ подскакали ко мнѣ, чтобъ приколоть меня, но въ самую ту минуту французскій офицеръ, по имени Этіенъ, желая имѣть самъ сіе удовольствіе, закричалъ на нихъ, чтобъ они предоставили ему это сдѣлать. «Laissez moi faire, je m'en vais l'achever» [1]), были его слова и съ тѣмъ вмѣстѣ ударилъ меня по головѣ имѣвшеюся въ рукахъ его саблею. Кровь хлынула и наполнила мнѣ вдругъ и ротъ и горло, такъ что я ни одного слова не могъ произнести, хотя былъ въ совершенной памяти. Четыре раза наносилъ онъ гибельные удары по головѣ моей, повторяя при каждомъ: «Ah, je m'en vais l'achever» [2]), но въ темнотѣ и запальчивости своей не видалъ того, что чѣмъ болѣе силился нанести ударъ мнѣ, тѣмъ менѣе успѣвалъ въ томъ, ибо я, упавъ на землю, лежалъ головою плотно къ оной, почему конецъ сабли его, при всякомъ ударѣ упираясь въ землю, уничтожалъ почти оный такъ, что при всемъ усиліи его онъ не могъ мнѣ болѣе сдѣлать вреда, какъ только нанести легкихъ ранъ въ голову, не повредя черепъ. Въ этомъ положеніи казалось, что уже ничто не могло спасти меня отъ очевидной смерти, ибо, имѣя нѣсколько штыковъ упертыми въ грудь мою и видя стараніе господина Этіена лишить меня жизни, ничего не оставалось мнѣ, какъ ожидать съ каждымъ ударомъ послѣдней моей минуты. Но судьбѣ угодно было опредѣлить мнѣ другое. Изъ-за протекавшихъ надъ нами облаковъ вдругъ просіявшая луна освѣтила насъ своимъ свѣтомъ, и Этіенъ, увидя на груди моей Анненскую звѣзду, остановивъ взнесенный уже, можетъ-быть, послѣдній роковой ударъ, сказалъ окружавшимъ его солдатамъ: «Не трогайте его, это—генералъ, лучше взять его въ плѣнъ», и съ симъ словомъ велѣлъ поднять меня на ноги. Такимъ образомъ, избѣжавъ почти неминуемой смерти, попался я въ плѣнъ непріятелю.

Не болѣе какъ чрезъ полчаса довели меня до мѣста, гдѣ находился неаполитанскій король Мюратъ, какъ извѣстно, командовавшій авангардомъ и кавалеріею непріятельской арміи. Мюратъ тотчасъ приказалъ своему доктору осмотрѣть и перевязать раны мои; потомъ спросилъ меня, какъ силенъ былъ отрядъ нашихъ войскъ, бывшихъ въ дѣлѣ со мною, и когда я ему отвѣчалъ, что насъ было въ семъ дѣлѣ не болѣе 15.000, то онъ съ усмѣшкою сказалъ мнѣ: «A d'autres, à d'autres; vous étiez beaucoup plus forts que cela» [3]), на что я ему не отвѣчалъ ни слова. Но когда онъ мнѣ сталъ откланиваться, то я вспомнилъ, что покуда меня вели

---

[1]) Пустите меня, я его прикончу.
[2]) Ахъ, я его прикончу.
[3]) Говорите другимъ, другимъ! Вы были гораздо сильнѣе этого.

до него, то храбрый мой Этіенъ, услыша отъ меня нѣсколько словъ по-французски, началъ меня убѣдительно просить, чтобы, когда я буду представленъ къ неаполитанскому королю, замолвилъ бы объ немъ хотя одно слово, которое, конечно, сдѣлаетъ его счастливымъ. Я, не хотя ему платить зломъ, откланиваясь королю, сказалъ, что имѣю къ нему просьбу. «Какую?—спросилъ король. —Я охотно исполню все, что только можно будетъ».—«Не забыть въ награжденіяхъ офицера сего, который меня къ вамъ представилъ». Король усмѣхнулся и поклонясь сказалъ мнѣ: «Я все сдѣлаю, что только можно будетъ», и на другой день г. Этіенъ былъ украшенъ орденомъ Почетнаго Легіона.

Король приказалъ отправить меня, въ сопровожденіи адъютанта своего, въ главную квартиру императора Наполеона, находившуюся уже въ г. Смоленскѣ. Съ большимъ трудомъ переправились мы чрезъ сожженный нами городской на Днѣпрѣ мостъ, который кое-какъ французами былъ уже исправленъ. Въ глубокую полночь привезли меня въ Смоленскъ и ввели меня въ комнату довольно большого каменнаго дома, гдѣ оставили меня на диванѣ. Чрезъ нѣсколько минутъ вошелъ неизвѣстный мнѣ французскій генералъ и, сѣвъ подлѣ меня, спросилъ меня, не хочу ли я чего-нибудь, и когда я ему сказалъ, что мнѣ чрезвычайно хочется пить, то онъ вышелъ въ другую комнату, принесъ графинъ воды и бутылку краснаго вина; наливъ изъ оныхъ въ стаканъ, подалъ мнѣ пить. Посидѣвъ еще нѣсколько и уговаривая меня, чтобъ я не огорчался положеніемъ моимъ, онъ вышелъ изъ комнаты и оставилъ меня одного въ оной. На другой день я узналъ, что это былъ начальникъ штаба французской арміи маршалъ Бертье, принцъ невшательскій, у коего въ домѣ я находился.

На другой день поутру явился ко мнѣ извѣстный всѣмъ главный докторъ французской арміи Ларрей. Онъ осмотрѣлъ и перевязалъ раны мои, и такъ какъ лично я его не зналъ, то объявилъ мнѣ между прочими своими разсказами, что онъ главный докторъ арміи, что онъ былъ съ Наполеономъ въ Египтѣ и что онъ также имѣетъ генеральскій чинъ. Разспрашивая меня или, лучше сказать, самъ все мнѣ разсказывая, онъ спросилъ меня, не знавалъ ли я когда въ Москвѣ доктора Митивье. Когда я ему отвѣчалъ, что я его очень хорошо зналъ и что даже лѣчился у него въ Москвѣ, то онъ предложилъ мнѣ, не хочу ли я его видѣть, ибо онъ находится въ Смоленскѣ при главной квартирѣ арміи, и потому онъ можетъ его тотчасъ прислать ко мнѣ. И въ самомъ дѣлѣ чрезъ часъ явился ко мнѣ г. Митивье, коему я весьма былъ радъ, ибо одинъ онъ былъ изъ всѣхъ тогда окружавшихъ меня, коего я знавалъ когда-нибудь. Еслибы безпрестанные посѣщенія и разсказы могли разсѣять мрачныя тогда мысли мои и заставить забыть то несчастное положеніе, въ которомъ я находился, конечно бы, я не могъ чувствовать ни скуки, ни недостатка въ чемъ-либо, ибо съ самаго почти утра до вечера безпрестанно посѣщали меня разные чиновники, бывшіе при главномъ штабѣ арміи, предлагая всевозможныя услуги свои и коихъ учтивое и хорошее обращеніе со мною заставляло меня имѣть къ нимъ всякое уваженіе. Въ тотъ же день вошелъ ко мнѣ камердинеръ принца невшательскаго и принесъ двѣ батистовыя рубашки и двѣ пары бумажныхъ чулокъ изъ бѣлья принца, прося меня принять оныя и говоря,

что принцъ приказалъ мнѣ сказать, что я ни за какія деньги, по причинѣ совершеннаго опустошенія города, ничего достать въ ономъ не могу; а такъ какъ рубашка на мнѣ и все мое платье были облиты запекшеюся моею кровью, то я и былъ радъ перемѣнить бѣлье, а потому и принялъ все оное съ благодарностію. Въ Смоленскѣ нашли мнѣ одну оставшуюся бѣдную женщину, которая взялась верхнее мое платье кое-какъ вымыть и вычистить и на другой день принесла его ко мнѣ, хотя и не въ лучшемъ видѣ, но, по крайней мѣрѣ, не было уже видно на немъ пятенъ крови и грязи.

На третій день поутру вошелъ ко мнѣ французскій генералъ Дензель, комендантъ главной квартиры Наполеона, и, между прочимъ, сказалъ мнѣ, что онъ имѣетъ приказаніе узнать отъ меня, куда я хочу быть отосланъ, ибо по причинѣ совершеннаго разоренія Смоленска оставаться въ ономъ мнѣ никакъ невозможно. Я отвѣчалъ ему, что для меня все равно, гдѣ бъ мнѣ ни приказано было жить, и что я въ положеніи моемъ располагать собою не могу, но если сіе сколько-нибудь зависѣть будетъ отъ моего желанія, то я хотѣлъ бы только того, чтобъ мнѣ не было назначено мѣстопребыванія въ Польшѣ; во всякомъ же другомъ мѣстѣ для меня все будетъ равно, только чѣмъ ближе будетъ къ Россіи, тѣмъ лучше, а потому, еслибы можно было, я хотѣлъ бы, чтобъ меня отослали въ Кенигсбергъ или въ какой-либо другой городъ Пруссіи, находящійся ближе къ границамъ нашимъ. Онъ одобрилъ мое желаніе и предложилъ мнѣ выбрать одно изъ двухъ мѣстъ, или Кенигсбергъ, или Эльбингъ, увѣряя, что я въ обоихъ сихъ городахъ могу жить очень покойно и пріятно, что я и предоставилъ совершенно на волю его.

Чрезъ нѣсколько времени послѣ того вошелъ ко мнѣ чиновникъ, бывшій при принцѣ невшательскомъ, г. Ледюкъ, и объявилъ мнѣ, что онъ, по приказанію принца, пришелъ мнѣ сказать, что такъ какъ, по желанію моему, я буду отправленъ въ Кенигсбергъ, то принцъ полагаетъ, что я, не имѣя тамъ никого знакомыхъ и бывъ удаленъ отъ отечества моего, могу нуждаться въ деньгахъ, а потому и предлагаетъ мнѣ занять у него столько, сколько я считаю нужно мнѣ будетъ и которыя я ему могу возвратить при первой моей возможности. Поблагодаря за столь милостивое его ко мнѣ расположеніе, просилъ я г. Ледюка, чтобъ онъ доложилъ принцу, что я, принимая съ большою благодарностію предложеніе его, прошу одолжить меня стами голландскими червонными, кои непремѣнно возвращу ему, коль скоро буду имѣть случай получить оные изъ Россіи. Чрезъ полчаса г. Ледюкъ принесъ мнѣ французскимъ золотомъ 1.200 франковъ, въ коихъ я ему и далъ расписку.

Подъ вечеръ того дня, когда я сидѣлъ въ моей комнатѣ одинъ, размышляя о горестномъ положеніи моемъ, на дворѣ уже было довольно темно, дверь моя отворилась, и кто-то, вошедъ ко мнѣ въ военномъ офицерскомъ мундирѣ, спросилъ меня по-французски о здоровьѣ моемъ. Я, не обращая большого вниманія, полагая, что то былъ какой-нибудь французскій офицеръ, отвѣчалъ ему на вопросъ сей кое-какъ обыкновенною учтивостью; но вдругъ услышалъ отъ него по-русски: «Вы меня не узнали: я Орловъ, адъютантъ генерала Уварова, присланъ парламентеромъ отъ главнокомандующаго съ тѣмъ, чтобъ узнать, живы ли вы и что съ вами сдѣлалось». Сердце во мнѣ затре-

петало отъ радости, услышавъ неожиданно звукъ родного языка; я бросился обнимать его, какъ родного брата. Орловъ разсказалъ мнѣ безпокойство на мой счетъ моихъ братьевъ и главнокомандующаго, ибо никто въ арміи нашей не зналъ, живъ ли я еще и что со мною случилось. Предавшись полной радости и считая, что никто не будетъ понимать насъ, если будемъ говорить по-русски, я сталъ было ему разсказывать разныя обстоятельства, касавшіяся до военныхъ нашихъ дѣйствій, но вдругъ отворилась дверь, и изъ-за оной показалась голова. Это былъ польскій офицеръ, проведшій ко мнѣ Орлова, который напомнилъ ему, что на сей разъ болѣе онъ оставаться у меня не можетъ, и я долженъ былъ съ нимъ разстаться. При прощаніи нашемъ Орловъ обѣщалъ мнѣ, получа депеши, притти еще разъ проститься со мною; но, какъ я послѣ узналъ, сдѣлать ему сего не позволили, и я уже болѣе не видалъ его.

На пятый или шестой день послѣ несчастнаго со мною происшествія вошелъ ко мнѣ молодой человѣкъ во французскомъ полковничьемъ мундирѣ и объявилъ мнѣ, что онъ присланъ ко мнѣ отъ императора Наполеона узнать, позволитъ ли мнѣ здоровье мое быть у него, и если я сдѣлать сіе уже въ силахъ, то онъ назначитъ мнѣ на то время. Я отвѣчалъ, что хотя я еще и очень слабъ, но, однакоже, силы мои позволяютъ мнѣ быть къ нему представленнымъ, когда ему угодно будетъ. На другой день поутру, часу въ 10-мъ, тотъ же адъютантъ императора французовъ, какъ сказали мнѣ, г. Флаго, вошедъ ко мнѣ, просилъ меня, чтобъ я съ нимъ шелъ къ императору.

Наполеонъ занималъ домъ бывшій смоленскаго военнаго губернатора, находившійся въ недальнемъ разстояніи отъ дома, въ коемъ жилъ маршалъ Бертье, начальникъ главнаго его штаба, и который прежде занимался нашимъ начальникомъ артиллеріи. Предъ домомъ императора толпилось множество солдатъ и офицеровъ, а при входѣ, по обѣимъ сторонамъ онаго, стояли кавалерійскіе часовые верхами. Лѣстница и переднія комнаты наполнены были генералами и разными военными чиновниками. Мы, пройдя мимо ихъ, вошли въ комнату, гдѣ уже не было никого; у дверей, ведущихъ далѣе изъ оной, стоялъ лакей въ придворной ливреѣ, который, при появленіи нашемъ, отворилъ дверь и впустилъ меня одного въ ту комнату, гдѣ былъ самъ императоръ Наполеонъ съ начальникомъ своего штаба. У окна комнаты, на столѣ, лежала развернутая карта Россіи. Я, взглянувъ на оную, увидѣлъ, что всѣ движенія нашихъ войскъ означены были на оной воткнутыми булавочками съ зелеными головками, французскихъ же—съ синими и другихъ цвѣтовъ, какъ видно, означавшихъ движеніе разныхъ корпусовъ французской арміи. Въ углу близъ окна стоялъ маршалъ Бертье, а посреди комнаты императоръ Наполеонъ. Я войдя поклонился ему, на что и онъ отвѣчалъ мнѣ также очень вѣжливымъ поклономъ. Первое слово его было: «Котораго вы были корпуса?»—Второго,—отвѣчалъ я. «А, это корпусъ генерала Багговута!»—Точно такъ.—«Родня ли вамъ генералъ Тучковъ, командующій первымъ корпусомъ?»—Родной братъ мой.—«Я не стану спрашивать,—сказалъ онъ мнѣ,—о числѣ вашей арміи, а скажу вамъ, что она состоитъ изъ восьми корпусовъ, каждый корпусъ—изъ двухъ дивизій, каждая дивизія—изъ шести пѣхотныхъ полковъ, каждый полкъ—изъ двухъ баталіоновъ; если угодно, то могу сказать даже число людей

въ каждой ротѣ». Я, поклонясь ему и усмѣхнувшись нѣсколько, сказалъ: «Вижу, что Ваше величество очень хорошо обо всемъ увѣдомлены».—«Это не мудрено,—отвѣчалъ онъ мнѣ съ нѣкоторою скоростію:—всякій почти день, съ самаго отступленія ва-

Наполеонъ I.

шего отъ границъ, мы беремъ плѣнныхъ, и нѣтъ почти ни одного изъ вашихъ полковъ, изъ котораго бы ихъ у насъ не было; ихъ разспрашиваютъ о числѣ полковъ и ротъ, въ которыхъ они находились; отвѣты ихъ кладутъ на бумагу, и такимъ

образомъ составляется свѣдѣніе, о коемъ я вамъ теперь сказалъ». Помолчавъ нѣсколько, оборотясь ко мнѣ, онъ началъ: «Это вы, господа, хотѣли этой войны, а не я. Знаю, что у васъ говорятъ, что я — зачинщикъ оной, но это неправда; я вамъ докажу, что я не хотѣлъ имѣть войны, но вы меня къ оной принудили». Тутъ онъ началъ мнѣ разсказывать все поведеніе свое съ нами съ самаго Тильзитскаго мира, что на ономъ ему было обѣщано, какъ мы нашихъ обѣщаній не выполнили, какія министръ его подавалъ правительству нашему ноты, и что не только на оныя никакого отвѣта ему не давали, но даже, наконецъ (чего нигдѣ и никогда не слыхано), посланника его не допустили къ государю для личнаго объясненія; потомъ стали сосредоточивать войска въ Польшѣ, дивизію привели туда изъ новой Финляндіи и двѣ изъ Молдавіи, подвергаясь даже опасности ослабить тѣмъ военныя дѣйствія наши противъ турокъ. «Противъ кого же всѣ эти приготовленія были, какъ не противъ меня?—сказалъ онъ.— Что жъ, неужели мнѣ было дожидаться того, что вы, перейдя Вислу, дойдете до Одера? Мнѣ должно было васъ предупредить; но, и по пріѣздѣ моемъ къ арміи, я хотѣлъ еще объясниться безъ войны; на предложенія мои вдругъ мнѣ отвѣчаютъ, что со мною и переговоровъ никакихъ имѣть не хотятъ до тѣхъ поръ, покуда войска мои не перейдутъ обратно чрезъ Рейнъ. Что жъ, развѣ вы меня уже побѣдили? Съ чего взяли дѣлать отъ меня такія требованія?»

Я на весь сей весьма длинный его разговоръ не отвѣчалъ ни слова, а равно и принцъ невшательскій, къ коему онъ нѣсколько разъ обращался въ продолженіе онаго. Потомъ, обратясь опять ко мнѣ, онъ спросилъ меня: какъ я полагаю, дадимъ ли мы скоро генеральное сраженіе или будемъ все ретироваться? Я ему отвѣчалъ, что мнѣ неизвѣстно намѣреніе главнокомандующаго. Тутъ онъ началъ отзываться объ немъ очень невыгодно, говоря, что нѣмецкая его тактика ни къ чему хорошему насъ не доведетъ, что россіяне нація храбрая, благородная, усердная къ государю, которая создана драться благороднымъ образомъ, на чистоту, а не нѣмецкой глупой тактикѣ слѣдовать. «Да и къ чему хорошему она можетъ довести? Вы видѣли примѣръ Пруссіи (сказалъ онъ мнѣ): она съ тактикою своею кончилась въ три дня. Что за отступленіе? Почему жъ вы, вмѣсто того, если уже расположены были имѣть войну, не заняли Польши и далѣе, что вы легко могли сдѣлать, и тогда, вмѣсто войны въ границахъ вашихъ, вы бы перенесли ее въ непріятельскую землю. Да и пруссаки, которые теперь противъ васъ, тогда были бы съ вами. Почему же главнокомандующій вашъ ничего этого не умѣлъ сдѣлать, а теперь, отступая безпрестанно, опустошаетъ только свою собственную землю! Зачѣмъ оставилъ онъ Смоленскъ? Зачѣмъ довелъ этотъ прекрасный городъ до такого несчастнаго положенія? Если онъ хотѣлъ его защищать, то для чего же не защищалъ его далѣе? Онъ бы могъ его удерживать еще очень долго. Если же онъ намѣренія этого не имѣлъ, то зачѣмъ же останавливался и дрался въ немъ: развѣ только для того, чтобъ разорить городъ до основанія? За это бы его во всякомъ другомъ государствѣ разстрѣляли. Да и зачѣмъ было разорять Смоленскъ, такой прекрасный городъ? Онъ для меня лучше всей Польши; онъ былъ всегда русскимъ и останется русскимъ. Императора вашего я люблю, онъ мнѣ другъ, несмотря

на войну. Война ничего не значитъ. Государственныя выгоды часто могутъ раздѣлять и родныхъ братьевъ. Александръ былъ мнѣ другомъ и будетъ». Потомъ, помолчавъ нѣсколько, какъ будто думая о чемъ-то, оборотясь ко мнѣ, сказалъ: «Со всѣмъ тѣмъ, что я его очень люблю, понять, однакоже, никакъ не могу, какое у него странное пристрастіе къ иностранцамъ; что за страсть окружать себя подобными людьми, каковы, напримѣръ, Фуль, Армфельдтъ и т. п., людьми безъ всякой нравственности, признанными во всей Европѣ за самыхъ послѣднихъ людей всѣхъ націй? Какъ, неужели бы онъ не могъ изъ столь храброй, приверженной къ государю своему націи, какова ваша, выбрать людей достойныхъ, кои, окруживъ его, доставили бы честь и уваженіе престолу?»

Мнѣ весьма странно показалось сіе разсужденіе Наполеона, а потому, поклонясь, сказалъ я ему: «Ваше Величество, я подданный моего государя, и судить о поступкахъ его, а еще менѣе осуждать поведеніе его никогда не осмѣливаюсь; я солдатъ и, кромѣ слѣпого повиновенія власти, ничего другого не знаю». Слова сіи, какъ я могъ замѣтить, не только его не разсердили, но даже, какъ бы съ нѣкоторою ласкою, онъ, дотронувшись слегка рукою до плеча моего, сказалъ: «О, вы совершенно правы! Я очень далекъ отъ того, чтобъ порицать вашъ образъ мыслей; но я сказалъ только мое мнѣніе, и то потому, что мы теперь съ глазу на глазъ, и это далѣе не пойдетъ. Императоръ вашъ знаетъ ли васъ лично?» — Надѣюсь,—отвѣчалъ я,—ибо нѣкогда имѣлъ счастіе служить въ гвардіи его.—«Можете ли вы писать къ нему?»—Никакъ нѣтъ, ибо я никогда не осмѣлюсь утруждать его моими письмами, а особливо въ теперешнемъ моемъ положеніи.—«Но если вы не смѣете писать къ императору, то можете написать къ брату вашему, что я вамъ теперь скажу».— Къ брату, дѣло другое: я къ нему все могу писать. — «Итакъ, вы мнѣ сдѣлаете удовольствіе, если вы напишете брату вашему, что вотъ вы теперь видѣли меня и что я препоручилъ вамъ написать къ нему, что онъ мнѣ сдѣлаетъ большое удовольствіе, если самъ, или чрезъ великаго князя, или главнокомандующаго, какъ ему лучше покажется, доведетъ до свѣдѣнія государя, что я ничего болѣе не желаю, какъ прекратить миромъ военныя наши дѣйствія. Мы уже довольно сожгли пороху, и довольно пролито крови, и что когда же нибудь надобно кончить. За что мы деремся? Я противъ Россіи ничего не имѣю. О, еслибъ это были англичане (parlez-moi de cela)!.. Это было бы другое дѣло». При сихъ словахъ, сжавши кулакъ, онъ поднялъ его вверхъ. «Но русскіе мнѣ ничего не сдѣлали. Вы хотите имѣть кофе и сахаръ; ну, очень хорошо, и это все можно будетъ устроить, такъ что вы и это имѣть будете. Но если у васъ думаютъ, что меня легко разбить, то я предлагаю: пусть изъ генераловъ вашихъ, которые болѣе другихъ имѣютъ у васъ уваженіе, какъ-то: Багратіонъ, Дохтуровъ, Остерманъ, братъ вашъ и прочіе (я не говорю о Барклаѣ: онъ и не стоитъ того, чтобъ объ немъ говорили); пусть изъ нихъ составятъ военный совѣтъ и разсмотрятъ положеніе и силы мои и ваши, и если найдутъ, что на сторонѣ вашей болѣе шансовъ [1]) къ выигрышу и что можно легко меня

---

[1]) Въ продолженіе разговора Наполеонъ нѣсколько разъ повторялъ слово шансъ (chance), какъ-то: les chances de la guerre и проч., по произношенію коего, и

разбить, то пускай назначатъ, гдѣ и когда имъ угодно будетъ драться. Я на все готовъ. Если же они найдутъ, напротивъ того, что всѣ шансы въ выгоду мою, такъ, какъ сіе и дѣйствительно есть, то зачѣмъ же намъ попустому еще болѣе проливать кровь? Не лучше ли трактовать о мирѣ, прежде потери баталіи, чѣмъ послѣ? Да и какія послѣдствія будутъ, если сраженіе вами проиграно будетъ? Послѣдствія тѣ, что я займу Москву, и какія бъ я мѣры ни принималъ къ сбереженію ея отъ разоренія, никакихъ достаточно не будетъ: завоеванная провинція или занятая непріятелемъ столица похожа на дѣву, потерявшую честь свою. Что хочешь послѣ дѣлай, но чести возвратить уже невозможно. Я знаю, у васъ говорятъ, что Россія еще не въ Москвѣ; но это же самое говорили и австрійцы, когда я шелъ въ Вѣну, но когда я занялъ столицу, то совсѣмъ другое заговорили; и съ вами то же случится. Столица ваша Москва, а не Петербургъ; Петербургъ не что иное, какъ резиденція, настоящая же столица Россіи — Москва». Я все сіе слушалъ въ молчаніи; онъ же, говоря безпрестанно, ходилъ по комнатѣ взадъ и впередъ. Наконецъ, подошелъ ко мнѣ и, смотря на меня пристально, сказалъ мнѣ: «Вы лифляндецъ?»—Нѣтъ, я настоящій россіянинъ.—«Изъ какой же вы провинціи Россіи?»—Изъ окрестностей Москвы,—отвѣчалъ я. «А, вы изъ Москвы!—сказалъ онъ мнѣ какимъ-то особеннымъ тономъ:—вы изъ Москвы! Это вы то, господа московскіе жители, хотите вести войну со мною?»—Не думаю,—сказалъ я,—чтобъ московскіе жители особенно хотѣли имѣть войну съ вами, а особливо у себя въ землѣ; но если они дѣлаютъ большія пожертвованія, то это для защиты отечества и угождая тѣмъ волѣ государя своего.—«Меня, право, увѣряли, что этой войны хотятъ московскіе господа, но какъ вы думаете, еслибъ государь вашъ захотѣлъ сдѣлать миръ со мною, можетъ ли онъ сіе сдѣлать?»—Кто жъ оное можетъ ему воспрепятствовать?—отвѣчалъ я. «А Сенатъ, напримѣръ?»—Сенатъ у насъ никакой другой власти не имѣетъ, какъ только ту, которую угодно государю ему предоставить.

Потомъ началъ онъ разспрашивать меня, сколько я служилъ кампаній противъ непріятеля и гдѣ. Про позицію, на которой мы дрались: видѣлъ ли я, и въ которомъ часу войска корпуса генерала Жюно въ лѣвой сторонѣ отъ насъ, и, наконецъ, который пунктъ, я полагаю, былъ слабѣйшій позиціи нашей. Я, отвѣчая на всѣ его вопросы, на послѣдній сказалъ, что я болѣе всего боялся за правый флангъ нашъ, ибо лѣвый былъ прикрытъ почти непроходимымъ болотомъ; но правый ничѣмъ прикрытъ не былъ, кромѣ небольшой рѣчки, которую можно было вездѣ перейти. «Что жъ вы дѣлали,—спросилъ онъ меня,—въ обезпеченіе ваше?» — Посылалъ въ ту сторону безпрестанные разъѣзды, и такъ какъ оные возвращаясь доносили мнѣ, что непріятеля въ той сторонѣ видно не было, то я и оставался покоенъ.—«Куда вы ходили изъ-подъ Смоленска со всею вашею арміею,—спросилъ онъ,—и зачѣмъ?»—Къ Руднѣ и Касплѣ,—сказалъ я:—намѣреніе главнокомандующаго было атаковать васъ при этихъ пунктахъ.—На сіе онъ мнѣ ничего не отвѣчалъ. Возобно-

---

не бывъ французомъ, легко можно было видѣть итальянское его происхожденіе, ибо вмѣсто слова chance онъ выговаривалъ sance, какъ то обыкновенно дѣлаютъ итальянцы.

вя потомъ опять мнѣ желанія свои, чтобъ я написалъ брату все, что онъ мнѣ говорилъ, онъ прибавилъ, чтобъ я также написалъ въ письмѣ моемъ и то, что главнокомандующій нашъ весьма дурно дѣлаетъ, что при отступленіи своемъ забираетъ съ собою всѣ земскія власти и начальствующихъ въ губерніяхъ и уѣздахъ, ибо этимъ дѣлаетъ больше вреда землѣ, нежели ему;

Воскресеніе Наполеона (изъ книги: „Перенесеніе праха Наполеона“, Спб., 1841).

онъ же отъ этого ничего не терпитъ и никакой нужды въ нихъ не имѣетъ, и хотя его увѣряли, что онъ въ Россіи пропадетъ съ голоду, но онъ теперь видитъ, какое это вздорное было опасеніе; видитъ, что въ Россіи поля такъ же хорошо обработаны, какъ въ Германіи и во всѣхъ другихъ мѣстахъ, и что мудрено бы было ему пропасть съ голоду въ такой землѣ, гдѣ всѣ поля покрыты хлѣбомъ; сверхъ этого, онъ имѣетъ еще съ собою подвижной хлѣбный магазинъ, изъ 10 тысячъ повозокъ состоящій,

который за нимъ слѣдуетъ и котораго будетъ всегда достаточно для обезпеченія продовольствія его арміи [1]).

Продержавъ меня у себя около часу и откланиваясь, онъ совѣтовалъ мнѣ не огорчаться моимъ положеніемъ, ибо плѣнъ мой мнѣ безчестья дѣлать не можетъ. «Такимъ образомъ», какъ я былъ взятъ, сказалъ онъ, «берутъ только тѣхъ, которые бываютъ впереди, но не тѣхъ, которые остаются назади». Потомъ спросилъ меня, былъ ли я во Франціи. «Нѣтъ», отвѣчалъ я. Вопросъ сей онъ мнѣ сдѣлалъ такимъ тономъ, что я тотчасъ подумалъ, что намѣреніе его было туда меня отправить. И въ самомъ дѣлѣ, только что я вышелъ отъ него, принцъ невшательскій, выйдя почти вслѣдъ за мною, сказалъ, во-первыхъ, что императоръ приказалъ мнѣ возвратить шпагу, а, во-вторыхъ, что какъ я изъявилъ желаніе мое ѣхать въ Кенигсбергъ, то онъ не только позволяетъ мнѣ туда ѣхать, но и въ Берлинъ, и далѣе, и далѣе, до самой Франціи, прибавя къ сему: «если вы сего захотите».

По возвращеніи моемъ къ себѣ въ комнату, чрезъ два часа пришелъ ко мнѣ г. Ледюкъ съ объявленіемъ, что онъ присланъ отъ принца невшательскаго съ тѣмъ, что какъ императору угодно, чтобъ я ѣхалъ во Францію, то онъ полагаетъ, что взятыхъ мною у него 1.200 франковъ будетъ недостаточно для столь дальняго пути; да и, бывъ уже гораздо далѣе отъ Россіи, я не такъ скоро могу надѣяться получать что-либо оттуда, а потому и предлагаетъ мнѣ взять у него еще 4.800 франковъ и дать такую же расписку, какъ и въ первыхъ полученныхъ мною отъ него деньгахъ, что я и исполнилъ съ большою признательностію. Написавъ потомъ письмо брату и переведя оное на французскій языкъ, я пошелъ къ принцу невшательскому поблагодарить его за всѣ дѣлаемыя мнѣ одолженія и, подавъ ему письмо къ брату моему съ переводомъ, сказалъ, что хотя императоръ Наполеонъ и приказывалъ мнѣ въ письмѣ моемъ написать его неудовольствіе насчетъ главнокомандующаго нашею арміею, но я считаю себя не въ правѣ дѣлать ему подобныя объявленія, а потому и въ письмѣ моемъ къ брату о семъ ничего не упоминаю, въ чемъ и принцъ совершенно согласился со мною.

Я не знаю, получилъ ли братъ письмо мое, ибо вскорѣ потомъ оба брата мои, бывшіе со мною въ одной арміи, кончили жизнь на поляхъ Бородинскихъ. Одинъ палъ на самомъ мѣстѣ сраженія, а другой скончался черезъ нѣсколько дней отъ полученныхъ имъ ранъ, въ городѣ Ярославлѣ. Я самъ, израненный и едва уцѣлѣвшій отъ смерти, долженъ былъ оставить Россію, ѣхать плѣннымъ въ непріятельскую землю. Четвертый братъ нашъ, бывшій въ то же время дежурнымъ генераломъ арміи, находившейся подъ командою адмирала Чичагова, хотя и оставался невредимъ отъ непріятеля, но не избѣжалъ клеветы и злобы собственныхъ враговъ своихъ, бывъ удаленъ отъ командованія войскъ, болѣе десяти лѣтъ страдалъ безвинно подъ слѣдствіемъ, и когда уже всевозможное ухищреніе не могло ничего изыскать къ обвиненію его, то хотя и былъ опять опредѣленъ на службу

---

[1]) Между прочимъ разговоромъ императоръ Наполеонъ нѣсколько разъ выхваляль порядокъ отступленія арміи нашей, говоря, что, слѣдуя за нами отъ самыхъ границъ нашихъ, онъ не находилъ ни одного даже оставленнаго нами колеса, и даже слѣдовъ примѣтно не было отступающей арміи.

и продолжалъ оную до глубокой старости, но не могъ уже возвратить ни потеряннаго времени, ни разстроеннаго здоровья претерпѣнными огорченіями.

Да позволено мнѣ будетъ здѣсь сказать въ удовлетвореніе семейнаго честолюбія и въ единственное воздаяніе за всѣ претерпѣнныя имъ горести и несчастія, что едва ли гдѣ отыщется въ военныхъ лѣтописяхъ подобный примѣръ, чтобъ четыре родныхъ брата, достигшіе уже до генеральскихъ чиновъ, пройдя безвредно всѣ почти дотолѣ бывшія въ Россіи войны, въ теченіе слишкомъ 25 лѣтъ, въ одно почти время кончили столь несчастливо военное ихъ поприще, оставя въ утѣшеніе роднымъ своимъ и ближнимъ только то, что они пали, защищая мужественно Отечество, Вѣру и Престолъ своего законнаго Государя.

Дневникъ анонимнаго москвича.

Этотъ безхитростный дневникъ анонимнаго московскаго обывателя былъ напечатанъ въ «Чтеніяхъ въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ» 1859 г. Онъ дышитъ глубокой и наивной искренностью, вводитъ во всѣ подробности жизни Москвы, захваченной французами, и во весь ростъ рисуетъ типичнаго русскаго обывателя, волею судебъ попавшаго въ самую гущу грандіозныхъ историческихъ событій.

Описаніе моего пребыванія въ Москвѣ во время французовъ, съ 1-го по 21 сентября 1812 года.

1-го сентября, по счастью моему, успѣлъ я отправить изъ Москвы жену мою и малолѣтнихъ дѣтей, назнача имъ пребываніе въ деревнѣ *Новой*, что̀ по Троицкой дорогѣ, гдѣ бъ они дожидались меня. Но ахъ! сего не случилось: судьба пріуготовляла мнѣ пить чашу горестей, я пораженъ былъ несчастьемъ, совсѣмъ неожиданнымъ.

2-го числа воспослѣдовала со мною величайшая перемѣна: желанія, намѣренія, кои я имѣлъ въ мысляхъ своихъ, остались тщетными и безполезными. Я видѣлъ уже въ Москву входящихъ французовъ, отъ коихъ пришелъ въ безпамятство. Не зная, за что взяться и что убирать, копалъ яму для сундука съ величайшимъ напряженіемъ силъ моихъ; въ замѣшательствѣ и разстройствѣ мыслей укладывалъ въ него самое лучшее изъ имѣнія; наконецъ, вдругъ увидѣлъ входящаго въ домъ мой одного француза, который бѣгалъ, какъ бѣшеный, смотрѣлъ на ту и другую сторону и говорилъ мнѣ на своемъ французскомъ языкѣ; а какъ я не зналъ онаго, то дѣлалъ ему рукою знакъ, чтобы онъ вошелъ въ комнаты мои. Описывая горестное свое состояніе, долженъ упомянуть и о несчастныхъ женщинахъ, не имѣющихъ никакого пристанища, коихъ было седмь человѣкъ: мать съ дочерью больною, умѣвшею говорить на французскомъ языкѣ, посредствомъ коея и отвѣтствовалъ я на вопросы оному французу. Упомянутый непріятель, войдя въ

комнаты мои, стремительно обѣгалъ ихъ, удивлялся вопросамъ дѣвицы, говорившей ему по-французски, и, подумавъ нѣсколько, отвѣчалъ ей, что онъ смотритъ, нѣтъ ли здѣсь солдатъ россійскихъ и оружія; потомъ просилъ хлѣба. Я велѣлъ дать онаго и, сверхъ сего, еще полштофа сладкой водки, коей у меня только и было. Онъ, наливши рюмку, приказывалъ мнѣ напередъ выпить. Я, увидя его сомнѣвающагося, принялъ рюмку и пилъ; потомъ, по приказанію его, я подалъ ему масла коровьяго и еще мяса, и онъ столько ѣлъ жадно, что ничего поставленнаго мною не оставилъ. Во время сіе хвалилъ онъ своего императора и обнадеживалъ насъ, что съ нами ничего не будетъ: «домы ваши будутъ цѣлы и имѣнія ваши не будутъ разграблены; если же кто осмѣлится тронуть, то объявите офицеру, и грабители будутъ наказаны». Я хотѣлъ продолжать съ нимъ разговоръ чрезъ сію дѣвицу, но увидѣвъ, что она слаба, да и не понимаетъ смыслу французскаго языка, оставилъ ихъ и пошелъ въ другую половину комнаты, гдѣ бъ дать волю течь слезамъ моимъ. Съ колѣнопреклоненіемъ просилъ Бога о прощеніи нашихъ согрѣшеній; потомъ опять вошелъ къ нимъ и увидѣлъ, что онъ вышелъ вонъ, довольно укрѣпивши себя пищею.

Въ сіе-то время я началъ колебаться въ мысляхъ своихъ: если мнѣ бѣжать изъ Москвы, то мнѣ нанесутъ безпокойство бывшіе со мною. Говорилъ я родительницѣ своей, чтобъ она со мною ушла тайнымъ образомъ, но она отговаривалась отъ сего, представляя мнѣ ту причину, что никакой еще нѣтъ опасности; при крайности же можемъ уйти и въ слѣдующій день. Наступила ночь, въ которую я хотя и безпокоился, однако съ нами ничего не случилось. Часто выходилъ на дворъ, гдѣ слышалъ стоны въ сосѣднихъ домахъ, стоны, означающіе грабежъ. Въ третій день поутру пришелъ ко мнѣ мой родственникъ и говорилъ мнѣ, что французы вошли самымъ благовиднымъ образомъ, и что одинъ французскій офицеръ говорилъ съ нимъ ласково и потчевалъ арбузомъ, за который онъ заплатилъ столько, сколько потребовалъ лавочникъ. Поговоривши я съ симъ моимъ родственникомъ разстался, и послѣ него ничего не дѣлалъ и не убиралъ, а только ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ и былъ въ глубокой задумчивости. Въ половинѣ дня пошелъ я къ Арбатскимъ воротамъ увѣдомить онаго родственника и, пришедши въ домъ его, увидѣлъ, что у него шесть человѣкъ французовъ искали хлѣба, а у сосѣда его и другія прихоти исполнять хотѣли: кто что хотѣлъ, тотъ то и бралъ. Увидя непріятелей въ домѣ его, я пустился бѣжать въ домъ свой. Не прошло часа, какъ явились и ко мнѣ четыре француза, начали искать всего, копали и брали все то, что имъ надобно, именно: рубашки, платки, манишки. Сколько я имъ ни представлялъ бѣдность свою, но они, ни на что не взирая, брали все оное. За ними еще вслѣдъ другіе пять человѣкъ пришли и тоже грабили, изъ коихъ одинъ, будучи благосклоннѣе, вошелъ со мною въ разговоръ чрезъ оную дѣвицу, соболѣзновалъ объ участи моей, совѣтовалъ, чтобъ я убралъ оставшееся имущество, и научалъ, какъ спастись отъ грабительства непріятелей; потомъ, вынувъ онъ бутылку дреймадеры, съ нимъ бывшую, пилъ самъ, также просилъ меня неотступно выпить. Сколько я ни отговаривался, но принужденъ былъ пить, смѣшавъ со слезами моими. Многихъ приходившихъ сей французъ отводилъ отъ моего дому,

говоря, что онъ здѣсь отъ начальниковъ приставленъ для сохраненія онаго дому и имѣнія, и тѣмъ самымъ сохранялъ отъ грабителей. Сіе продолжалось до самыхъ сумерекъ. Выходилъ оный непріятель къ стучавшимся въ сіе время четыремъ французамъ и не могъ уже ихъ уговорить отъ грабежа; они выгнали и его и дѣлались мнѣ защитниками, при чемъ увѣряли, чтобъ я ничего не опасался, а между тѣмъ спрашивали сахару, пива, водки и бѣлыхъ хлѣбовъ. Но какъ у меня сего не было, да и достать негдѣ, то отъ сего они пришли въ бѣшенство, начали

Гр. Ѳ. В. Ростопчинъ.

мнѣ угрожать опасностью и убѣжденіямъ моимъ не могли повѣрить до тѣхъ поръ, пока не обыскали весь домъ и погреба. Ничего не нашедши, нѣсколько успокоились, стали обходиться ласковѣе; потомъ вышли двое куда-то, не знаю, и принесли чугунъ готовой живности, велѣли намъ поставить на очагъ. Покамѣстъ это готовилось, они между тѣмъ пили принесенные съ собою напитки и, напившись пьяны, потребовали перинъ. Я тотчасъ велѣлъ постлать имъ постели; двое изъ нихъ легли, а двое пошли къ сосѣду моему въ домъ искать у него напитковъ. Возвратившись оттуда съ одними вязаными перчатками, сѣли съ нами, и казалось мнѣ, что они старались за мною примѣчать. Я часто выходилъ на дворъ смотрѣть на пламя, пылающее въ рядахъ, и на загорающіяся въ другихъ мѣстахъ зданія. Также и

они, растворивъ окошко, смотрѣли и увѣряли меня, что это не французы жгутъ, а русскіе. Въ сіе время, т.-е. часу въ первомъ ночи, загорѣлся сосѣда моего домъ, смежный съ моимъ. Тогда я, оставя все, домъ свой и имѣніе, въ немъ находящееся, хотѣлъ бѣжать, сказавъ родительницѣ, чтобы и она за мною слѣдовала. Лишь только за ворота вышелъ, какъ они выбѣгли на улицу и, схвативши меня, велѣли опять идти въ домъ мой. Сколько я ихъ ни убѣждалъ, прося у нихъ со слезами увольненія и отпущенія себя, но они сего не сдѣлали. Нечаянно наѣхалъ на насъ объѣздной ихъ офицеръ, кой, будучи тронутъ моею просьбою и слезами, велѣлъ меня отпустить. Освободяся отъ нихъ, пустился я бѣжать со всѣми прочими, взявши подъ руку родительницу свою. Въ замѣшательствѣ и забвеніи не знали сами, куда шли. Приближаясь къ Пречистенскимъ воротамъ, увидѣли бѣгущихъ прямо на насъ двоихъ французовъ съ обнаженными мечами, кои, остановя меня, приставляли къ груди моей обнаженной мечъ и угрожали мнѣ смертью. Родительница, видя сіе мое несчастье, повергласъ къ ногамъ сихъ непріятелей, и всѣ вообще, со мною бывшіе, просили ихъ о помилованіи меня. Они жъ, не внимая ихъ прошеніямъ, требовали денегъ. При такихъ опасностяхъ желая сохранить я жизнь свою всѣ ихъ прошенія дерзостныя принужденъ былъ исполнять. Вынималъ имъ денегъ, но не болѣе 50 копеекъ, кои они брося начали болѣе мнѣ угрожать смертью и требовали безотступно отъ меня серебра. Послѣдніе три рубля отдавъ имъ, велѣлъ имъ себя осмотрѣть всего, какъ имъ угодно. По обысканіи, нашли у меня они ножикъ перочинный и, взявши оный, отпустили меня.

По претерпѣніи сихъ ужасовъ, пустились мы бѣжать на Каменный мостъ, стараясь всячески укрываться отъ непріятелей, косогоромъ спускаясь къ лѣснымъ рядамъ; находили препятствія отъ лаянія собакъ, не дававшихъ намъ тихо проходить. Между тѣмъ видѣли мы издали, какъ пламень пожиралъ огромныя зданія, какъ непріятели повсюду учиняли грабежи. Въ отчаяніи и страхѣ прибѣжали на Каменный мостъ и, поднявшись до половины онаго, увидѣли на той сторонѣ темноту страшную, возвратились и пошли по набережной. Прошедъ ее, нѣсколько сошли по сходамъ внизъ къ Москвѣ-рѣкѣ, гдѣ увидѣли караульню и были долго въ нерѣшимости, думая, что въ оной будкѣ находятся французы. Однакожъ тамъ никого не было. Потомъ смотрѣли на огонь, кой пожиралъ строенія, проливали слезы, наполняли воздухъ стенаніями, вздыхали; но все было тщетно. Долгое время мы тамъ сидѣли, не видавъ никого. Потомъ, обративши взоры вверхъ на набережную, увидѣли одного француза, идущаго за водою. Поравнявшись съ нами, началъ онъ спрашивать, зачѣмъ мы здѣсь. Мы, обливая слезами лицо наше, отвѣчали чрезъ ту же дѣвицу, что мы лишились домовъ и отъ огня ищемъ спасенія у рѣки. Непріятель сей, видя меня дрожащаго отъ холода, далъ мнѣ водки, и я, выпивши нѣсколько, благодарилъ его. По отшествіи его пришли еще четыре француза, не такую ласковость намъ оказавшіе, какъ прежній ихъ товарищъ: они были дерзки и жестокосерды, требовали съ ногъ моихъ сапоговъ, и я, поспѣшно скинувъ, отдалъ имъ и получилъ отъ нихъ худшіе, и еще жесточайшій ударъ, лишившись узелка, въ коемъ, не знаю, что было положено родительницею.

Послѣ сей встрѣчи мы рѣшились идти дальше по набережной къ мосту Москворѣцкому, думая, гдѣ ихъ много, тамъ ихъ и начальники есть, кои не допустятъ больше насъ грабить, въ чемъ и не ошиблись. Пришедши къ мосту, увидѣли нашихъ русскихъ, сидящихъ на бревнахъ, и говорили имъ, почему они здѣсь сидятъ. На сей вопросъ они намъ отвѣтствовали, что намъ непріятели не даютъ пропуску чрезъ мостъ на ту сторону, упомянувъ притомъ и то, что у мосту французовъ великое множество. Рѣшились и мы съ ними сѣсть. Французы, видя насъ, подходили и разспрашивали насъ о нашихъ состояніяхъ и о родѣ. Увидя несчастное наше состояніе, пришли въ жалость и отвели насъ на свою квартиру, въ коей была цырульня, и предлагали намъ, чтобъ мы шли въ верхній этажъ онаго дома. Но я, опасаясь, не пошелъ вверхъ, но началъ просить, чтобъ оставили насъ здѣсь внизу: мы и симъ довольны будемъ. Засвѣтивши свѣчу, съ нами разговаривали и ободряли насъ, чтобъ мы ничего не опасались. Не болѣе посидѣли мы, какъ часа два; начинало разсвѣтать. При наступленіи дня сошли сверху два француза высокаго роста, собой весьма красивые, кои намъ казались чувствительнѣе всѣхъ и умнѣе, да и самый разговоръ ихъ показывалъ, что они сожалѣли о насъ; притомъ дали намъ нѣсколько мяса, хлѣба и сахару.

Вотъ уже наступилъ и день 4 числа. Непріятели начали для себя готовить кушанье; изготовя, поѣли и намъ дѣлили по нѣскольку. Потомъ уходили, говоря намъ, чтобъ мы дому сего не оставляли. Находясь мы въ семъ домѣ видѣли, что все приходили разные французы, пекли, варили для себя и опять отправлялись, а куда—намъ совсѣмъ было неизвѣстно. Улицею же была ѣзда непрерывная въ два ряда, по одной сторонѣ мостовой въ гору, а по другой внизъ, т.-е. на мостъ.

Сіе продолжалось отъ утра до самой ночи. А пожаръ былъ такъ силенъ, что, куда ни посмотришь, вездѣ объято было пламенемъ; огонь пожиралъ зданія и производилъ сильный вѣтръ. Вьющіеся надъ зданіями клубы огненные представляли взору нашему ужасное и страшное зрѣлище; наши же несчастные русскіе ходили взадъ и впередъ, не находя себѣ мѣста къ выходу; лишенные почти всѣхъ силъ, падали отъ сего ужаснаго зрѣлища. Я, обращая взоръ свой на все сіе, не въ силахъ описывать; находясь въ замѣшательствѣ, говорилъ только въ сердцѣ своемъ: «Господи, Боже нашъ! Ты, Владыка, единъ есть намъ защитникъ! Подъ Твоей всесильною десницей и плѣнники, окруженные отвсюду ужасами смерти, могутъ быть спасены и избавлены отъ смерти». Потомъ видѣли, что и у нихъ смятеніе умножалось: говорили съ величайшимъ жаромъ, спѣшили къ выходу какъ будто бы изъ Москвы, вздыхая сильно и взявъ свои ружья, пошли въ гору самымъ скорѣйшимъ образомъ, оставя насъ однихъ въ семъ домѣ. Чрезъ двѣ минуты пришелъ полякъ прямо въ этотъ домъ, гдѣ мы. Онъ почелъ меня хозяиномъ сего дома, да и цырульникомъ, на что я ему отвѣчалъ, что я ни тотъ, ни другой, и что мы оставлены здѣсь французами укрыться отъ огня, бури и холода, и что я лишился дому и имѣнія. Онъ слушалъ слова мои со злобнымъ видомъ и, чувствуя эту отраду, что онъ могъ мстить за прошедшія свои разоренія, отъ россіянъ учиненныя, стращалъ меня и, ударя по уху, требовалъ серебра, вынималъ саблю, показывалъ и показывалъ глупую

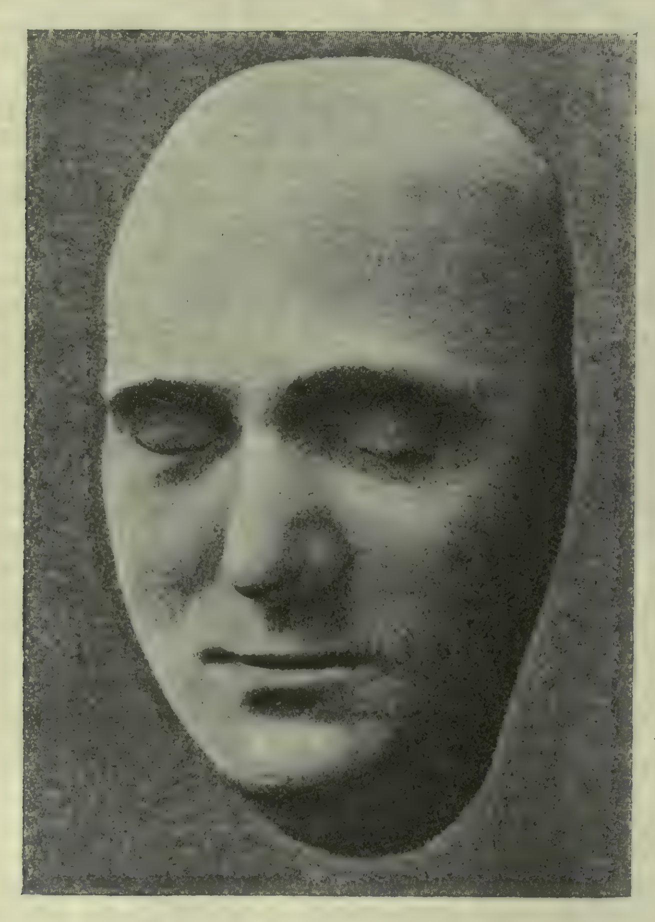
свою храбрость надъ обезоруженнымъ. Наконецъ, обличаемый товарищемъ своимъ въ дерзкихъ сихъ поступкахъ, совсѣмъ перемѣнился и сдѣлался даже для меня удивительнымъ: повергшись на колѣни предо мною, приставлялъ къ своимъ губамъ саблю, хотѣлъ цѣловаться. Но я, схватя свою шляпу, ушелъ съ поспѣшностью со всѣми товарищами. Хотя же онъ пустился за мною бѣжать, но офицеръ ихъ его остановилъ. Между тѣмъ какъ я удалился на набережную, вдругъ сей офицеръ догналъ меня и говорилъ мнѣ, что онъ сего унтеръ-офицера накажетъ за его поступки. Унижаясь предъ нимъ, и отъ него старался я удалиться, потому что и у него лицо было показываемо исполненнымъ сладострастья: онъ дѣлалъ изъ себя какъ бы видъ сострадательности, а между тѣмъ дарилъ оной дѣвицѣ штуку канифасу, большой кусокъ сахару и бутылку вина, потомъ предлагалъ идти намъ на свою квартиру. Я просилъ его, чтобы онъ насъ оставилъ. Тронутъ будучи и убѣжденъ моими словами, онъ не показалъ никакого насилія, и мы тотчасъ рѣшились идти опять къ набережной, къ Москвѣ же рѣкѣ, гдѣ нашихъ сидящихъ было уже множество.

Лишь только начали мы сходить на сходъ, какъ вдругъ увидѣли посланныхъ отъ онаго офицера двухъ солдатъ, кои насильно стали тащить дѣвицу лѣтъ двѣнадцати. Мать ея громко закричала, и они оставили ее. Потомъ и къ оной дѣвицѣ, со мною бывшей, приступали; я опять ихъ усовѣщевалъ словами и тѣмъ обратилъ всѣ ихъ звѣрства на себя: приступивши ко мнѣ, велѣли снять съ себя капотъ, жилетъ, манишку и платокъ. Покорствуясь власти непріятельской, яко плѣнникъ, снялъ я съ себя все сіе и отдалъ имъ, при чемъ взяли у меня бумажникъ и портретъ аминеатурный, обдѣланный въ золотѣ, оставя меня въ одномъ кафтанѣ, и, ударивъ двумя ударами саблей плашмя, со мной разсталися. Послѣ сего случившагося со мною несчастья, сошелъ я внизъ и, сѣдши подлѣ матушки, обернулся ея салопа полами и тѣмъ нѣсколько сохранялся отъ стужи. Спустя нѣсколько времени ходили уже къ намъ непріятели для грабежа артелью. Видя насъ собравшихся великое множество, обирали все, и платки, и шубы. Дошелъ и опять чередъ до меня: обыскали и ничего не нашли; только у родительницы моей обручальное мое кольцо золотое, а у дѣвицы оной денегъ 25 руб. и черный платокъ на головѣ. Все сіе взяли и пошли.

Ночь сія для насъ была самая жестокая; поминутно приходили, сбирали насъ, и все разные непріятели. Приходили еще нѣсколько человѣкъ и звали меня съ женщинами моими для того, чтобъ имъ растворить хлѣбы. Хотя несчастныя женщины отговаривались отъ сихъ трудовъ, однакожъ послушали меня. Пришедши къ нимъ, увидѣли мы, что вся ихъ комната застлана была перинами. Хотя сіе мнѣ казалось подозрѣніемъ насчетъ дѣвицъ, однакожъ рѣшился остаться и дожидаться, что будетъ отъ нихъ. Дали намъ ѣсть. Я не знаю, ѣли ли онѣ, а я ничего не могъ ѣсть; и такъ предлагали, чтобъ онѣ принялись за квашни, но женщины мои всячески старались отговариваться пожаромъ, потому что и сей домъ началъ загораться. Видя они женщинъ упорство отпустили, и мы опять на то же мѣсто пришли и усадились попрежнему. Часа черезъ два другіе пришли грабить, но мы были такъ ужъ бѣдны, что нечего уже

болѣе у насъ брать. При семъ несчастномъ состояніи снимали они съ меня и съ прочихъ даже и рубашки. По отходѣ ихъ я принужденъ былъ надѣть женскую рубашку работницы моей. Потомъ видѣлъ на той сторонѣ Москвы-рѣки мальчика въ одной рубашкѣ, не болѣе 6 лѣтъ. Ходя онъ около огня одинъ громко кричалъ: «Прогнѣвался Господь на насъ», повторяя безпрестанно напѣвомъ плачевнымъ. Я, показывая своимъ сего мальчика, обливалъ лицо свое горестными слезами, стоналъ, мучился, держа въ мысляхъ своихъ слова сіи: «Господи! Ты встрѣчаемъ былъ младенцами, поющими: «Осанна въ вышнихъ, благословенъ грядый во имя Господне!»; сей же, напротивъ, отрокъ, вмѣсто сей радости, оглашаетъ воздухъ горестными слезами и укоряетъ насъ во грѣхахъ нашихъ». При семъ случаѣ пришли къ намъ еще французы и велѣли за собою слѣдовать. Пришедши въ Зарядье, загнали насъ, какъ овецъ, на дворъ и заперли за нами ворота. Здѣсь мы, видя премного предлинныхъ скамей, думали, что съ нами хотѣли дѣлать. Я мыслилъ, не хотятъ ли насъ заставить крошить хлѣбъ для сухарей, а другіе, что насъ для того въ семъ мѣстѣ заперли, чтобъ мы вмѣстѣ съ симъ домомъ сгорѣли. Но мы всѣ ошиблись. Видѣли, какъ выносилъ одинъ французъ мѣшокъ, ставилъ у воротъ, потомъ пошелъ за другимъ, и такъ вынесъ ихъ до 30 или больше. Непріятели приказывали намъ взять сіи мѣшки и нести за собой. Мы, взявшись за сіи ноши, любопытствовали и узнали, что это были сухари; несли за ними въ другой домъ, кой былъ въ довольномъ разстояніи отъ сего дому. Пришедшимъ намъ сюда непріятели дали намъ саломаты; я только отвѣдалъ, и еслибы ѣсть хотѣлъ, то и тогда бы не сталъ ѣсть. Потомъ поставили пива самаго дурного и, спустя немного времени, опять велѣли намъ нести сіи ноши изъ этого дома. Мнѣ уже не досталось нести мѣшка, а дали намъ нести что-то въ ведрѣ жидкое. Въ оное время видѣли мы своихъ бродящихъ, ищущихъ мѣста, гдѣ бы укрыться; ходили они точно сонные, не понимающіе одинъ другого. Наполненъ будучи симъ, вдругъ увидѣлъ я несходствующаго лицомъ на прочихъ человѣка, который походилъ на евреянина: волосы у него были темно-русые, нѣсколько завиты, росту средняго, носъ съ горбиною, глазами своими смотрѣлъ на меня удивительно; далъ онъ намъ дорогу, дѣлая знакъ, будто и онъ, какъ и прочіе, опасается. Я же, замѣтя его, шелъ тихо и далъ ему пройти. Потомъ тихо сказалъ своему товарищу, поставилъ ведро подъ тѣмъ предлогомъ, якобы мнѣ непривольно нести, а самъ обратилъ лицо свое назадъ и смотрѣлъ на него, равно и онъ на меня. Когда же отвратилъ лицо, тогда онъ пересталъ смотрѣть и пошелъ прямо. Въ сіе-то время сказалъ я громко: «О Боже! Доколѣ будутъ съ нами встрѣчаться несчастья? Доколѣ будешь Ты наказывать насъ рукою вѣроломнаго непріятеля?» Принесши на дворъ, увидѣли, что мои женщины сидѣли здѣсь у стѣны и слушали худо болтающаго по-русски французскаго какого-то чиновника, кой закрывалъ свои знаки коротенькой шубейкой, чего я и слушать не хотѣлъ. Будучи сжатъ холодомъ, сѣлъ съ родительницею дальше отъ всѣхъ и закрылъ себя полами ея салопа, и тѣмъ нѣсколько согрѣлся. Спустя немного, опять приказывали намъ нести сухари. Мы брали и выносили оные мѣшки уже на набережную, гдѣ, поставя, спрашивалъ я ихъ о своихъ женщинахъ, и они мнѣ го-

ворили, якобы онѣ пошли впередъ, изъ чего ясно узналъ ихъ ложь, что они меня хотѣли отъ нихъ отклонить. Въ семъ случаѣ предался я волѣ Провидѣнія Божія и просилъ ихъ, чтобъ они меня отпустили посмотрѣть на мой домъ, и они мнѣ дали на волю выбирать любое изъ двухъ: или остаться съ ними, или идти въ домъ. Отнесъ я имъ съ набережной внизъ къ Москвѣрѣкѣ свой мѣшокъ, въ награду получа отъ нихъ три кренделя. Идя набережной, я обращалъ взоръ свой на всѣ стороны, не познавалъ мѣстъ и дороги, куда мнѣ идти, наконецъ, узналъ,

Маска императора Александра I.

что я у моста Москворѣцкаго, кой уже весь сгорѣлъ. Далѣе продолжая путь свой, встрѣтился со мною злодѣй и заставилъ меня нести за собою свѣчи сальныя. Пришедши въ часовню, непріятель сей говорилъ мнѣ по-русски, мѣшая французскія слова, показывая пальцемъ на образа, чтобъ съ нихъ содрать ризы, отъ чего и будутъ деньги. Я ему ничего въ семъ не прекословилъ, но только отъ него отвернулся; потомъ онъ вышелъ оттуда и пошелъ, куда ему надобно. Слѣдуя за нимъ съ поспѣшностью, уронилъ я двѣ свѣчи и кричалъ ему, чтобы онъ остановился; поднимающаго свѣчи ударилъ онъ меня дважды палкою, потомъ, ощупывая меня, нашелъ крестъ, сорвалъ и бро-

силъ. Отъ сего я пришелъ во рвеніе и великій гнѣвъ и едва изъ себя не вышелъ: хотѣлъ было наступить на него. Но вдругъ мнѣ пришли на мысль малолѣтнія дѣти мои, привелъ я на память опасность жизни и сиротство ихъ, имѣющее произойти отъ непокорности. Непріятель изъ сего моего поступка увидѣлъ, что я ему не надежный рабъ, остановился и спрашивалъ: «Ты нашъ?» Я сказалъ ему, что русскій, и онъ, ощупавъ меня, сказалъ: «О, ты голый!» толкнувъ рукой и ударя одинъ разъ палкой, сказалъ: «Поди!» Отошедши нѣсколько, думалъ я: «Ну, ежели попадусь къ такому же злодѣю!»

Наконецъ рѣшился идти туда же, гдѣ я сухари носилъ. Не болѣе я отошелъ, какъ шаговъ десять, вдругъ часовой наѣзжалъ на меня и ударилъ прикладомъ такъ, что съ ноги моей соскочилъ туфель; я поднималъ его и получилъ отъ него вторичные удары. Хотя я ему ничего противнаго не говорилъ, кромѣ словъ: «Дай же мнѣ поднять туфель!» но онъ думалъ, что я ему противлюсь, оборотя ружье, хотѣлъ заколоть меня штыкомъ; другой, подскочивъ, съ великою скоростью вынулъ саблю и ударилъ меня по лѣвой рукѣ и по боку такъ жестоко, что я думалъ, будто онъ меня пересѣкъ пополамъ. Снявши съ другой ноги туфель, бросилъ къ нимъ, а самъ пошелъ по тракту, ведущему въ мой домъ, безпрестанно читая молитву: «Господи, Іисусе Христе, Боже нашъ!» и проч. и съ сею молитвою дошелъ благополучно до самаго моего дому, не видавъ ни одного француза. Одно лишь эхо въ ушахъ моихъ было слышно: «Наполеонъ». Мечталось мнѣ, будто онъ вездѣ ходилъ и мучилъ народъ христіанскій. Сія мысль происходила отъ безсонницы. Наконецъ, пришедъ въ свою улицу, смотрѣлъ на всѣ стороны, заливаясь слезами; не узнавалъ, гдѣ чей домъ былъ. Самыя трубы мнѣ казались за людей или большихъ гигантовъ, будто нарочно поставленныхъ для караула. Въ какомъ видѣ мнѣ сіе представлялось, въ такомъ и описываю. Въ страхѣ человѣку можетъ мечтаться все удивительнымъ и чуднымъ. Пришедъ къ своему мѣстопребыванію, увидѣлъ, что одинъ только пепелъ тлился надъ нимъ. Тогда-то я сказалъ со слезами: «И вотъ мое имѣніе! Вотъ моя и пища! Вотъ все въ этомъ пеплѣ заключается!» Легши на него, началъ горько плакать; потомъ всталъ и пошелъ посмотрѣть, нѣтъ ли кого. И увидѣлъ вдали человѣка, идущаго прямо ко мнѣ, кой, пришедши, проливалъ со мною слезы. Въ сіе время я былъ внѣ себя и, по долгомъ испытаніи, едва я могъ узнать его: оный человѣкъ былъ господина Нестерова. Я звалъ его въ подвалъ въ домъ Новосильцова, чтобъ нѣсколько успокоиться; пришедъ туда, уснули мы крѣпко.

Поутру 5 сентября всталъ я очень рано, но товарища моего уже не было. Потомъ видѣлъ влѣзающаго ко мнѣ непріятеля, коего я самъ, да и изъ отвѣтовъ его, узналъ, что онъ былъ полякъ, и потому ударилъ его такъ сильно, что онъ, не могши стоять на ногахъ, упалъ; потомъ, поднявши за воротъ и ударивши его вторично, выбросилъ изъ подвала. По учиненіи сего поступка ясно увидѣлъ, что худо сдѣлалъ. Размышлялъ, какъ бы спастись, и вышелъ въ то же время въ другой подвалъ, скрывшись въ вырытой ямѣ. И здѣсь меня непріятели увидѣли и сыпали мелкимъ кирпичомъ на голову мою; потомъ два половинчатые кирпича бросили на меня. Сіи удары едва могъ я вытерпѣть; однакожъ не вставалъ. Они, видя меня не встающаго,

начали ворочать штыкомъ, потомъ сами влѣзли ко мнѣ въ яму, ощупывали меня, ударили и ругали, однакожъ оставили. Послѣ ихъ, спустя нѣсколько, вышелъ я вонъ посмотрѣть, куда бы мнѣ удалиться, и увидѣлъ близъ церкви Покрова Левшина многихъ нашихъ русскихъ, стремглавъ пустился къ нимъ и, прибѣжавши, старался подлѣ нихъ сѣсть. Увидѣвъ золу, еще не простывшую, сѣлъ на нее, но и здѣсь непріятели насъ безпокоили и тревожили; даже ни одной не проходило минуты, чтобы они насъ не обирали. Потомъ по приглашенію нѣкоторыхъ пошли мы въ домъ какого-то князя, гдѣ жила мнѣ неизвѣстная нѣмка, знакомая симъ. У ней нѣсколько обогрѣлись и вдругъ увидѣли, что и этотъ домъ зажгли, отъ чего я поспѣшно вышелъ одинъ и пошелъ къ своему дому, гдѣ постоялъ, какъ сумасшедшій. Потомъ, пришедши въ свое положеніе, обратился къ церкви священно-мученика Власія, пошелъ поклониться ему; но, дошедъ къ церкви, увидѣлъ множество прихожанъ другихъ церквей, діаконовъ и священниковъ, квартальнаго поручика съ женою и дѣтьми, коего при мнѣ также ограбили и раздѣвали, оставя въ однихъ портахъ. Въ горячности хотѣлъ было онъ бѣжать и жаловаться ихъ генералу, но злодѣи, остервенившись, приставили издали прямо на него ружье и тѣмъ самымъ его отвратили отъ бѣгства и не лишили жизни. Я съ ужасомъ и трепетомъ взиралъ на сіе страшное позорище, дрожалъ отъ холода и стужи. Въ сихъ горестныхъ обстоятельствахъ предалъ себя совершенно промыслу Божію, потомъ увидѣлъ идущую ко мнѣ родительницу, коя чрезвычайно обрадовалась мнѣ, равно и я ей; давала мнѣ, будучи сама томима голодомъ, засохлыя корочки. Я бралъ оныя и дѣлилъ съ нею пополамъ, видя, что и ей себя нужно было подкрѣпить. Посторонніе, видя наше преніе, дали намъ хлѣба небольшой ломтикъ, кой мы принявши благодарили ихъ. Послѣ сего я разспрашивалъ, гдѣ она оставила мать съ дочерью. Она разсказывала мнѣ такимъ образомъ: «Когда вы несли сухари на набережную, то воспрепятствовалъ намъ слѣдовать за вами тотъ самый непріятель, кой вралъ намъ порусски, и велѣлъ намъ за собой идти. Пришедши въ домъ, заперъ насъ. Чрезъ нѣсколько минутъ явился въ такомъ же одѣяніи непріятель не тотъ уже, а другой; старался всячески обольщать сію дѣвицу, но не имѣлъ успѣха; обратилъ мысли на служанку, оставя дѣвицу, взялъ ее и дѣлалъ удовлетвореніе своимъ прихотямъ. Потомъ приходилъ оный же французъ къ намъ, стращалъ насъ, кричалъ: «Подпаливай!» Изъ чего мы заключили, что насъ хотѣли сжечь. Опять приходилъ первый, сюда насъ приведшій, и сего пьянаго выгналъ, а насъ отвелъ въ Воспитательный домъ. И сей дѣлалъ предложеніе оной дѣвицѣ, однакожъ при мнѣ ничего съ ней не послѣдовало. Оставилъ насъ однѣхъ въ темныхъ покояхъ, гдѣ мы, сидя, думали, что намъ дѣлать. Наконецъ я рѣшилася идти и искать тебя, и они за мною вслѣдъ шли. На тотъ часъ, по счастью моему, часовой ихъ спалъ, и мы безпрепятственно прошли ворота. Обрадовавшись сему, пустилась я бѣжать, а они останавливали меня для отдохновенія; тогда рѣшительно я имъ сказала: «Пусть вы здѣсь отдыхаете, а я пойду искать зятя моего!» Оставя ихъ, пошла съ рабочей дѣвкой, и тѣмъ она окончила свою повѣсть.

При наступленіи ночи квартальный предлагалъ намъ всѣмъ, чтобъ мы оставили сіе мѣсто и шли бъ съ нимъ въ садъ Кор-

саковъ. На что многіе согласились, и я съ родительницею за ними слѣдовалъ. Пришедши въ оный садъ, нарвалъ для себя рябины и употреблялъ ее въ пищу. Прочіе имѣли здѣсь коечто сокрыто и тѣмъ самымъ питались, а у меня ничего не было, кромѣ упомянутой рябины. Началъ сожалѣть о томъ, что ушелъ отъ церкви, и опять рѣшился идти къ оной. Со мной же пошелъ неизвѣстный мнѣ мужчина съ женой и малымъ груднымъ ребенкомъ. На пути встрѣтился съ нами злодѣй, имѣющій на головѣ шапку архимандричью; я отъ него съ поспѣшностью старался убѣжать. Оставивъ меня непріятель безъ вниманія, приступилъ къ оной женщинѣ, съ ребенкомъ бывшей, снялъ съ нея салопъ, а съ мужа ея — рубашку. Спасшись бѣгствомъ отъ непріятеля, пришли мы опять къ церкви, легли на травѣ, сжавшися всѣ въ кучу, чтобъ тѣмъ согрѣть самихъ себя. При наступленіи ночи видѣли мы одного молодого человѣка, подходящаго къ намъ, ищущаго своихъ родственниковъ и не нашедшаго въ нашей кучѣ. Мы, остановя его, спрашивали, что у него въ подолѣ,

Наполеонъ I въ гробу.

и узнали изъ словъ его, что говядина. Я первый началъ просить его, чтобъ онъ удѣлилъ мнѣ немного. Получивши отъ него, дѣлилъ пополамъ съ родительницею и, употребляя въ пищу, горестно восклицалъ сими словами: «О Боже мой! При всемъ моемъ голодѣ, чувствую омерзѣніе и запахъ отвратительный, худшій самыя падали», и заглушалъ оный заразительный духъ рябиною. Всю сію ночь проводили мы на травѣ.

6 сентября поутру пришелъ къ намъ булочникъ, чухонецъ, и садился подлѣ меня; далъ мнѣ для сбереженія въ мѣшочкѣ горохъ сухой и велѣлъ мнѣ ѣсть. Сіе меня обрадовало, и я почиталъ его посланнымъ отъ Бога. Здѣсь видѣлъ я сосѣда моего учениковъ, приходившихъ ко мнѣ и приносившихъ мнѣ коринки и изюму. Получа отъ нихъ сіе, берегъ и давалъ малымъ дѣтямъ, а матери ихъ и отцы, въ замѣну сего, старались мнѣ давать кто корочку хлѣба, а кто картофелю. Злодѣи же наши не переставали насъ безпокоить: сперва вошли въ церковь, а потомъ къ намъ, обыскивали насъ и, ничего не найдя, ругали насъ; потомъ другіе, третьи и такъ безпрестанно они насъ посѣщали. По прошествіи сего дня хлѣбъ уже у насъ весь изошелъ, только что и былъ у одного булочника горохъ. Онъ хотя и не хотѣлъ дѣлить нашимъ товарищамъ, однакожъ, по увѣщаніи, далъ мнѣ волю быть раздаятелемъ.

7 сентября рѣшились мы жить въ церкви. Насъ было числомъ 18 человѣкъ, и малыхъ и большихъ. Въ семъ священномъ мѣстѣ мы какъ бы уже готовили себя на жертву симъ безчеловѣчнымъ грабителямъ и условились между собою всѣ вмѣстѣ ѣсть, кто что ни имѣетъ. Пріуготовляли для себя пищу самую небогатую и ѣли съ умѣренностью. Но не долго сіе продолжалось. Очень скоро прекратилось наше сіе дружелюбіе: нашло къ намъ народу такого, который нашу связь разстроили, а именно: пьяницы, одинъ другому прекословили, другъ у друга чинили грабежи, ругались и кричали и другъ друга упрекали, словомъ сказать... Я сколько ни старался уговаривать, но мои слова ни малаго дѣйствія и вліянія не имѣли на сердца ихъ. Тихими и скромными они учинялись тогда, когда видѣли непріятелей. Въ сіе священное мѣсто стекаясь злодѣи обыскивали насъ, такъ, какъ и прежде, искали денегъ, серебра и бумажекъ. Если же у кого находили ключи, то къ тому привязывались и требовали, чтобъ показали имъ сундучки и ящички. Послѣ сего тотчасъ всѣ бывшіе у насъ ключи мы отобрали и покидали. Видѣли и еще приходящихъ, но уже не съ такимъ страхомъ взирали мы на ихъ, какъ прежде, потому что не къ чему уже было привязаться; входили и, нѣсколько посмотрѣвъ, опять уходили.

8 числа, поутру, приходили къ намъ наши русскіе и говорили, что выйти изъ Москвы никакъ нельзя; кто и пошелъ, тотъ едва ли спасется отъ смерти. Потомъ услышали мы, якобы нашъ Августѣйшій Императоръ, Александръ Павловичъ, скончался. Сія вѣсть привела насъ въ великое возмущеніе и безпокойство и навлекла на насъ еще большій страхъ.

9 числа, поутру, началъ я читать канонъ Пресвятѣй Богородицѣ. Читая оный со слезами, увидѣлъ вдругъ входящихъ разныхъ націй грабителей, воспрепятствовавшихъ мнѣ болѣе читать и наполнять душу мою симъ усерднымъ моленіемъ; смотрѣлъ на ихъ мерзкія насмѣшки, подобныя діавольскимъ искушеніямъ; видѣлъ, какъ они надругались надъ святынею;

просилъ Бога, чтобъ ихъ не допустилъ скончать дни жизни моея и чтобъ не лишилъ видѣть малыхъ дѣтей моихъ. Сія мысль не только въ этотъ, но и всѣ дни была у меня.

10 числа пошла одна старушка готовить для насъ пищу; нечаянно труба упала на нее; едва только успѣли ее исповѣдать, она умерла. Совершивъ надъ нею службу по долгу христіанскому, положили въ погребѣ. Французы, видя насъ зарывающихъ ее близъ церкви, бѣжали къ намъ съ великимъ стремленіемъ, думая, что мы имущество зарываемъ. Прибѣжавъ, засмѣялись громко и пошли отъ насъ прочь.

11 сентября, всегда поутру, увѣдомляли насъ разные наши россійскіе новостями, возмущающими только насъ, что мы отчаявались выйти когда-нибудь изъ Москвы. Въ сей день пришло къ намъ шесть звѣрообразныхъ непріятелей, имѣющихъ у себя предлинный ножъ. Стали они приставать къ священнику, думая, не спряталъ ли онъ что-нибудь церковнаго. Но сей священникъ былъ сельскій и неученый, не понималъ ихъ словъ; ставъ у царскихъ вратъ, ожидалъ себѣ смерти. Оные враги устрашали его и окровенили предъ вратами царскими полъ, поранивъ ему руку. Отъ всѣхъ сихъ страховъ страдали мы болѣзнью желудочною; да и нечѣмъ было укрѣпиться нашему желудку: въ пищу обыкновенно мы употребляли рѣдьку и картофель, да и тотъ трудно было пріобрѣтать; когда за нимъ ходили, то попадались французамъ: одному снесешь—другой заставлялъ. И такъ опять приходили уже обезсиленными и голодомъ томимыми. Мой же чухонецъ меня не оставлялъ: онъ всегда приносилъ картофель и спасалъ меня и родительницу отъ голода, а я и другихъ снабжалъ. При всемъ же томъ случалось, что мы были дня по три и болѣе безъ пищи.

12 сентября приходили къ намъ нѣкоторые люди иностранные, только не солдаты, кои умѣли говорить по-русски, и дѣлали выговоры намъ, для чего мы не приняли съ честью Бонапарта. «Еслибы вы его встрѣтили со славою и почестями, то не претерпѣли бы такого разоренія». Но я говорю имъ, что таковому завоевателю, каковъ Бонапартъ, не должно бъ совсѣмъ имѣть въ мысляхъ честолюбія и думать объ этомъ, чтобъ его принялъ съ какою-нибудь честью простой и бѣдный народъ, ничего у себя не имѣющій, кромѣ одного только усердія къ Богу и своему Государю. Видѣли мы нашедшую тучу, покрывшую небо пасмурными облаками, былъ великій громъ; мы всѣ пали на колѣни, повергшись предъ престоломъ величества Божія. Діаконъ здѣшнія церкви сталъ у престола Божія съ распростертыми руками; словомъ, всѣ мы молились и, кажется, тогда просили объ одномъ томъ, чтобъ Всевышній показалъ чудо надъ нашими врагами и разсыпалъ бы сихъ жестокосердыхъ враговъ. По прошествіи сея грозныя тучи, приходили непріятели, изъ коихъ одинъ, войдя въ алтарь, увидѣлъ написанную плащаницу, началъ лобызать ноги тѣла Христова, отъ всего своего сердца припадалъ къ сему образу и дѣлалъ поклоненіе. При наступленіи ночи мы видѣли на небѣ два знаменія, подобныя ракетамъ, стоящимъ очень долгое время безъ всякаго измѣненія, и также тонкія и свѣтлыя, какъ пускаютъ ракеты. Сему явленію я не могу надивиться: пожаръ ли былъ сего причиною, или другое какое-нибудь предзнаменованіе? Оставя сіе писать, обращаюсь паки къ собственной своей исторіи.

13 числа пришли наши россійскіе купцы, священники и разные чиновники. Всѣ они были изранены: у кого голова проломлена, у кого рука, кто одѣтъ рогожей,—словомъ, на всѣхъ ничего не было. Если тѣло ихъ покрыто было чѣмъ, то именно ободранными рубищами. Пришелъ сюда и тотъ самый, кой носилъ со мной сухари и ведро. Увидѣвши его, я заплакалъ, и онъ также. Потомъ я спрашивалъ, гдѣ онъ былъ въ продолженіе сего времени, и я узналъ изъ отвѣтовъ его, что онъ былъ въ работѣ у французовъ; надѣялся, говорилъ онъ мнѣ, что въ домѣ господина моего сокрытая мука будетъ цѣла, но, къ несчастью, все разграблено такъ, что я ничего не нашелъ. Потомъ пришелъ другой мой сосѣдъ, столяръ, увидѣлъ меня въ одномъ кафтанѣ и говорилъ: «У меня есть тулупъ калмыцкаго мѣха; возьмите его, хотя отъ него и есть смердящій запахъ», чему я чрезвычайно обрадовался. Какое же удивленіе! Видѣлъ, что оный тулупъ былъ мой; спрашивалъ, какъ онъ къ нему попалъ; онъ отвѣчалъ, что подняли его ученики на улицѣ; надѣвая его на себя, чувствовалъ запахъ весьма тяжелый, отъ коего чуть меня не вырвало, и самые французы, слыша сей запахъ, не отняли у меня сего тулупа.

14 числа обирали отъ насъ непріятели свѣчи, какъ сальныя, такъ и церковныя, и съ оными иногда приходили въ церковь въ ночное время, стращали и били насъ.

15 числа пришли къ намъ ночью двое утомленные силами и хотѣли у нѣкоторыхъ отнимать одежду для подстилки подъ себя, но, видя на насъ худыя рубища, брали ризы ободранныя и ложились на полъ, содранными же съ престоловъ и жертвенниковъ одѣяніями облекали себя и препровождали сію ночь съ нами. Поутру, очень рано, одинъ французъ, вставши, увидѣлъ еще товарища своего крѣпко спящаго и унесъ у него сумку. Чрезъ нѣсколько времени вставшему сему непріятелю сказывали мы, что его товарищъ давно ушелъ и взялъ его сумку и ружье, отъ чего онъ началъ плакать, и видно по всему, что онъ сожалѣлъ о сей потерѣ.

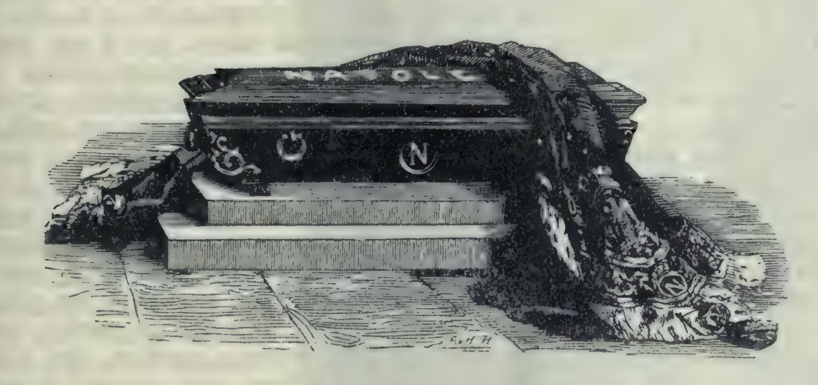
16 сентября начали мы съ собою размышлять, какъ бы удалиться изъ Москвы, ибо опасались, чтобъ не заразиться отъ наполненнаго худыми испареніями мертвыхъ тѣлъ воздуха. Но какъ мы ни думали, но не находили случая выйти изъ Москвы. Посылалъ я родительницу справиться въ Университетѣ, не остался ли кто изъ нашихъ родственниковъ въ ономъ; также еще посылалъ къ Петру и Павлу на Басманную, въ домъ нашего же родственника, купца Нечаева, въ коемъ она нашла родную свою сестру и племянницу, съ четверыми живущую въ подвалѣ онаго дома, и увѣдомляла меня объ оныхъ.

17 числа приходя наши россійскіе увѣряли насъ, что можно выйти изъ Москвы въ ночное время; днемъ же идти чрезъ Лазарево кладбище подъ предлогомъ будто за картофелемъ. Разспросивши подробно о семъ, я рѣшился какъ можно выйти изъ Москвы.

18 числа опять приходилъ къ намъ Спаса-Песковъ дьячокъ и удостовѣривалъ насъ, что онъ трижды изъ Москвы выходилъ и опять въ оную столько жъ разъ возвращался, чѣмъ насъ всѣхъ вывелъ изъ сомнѣнія и подалъ нѣкоторый лучъ надежды душѣ нашей къ освобожденію изъ плѣна. По просьбамъ и убѣжденіямъ нашимъ взялся онъ насъ выпроводить изъ Москвы,

съ тѣмъ только условіемъ, чтобъ не было съ нами женщинъ, такъ какъ онѣ не могутъ: труды великіе и чрезъ коихъ бы мы учинились жертвою враговъ нашихъ. Услыша сіе, родительница моя рѣшилась остаться, въ томъ намѣреніи, чтобъ вслѣдъ за нами идти.

19 я и надворный совѣтникъ Шараповъ, еще изъ Чудова монастыря молодой дѣтина пріуготовлялись къ выходу изъ Москвы, и лишь только начали употреблять изготовленную нами пищу, вдругъ увидѣлъ я идущую сестру моея родительницы, увидѣлъ и, заливаясь слезами, говорилъ ей, что я сегодняшній день намѣренъ выйти изъ Москвы. И такъ, простившись въ разстроенномъ положеніи съ моими родными, пошелъ въ настоящую церковь, падалъ предъ Спасителемъ, Божіею Матерью и предъ иконою священномученика Власія. Подходя къ улицѣ Арбатской, увидѣли мы множество французовъ, ѣхавшихъ съ фурами, и со страха укрывалися за трубы, давъ имъ проѣхать.

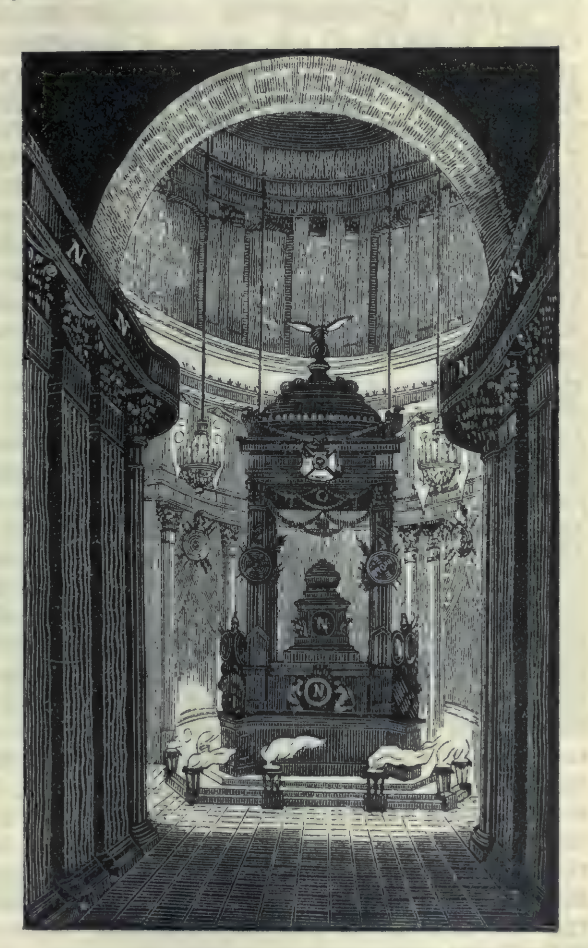
Гробъ Наполеона I.

Наконецъ, пришедши въ приходъ Спаса-Песковъ, нашли мы своего путеводителя въ подвалѣ сгорѣвшаго одного большого дома. Пошли въ путь пожарищами, стараясь смотрѣть во всѣ стороны и укрываться отъ злодѣевъ нашихъ. Однакожъ мы, какъ ни старались укрываться отъ нихъ, но повсюду встрѣчали ихъ и отъ взора ихъ приходили въ великій страхъ. Далѣе продолжая путь свой, вышли мы на бульваръ, наполненный мертвыми лошадьми. Послѣ сего опять попадались намъ навстрѣчу подлѣ Страстного монастыря французы, ѣдущіе съ фурами, коихъ лошади едва тащили бремена сіи. При сей встрѣчѣ крайне мы опасались, чтобъ не заставили насъ, вмѣсто оныхъ лошадей, тащить фуры. Бѣжали какъ наивозможно скорѣе къ канавѣ и видѣли, что тамъ наши россійскіе строили на своихъ сгорѣвшихъ мѣстахъ для жилища своего шалаши. Продолжая путь нашъ неудобными мѣстами, наконецъ, пришли въ поле, гдѣ была насѣяна рѣпа; дѣлали видъ, что мы ее собираемъ; между тѣмъ мало-по-малу приближалися къ Лазареву кладбищу. Пришедши сюда, въ страхѣ и трепетѣ обходили оную церковь, и лишь только хотѣли перейти чрезъ валъ, здѣсь имѣвшійся, вдругъ услышали голосъ часового француза, и отъ онаго въ такой ужасъ и робость пришли, что едва не пали на землю. Чувствуя во всѣхъ нашихъ членахъ сильное потрясеніе, едва могли прибѣжать въ лѣсъ за сими нашими провожатыми; такія даже случились мѣста, что принуждены были иногда ползти

шаговъ 50 и болѣе. Версты четыре отбѣжавъ, увидѣли вдали везущихъ нашихъ непріятелей снопы; сѣли у пней, чтобы непріятелямъ не попасться въ руки.

Послѣ сего хотя мы и достигли большого лѣса, однакожъ часто случалось, что принуждены были идти краемъ онаго лѣса, гдѣ видѣли не болѣе отъ насъ разстояніемъ полуверсты огни и непріятельское войско и всячески старались укрываться, заходя въ чащину лѣса. Когда же ночь покрылась совершеннымъ мракомъ, тогда безопаснѣе мы шли, хотя еще и не безъ страха. Прошедши 7 верстъ разстояніемъ отъ Москвы, сопроводники поздравили насъ, что на пути уже почти никакихъ нѣтъ опасностей, но мы еще все опасались. Пришли къ рѣчкѣ, чрезъ которую надобно намъ перейти, и нашли такое мѣсто, гдѣ лежали чрезъ рѣчку перекладины. По нимъ проходили сперва наши провожатые, потомъ я при вспомоществованіи данной мнѣ отъ нихъ палки; за мною и надворный совѣтникъ, кой, при всей моей помощи, упалъ въ рѣку, потому что у него не владѣла одна рука. Встащивши его на крутой берегъ, устремлялись далѣе въ путь, между тѣмъ сопроводники говорили намъ, чтобъ мы какъ можно скорѣе шли и не говорили ни слова. Совратившись съ пути, вели они насъ болотами и кочками, гдѣ нерѣдко случалось стремглавъ падать. Наконецъ, съ великимъ трудомъ вышли на большую дорогу, и провожатые уже здѣсь совершенно насъ поздравили безопасностію и намѣревались утомленному духу своему дать покой. Они здѣсь разсказывали намъ, что въ семъ мѣстѣ наши казаки отбили обозъ и многихъ побили. Слышавъ я отъ нихъ сіе уговаривалъ, чтобъ они поскорѣй отъ онаго мѣста удалились, ибо мнѣ все казалось, что мы еще не ушли отъ нашихъ варваровъ. По совѣту моему они пошли далѣе. Отошедши 20 верстъ, такъ я изнемогъ въ силахъ своихъ, что едва уже могъ идти. Назначенное же нами мѣсто для долгаго отдохновенія еще было разстояніемъ въ 5 верстахъ. Въ семъ случаѣ я ихъ упрашивалъ нерѣдко отдыхать, и сіи 5 верстъ мы шли нога за ногу. Пришли чрезъ великую силу въ деревню, гдѣ дьячокъ не намѣревался еще остаться, но полагалъ свое намѣреніе дойти до села *Медвѣдкова*, въ коемъ онъ всегда имѣлъ свое мѣстопребываніе. Но я, Шараповъ и еще третій мужчина остались въ сей деревнѣ и едва могли себя найти для успокоенія нашего квартиру въ 5-мъ домѣ. Вошедши въ домъ хозяина, увидѣли здѣсь нашихъ солдатъ раненыхъ, ушедшихъ же изъ плѣна. Сіи добрые хозяева, видя насъ изнемогшихъ отъ голода, натирали рѣдьки, дали хлѣба, потомъ молока, и, сею пищею укрѣпясь, мы успокоились. На другой день поутру опять насъ снабжали они хлѣбомъ, и мы, укрѣпивши себя онымъ, пошли въ село *Пушкино*. Но какъ изъ насъ никто не зналъ дороги, то и нерѣдко мы сшибались съ пути своего. Дошедши же къ воротамъ, увидѣлъ я лающихъ на меня собакъ, отъ которыхъ я ушелъ къ оранжереямъ. Встрѣтясь со мною, одинъ человѣкъ побѣжалъ отъ меня, думая, что я французъ. Я началъ просить его, чтобъ онъ меня оборонилъ отъ собакъ. Услыша меня говорящаго по-русски, остановился; потомъ я спрашивалъ его о моемъ родственникѣ, о женѣ и малолѣтнихъ дѣтяхъ; онъ мнѣ отвѣтствовалъ, что жены моей нѣтъ. Сіе слово поразило меня, точно громовой ударъ. Далѣе продолжалъ онъ рѣчь, что была здѣсь какая-то женщина съ малолѣтними дѣтьми

и уѣхала, не знаетъ куда. Потомъ я его спросилъ, чтобъ онъ проводилъ меня къ моему родственнику, нашедшему мнѣ мѣстопребываніе его сказывали мнѣ хозяева, что онъ пошелъ въ баню. И такъ опять я просилъ сего человѣка, чтобъ проводилъ онъ меня до того мѣста. Увидѣвши меня, родственникъ, едва идущаго, заплакалъ. По долгомъ моемъ съ нимъ разговорѣ товарищи ко мнѣ пришли и говорили мнѣ, что время отправиться изъ сего мѣста. Но я уже далѣе не пошелъ. Простившись съ ними, остался здѣсь съ моимъ родственникомъ, пришелъ на другой уже день; въ половинѣ дня пошли мы въ село *Пушкино* и, купя тамъ баранины, возвратились опять въ *Кудрино*. На другой день звалъ онъ меня въ деревню *Новую*, разстояніемъ въ 4 верстахъ. Въ семъ хотя я и отказывался, чувствуя разслабленіе въ ногахъ, однакожъ пошелъ, и пришелъ съ нимъ въ самый тотъ домъ, гдѣ моя была жена съ малолѣтними дѣтьми. Разспрашивалъ я здѣшнихъ жителей о своей женѣ, и они мнѣ съ великою жалостью говорили, что ваша жена отъ страха, каковой былъ въ то время, едва ли не растеряла дѣтей своихъ. Отъ сихъ словъ почувствовалъ я въ себѣ великій ударъ и нѣкоторую перемѣну; однакожъ скоро опять пришелъ въ прежнее спокойствіе, скидывалъ свои деньги (?), вѣсомъ въ 10 фунтовъ, отдалъ симъ хозяевамъ и просилъ у нихъ на обмѣнъ лаптей, и послѣ сего легъ спать. Проснувшись поутру рано, пошли мы съ родственникомъ въ путь, и какъ слабость моего здоровья не позволяла идти съ великою скоростію, то и нерѣдко сѣтовалъ на меня мой родственникъ. Пришли мы въ Троицкую лавру наканунѣ празднованія Чудотворца Сергія. Отдохнувши здѣсь нѣсколько, пошли опять въ путь и, отойдя 10 верстъ, ночевали. На другой день едва могъ я продолжать путь отъ чрез-

Погребальный катафалкъ Наполеона I.

мѣрнаго изнуренія, однакожъ вознамѣрился идти до самаго Переяславля.

Въ семъ городѣ попались намъ попутчики, ѣдущіе за хлѣбомъ въ Ростовъ, которые взяли съ насъ по рублю довезти до Ростова. Отъ сего я въ себѣ чувствовалъ легость и получилъ слабымъ моимъ силамъ нѣкоторую бодрость, сходилъ въ монастырь поклониться мощамъ святителя Димитрія. Пробывши здѣсь нѣсколько времени, опять пошли въ путь и, отойдя 20 верстъ, ночевали. На ночлегѣ здѣсь ночевали съ нами вмѣстѣ и рекруты, изъ коихъ я примѣтилъ одного съ неумѣренностію пьющаго вино. Напившись, онъ кричалъ, бродилъ повсюду, изъ устъ его извергались сквернословія даже и на насъ. Поутру вставши рано, безпрестанно онъ требовалъ отъ отдатчика вина, и вдругъ выпилъ за одинъ разъ три стакана. Видя его такую алчность и пристрастіе къ вину, говорилъ я отдатчику, чтобы онъ какъ можно его старался сберечь и удалять отъ излишняго употребленія вина: въ противномъ случаѣ обопьется, если ему будетъ дана воля, что въ самомъ дѣлѣ и случилось: услышали мы на дорогѣ о смерти сего молодого человѣка и крайне сожалѣли о немъ. Въ 25 верстахъ отъ Ярославля наняли мы попутчика. Доѣхавъ благополучно до сего города, были мы въ крестномъ ходу, гдѣ видѣли покойнаго принца [1]) и великую княгиню Екатерину Павловну. Послѣ сей церковной церемоніи сошли мы на берегъ рѣки Волги, гдѣ увидѣли многихъ садящихся въ лодку и ѣдущихъ, иныхъ въ Нижній Городъ [2]), другихъ въ Кострому. Сему случаю крайне я радовался и говорилъ хозяину лодки, чтобы онъ насъ посадилъ до Костромы. По привѣту его мы тотчасъ рѣшились сѣсть въ его лодку и ѣхали всю ночь. Стужа и страхъ, отъ волнъ происходящій, крайне насъ безпокоили. Правители были самые неискусные: они не знали ни мели, ни способа управлять хорошо лодкою, часто наѣзжали на пески, стояли на одномъ мѣстѣ иногда часа по два и болѣе, безпокоились, изнуряли свои силы, сворачивая лодку въ глубину воды. Не думалъ я, находившись въ страхѣ съ товарищами своими, доѣхать до Костромы. Но, при помощи Божіей, пріѣхали мы въ оный городъ и крайне радовались, благодаря Бога за спасеніе нашей жизни. Потомъ, взошедши въ гору, выпили нѣсколько сбитню для отогрѣнія себя, и хотя искали въ семъ городѣ общаго нашего благодѣтеля, сказывая его имя и фамилію, но не могли узнать отъ встрѣчавшагося съ нами народа, гдѣ его находится мѣстопребываніе. Часто останавливаемы были здѣшними жителями и разспрашиваемы были отъ нихъ о родѣ нашемъ, и состояніи, и извѣстности. И мы, отвѣчая имъ краткими словами, бѣгали изъ улицы въ улицу и старались сыскать того, кто намъ нуженъ былъ. Наконецъ, попался намъ такой человѣкъ, который зналъ домъ нашего благодѣтеля и привелъ насъ въ оный.

Боже мой! Какое зрѣлище! Увидѣлъ я жену мою, коя, смотря на меня, изнуреннаго отъ снѣдаемой печали, совершенно перемѣнившагося, спрашивала меня о своей родительницѣ, о домѣ и имѣніи. Я же, на вопросы ея никакого не дая отвѣта, спрашивалъ: живы ли малолѣтнія мои дѣти? И вдругъ она по-

---

[1]) Ольденбургскаго.
[2]) Нижній-Новгородъ.

бѣжала въ комнаты и, не допуская меня, по причинѣ скорости своей, войти въ оныя, вынесла мнѣ моего сына. О! Да умолкнетъ здѣсь языкъ мой! Не въ состояніи я теперь описать ту радость, кою я чувствовалъ отъ чрезвычайной радости. Увидя моего малолѣтняго сына, держа его на рукахъ въ безпамятствѣ, забылъ уже и о другихъ моихъ. Слышалъ голосъ, поражавшій меня жалостною рѣчью неоднократно: «Тятя!» Отъ сихъ, повторяемыхъ имъ, словъ весь я потрясался и заливался необычайно слезами, ласкалъ его, проливая слезы отъ радости; между тѣмъ мать принесла мнѣ маленькую дочь мою, и та утѣшила своею нѣжною улыбкою.

Боже Всемогущій! Твоя всесильная десница сохранила меня, жену и дѣтей моихъ отъ угрожавшей намъ погибели. Надѣюсь, Владыко мой, что не допустишь насъ скитаться и терпѣть нужду. Ты Сердцевѣдецъ, Ты дашь намъ отъ рукъ благотворителей пищу и продовольствіе! Вотъ, читатель мой, какою я былъ тогда наполненъ мыслію. Чрезъ два дня желанія мои и мысли во благихъ исполнились: нашелъ я благотворителя, кой, меня не видавши, прислалъ мнѣ 25 рублей. Вотъ какое Господь попеченіе прилагаетъ о несчастныхъ, лишенныхъ всего и насущнаго хлѣба! Нѣтъ ни одного несчастнаго плѣнника, котораго бы Онъ попралъ торжествующею Своею ногою; отъ самыхъ опасностей, влекущихъ за собою смерть, силенъ Онъ изъять. Примѣромъ сего я могу представить себя. Сколько со мною встрѣчалось опасностей, сколько видѣлъ я отъ непріятелей страховъ и ужасовъ, но Господь не попустилъ мнѣ погибнуть вѣчно! Прославляю теперь Господа моего, повергаюсь предъ Нимъ, возсылая теплыя молитвы. Любезные читатели, прославьте вкупѣ и вы со мною Бога, живущаго на небесѣхъ! Любезные соотчичи, не щадите интереса своего, если видите къ тому удобный случай помочь ближнему, чрезъ что сами избѣгнете бѣдности, и никогда не будете упрекать совѣсть свою, которая насъ часто толкаетъ при встрѣчѣ съ несчастнымъ. Прошу васъ, не отлагайте дѣлать добро до утра и, если можно, тотчасъ помогайте! Тогда узрите лицомъ къ лицу Бога и истину.

Изъ „Былого и Думъ“ А. И. Герцена.

Живой и яркій разсказъ Герцена составляетъ прекрасный pendant къ дневнику «анонимнаго москвича»: онъ художественно рисуетъ положеніе части московскаго населенія, застигнутой врасплохъ приходомъ непріятеля. Въ центрѣ его—характерная фигура отца писателя, Яковлева, «умной ненужности», которому выпала неожиданная судьба — сдѣлаться парламентеромъ Наполеона.

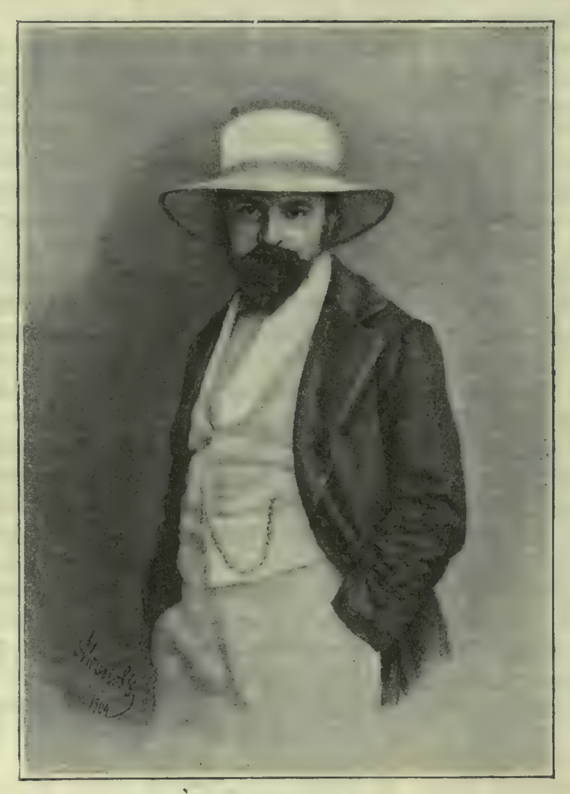
— Вѣра Артамоновна, ну, разскажите мнѣ еще разокъ, какъ французы приходили въ Москву, —говаривалъ я, потягиваясь на своей кроваткѣ, обшитой холстиной, чтобы я не вывалился, и завертываясь въ стеганое одѣяло.

— И! Что это за разсказы, ужъ столько разъ слышали, да и почивать пора, лучше завтра пораньше встаньте,—отвѣчала

обыкновенно старушка, которой столько же хотѣлось повторить свой любимый разсказъ, сколько мнѣ его слушать.

— Да вы немножко разскажите... Ну, какъ же вы узнали, ну, съ чего же началось?

— Такъ и началось. Папенька-то вашъ, знаете какой, все въ долгой ящикъ откладываетъ; собирался, собирался, да вотъ и собрался! Всѣ говорили, пора ѣхать, чего ждать, почитай въ городѣ никого не оставалось. Нѣтъ, все съ Павломъ Ивановичемъ [1]) переговариваютъ, какъ вмѣстѣ ѣхать: то тотъ не готовъ,

А. И. Герценъ.

то другой. Наконецъ-таки мы уложились и коляска была готова; господа сѣли завтракать, вдругъ нашъ кухмистръ вошелъ въ столовую, такой блѣдный, да и докладываетъ: «непріятель въ Драгомиловскую [2]) заставу вступилъ», такъ у насъ у всѣхъ сердце и опустилось, сила, молъ, крестная съ нами! Все переполошилось; пока мы суетились да ахали, смотримъ—а по улицѣ скачутъ драгуны въ такихъ каскахъ и съ лошадинымъ хвостомъ сзади. Заставы всѣ заперли, вотъ вашъ папенька и остался у праздника, да и вы съ нимъ; васъ кормилица Дарья тогда еще грудью кормила, такіе были тщедушные да слабые.

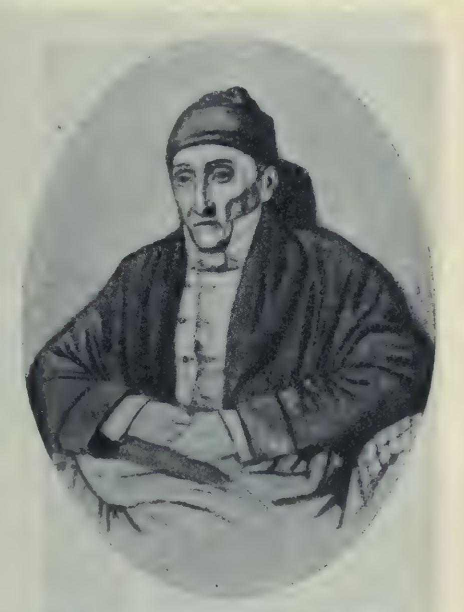
И я съ гордостью улыбался, довольный, что принималъ участіе въ войнѣ.

---

[1]) Голохвастовъ, мужъ сестры отца А. И., Яковлева.

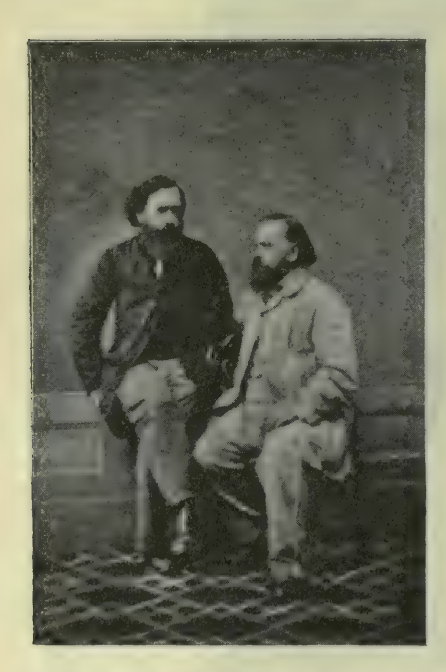
[2]) Дорогомиловскую.

— Сначала еще шло кое-какъ, первые дни, т.-е. ну такъ, бывало, взойдутъ два-три солдата и показываютъ, нѣтъ ли выпить; поднесемъ имъ рюмочки, какъ слѣдуетъ, они и уйдутъ, да еще сдѣлаютъ подъ козырекъ. А тутъ видите, какъ пошли пожары, все больше да больше, сдѣлалась такая неурядица, грабежъ пошелъ и всякіе ужасы. Мы тогда жили во флигелѣ у княжны [1]), домъ загорѣлся; вотъ Павелъ Ивановичъ говоритъ, пойдемте ко мнѣ, мой домъ каменный, стоитъ глубоко во дворѣ, стѣны капитальныя; пошли мы, и господа и люди, всѣ вмѣстѣ, тутъ не было разбора; выходимъ на Тверской бульваръ, а ужъ и деревья начинаютъ горѣть; добрались мы, наконецъ, до Голохвастовскаго дома, а онъ такъ и пышитъ — огонь изъ всѣхъ оконъ. Павелъ Ивановичъ остолбенѣлъ, глазамъ не вѣритъ. За домомъ, знаете, большой садъ, мы туда думаемъ, тамъ останемся сохранны; сѣли пригорюнившись по скамеечкамъ, вдругъ откуда ни возьмись ватага солдатъ, препьяныхъ, одинъ бросился съ Павла Ивановича дорожный тулупчикъ скидывать; старикъ не даетъ, солдатъ выхватилъ тесакъ да по лицу его и хвать,—такъ у нихъ до кончины шрамъ и остался; другіе принялись за насъ, одинъ солдатъ вырвалъ васъ у кормилицы, развернулъ пеленки, нѣтъ ли де какихъ ассигнацій или брильянтовъ, видитъ, что ничего нѣтъ, такъ нарочно озорникъ изорвалъ пеленки, да и бросилъ. Только они ушли, случилась вотъ какая бѣда. Помните нашего Платона, что въ солдаты отдали? Онъ сильно любилъ выпить, и былъ онъ въ этотъ день очень въ куражѣ; повязалъ себѣ саблю, такъ и ходилъ. Графъ Растопчинъ всѣмъ раздавалъ въ арсеналѣ за день до вступленія непріятеля всякое оружіе, вотъ и онъ промыслилъ себѣ саблю. Подъ вечеръ видитъ онъ, что драгунъ верхомъ въѣхалъ на дворъ: возлѣ конюшни стояла лошадь, драгунъ хотѣлъ ее взять съ собой, но только Платонъ стремглавъ бросился къ нему и, уцѣпившись за поводья, сказалъ: «Лошадь наша, я тебѣ ее не дамъ». Драгунъ погрозилъ ему пистолетомъ, да, видно, онъ не былъ заряженъ; баринъ самъ видѣлъ и закричалъ ему: «Оставь лошадь, не твое дѣло». Куда ты! Платонъ выхватилъ саблю, да какъ хватитъ его по головѣ. драгунъ-то покачнулся, а онъ его еще и еще. Ну, думаемъ мы, теперь пришла наша смерть: какъ увидятъ его товарищи, тутъ намъ и конецъ. А Платонъ-то, какъ драгунъ свалился, схватилъ его за ноги и стащилъ въ творило, такъ его и бросилъ бѣдняжку, а еще онъ

И. А. Яковлевъ, отецъ Герцена.

[1]) Хованской, родственницы Яковлевыхъ.

былъ живъ; лошадь его стоитъ, ни съ мѣста и бьетъ ногой землю, словно понимаетъ; наши люди заперли ее въ конюшню, должно-быть, она тамъ сгорѣла. Мы всѣ скорѣй со двора долой, пожаръ-то все страшнѣе и страшнѣе; измученные, не ѣвши, взошли мы въ какой-то уцѣлѣвшій домъ и бросились отдохнуть; не прошло часу, наши люди съ улицы кричатъ: «выходите, выходите, огонь, огонь!» Тутъ я взяла кусокъ равендюка съ бильярда и завернула васъ отъ ночного вѣтра; добрались мы такъ до Тверской площади, тутъ французы тушили, потому что ихъ набольшій жилъ въ губернаторскомъ домѣ; сѣли мы такъ просто на улицѣ, караульные вездѣ ходятъ, другіе верховые ѣздятъ. А вы-то кричите, надсаждаетесь, у кормилицы молоко пропало, ни у кого ни куска хлѣба. Съ нами была тогда Наталья Константиновна, знаете бой-дѣвка; она увидѣла, что въ углу солдаты что-то ѣдятъ, взяла васъ и прямо къ нимъ, показываетъ: маленькому молъ *манже*; они сначала посмотрѣли на нее такъ сурово, да и говорятъ *але, але*; а она ихъ ругать, экіе молъ окаянные, такіе-сякіе; солдаты ничего не поняли, а таки вспрыснули со смѣха и дали ей для васъ хлѣба моченаго съ водой и ей дали краюшку. Утромъ рано подходитъ офицеръ и всѣхъ мужчинъ забралъ и вашего папеньку тоже, оставилъ однѣхъ женщинъ да раненаго Павла Ивановича, и повелъ ихъ тушить окольные дома. Такъ до самаго вечера пробыли мы одни; сидимъ и плачемъ, да и только. Въ сумерки приходитъ баринъ и съ нимъ какой-то офицеръ...

А. И. Герценъ и Н. П. Огаревъ.

Позвольте мнѣ смѣнить старушку и продолжать ея разсказъ.

«Мой отецъ, окончивъ свою брандъ-маіорскую должность, встрѣтилъ у Страстного монастыря эскадронъ итальянской конницы, онъ пошелъ къ ихъ начальнику и разсказалъ ему по-итальянски, въ какомъ положеніи находится семья. Итальянецъ, услышавъ la sua dolce favella, обѣщалъ переговорить съ герцогомъ Тревизскимъ и предварительно поставить часового въ предупрежденіе дикихъ сценъ въ родѣ той, которая была въ саду Голохвастова. Съ этимъ приказаніемъ онъ отправилъ офицера съ моимъ отцомъ. Услышавъ, что вся команда второй день ничего не ѣла, офицеръ повелъ всѣхъ въ разбитую лавку; цвѣточный чай и левантскій кофе были выброшены на полъ вмѣстѣ съ большимъ количествомъ финиковъ, винныхъ ягодъ, миндаля; люди наши набили себѣ ими карманы; въ десертѣ недостатка не было. Часовой оказался чрезвычайно полезенъ: десять разъ ватаги солдатъ придирались къ несчастной кучкѣ женщинъ и

людей, расположившихся на кочевье въ углу Тверской площади, но тотчасъ уходили по его приказу.

Мортье вспомнилъ, что онъ зналъ моего отца въ Парижѣ, и доложилъ Наполеону; Наполеонъ велѣлъ на другое утро представить его себѣ. Въ синемъ поношенномъ полуфракѣ съ бронзовыми пуговицами, назначенномъ для охоты, безъ парика, въ сапогахъ, нѣсколько дней нечищенныхъ, въ черномъ бѣльѣ съ небритой бородой, мой отецъ—поклонникъ приличій и строжайшаго этикета—явился въ тронную залу Кремлевскаго дворца по зову императора французовъ.

Разговоръ ихъ, который я столько разъ слышалъ, довольно вѣрно переданъ въ исторіи барона Фенъ и въ исторіи Михайловскаго-Данилевскаго.

А. И. Герценъ.

Послѣ обыкновенныхъ фразъ, отрывистыхъ словъ и лаконическихъ отмѣтокъ, которымъ лѣтъ тридцать пять приписывали глубокій смыслъ, пока не догадались, что смыслъ ихъ очень часто былъ пошлъ, Наполеонъ разбранилъ Ростопчина за пожаръ, говорилъ, что это былъ вандализмъ, увѣрялъ, какъ всегда, въ своей непреодолимой любви къ миру, толковалъ, что его война въ Англіи, а не въ Россіи, хвастался тѣмъ, что поставилъ караулъ къ Воспитательному дому и къ Успенскому собору, жаловался на Александра, говорилъ, что онъ дурно окруженъ, что мирныя расположенія его неизвѣстны императору.

Отецъ мой замѣтилъ, что предложить миръ скорѣе дѣло побѣдителя.

— Я сдѣлалъ, что могъ, я посылалъ къ Кутузову, онъ не вступаетъ ни въ какіе переговоры и не доводитъ до свѣдѣнія государя моихъ предложеній. Хотятъ войны, не моя вина,—будетъ имъ война.

Послѣ всей этой комедіи отецъ мой попросилъ у него пропускъ для выѣзда изъ Москвы.

— Я пропусковъ не велѣлъ никому давать... Зачѣмъ вы ѣдете? Чего вы боитесь? Я велѣлъ открыть рынки!

Императоръ французовъ въ это время, кажется, забылъ, что сверхъ открытыхъ рынковъ не мѣшаетъ имѣть покрытый домъ и что жить на Тверской площади среди непріятельскихъ солдатъ не изъ самыхъ пріятныхъ. Отецъ мой замѣтилъ это ему. Наполеонъ подумалъ и вдругъ спросилъ:

— Возьметесь ли вы доставить императору письмо отъ меня? На этомъ условіи я велю вамъ дать пропускъ со всѣми вашими.

— Я принялъ бы предложеніе вашего величества,—замѣтилъ ему мой отецъ,—но мнѣ трудно. Je m'engage sur mon honneur, sire.

— Это довольно. Я пришлю за вами. Имѣете ли вы въ чемъ-нибудь нужду?

— Въ крышѣ для моего семейства, пока я здѣсь, больше ни въ чемъ.

— Герцогъ Тревизскій сдѣлаетъ, что можетъ...

Мортье дѣйствительно далъ комнату въ генералъ-губернаторскомъ домѣ и велѣлъ насъ снабдить съѣстными припасами; его метръ-д'отель прислалъ даже вина. Такъ прошло нѣсколько дней, послѣ которыхъ, въ четыре часа утра, Мортье прислалъ за моимъ отцомъ адъютанта и отправилъ его въ Кремль.

Пожаръ достигъ въ эти дни страшныхъ размѣровъ: накалившійся воздухъ, непрозрачный отъ дыма, становился невыносимъ отъ жара. Наполеонъ былъ одѣтъ и ходилъ по комнатѣ, озабоченный, сердитый; онъ начиналъ чувствовать, что опаленные лавры его скоро замерзнутъ и что тутъ не отдѣлаешься такою шуткою, какъ въ Египтѣ. Планъ войны былъ нелѣпъ, это знали всѣ, кромѣ Наполеона: Ней и Нарбонъ, Бертье и простые офицеры; на всѣ возраженія онъ отвѣчалъ кабаллистическимъ словомъ «Москва»; въ Москвѣ догадался и онъ.

Когда мой отецъ взошелъ, Наполеонъ взялъ запечатанное письмо, лежавшее на столѣ, подалъ ему и сказалъ, откланиваясь: «Я полагаюсь на ваше честное слово». На конвертѣ было написано: à mon frère l'empereur Alexandre.

Пропускъ, данный моему отцу, до сихъ поръ цѣлъ; онъ подписанъ герцогомъ Тревизскимъ и внизу скрѣпленъ *московскимъ* оберъ-полицмейстеромъ Лесепсомъ. Нѣсколько постороннихъ, узнавъ о пропускѣ, присоединились къ намъ, прося моего отца взять ихъ подъ видомъ прислуги или родныхъ. Для больного старика, для моей матери и кормилицы дали открытую линейку; остальные шли пѣшкомъ. Нѣсколько уланъ верхами провожали насъ до русскаго арьергарда, въ виду котораго они пожелали счастливаго пути и поскакали назадъ. Черезъ минуту казаки окружили странныхъ выходцевъ и повели въ главную квартиру арьергарда. Тутъ начальствовали Винценгероде и Иловайскій IV. Винценгероде, узнавъ о письмѣ, объявилъ моему отцу, что онъ его немедленно отправитъ съ двумя драгунами къ государю въ Петербургъ.

— Что дѣлать съ вашими?—спросилъ казацкій генералъ Иловайскій.—Здѣсь оставаться невозможно: они здѣсь не внѣ ружейныхъ выстрѣловъ, и со дня на день можно ждать серьезнаго дѣла.

Отецъ мой просилъ, если возможно, доставить насъ въ его ярославское имѣніе, но замѣтилъ притомъ, что у него съ собою нѣтъ ни копейки денегъ.

— Сочтемся послѣ,—сказалъ Иловайскій,—и будьте покойны, я даю вамъ слово ихъ отправить.

Отца моего повезли на фельдъегерскихъ по тогдашнему фашиннику. Намъ Иловайскій досталъ какую-то старую колымагу и отправилъ до ближняго города съ партіей французскихъ плѣнныхъ, подъ прикрытіемъ казаковъ; онъ снабдилъ деньгами на

прогоны до Ярославля и вообще сдѣлалъ все, что могъ въ суетѣ и тревогѣ военнаго времени.

...Отца моего привезли прямо къ Аракчееву и у него въ домѣ задержали. Графъ спросилъ письмо, отецъ мой сказалъ о своемъ честномъ словѣ лично доставить его; графъ обѣщалъ спросить у государя и на другой день письменно сообщилъ, что государь поручилъ ему взять письмо для немедленнаго доставленія. Въ полученіи письма онъ далъ расписку (и она цѣла). Съ мѣсяцъ отецъ мой оставался арестованнымъ въ домѣ Аракчеева; къ нему никого не пускали; одинъ А. С. Шишковъ пріѣзжалъ, по приказанію государя, разспросить о подробностяхъ пожара, вступленія непріятеля и свиданія съ Наполеономъ; онъ былъ первый очевидецъ, явившійся въ Петербургъ. Наконецъ, Аракчеевъ объявилъ моему отцу, что императоръ велѣлъ его освободить, не ставя ему въ вину, что онъ взялъ пропускъ у непріятельскаго начальства, что извинялось крайностью, въ которой онъ находился. Освобождая его, Аракчеевъ велѣлъ немедленно ѣхать изъ Петербурга, не видавшись ни съ кѣмъ, кромѣ старшаго брата, которому разрѣшено было проститься».

Далѣе Герценъ разсказываетъ о путешествіи ихъ семьи въ ярославскую деревню, а затѣмъ переходитъ къ своимъ воспоминаніямъ о возвращеніи въ Москву послѣ ея разгрома.

«Изъ Ярославской губерніи мы переѣхали въ Тверскую и, наконецъ, черезъ годъ перебрались въ Москву...

Я еще, какъ сквозь сонъ, помню слѣды пожара, оставшіеся до начала двадцатыхъ годовъ: большіе обгорѣлые дома безъ рамъ, безъ крышъ, обвалившіяся стѣны, пустыри, огороженные заборами, остатки печей и трубъ на нихъ.

Разсказы о пожарѣ Москвы, о Бородинскомъ сраженіи, о Березинѣ, о взятіи Парижа были моею колыбельной пѣснью, дѣтскими сказками, моей Иліадой и Одиссеей. Моя мать и наша прислуга, мой отецъ и Вѣра Артамоновна безпрестанно возвращались къ грозному времени, поразившему ихъ такъ недавно, такъ близко и такъ круто. Потомъ возвратившіеся генералы и офицеры стали наѣзжать въ Москву. Старые сослуживцы моего отца по Измайловскому полку, теперь участники, покрытые славой, едва кончившейся кровавой борьбы, часто бывали у насъ. Они отдыхали отъ своихъ трудовъ и дѣлъ, разсказывая ихъ. Это было дѣйствительно самое блестящее время петербургскаго періода; сознаніе силы давало новую жизнь, дѣла и заботы, казалось, были отложены на завтра, на будни, теперь хотѣлось попировать на радостяхъ побѣды».

Изъ „Записокъ" С. Н. Глинки [1].

Записки С. Н. Глинки (род. 1776 г., † 1847 г.) представляютъ изъ себя очень интересный матеріалъ для характеристики современной автору эпохи вообще и для періода борьбы Европы и Россіи съ Наполеономъ въ частности. С. Н. Глинка вращался среди лучшихъ людей своего времени и, принадлежа по рожденію и воспитанію къ наиболѣе передовой и образованной части

---

[1]) Спб. 1895.

русскаго дворянства, близко стоялъ къ тѣмъ общественнымъ элементамъ, которые сыграли выдающуюся роль въ достопамятную эпоху Отечественной войны, а потомъ выдѣлили изъ себя благородное поколѣніе декабристовъ. Записки интересны также, какъ отраженіе благородной личности самого автора.

С. Н. Глинка разсказываетъ намъ о томъ настроеніи, которое господствовало передъ Отечественной войной въ культурныхъ центрахъ Россіи—Москвѣ и Петербургѣ.

«Въ исходѣ 1806 года въ нѣдрахъ Россіи ходило воззваніе о составленіи *милиціи*, или земскихъ войскъ, къ отвращенію бури, угрожавшей Россіи. Сильна была скорбь моя, когда на зарѣ жизни я прощался съ роднымъ пепелищемъ, но неизъяснимое чувство взволновало мою душу. Въ то время отечество для меня было новою мечтой, и воображеніе мое горѣло, какъ чувство юности, согрѣтое первымъ пламенемъ любви. Еще въ 1805 году, когда Наполеонъ, по занятіи Вѣны, передъ портретомъ Маріи-Терезіи упрекалъ Австрію въ утратѣ древней славы германцевъ, я говорилъ моимъ знакомымъ, что и до Москвы дойдетъ очередь завоеванія; 1806 года это предчувствіе преобразилось въ душѣ моей во внутреннее убѣжденіе. Объ этомъ обстоятельствѣ написалъ я письмо и, отдавая его одному изъ короткихъ моихъ пріятелей X., сказалъ: «Наполеонъ будетъ въ Москвѣ: вотъ письмо о томъ. Если умру или паду подъ знаменами ратными, то прочитай слова мои нашимъ знакомымъ. Я не пророкъ и не суюсь въ пророки, но есть времена, когда будущее сливается съ настоящимъ. Сердце—вѣщунъ: оно опережаетъ предположеніе и расчетъ. Не я одинъ—мечтатель неугомонный, но и Москва въ небываломъ движеніи, въ новой дѣятельности».

Еще ни свѣтъ ни заря, а по улицамъ московскимъ то и дѣло мчатся кареты, коляски, сани. Видно, у какого-нибудь знатнаго барина былъ великолѣпный балъ. Нѣтъ, у большихъ баръ московскихъ чуть мелькаетъ огонь въ кабинетахъ; наскоро одѣвшись, они спѣшатъ ѣхать. Куда же стремится весь этотъ поѣздъ? Въ Охотный рядъ, въ домъ Дворянскаго Собранія. Никто не смыкалъ глазъ ночью; всѣ были въ раздумьи, и сюда сходятся, чтобы надуматься. Что это такое? Какой будильникъ встревожилъ князей, бояръ и дворянъ московскихъ? У границъ Россіи гремятъ пушки Наполеона, и онъ хочетъ въ нее ворваться. Да что ему надобно? Чего ищетъ онъ подъ бурями зимними? Ему тѣсно въ Тюильрійскихъ чертогахъ, въ Парижѣ, во Франціи, въ Европѣ. Дайте ему всю нашу вселенную, *ему* и въ ней будетъ тѣсно. Да какъ же онъ сталъ такимъ силачомъ, такимъ исполиномъ? Умный Карлъ Нодье говоритъ, что на такую силу наткнули его *обстоятельства*, а безъ того бы онъ былъ исправнымъ офицеромъ, впрочемъ, очень неуживчивымъ. А что такое обстоятельства? Не знаю. Прошлаго столѣтія мой корпусный профессоръ X. И. Безакъ, любя подчасъ поспорить со мною, говорилъ, что мнѣ слѣдуетъ выиграть тридцать сраженій и получить тридцать ранъ для того, чтобы наткнуться на колесо вольфіанской логики. Не вѣдаю, какъ ядра и картечи учатъ логикѣ, не похвастаю, что я былъ подъ ними, хотя отъ такъ называемыхъ обстоятельствъ и теперь оттерпливаюсь, какъ будто отъ налетовъ картечныхъ, а все-таки не берусь опредѣлить, что такое *обстоятельства*. Кстати, теперь разскажу объ обстоятельствѣ, котораго я былъ свидѣтелемъ. Въ проѣздъ отъ Москвы

до Петербурга, въ 1806 году, я велъ записку о всѣхъ неустройствахъ, происшедшихъ отъ внезапнаго повѣщенія о составленіи новой рати. Въ Петербургѣ представилъ я мою записку М. Н. Новосильцеву, подъ вѣдѣніемъ котораго писано было воззваніе о земскихъ войскахъ. Онъ сказалъ мнѣ, что въ этихъ неустройствахъ виновно земское начальство.

— Призывъ шестисотъ тысячъ на оборону отечества есть мѣра необычайная,—сказалъ я,—а потому позвольте спросить васъ, было ли о томъ заранѣе предварено земское начальство.

— Нѣтъ!—простодушно отвѣчалъ Новосильцевъ.

— Слѣдовательно,—возразилъ я,—нельзя и обвинять земское начальство. Еслибы заблаговременно извѣстили губернаторовъ, начальники губерній повѣстили бы по уѣздамъ и всему духовенству. Такимъ образомъ въ стѣнахъ церквей священники въ поученіяхъ своихъ могли бы приготовить и вразумить въ городахъ, и въ уѣздахъ, и въ селахъ прихожанъ своихъ о причинахъ необходимости новаго вооруженія, дотолѣ несуществовавшаго въ Россіи почти цѣлыя два столѣтія.

С. Н. Глинка.

Что же изъ этого вышло? Иду на другой день въ канцелярію Новосильцева и вижу, что пріятель мой В—ко (Врончено), бывшій въ числѣ чиновниковъ Новосильцева, стоитъ у стола и передъ нимъ открытъ Апокалипсисъ. Смотрю, онъ подчеркиваетъ перомъ слѣдующія слова изъ десятой главы: «*И имѣли надъ собою царя—ангела бездны, ему же по-еврейски имя Аввадонъ, а по-гречески Аполліонъ*».

— Что изъ этого хотите сдѣлать?—спросилъ я.

В—ко отвѣчалъ:

— Для возбужденія русскаго народа мы произведемъ Наполеона въ Аполліоны, въ Антихристы.

— Помилуйте,—возразилъ я,—что это вы затѣваете!

— Да вѣдь ты самъ,—сказалъ В—ко,—внушалъ, что надобно воодушевлять народъ.

— Да развѣ этимъ воодушевляютъ народъ!—прибавилъ я. — Вы насмѣшите Европу, надѣлаете стыда Россіи, а путнаго изъ этого ничего не выйдетъ. Ну, если черезъ нѣсколько мѣсяцевъ

вашего новаго Антихриста доведется назвать императоромъ и другомъ?

Мало ли что я еще говорилъ. Голосъ мой раздавался въ пустынѣ. Скликанные шестьсотъ тысячъ ратниковъ зѣвали. Тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ В. П. Кочубей предписывалъ свои уставы маститымъ старцамъ—князю Ю. В. Долгорукову и Орлову. У этихъ екатерининскихъ орловъ крылья опустились. Беннигсенъ велъ какую-то отступательную войну и привелъ Наполеона къ Тильзиту: мое предсказаніе оправдалось. Что же такое значили тогдашнія обстоятельства? И все падало передъ Наполеономъ...»

Возбужденное состояніе изъ высшихъ слоевъ общества проникало и въ «низы». Крестьяне заволновались, почувствовавъ повышенное настроеніе, которымъ была охвачена вмѣстѣ съ Европой и Россія, жутко глядѣвшая въ ту сторону, откуда ожидалось приближеніе завоевателя.

Глинка, передавая впечатлѣнія своей поѣздки въ Петербургъ, разсказываетъ о своихъ встрѣчахъ съ крестьянами... «Въ Тверь пріѣхали мы къ поздней обѣднѣ. Въ городѣ было сильное движеніе. На выборы въ земскіе чиновники съѣхались со всѣхъ сторонъ. У дома губернатора тѣснились экипажи, изъ которыхъ выходили люди пожилые, временъ Екатерины и Павла I, въ мундирахъ. Многіе уже были въ милиціонныхъ мундирахъ. Между тѣмъ въ народѣ замѣтили мы недоумѣніе. Когда мы выѣхали изъ Твери, крестьяне безпрестанно останавливали насъ и разспрашивали, что такое *милиція*. Объяснивъ, что слѣдовало, объ этомъ временномъ вооруженіи, я убѣдился, что если добросовѣстно вразумлять людей, то они рады вразумляться. Но молва превратная быстрымъ налетомъ разнеслась по деревнямъ и селамъ. Въ одномъ селеніи за Тверью крестьяне какъ будто въ англійской матросской схваткѣ ловили другъ друга, и рука сильнаго связывала и закручивала руки слабаго для отдачи, какъ они говорили, въ *милицъ*. Въ такой суматохѣ одному крестьянину сильно досталось топоромъ по рукѣ. Услыша пронзительный крикъ крестьянина, я бросился въ толпу, не въ силу уложенія, вызывающаго на вопль страдальца (тогда некогда было соображать статьи), но въ порывѣ кипѣвшей во мнѣ любви къ отечеству.

— Что вы дѣлаете? Что вы затѣяли?—вскричалъ я.—Кровь ваша и жизнь нужны отечеству, а вы сами себя губите! Да и кто далъ вамъ право хватать другъ друга? Грѣхъ безъ нужды проливать чужую кровь, и страшно подумать, чтобы свои подняли руки на своихъ. Великъ Богъ русскій! Онъ берегъ и сберегаетъ нашу родную Русь. Можетъ-быть, и никому изъ насъ не доведется выступить на поле ратное! А еслибы непріятель ворвался въ родной нашъ край, еслибы онъ вринулся въ наши села и деревни, кто бы изъ васъ не поспѣшилъ отстаивать свое жилище, своихъ женъ и дѣтей? У меня, братцы, нѣтъ ни кола, ни двора, нѣтъ ни жены, ни дѣтей: я самъ въ потѣ лица добываю хлѣбъ насущный, а я далъ клятву служить отечеству и умереть за него.

Радищевъ [1]) привсталъ въ саняхъ и закричалъ:

---

[1]) Сынъ знаменитаго А. Н. Радищева, сопутствовавшій Глинкѣ въ его поѣздкѣ.

Императоръ Александръ I.

— Ребята, онъ говоритъ правду.

Я продолжалъ:

— Васъ напугали словомъ *милиція*. Это значитъ — *войско земское*. А это войско собирается на своей землѣ за свою землю, за свои поля, за могилы отцовъ, за все, чѣмъ надѣлилъ Богъ нашу землю русскую, что велитъ намъ хранить и соблюдать въ ней. Я такой же христіанинъ, какъ и вы. Вотъ мой крестъ. А подъ крестомъ Господнимъ сердце не станетъ лгать.

Утирали слезы крестьяне, не замерзли слезы и въ моихъ глазахъ. Голосъ душевный вызываетъ души; въ событіяхъ необычайныхъ и душа дѣйствуетъ необычайно. Крестьяне наперехватъ другъ передъ другомъ усаживали меня въ сани, и, когда мы двинулись съ мѣста, раздался общій голосъ: «Дай Богъ вамъ здоровья!»

Въ Смоленскѣ я остановился въ гостиницѣ итальянца Чаппо. Снаряжали земское войско, а между тѣмъ часъ отъ часу болѣе прибывало въ Смоленскъ плѣнныхъ. Въ числѣ ихъ былъ и графъ Сегюръ, молодой адъютантъ Наполеона. Не знаю, сынъ ли онъ того Сегюра, который былъ посломъ при Екатеринѣ II.

Въ этой же гостиницѣ Чаппо отведенъ былъ постой и другому плѣнному французскому полковнику. На другой день поутру прихожу я въ общую залу. Полковникъ сидѣлъ въ задумчивости и курилъ трубку. Чаппо, указывая ему на меня, сказалъ: «Вотъ и господинъ профессоръ Глинка вступилъ въ милицію». Завязался разговоръ.—Извините,—сказалъ я,—при всемъ уваженіи моемъ къ ученому сословію, я никогда не былъ по недостатку учености профессоромъ. Я служилъ офицеромъ и теперь

поступаю на службу безъ всякаго жалованья, но употребя на то мои трудовыя деньги.

— C'est bien! C'est bien!

A tous les coeurs bien nés, que la patrie est chère!

— Вижу, полковникъ, что у васъ душа пламенная, благородная, а потому спрашиваю у васъ: зачѣмъ Наполеонъ исторгъ васъ изъ нѣдръ вашего прекраснаго отечества! Зачѣмъ превращаетъ онъ области европейскія въ дымные биваки? Зачѣмъ идетъ онъ путемъ Аттилы? Ужели онъ забылъ, что высокомѣрный Людовикъ XIV, истощивъ Францію войной и расточительностью, сказалъ у дверей гроба: «Я слишкомъ любилъ войну, я обременялъ народъ!»

— Это правда. Это исторія, но по законамъ военной чести мы не разсуждаемъ, а повинуемся.

— Вы правы, честь—подруга военной славы. Но съ горестью предрекаю, что соотечественники ваши будутъ жертвою новаго завоевателя. Онъ не остановится и не можетъ остановиться. Макіавелль давно сказалъ, что новый обладатель долженъ безпрестанно поражать умы подвигами необычайными. Перестанетъ онъ удивлять, и къ нему охладѣютъ. На чредѣ консула онъ казался намъ потомкомъ Камилловъ, Фабриціевъ и Цинцинатовъ. Признаюсь вамъ, что и я и мой другъ полковникъ Тучковъ (о которомъ писали, что въ Голоминскомъ сраженіи, подъ градомъ пуль, онъ дѣйствовалъ какъ будто на ученьѣ), мы стремились стать подъ знамена генерала Бонапарта.

— Передъ Голоминскимъ сраженіемъ у васъ были исправные и усердные шпіоны По своей привычной опрометчивости Мюратъ думалъ напасть врасплохъ на русскія войска; но все было предупреждено,—сказалъ полковникъ.

— Полагаю, что лучшіе шпіоны — предусмотрительность и осторожность. А гдѣ дѣло идетъ на червонцы, тамъ легко сдѣлать перевѣсъ совѣсти.

— Насъ обманули,—мы встрѣтили не то, что ожидали; отпоръ былъ силенъ, и я былъ взятъ въ плѣнъ. Вашъ начальникъ князь Голицынъ и ваши войска не дремали. Но не моренгскіе [1]) лавры занимали воображеніе наше. Наполеонъ очаровалъ насъ сіяніемъ славы египетской.

— Мы думали, что, возвратясь изъ этой исторической страны, онъ увѣковѣчится именемъ миротворца. Въ моихъ мечтахъ я воспѣвалъ на вашемъ языкѣ будущаго миротворца Европы; стихи слабы, я писалъ ихъ, какъ скиѳъ, но въ восторгѣ душевномъ. Вотъ, что изъ нихъ помню:

Les champs de l'Italie le proclamèrent vainqueur.
Tu seras plus grand encore au retour de l'Egypte,
Qui remet les lauriers au pacificateur:
Le nom et servira de couronne et d'égide [2]).

---

[1]) Битва при Моренго.

[2]) Италія гласитъ: ты громкій побѣдитель,
Будь болѣе еще безмертенъ примиритель.
Отъ громкихъ пирамидъ въ Европу возвратясь,
Миротвореніемъ скрѣпи съ потомствомъ связь.

Переводъ автора.

Императрица Елизавета Алексѣевна.

— Я вижу, что вы любите французскій языкъ.

— Я люблю и Францію и все человѣчество. Но откровенно скажу, что я питалъ какое-то особенное пристрастіе къ вашимъ землякамъ, а потому душевно жалѣю, что кровь будетъ обливать Европу. Англія, откинутая морями, достигнетъ своей цѣли.

Тутъ я бросился къ себѣ наверхъ, взялъ Боссюэтову рѣчь «О всемірной исторіи» и, возвратясь къ полковнику, прочиталъ ему то мѣсто, гдѣ авторъ говоритъ: «Непобѣдимое постоянство Рима побѣдило Кареагенъ».

— Такимъ же упорнымъ постоянствомъ Англія побѣдитъ Францію. Наполеонъ погибнетъ.

Мы разстались пріятелями.

Въ февралѣ 1807 года воспослѣдовалъ указъ, которымъ вызывали на службу отставныхъ солдатъ. Было бездорожье и ненастье. Но ничто не удерживало нашихъ *чудо-богатырей*, говоря

по-суворовски (тогда же слово «ветеранъ» не было еще въ ходу ни у военныхъ, ни у писателей). По долгу службы моей мнѣ надлежало сдѣлать имъ перекличку и составить списокъ. Они мнѣ показались движущимися памятниками русской славы, отживающими лѣтами, но не усердіемъ. Хотя на нихъ самихъ, на ихъ грудяхъ, унизанныхъ медалями, выказывались послужные ихъ списки, но мнѣ хотѣлось породниться съ ихъ именами, и я громко выкрикивалъ ихъ службу. Да и было что вычитывать! Иной былъ при взятіи Бендеръ съ Петромъ Ивановичемъ Панинымъ, иные были съ княземъ Потемкинымъ при паденіи Очакова, другіе—подъ Кагуломъ съ Румянцевымъ и при трудномъ переходѣ за Дунай, когда тринадцатѣ тысячъ русскихъ шли на потрясеніе державы Оттоманской; другіе были съ Суворовымъ при взятіи Измаила. Тутъ были и богатыри, выдержавшіе упорныя битвы при Треббіи, при Нови и при переходѣ черезъ вершины Альпійскія. Были тутъ и тѣ, которые, вытерпя борьбу съ волнами морскими, сражались на берегахъ древней Батавіи. Словомъ, тутъ какъ будто олицетворялась и военная исторія временъ Екатерины II, и исторія русскихъ въ Европѣ за Европу. Кто принудилъ этихъ примогильныхъ сыновъ русской славы, кто принудилъ и безрукихъ, и безногихъ, и слѣпыхъ пройти по сто и болѣе верстъ? Кто вринулъ ихъ въ бури зимнія?—Любовь къ родинѣ и сила святой вѣры!

— Братцы! — сказалъ я имъ: — вы давно отслужили свою службу съ честью и славою. Ваши раны, ваши почетные знаки— все ручается за вашу вѣру и вѣрность. Ступайте съ Богомъ по домамъ и отдыхайте: вы выработали спокойствіе кровью и ранами своими.

— Не пойдемъ! — вскричали и безрукіе, и безногіе, и слѣпые.—Не пойдемъ!

Слѣпые говорили:

— Кому Богъ оставилъ глаза, тотъ поведетъ насъ подъ пули и въ штыки.

Безногіе и увѣчные восклицали:

— Не отстанемъ отъ молодыхъ. Крикнутъ впередъ—и мы будемъ впереди!

Уѣздный начальникъ, городничій и добрые сычевскіе граждане устроили обѣдъ для нашихъ богатырей. Я самъ разносилъ имъ вино и пиво. Бывалъ я въ свое время на пирахъ роскошныхъ, но такого не видывалъ. Тутъ все было на распашку: и душа, и сердце, и живое русское слово. Когда маститая кровь разогрѣлась, одинъ семидесятивосьмилѣтній, на видъ еще бодрый, воинъ сказалъ мнѣ:

— А вотъ, батюшка, когда давеча ты звонкимъ голосомъ такъ рѣчисто высчитывалъ нашу службу, у меня такъ и запрыгало сердце и за каждое слово говорило тебѣ спасибо.

А грамотные унтеръ-офицеры говорили мнѣ:

— Вѣдь и мы читали государевъ манифестъ. Тамъ сказано, что пришла пора идти на оборону могилъ отцовскихъ. Вотъ мы и пошли, да вѣдь и у насъ же были отцы и матери!

Въ числѣ сошедшихся ратниковъ въ Сычевкахъ были двое изъ того корпуса бугскихъ егерей, съ которымъ Кутузовъ дѣйствовалъ подъ Измаиломъ.

— Братцы,—сказалъ я,—выпейте за здоровье вашего прежняго начальника!

Раздался общій голосъ:

— Да! мы выпьемъ за его здоровье! Никому изъ насъ не чужой Михаилъ Ларіоновичъ! Съ нашимъ братомъ солдатомъ одну кашу кушивалъ! — И застучали чарки. Я выпилъ также чарку за здоровье богатырей, за всѣхъ тѣхъ, кто любитъ русскихъ солдатъ. Раздалось общее «ура».

Въ необычайный годъ среди русскаго народа ознакомился я съ душою нашихъ воиновъ. Что же почувствовалъ я, видя порывъ души богатырей русскихъ? Они подарили меня сокровищемъ обновленія мысли. Мнѣ стыдно стало, что доселѣ, кружась въ какомъ-то невѣдомомъ мірѣ, не зналъ я ни духа, ни коренного образа мыслей русскаго народа. Въ шумѣ большого свѣта, на балахъ и вечерахъ этого не было. Но время могучею силою вывело духъ русскій передъ лицомъ нашего отечества и передъ лицомъ Европы».

«1807 года марта 17-го (по порученію мѣстнаго уѣзднаго начальника) пошелъ я къ фельдмаршалу Каменскому. Онъ пріѣхалъ въ Смоленскъ по-суворовски, въ кибиткѣ съ однимъ мальчикомъ и остановился въ скромномъ купеческомъ домѣ подъ горой. Дорогой я встрѣтился съ Павломъ Николаевичемъ Ефимовичемъ, роднымъ братомъ моего уѣзднаго начальника. На вопросъ, куда я иду, я отвѣчалъ: «Къ фельдмаршалу».— «И я туда же иду; пойдемте вмѣстѣ». Входимъ къ фельдмаршалу: онъ лежалъ на постели подъ одѣяломъ, въ рукахъ его была книга, а на глазахъ надѣты очки. У кровати, на столѣ, стоялъ чайникъ съ чашкой. При входѣ нашемъ онъ сильно кашлянулъ и отхаркнулъ кровью. Выслушавъ мой привѣтъ, фельдмаршалъ усадилъ меня у изголовья постели, а товарищу моему указалъ мѣсто у стѣны. Быстрымъ взглядомъ окинувъ меня съ головы до ногъ, онъ спросилъ:

— Гдѣ ваша перевязь? Вчера былъ у меня вашъ губернскій начальникъ со всѣми офицерами: у нихъ у всѣхъ перевязи по мундиру.

Я отвѣчалъ, что перевязь моя петербургской работы, что въ Смоленскѣ всѣ ею любуются, а потому изъ скромности я спряталъ ее подъ мундиръ. Фельдмаршалъ улыбнулся и прилегъ; минутъ пять было глубокое молчаніе, и вдругъ слышимъ голосъ: «Съ кого сниметъ Богъ руки, будетъ тотъ Іовомъ многострадальнымъ. Копилъ я кое-какую славу пятьдесятъ лѣтъ, и хотятъ отнять ее у меня въ одну минуту; надѣюсь на правоту государя и безпристрастіе соотечественниковъ». Крупныя слезы сверкнули въ очахъ фельдмаршала. Не отирая ихъ, онъ продолжалъ: «Я встрѣтилъ армію необъятную, невиданную въ наше время. Для приведенія въ порядокъ, я обскакалъ ее верхомъ верстъ полтораста. Король прусскій обѣщалъ доставить продовольствіе, но не могъ. Непріятель таковъ, что коли прорвется, то прямо въ Камчатку. А потому онъ не ожидалъ, что его державу постигнетъ такой ударъ; я хотѣлъ приблизить войско къ границамъ, во-первыхъ, для того, чтобы поставить твердый оплотъ, а во-вторыхъ, и для того, чтобы снабдить надежнымъ продовольствіемъ. Мы теперь отгрызываемся, откусываемся, но не побѣждаемъ. Все зависитъ отъ превосходнаго числа войскъ. У кого будетъ десятью человѣками болѣе, на сторонѣ того будетъ побѣда. Черезъ три мѣсяца я буду оправданъ!» Такъ и

вышло и почти день въ день пришлось отъ 9 марта до перемирія 2 іюня 1807 г.

Будущій историкъ станетъ доискиваться причины отъѣзда фельдмаршала Каменскаго отъ арміи; тутъ обстоятельство самое простое.

Беннигсенъ прежде Каменскаго принялъ армію съ письменнымъ уполномочіемъ въ дѣйствіяхъ своихъ. Фельдмаршалъ, по пріѣздѣ своемъ, предложилъ, какъ мы видѣли, отступленіе. Беннигсенъ не согласился. Завязалось преніе, въ пылу котораго Беннигсенъ предъявилъ свое уполномочіе. Могъ ли онъ это сдѣлать при старшемъ, при фельдмаршалѣ? Не знаю. Но вотъ достовѣрно: оставя начальство, Каменскій не былъ въ бездѣйствіи. Въ проѣздъ свой, замѣтя по движеніямъ войскъ, что Мюратъ готовится напасть на князя Голицына, онъ предупредилъ этого послѣдняго и сдѣлалъ надлежащее распоряженіе. Князь Голицынъ не скрылъ этого обстоятельства отъ міра военнаго. Объ этомъ было напечатано въ описаніи его подвиговъ, въ жизнеописаніи нашихъ генераловъ.

Я вернулся въ Москву съ душою обновленною, и мнѣ казалось, что вижу ее въ первый разъ. 1806 года мнѣ душно было въ обширныхъ ея стѣнахъ. Тогда мысли мои стремились подъ хоругви отечества; тогда какое-то нетерпѣніе туманило все въ моихъ глазахъ! Въ 1808 году, на каждой улицѣ, на каждомъ перекресткѣ, представлялся мнѣ новый міръ, вызываемый воображеніемъ изъ прошедшаго. Словомъ, Москва явилась мнѣ въ своемъ подлинномъ видѣ, т.-е. завѣтною, живою лѣтописью земли русской. Я спѣшилъ ознакомиться съ каждымъ ея памятникомъ, и каждый день былъ для меня новымъ открытіемъ, новымъ пріобрѣтеніемъ. Въ этомъ расположеніи духа задумалъ я издавать «*Русскій Вѣстникъ*». Тильзитскій миръ былъ просто перемиріемъ. Выше показалъ я мысли мои о томъ, что и Москвѣ не миновать жребія европейскихъ столицъ. А потому главнымъ основаніемъ, главною цѣлью «Русскаго Вѣстника» предположилъ я возбужденіе народнаго духа и вызовъ къ новой и неизбѣжной борьбѣ. Часъ отъ часу болѣе расширялось въ умѣ моемъ новое поле для новыхъ понятій. Но какъ было дать имъ выходъ? Чѣмъ же и какъ могъ я превратить поле въ ниву? Разработка требуетъ рукъ, а руки—двигателя, т.-е. денегъ. Но ратная попытка умчала все мое трудовое!»

Далѣе С. Н. Глинка разсказываетъ, что П. П. Бекетовъ, имѣвшій свою собственную типографію, вывелъ его изъ затрудненія, принявъ на себя расходы по напечатанію первыхъ двухъ книжекъ «Русскаго Вѣстника».

«Объ изданіи «Русскаго Вѣстника» помѣстилъ я въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Увѣдомленіе о «Русскомъ Вѣстникѣ» возбудило и недоумѣніе, и удивленіе. Въ то время я жилъ въ блестящемъ кругу московскомъ; для обѣдовъ мнѣ не нужно было разводить огня. Москва тогда кипѣла хлѣбосольствомъ. Домъ А. С. Небольсиной былъ первымъ домомъ гостепріимнымъ. По четвергамъ у нея были званые обѣды. Въ первый четвергъ, по выходѣ моего увѣдомленія о «Русскомъ Вѣстникѣ», я встрѣтился у нея съ гр. Ѳ. В. Ростопчинымъ. Я всѣхъ пережилъ! Кажется, давно ли это было? А гдѣ они всѣ? Тамъ, гдѣ неизбѣжная дорога всѣмъ пришельцамъ міра сего.

А какое раздолье мысли было тогда для меня! Какими остротами графъ приправлялъ каждое блюдо! У него въ каждомъ словѣ было что-то волшебное.

Обѣдъ кончился. Съ ласковымъ привѣтомъ графъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Я читалъ ваше увѣдомленіе; отважное предпріятіе удивляетъ меня.

— Что же тутъ удивительнаго?—отвѣчалъ я.—Издатель «Русскаго Вѣстника» хочетъ въ Россіи говорить о Россіи. Я видѣлъ народъ русскій; въ земской моей службѣ я ознакомился съ духомъ его, я прислушивался къ душевному его голосу. Да и вы сами, графъ, такъ умно и живо высказали, въ лицѣ вашего Богатырева въ вашихъ «Мысляхъ вслухъ на Красномъ крыльцѣ», духъ русскаго народа. Мое перо не чета вашему; у вашего пера крылья и ваши «Мысли вслухъ» разлетѣлись во всеуслышаніе.

— Благодарю васъ за вашъ отзывъ, но я крайне неблагодаренъ А. С. Шишкову за то, что онъ безъ моего согласія перепечаталъ мои листки и поставилъ на ряду съ Багратіономъ и другими русскими полководцами имя Беннигсена, о которомъ я и не думалъ. Но объ этомъ поговоримъ послѣ, а теперь предлагаю вамъ себя въ сотрудники, только съ условіемъ: запальчивое перо мое часто бываетъ заносчиво; удерживайте, останавливайте меня.

— Графъ,—отвѣчалъ я,—предложеніе ваше для меня самое лестное и самое трудное. Между нами такое большое разстояніе!

— Полно, полно; гдѣ дѣло идетъ о пользѣ общей, тамъ нѣтъ разстоянія и тамъ не считаются чинами.

Обстоятельства выказываютъ человѣка. По смерти князя Таврическаго, у котораго графъ Ростопчинъ былъ въ числѣ адъютантовъ, о немъ почти вовсе не было слышно. Знали его только по его острымъ шуткамъ и потому, что онъ былъ родственникомъ Марьи Саввишны Перекусиной, близкой къ Екатеринѣ, и къ добру... Съ восшествіемъ на престолъ Павла I Ѳ. В. Ростопчинъ быстро награжденъ былъ и орденомъ Андрея Первозваннаго, и графствомъ, и званіемъ министра иностранныхъ дѣлъ. Вспыхнувшая 1799 года война съ французскою республикой открыла графу Ростопчину блистательное поприще. Онъ оказалъ большія способности, сопряженныя съ его чредой, и съ именемъ его ознакомилась вся тогдашняя политика европейская.

Въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1808 года было напечатано, что Тильзитскій миръ, заключенный въ 1807 году, былъ только временнымъ перемиріемъ, и что если, по неисповѣдимымъ судьбамъ Провидѣнія, снова будетъ война между Россіей и Франціей, то въ отечествѣ нашемъ будутъ приняты всѣ надлежащія мѣры къ отраженію властолюбиваго завоевателя. Но справедливость требуетъ сказать, что графъ первый, еще въ 1807 году, своими «Мыслями вслухъ на Красномъ крыльцѣ», вступилъ, такъ сказать, въ родственное сношеніе съ мыслями всѣхъ людей русскихъ. Его листокъ облетѣлъ и чертоги, и хижины и какъ будто бы былъ передовою вѣстью 1812 года.

Войдя со мною въ сотрудничество по «Русскому Вѣстнику», графъ писалъ ко мнѣ слѣдующее письмо изъ своего села Воронова: «Спасибо вамъ за напечатаніе грамотки моей въ 1-й книжкѣ «Русскаго Вѣстника»... Пора духу русскому пріосаниться. Шопотъ—дѣло сплетницъ. А я спѣшу вамъ сказать, что нашъ мо-

лодецъ Суворовъ пріосанилъ мое перо, и оно изъ жизни его вырвало кое-что такое, что мысль и слово его ставитъ на одной чертѣ съ геройствомъ. Этотъ чудакъ-герой какъ будто изъ могилы своей выкликаетъ душу, разумѣется, душу русскую».

Затѣмъ Глинка разсказываетъ о своей поѣздкѣ къ гр. Ростопчину въ его имѣніе Вороново; по возвращеніи оттуда онъ опять принялся за свой журналъ.

«Съ историческимъ запасомъ для памяти и съ анекдотами о Суворовѣ возвратился я въ Москву. Живые разсказы графа Ростопчина о героѣ италійскомъ придали «Русскому Вѣстнику» крылья. Почти всѣ члены Англійскаго клуба подписались на него. Такъ все удачно сладилось, что я впередъ по расчету листовъ сполна все уплатилъ Платону Петровичу Бекетову, первоначальному двигателю моихъ трудовъ. Не думайте, однакоже, чтобы подписка была огромная. Даже и въ грозный 1812 годъ разошлось не свыше ста экземпляровъ. «Вѣстникъ Европы» Н. М. Карамзина въ одинъ годъ выдержалъ два изданія 1802 г. Тогда миръ лелѣялъ землю русскую. Несмотря то, что у моего «Вѣстника» не было огромнаго расхода нынѣшнихъ журналовъ, но съ кѣмъ ни раскланивался я на улицѣ изъ знакомыхъ гражданъ московскихъ, всѣ они за «Русскій Вѣстникъ» говорили мнѣ спасибо и прибавляли: «Вы пріучаете насъ читать». Весело мнѣ также было видѣть, съ какимъ жаромъ порыва студенты Московскаго университета спѣшили ловить книжки «Вѣстника» при выходѣ ихъ. Тогда еще М. П. Погодинъ, защищающій теперь съ такимъ успѣхомъ память Нестора, не былъ студентомъ, а вотъ что онъ писалъ ко мнѣ 1842 года: «Вашъ «Русскій Вѣстникъ» 1808 года, украшенный портретами Димитрія Донского, царя Алексѣя Михайловича, боярина Матвѣева и другихъ, возбудилъ во мнѣ первое чувство любви къ отечеству, которое сохраню, и благодаренъ вамъ навѣки».

Принимала участіе въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и знаменитая княгиня Дашкова, но ея сотрудничество продолжалось недолго: Дашкова, такъ же, какъ и графъ Ростопчинъ впослѣдствіи, не пожелала считаться съ взглядами редактора, результатомъ чего и явился разрывъ ихъ обоихъ съ патріотическимъ изданіемъ Глинки.

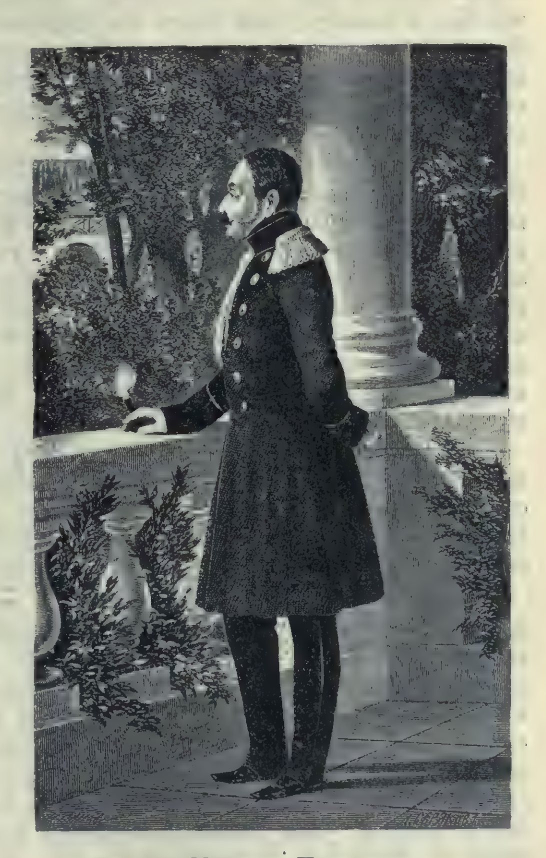
«Въ то самое время... (т.-е. 1808 г.) уроженецъ Германіи, сынъ Августа Шлецера, который первый и намъ русскимъ, и ученому свѣту европейскому показалъ завѣтную думу Нестора лѣтописца, былъ профессоромъ Московскаго университета, и профессоромъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Бросивъ горестный взглядъ на быстрые политическіе переходы нашего вѣка и видя, что война съ береговъ Нѣмана перелетала въ Испанію, на берега Атлантическаго океана, написалъ онъ на нѣмецкомъ языкѣ письмо, въ которомъ, между прочимъ, сказалъ, что въ наше время, когда дымъ огней бивуачныхъ какъ будто часъ отъ часу болѣе отталкиваетъ Европу въ туманный бытъ среднихъ вѣковъ, послѣдній пріютъ ея наукамъ и образованности остается на берегахъ области Сѣверной Америки.

Василій Андреевичъ Жуковскій, издававшій тогда вмѣстѣ съ Каченовскимъ «Вѣстникъ Европы», перевелъ и напечаталъ эту статью въ своемъ изданіи.

Въ Военное Министерство было препровождено возраженіе на письмо профессора Шлецера. Кѣмъ и откуда—этого не спраши-

вайте. Скажу только, что оттуда эта бумага возвратилась съ прибавленіемъ къ ней словъ: «Геній графа Аракчеева согласитъ огнестрѣльныя орудія съ холоднымъ ружьемъ, которымъ побѣждалъ Суворовъ». Подъ этими словами означена была подпись, гласная буква А., служащаго при Военномъ Министерствѣ. Печать на пакетѣ была съ надписью: «преданъ безъ лести».

Главная сущность бумаги была слѣдующая: во-первыхъ, что намъ, русскимъ, не для чего бѣжать за океанъ, и что и науки и искусства могутъ процвѣтать въ нашемъ отечествѣ. Во-вторыхъ, что послѣ Фридландскаго сраженія Наполеонъ могъ бы то же сказать, что и Пирръ сказалъ послѣ своихъ побѣдъ въ Италіи надъ римлянами: «Еще одна побѣда—и мы погибли». (И это бы сбылось, еслибы Англія вмѣсто 1809 года двинула 1807 года Австрію въ тылъ Наполеону. Что она выиграла, вооруживъ австрійцевъ 1809 года? Ужели только то, что Наполеонъ сдѣлался зятемъ императора австрійскаго?). Въ-третьихъ, тутъ же было сказано, что въ быстромъ пораженіи Пруссіи 1806 года непосредственно участвовала изворотливая политика Талейрана. (А Наполеонъ на скалѣ Еленской говорилъ, что это было дѣломъ Провидѣнія, и что онъ могъ бы перемѣнить политическое существованіе Пруссіи. Но для чего того не сдѣлалъ,—этого онъ не досказалъ. И мало ли что съ нимъ пошло въ могилу!). Въ-четвертыхъ, было сказано въ этой бумагѣ, что одно великодушіе Александра I послѣ Фридландскаго сраженія остановило потоки крови человѣческой. (И это не пустой звукъ словъ: подъ Тильзитъ подоспѣли вновь устроенные полки княземъ Д. И. Лобановымъ-Ростовскимъ. Шестьсотъ тысячъ земскихъ войскъ, или милиціи, готовы были двинуться по первой повѣсткѣ. Притомъ же еще, повторяю, и Австрія, пользуясь отдаленіемъ Наполеона отъ границъ своихъ, могла дѣйствовать ему въ тылъ. Сверхъ того, у меня была въ рукахъ цѣлая тетрадь приказовъ Наполеона и маршаловъ его, доставшаяся одному изъ нашихъ офицеровъ при переправѣ черезъ Аиль. Въ этихъ приказахъ сказано было, что въ войскахъ французскихъ свирѣпствуетъ *язва бѣгства* (la peste de la désertion); также помянуто

Вел. кн. Михаилъ Павловичъ.

было, что «солдаты Наполеона терпятъ голодъ; но чѣмъ труднѣе обстоятельства, тѣмъ блистательнѣе слава орловъ французскихъ». Это было говорено въ маѣ мѣсяцѣ, а въ іюнѣ заключены были и перемиріе, и миръ. Можно еще къ этому прибавить, что послѣ Тильзитскаго мира Россія съ одними только строевыми войсками предприняла новую войну со Швеціей и продолжала войну съ Портой Оттоманскою). Вотъ почему сочинитель бумаги нѣкоторымъ образомъ въ правѣ былъ сказать: «Еслибы послѣ Фридландскаго сраженія великодушіе императора Александра не остановило потоковъ крови человѣческой, то, Богъ знаетъ, гдѣ былъ бы Наполеонъ!» Но тогда еще судьбы Божіи не довершились надъ Европой; тогда еще уроженецъ бѣдной Корсики не достигъ горняго величія на всѣхъ путяхъ жизни своей. Наконецъ, тогда еще не ударилъ надъ отечествомъ нашимъ *двухвѣковой* срокъ испытанія.

Не годы, кажется, а цѣлыя столѣтія отдѣлили насъ отъ нашего двѣнадцатаго года. Грянетъ выстрѣлъ ружья охотника—и птицы разлетятся; стихъ выстрѣлъ—и онѣ опять запрыгаютъ по вѣтвямъ и по травѣ. Пронесется туча роковая—и люди снова заживутъ, спустя рукава, какъ будто бы и ни въ чемъ не бывало. Да и много ли теперь осталось современниковъ грознаго нашествія, которое на скалѣ Еленской Наполеонъ назвалъ *неловкою попыткой*, une guerre gauchement entreprise? А у новаго поколѣнія сколько своихъ и заботъ, и хлопотъ, да и что ему до минувшаго?»

«Однакоже перенеситесь на досугѣ въ 1808 годъ. Вообразите, что вы идете по улицамъ московскимъ и слышите со всѣхъ сторонъ отзывъ добрыхъ гражданъ московскихъ: «Ну, слава Богу, порадовалъ насъ «Русскій Вѣстникъ», душа у насъ пріосанилась, русская наша честь устояла!»

Вотъ какой былъ праздникъ и мнѣ, теперешнему отшельнику міра, по напечатаніи изложенной бумаги! Но чему быть—тому не миновать. Въ это счастливое для «Русскаго Вѣстника» время пріѣхалъ въ Москву Александръ Львовичъ Нарышкинъ, начальникъ театровъ. По тогдашней моей службѣ при московскомъ театрѣ сочинителя и переводчика и по давнишнему знакомству съ домомъ Нарышкиныхъ я поспѣшилъ къ Александру Львовичу и засталъ его за чтеніемъ моего «Вѣстника», въ которомъ многое уже было помѣщено и о бояринѣ Матвѣевѣ, и о царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ изъ рода Нарышкиныхъ. Взявъ меня за руку, онъ сказалъ:

— Я непремѣнно представлю твой «Русскій Вѣстникъ» государю. Пришли его ко мнѣ въ атласѣ въ Петербургъ черезъ Майкова [1]). Продолжай, братъ, свое дѣло; ты крѣпко отстаиваешь нашу Русь святую, за то тебѣ всѣ и говорятъ спасибо. Вчера я былъ въ Англійскомъ клубѣ, и твоя послѣдняя книжка, въ которой ты повѣстилъ о Тильзитскомъ мирѣ, ходила изъ рукъ въ руки.

Черезъ нѣсколько дней Александръ Львовичъ отправился въ Петербургъ, куда вслѣдъ за нимъ я отправилъ и мой «Русскій Вѣстникъ». Но повторяю еще поговорку нашу: «чему быть—того не миновать». Былъ для меня московскій праздникъ, былъ

---

[1]) Управляющій московскою конторою императорскихъ театровъ.

для меня 1808 годъ: и праздникъ историческій и политическій. Я, право, не тщеславенъ, но тутъ и поневолѣ есть чѣмъ похвалиться. Послѣ Тильзитскаго мира на меня перваго палъ гнѣвъ Наполеона. Сближаются крайности, сближаются и неожиданныя обстоятельства. Въ то самое утро, когда Александръ Львовичъ Нарышкинъ вошелъ въ кабинетъ императора Александра I съ «Русскимъ Вѣстникомъ», вошелъ туда же и Коленкуръ, посолъ императора Наполеона, съ жалобой на «Русскій Вѣстникъ» и съ переводомъ вышеозначенной статьи. Государь отвѣчалъ: «Вы видите, что я не зналъ о существованіи этого журнала. Но я не мѣшаюсь въ печатныя мнѣнія моихъ подданныхъ: это дѣло цензуры».

Вслѣдъ за этимъ цензору моему Мерзлякову сдѣланъ былъ выговоръ, а я получилъ отъ Аполлона Александровича Майкова письмо, въ которомъ онъ извѣщалъ меня, что я по политическимъ обстоятельствамъ уволенъ отъ московскаго театра.

Такимъ образомъ, 1808 года выдержалъ я, будущій первый ратникъ московскаго ополченія, борьбу съ Наполеономъ. Но это, такъ сказать, была борьба политическая, внѣшняя. А вотъ борьба внутренняя.

Напечатавъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1808 года передовую вѣсть о 1812 годѣ, то-есть вышеупомянутую бумагу, я препроводилъ «Русскій Вѣстникъ» къ графу Аракчееву. Съ первою же почтой я получилъ отъ него благодарный отвѣтъ. Письмо его вполнѣ помѣщено въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1808 года, и вотъ сущность его въ тѣхъ же словахъ. Графъ писалъ, что «хотя онъ сынъ бѣдныхъ родителей, но прадѣдъ его, Аракчеевъ, подъ Очаковымъ служилъ при графѣ Минихѣ генералъ-маіоромъ, когда чины были болѣе уважаемы». Къ этому графъ прибавилъ, что «онъ учился грамотѣ не по рисованнымъ картамъ, а по букварю и псалтырю, и что родителями своими былъ препорученъ Казанской Божіей Матери». Въ заключеніе письма сказано было: «Для того, кто по мѣрѣ силъ своихъ служилъ отечеству, всѣ похвалы пріятны тогда, когда, удалясь въ деревню и войдя въ свою совѣсть, онъ можетъ сказать, что сдѣлалъ что-нибудь полезное для отечества». Хотя ни въ письмѣ моемъ, ни въ «Вѣстникѣ» не возжигалъ я никакого хвалебнаго ѳиміама графу Аракчееву, но мнѣ эти слова чрезвычайно понравились и, какъ тотчасъ увидимъ, приходились кстати.

Не знаю, почему стоустая молва разгласила по нашимъ губерніямъ, будто графъ Аракчеевъ содѣйствовалъ къ заключенію Тильзитскаго мира. Извѣстно было только, что на предварительное совѣщаніе о томъ призваны были: Александръ Андреевичъ Беклешовъ и Василій Степановичъ Поповъ, бывшій письмоводитель князя Потемкина. Проѣзжая черезъ Могилевъ, гдѣ находился тогда областной начальникъ милиціи, князь С. Ѳ. Голицынъ, и у котораго гостила графиня Браницкая, Поповъ былъ у нихъ. Графиня Браницкая привыкла обходиться съ нимъ породственному и, прощаясь съ нимъ, сказала: «Смотри, Васенька, не ударь лицомъ въ грязь. Припомни все, что, бывало, слышалъ отъ дядюшки. Будь тамъ молодцомъ. Видно, вспомнили, каковъ былъ Григорій Александровичъ и въ военныхъ и въ политическихъ дѣлахъ. А твоя голова понатерлась отъ него». Какіе подавали голоса при заключеніи Тильзитскаго мира Беклешовъ и Поповъ, о томъ не было особеннаго слуха. Носилась

только молва, что Беклешовъ совѣтовалъ устроить подъ рукой сельскія ополченія.

Какъ бы то ни было, но вскорѣ по полученіи отъ графа Аракчеева письма получилъ я отъ него и другое письмо съ приложеніемъ около двадцати писемъ, препровожденныхъ къ нему изъ разныхъ губерній. Графъ желалъ, чтобы я ихъ напечаталъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Но я не исполнилъ его воли, и вотъ почему: лица, писавшія къ нему, такъ увлеклись глубочайшею къ нему преданностью, что возвеличили его наименованіями *избавителя и спасителя отечества*. Не дивлюсь возгласамъ этихъ господъ: случайность и богатство—такой волшебный талисманъ, что хотя бы и не ожидали себѣ отъ нихъ никакой пользы, а все-таки имъ бьютъ челомъ. Но я удивляюсь графу. Я слышалъ, что онъ любилъ словесность и съ жаромъ читалъ наизусть цѣлыя явленія изъ трагедіи Озерова: слѣдовательно, онъ зналъ силу и приличіе выраженій. И, несмотря на это, онъ два раза сдѣлалъ два сильные промаха. Въ первый разъ промахнулся онъ, возвративъ изъ Петербурга въ Москву въ письмѣ подъ печатью своею: «преданъ безъ лести» вышеупомянутую бумагу съ припиской: «Геній графа Аракчеева согласитъ огнестрѣльное орудіе съ холоднымъ ружьемъ, которымъ научилъ побѣждать Суворовъ».

Далѣе Глинка приводитъ текстъ своего письма къ Аракчееву, въ которомъ довольно откровенно говоритъ о своемъ отказѣ напечатать вышеуказанныя письма:

«Не берусь возражать на восторженныя изреченія лицъ, привѣтствовавшихъ васъ, и искренно желаю, чтобы вы долго проходили поприще свое: но теперь не могу напечатать присланныхъ вами писемъ. Все то, что относится къ случайнымъ людямъ, разлетается громкою оглаской. Меня назвали бы льстецомъ, пресмыкающимся передъ человѣкомъ случайнымъ и добивающимся какихъ-нибудь у него милостей. А я отъ юности лѣтъ моихъ ни передъ кѣмъ не раболѣпствовалъ. Но въ свѣтѣ рѣдко вѣрятъ и самымъ безкорыстнымъ отзывамъ. Мнѣнія людей различны и пересуды привязчивы».

Къ чести Аракчеева нужно сказать, что онъ не только не мстилъ Глинкѣ за такой его поступокъ, но даже не проявилъ никакихъ внѣшнихъ признаковъ своего неудовольствія.

Разсказывая далѣе о своей личной жизни, о своихъ литературныхъ отношеніяхъ, авторъ «Записокъ» возвращается опять къ своей излюбленной патріотической темѣ и въ восторженныхъ выраженіяхъ говоритъ о пріѣздѣ Александра I въ Москву въ 1809 году.

«Удивительный былъ годъ 1809-й. Порывъ самоотверженія сыновъ Россіи торжественно начался въ исходѣ этого достопамятнаго года. Перенеситесь мыслію въ окрестности и на стогны московскія. Представьте, что вы тамъ 6 декабря 1809 года. Вотъ императоръ Александръ I выходитъ изъ саней у Тверской заставы и въѣзжаетъ въ столицу верхомъ. Морозъ былъ трескучій, но сердца кипѣли рвеніемъ. Слышите звонъ колокольный, но онъ не заглушаетъ криковъ восхищеннаго народа. Слышите ли эти задушевныя восклицанія: «Отецъ! Отецъ нашъ! Ангелъ нашъ!» Государь ѣхалъ одинъ, тѣснимый со всѣхъ сторонъ сонмами народа. Иные хватались за лошадь императора, другіе цѣловали узду и стремена. Лошадь отъ давки народной покрыта

Вел. кн. Николай Павловичъ.

была потомъ. Множество торопливыхъ рукъ стирали потъ платками и чѣмъ могли, чтобы передать эти памятники своимъ домашнимъ. И во все это время продолжались восклицанія: «Здравствуй, надежа-государь! Пріѣзжай къ намъ почаще! Мы каждый день, каждый часъ, нашъ родной отецъ, молимся за тебя Господу Богу!»

Вотъ государь сходитъ съ лошади у Иверской Божіей Матери. Онъ преклоняетъ колѣно, онъ молится. И вся Москва въ лицѣ народа преклоняетъ колѣно, и вся Москва молится съ царемъ своимъ. Что это такое? Это преддверіе великаго двѣнадцатаго года. У сердца есть вѣщія предчувствія. По этому случаю Алексѣй Ѳедоровичъ Мерзляковъ произнесъ живую рѣчь въ университетѣ. Тогдашній его начальникъ, Антонъ Антоновичъ Прокоповичъ-Антонскій ловилъ всѣ случаи къ воспламененію въ воспитанникахъ духа отечественнаго. Это время было въ полномъ смыслѣ праздникомъ народнымъ. Я усилилъ свои прогулки по улицамъ, по рядамъ и въ Кремлѣ. Вездѣ я слышалъ душевный голосъ народа, вездѣ къ нему прислушивался, и было

чего послушать. По знакомству моему съ людьми московскими, со мной говорили не запинаясь и откровенно. Словомъ, я жилъ среди народа и жизнью народною».

Изъ „Записокъ о 12-омъ годѣ" С. Н. Глинки[1].

«Изъ мыслей, слившихся съ привычными движеніями сердца, душа высказываетъ и показываетъ дѣйствія человѣческія. Отъ 1808 до 1812 года мысль о судьбѣ Отечества обладала душою моею. Наступила година бѣдствія, и эта мысль проявилась дѣятельнымъ стремленіемъ къ Отечеству. Итакъ, начинаю безъ оговорки.

Іюля 11, 1812 г., три часа утра.

Въ достопамятный и бурный 1812 годъ жилъ я въ переулкѣ Тишинѣ близъ Драгомиловскаго моста. 11 іюля на ранней зарѣ утренней разбудилъ меня внезапный приходъ хозяйки дома. Едва вышелъ я къ ней, она со слезами вскричала: «Мы пропали! Мы пропали!» И подала мнѣ печатный листъ. То было воззваніе къ первопрестольной столицѣ Москвѣ отъ 6 іюля изъ Полоцка. Прочитавъ воззваніе, я сказалъ: «Благодарите Бога, сударыня! Гдѣ заранѣе предвидятъ опасность, тамъ примутъ и мѣры къ отвращенію ея. Будьте спокойны и молитесь Богу!»

Пять часовъ утра іюля 11, 1812 года.

Наскоро одѣвшись, полетѣлъ я въ Сокольники на дачу къ графу Ѳедору Васильевичу Ростопчину, поступившему, вмѣсто графа Гудовича, на чреду московскаго генералъ-губернатора. Не слыша еще громкой вѣсти о грозной опасности, исполинская Москва объята была сномъ и безмолвіемъ. Тишина владычествуетъ на поверхности океана до вскипѣнія волнъ, тоже нерѣдко бываетъ и съ областями земными. Изъ нѣдръ глубокаго безмолвія вылетаетъ роковой ударъ грома; смотримъ, откуда онъ грянулъ. Слышимъ новые удары и теряемся въ недоумѣніи. Поэтъ сказалъ:

«Кто дышитъ, не дремли!»

Это теперь излилось изъ души моей. А тогда спѣшилъ я съ одною мыслію — съ мыслію отдать себя отечеству за отечество. Къ графу пріѣхалъ я въ пять часовъ утра. Все уже въ домѣ было въ движеніи. Передъ кабинетомъ графа засталъ я тогдашняго губернскаго предводителя Василія Дмитріевича Арсеньева и Аркадія Павловича Рунича, секретаря графа. Говорю Аркадію Павловичу, что мнѣ нужно видѣться съ графомъ. «Нельзя,— отвѣчалъ онъ:—графъ занятъ теперь совѣщаніемъ съ преосвященнымъ Августиномъ и съ Петромъ Степановичемъ Валуевымъ[2])».—«Позвольте же мнѣ, по крайней мѣрѣ, оставить за-

---

[1]) СПБ., 1836 г.

[2]) Тогдашнимъ начальникомъ Кремлевской экспедиціи.

писку». Привѣтливо Аркадій Павловичъ подалъ мнѣ бумагу, перо, и я написалъ: «Хотя у меня нѣтъ въ Москвѣ никакой недвижимой собственности и хотя я не уроженецъ московскій, но гдѣ кого застала опасность отечества, тотъ тамъ и долженъ стать подъ хоругви отечественныя. Обрекаю себя въ ратники Московскаго ополченія и на алтарь отечества возлагаю на триста рублей серебра».

Такимъ образомъ 1812 года, іюля 11-го мнѣ первому удалось записаться въ Москвѣ въ ратники и принесть первую жертву усердія.

Архіепископъ Августинъ.

Пишу объ этомъ не изъ тщеславія, но для сохраненія связи въ ходѣ обстоятельствъ моихъ. Самоотреченіе есть порывъ, вызываемый изъ души необычайными событіями. Не вѣрить этому значитъ уничтожать и уничтожать благородныя движенія сердца человѣческаго. Въ этотъ мигъ показалось мнѣ, что съ груди моей спало бремя гробовой тоски, налегшее на нее съ 1808 года. Въ Сокольникахъ блеснуло солнце въ полномъ сіяніи на свѣтломъ лазурномъ небосклонѣ. «Какъ очаровательна природа и какъ злобны люди!» говорилъ Жанъ-Жакъ Руссо. И я, въ юности моей воспоминая о томъ, что съ оживленіемъ весенней природы

загораются битвы кровопролитныя, сказалъ, обращаясь къ людямъ, вооруженнымъ противъ людей: «Иль кровь амврозія для васъ?»

Мирите человѣчество съ человѣчествомъ, и менѣе будетъ злобныхъ и менѣе будетъ жажды крови!

Увлекаясь красотами загородной природы, я какъ будто бы забылъ, что въ то самое мгновеніе гремѣли битвы и за Днѣпромъ и у Днѣпра, и на Двинѣ и за Двиною.

Вскорѣ улицы закипѣли жизнію и движеніемъ. Страхъ и боязнь не витали по стогнамъ градскимъ. Вѣсть о прибытіи государя отдалила мысль о бурѣ, мчавшейся къ Москвѣ. Вездѣ сходились и вездѣ сговаривались идти и спѣшить навстрѣчу государя. Лица гражданъ и жителей сіяли веселіемъ сердечнымъ. Казалось, что всѣ ожидали какого-то пира торжественнаго. Тотъ пиръ былъ пиръ любви народной, и любовь на крыльяхъ душевныхъ порывалась къ нему. Замѣтить должно, что тутъ не проявлялись никакія хвастливыя выходки. Не слышно было удалыхъ поговорокъ: «Мы закидаемъ шапками, мы постоимъ за себя!» Довѣренность безмятежная обладала умами. Никакое слово ненависти и негодованія противъ враговъ не исторгалось изъ устъ. Всѣ мысли, всѣ слова слились въ одно чувство любви. Въ обширныхъ московскихъ рядахъ лавки запирались ранѣе обыкновеннаго. Замкнувъ товары и осѣнясь крестомъ, добрые граждане говорили: «Пойдемъ въ храмы Господніи; помолимся за царя-государя, а оттуда за заставу». Встрѣчался ли кто съ кѣмъ на улицѣ, первый вопросъ: «Куда идешь?» И общій отвѣтъ: «Навстрѣчу государя за заставу!»

Около трехъ часовъ пополудни, надѣвъ въ петлицу золотую мою медаль, чтобы свободнѣе протѣсниться сквозь безчисленные сонмы народа, пошелъ я вслѣдъ за ними, желая прислушаться къ мнѣнію народному и прибавить новую статью въ «Русскій Вѣстникъ».

Не вмѣщая въ стѣнахъ своихъ радости и восторга, казалось, что вѣковая Москва, сдвинувшись съ исполинскаго основанія своего, летѣла навстрѣчу государя. Всѣ сердца ликовали; на всѣхъ лицахъ блистало веселіе. Духъ народный всего торжественнѣе высказывается въ годину рѣшительнаго подвига. Въ часы грозной, въ часы явной опасности народъ русскій подрастаетъ душою и крѣпчаетъ мышцею отважною.

Размышляя о дивномъ полетѣ духа русскаго, часу въ шестомъ вечера очутился я на Поклонной горѣ, гдѣ тогда была дубовая роща. Земля какъ будто бы исчезла подъ сонмами народа; иные читали воззваніе къ первопрестольной столицѣ Москвѣ; другіе спокойно и съ братскимъ радушіемъ передавали другъ другу мысли свои. Подъ шумомъ бурь исчезаетъ личность, и сердца сродняются союзомъ общей опасности. Рѣчи лились рѣкою и пламенѣли рвеніемъ любви. Вмѣшивался и я въ разговоры, но еще охотнѣе прислушивался къ живымъ и, такъ сказать, самороднымъ изреченіямъ духа русскаго.

Между тѣмъ донеслась въ рощу молва, что у заставы Драгомиловской народъ намѣренъ выпрячь лошадей изъ государевой коляски и нести ее на плечахъ до Кремля. Сонмы народа, сидѣвшіе на Поклонной горѣ, безъ всякаго посторонняго возбужденія и какъ будто бы смолвясь душами и мыслію, воскликнули: «Не уступимъ! Мы впереди; мы скорѣе поспѣемъ, мы на

себѣ понесемъ коляску государеву оттуда, гдѣ ее встрѣтимъ». Потомъ, оборотясь ко мнѣ, сказали: «А вы, ваше благородіе, ведите насъ!» Я провозгласилъ: «Ура! Впередъ!» И тысячи голосовъ повторили: «Ура! Впередъ!» Все быстро двинулось. Воздухъ огласился звуками родныхъ пѣсенъ, шапки и шляпы летѣли вверхъ. Въ это время душевнаго разгула народнаго Ѳедоръ Ѳедоровичъ Кокошкинъ возвращался изъ подмосковной. Увидя меня и за мною народъ, онъ приказалъ остановиться коляскѣ и спросилъ: «Сергѣй Николаевичъ, куда идешь?»—«Веду къ государю народъ», отвѣчалъ я. 1812 году іюля 11-го порывистый духъ народа сдѣлалъ меня вождемъ своего усердія. Начинало смеркаться. Пѣсни и «ура!» не умолкали. На закатѣ солнца мы были уже на семнадцатой верстѣ. Останавливая всѣхъ проѣзжихъ, народъ спрашивалъ: «Скоро ли будетъ государь?» Наконецъ, около десяти часовъ услышали, что государь остается въ Перхушковѣ, гдѣ находился тогда и графъ Ростопчинъ.

Въ ту же ночь извѣстилъ я, гдѣ слѣдовало, что народъ по собственному порыву душъ своихъ двинулся навстрѣчу государя и что разошелся съ сокрушеніемъ сердечнымъ, а потому и просилъ, чтобы на другой день напечатать что-нибудь одобрительное для народа. Не знаю, почему приказано было за мною присматривать, но это не обезпокоило меня. Не отставая усердіемъ отъ общаго дѣла, я не забѣгалъ впередъ и не заботился о слухахъ. Идите на ряду съ необычайными обстоятельствами: они сами укажутъ вамъ мѣсто. Мелкіе происки и увертливыя искательства истощаютъ духъ. Берегите его для тѣхъ случаевъ, когда онъ можетъ дѣйствовать явно, не уклоняясь со стези, проложенной обстоятельствами не вынужденными, а вызванными голосомъ времени и правительствомъ.

Не цѣлый день свѣтитъ солнце утреннее. Солнце утреннее, блеснувшее надъ башнями Кремля и златыми главами церквей, увидѣло Москву въ полнотѣ жизни и движенія. Заходившее солнце проводило сонмы народные, безмолвно возвращавшіеся въ стѣны города. Какой переходъ отъ утра до вечера! Переходъ цѣлой жизни человѣческой, исторической и нравственной.

Все дремало и въ домахъ, и на улицахъ, и въ окрестностяхъ Москвы, но не дремала любовь. Подмосковные крестьяне деревни Филей или Покровскаго, нетерпѣливо ожидая проѣзда государя, отправили двухъ гонцовъ въ село Перхушково, которые, быстро прискакавъ оттуда, успѣли извѣстить причетъ церковный о выѣздѣ государя. Немедленно изъ села Покровскаго, перешедшаго въ родъ Нарышкиныхъ отъ царицы Натальи Кирилловны, священникъ Григорій Гавриловъ поспѣшилъ въ облаченіи на Поклонную гору съ серебрянымъ блюдомъ, на которомъ возлежалъ крестъ Господній, а престарѣлый дьяконъ держалъ свѣчу, разливавшую трепетное сіяніе въ ночь безлунную и беззвѣздную. Поравнявшись съ причетомъ, государь вышелъ изъ коляски, положилъ земной поклонъ и съ глубокимъ вздохомъ облобызалъ крестъ Господній. Священникъ изъ стиховъ Пасхи возглашалъ: «Да воскреснетъ Богъ и расточатся враги Его!»

Іюля двѣнадцатаго съ первымъ мельканіемъ зари утренней народъ волнами кипящими стекался на Красную площадь. Старцы, опираясь на костыли, матери съ грудными младенцами—все шло, все спѣшило. Надъ Кремлемъ сіяло солнце въ полномъ блескѣ роскошнаго дня лѣтняго. Въ девять часовъ

утра явился на Красномъ крыльцѣ Александръ Первый, явился, какъ ангелъ Божій, подъ осѣненіемъ щита небеснаго. На довѣренность царя громко откликнулась довѣренность народа. Съ звономъ колокольнымъ сливались сотни тысячъ голосовъ: «Ура! Да здравствуетъ царь-государь! Веди насъ, куда хочешь! Веди насъ, нашъ отецъ! Умремъ или побѣдимъ!» Такъ восклицало *душевное ополченіе* русскаго народа, и Александръ Первый однимъ мановеніемъ руки своей могъ бы двинуть съ Красной площади сотни тысячъ подъ знамена ратныя. Въ сердцѣ царства русскаго, въ стѣнахъ Москвы іюля двѣнадцатаго императоръ Александръ убѣдился, что Россія устоитъ въ Россіи; онъ видѣлъ, что и подъ полетомъ вѣсти объ общей опасности духъ русскій вскипѣлъ *двухвѣковою* жизнію завѣтныхъ временъ гражданина Минина и князя Пожарскаго. Въ день іюля двѣнадцатаго не утварью царскою, не блескомъ вѣнца — Александръ украшался любовью народною, взиравшею на него очами сердца и души. То былъ въ полномъ смыслѣ именинный день Александра Перваго. На алтарь любви чистой, любви безкорыстной, любви пламенной народъ и отечество радостно возлагали и достояніе, и жизнь свою. И такъ приносимая тогда дань, говоря словами В. А. Жуковскаго, была:

В. А. Жуковскій.

«Не власти, не вѣнцу, а человѣку дань!»

Благовѣстъ продолжался. Государь двинулся съ Краснаго крыльца. Двинулось и общее усердіе. На каждой ступени со всѣхъ сторонъ сотни торопливыхъ рукъ хватались за ноги государя, за полы мундира, цѣловали и орошали ихъ слезами. Одни кричали: «Отецъ! Отецъ нашъ! Дай намъ на себя наглядѣться!» Другіе восклицали: «Отецъ нашъ! Ангелъ нашъ!» А съ площади отъ воротъ Спасскихъ до соборовъ, отъ прибрежнаго кремлевскаго возвышенія до воротъ Троицкихъ, съ кровли арсенала, съ кровлей домовъ, отовсюда, откуда казалось, что услышится голосъ душевный, неслись, летѣли крики: «Ура! Да здравствуетъ царь-государь! Веди насъ, куда хочешь!»

На ступеняхъ крыльца государь часъ отъ часу болѣе стѣснялся быстрымъ приливомъ народа. Чиновники его порывались раздвигать ряды. Государь, кланяясь на всѣ стороны, говорилъ: «Не троньте, не троньте ихъ! Я пройду!» И онъ прошелъ сквозь ряды сердецъ, пылавшихъ усердіемъ. До паперти, до вратъ собора Успенскаго гремѣли отклики: «Отецъ нашъ! Ангелъ нашъ! Да хранитъ тебя Господь Богъ!»

Въ день іюля двѣнадцатаго торжество любви народной сочеталось съ благодарнымъ молебствіемъ по случаю заключенія мира съ Турціей.

Звонъ колокольный продолжался, и когда государь сходилъ съ крыльца, народъ цѣловалъ его одежду и раздавались восклицанія: «Отецъ нашъ! Ангелъ нашъ! До сохранитъ тебя Богъ!..»

Въ дивный 1812 годъ миръ и война шли рядомъ.

13 и 14 іюля быстрымъ пролетѣли мгновеніемъ. Казалось (повторяю еще), что народъ русскій подросъ душою, ополчившеюся за край родной, и усилился мышцею, торопившеюся къ оружію.

На Красномъ крыльцѣ во время государева обѣда происходилъ непрерывный приливъ и отливъ народа. Государь обращалъ взоры къ зрителямъ и дарилъ ихъ улыбкой привѣтливою. Іюля 13 Петръ Степановичъ Валуевъ, находясь въ числѣ приглашенныхъ къ обѣду и привыкнувъ говорить съ государемъ голосомъ сердечнымъ, сказалъ: «Государь, смотря на васъ и на народъ, взирающій на васъ, скажешь, что общій отецъ великаго семейства народа русскаго вкушаетъ хлѣбъ-соль среди радостной родной своей семьи».

Съ 14 на 15 повѣщено было въ бывшемъ слободскомъ дворцѣ, сперва принадлежавшемъ графу канцлеру Безбородкѣ, собраніе дворянству и купечеству. Записавшись въ ратники по волѣ и охотѣ, я думалъ: «Зачѣмъ пойду въ Дворянское собраніе? Да и въ правѣ ли я говорить о пожертвованіи и собственности, вовсе не имѣя никакой собственности?» Такіе упреки и прежде слышалъ я въ Смоленскѣ при вступленіи моемъ въ земское войско; то же откликнулось и въ Москвѣ 1812 года.

Но, обозрѣвая положеніе мое съ другой стороны и зная, что попалъ подъ присмотръ, я рѣшился, для отстраненія предположеній и пересудовъ, явиться въ собраніе съ одною неотъемлемою собственностью—съ чистою совѣстью и съ самоотреченіемъ отъ жизни. Не было у меня ни милиціоннаго, ни губернскаго мундира. Послѣдній выпросилъ я у г. Васильева, родного брата хозяйки нанимаемаго мною дома. Невольно улыбнулся я, взглянувъ въ зеркало и увидя себя въ необычайномъ нарядѣ. Улыбки знакомыхъ встрѣтили меня и при входѣ въ собраніе. Но тутъ было не до смѣха.

Между тѣмъ, когда часъ отъ часу болѣе наполнялись залы Дворянскаго и Купеческаго собранія, въ комнатѣ передъ залою дворянскою завязался жаркій разговоръ. Одинъ изъ чиновныхъ бояръ сказалъ: «Мы должны спросить у государя, сколько у насъ войска и гдѣ наше войско?» Степанъ Степановичъ Апраксинъ возразилъ: «Еслибъ мы и въ правѣ были спросить объ этомъ у государя, то государь не могъ бы дать намъ удовлетворительнаго отвѣта. Войска наши движутся сообразно движеніямъ непріятеля, которыя могутъ измѣняться каждый часъ; такому же измѣненію подлежитъ и число войскъ». Вслѣдъ за этимъ муж-

чина лѣтъ въ сорокъ, высокій ростомъ, плечистый, статный, благовидный, рѣчистый въ русскомъ словѣ и въ мундирѣ безъ эполетовъ (слѣдственно, отставной), о имени его некогда было спросить, возвыся голосъ, сказалъ: «Теперь не время разсуждать,— надобно дѣйствовать. Кипитъ война необычайная, война нашествія, война внутренняя. Она изроетъ могилы и городамъ, и народу. Россія должна выдержать сильную борьбу, а эта борьба требуетъ и небывалой доселѣ мѣры. Двинемся сотнями тысячъ, вооружимся, чѣмъ можемъ. Двинемся быстро въ тылъ непріятеля, составимъ дружины конныя, будемъ вездѣ тревожить Наполеона, отрѣжемъ его отъ Европы и покажемъ Европѣ, что Россія возстаетъ за Россію».

Въ пылу рвенія душевнаго раздался и мой голосъ; я воскликнулъ: «Адъ должно отражать адомъ. Я видѣлъ однажды младенца, который улыбался при блескѣ молніи и при раскатахъ грома, но то былъ младенецъ. Мы не младенцы: мы видимъ, мы понимаемъ опасность, мы должны противоборствовать опасности». Среди общаго безмолвія пламенѣла моя рѣчь. И меня часъ отъ часу болѣе вдвигали въ залу собранія, гдѣ по обѣимъ сторонамъ стола, покрытаго зеленымъ сукномъ, сидѣло болѣе семидесяти чиновныхъ вельможъ въ лентахъ. Сжатый отовсюду, я принужденъ былъ остановиться за стульями къ стѣнѣ, посреди задняго ряда. Не прерывая словъ моихъ или, лучше сказать, увлекаясь душою, я предлагалъ различныя мѣры ко внутренней безопасности и оборонѣ отечества. Наконецъ сказалъ: «*Мы не должны ужасаться; Москва будетъ сдана*». Едва вырвалось изъ устъ моихъ это роковое слово, нѣкоторые изъ вельможъ и превосходительныхъ привстали. Одни кричали: «Кто вамъ это сказалъ!!» Другіе спрашивали: «Почему вы это знаете?» Не смущаясь духомъ, я продолжалъ: «Милостивые государи! *Во-первыхъ*, отъ Нѣмана до Москвы нѣтъ ни природной, ни искусственной обороны, достаточной къ остановленію сильнаго непріятеля. *Во-вторыхъ*, изъ всѣхъ отечественныхъ лѣтописей нашихъ явствуетъ, что Москва привыкла страдать за Россію. *Въ-третьихъ* (и дай Богъ, чтобъ сбылись мои слова), сдача Москвы будетъ спасеніемъ Россіи и Европы».

Рѣчь мою, продолжавшуюся около часа съ различными поясненіями, требуемыми различными лицами, прервалъ входъ графа Ростопчина. Всѣ оборотились къ нему. Высвободясь изъ осады, я поспѣшилъ къ московскому градоначальнику. Указывая на залу купеческаго собранія, графъ сказалъ: «Оттуда польются къ намъ милліоны, а наше дѣло выставить ополченіе и не щадить себя».

Послѣ мгновеннаго совѣщанія положено было выставить въ ратники десятаго.

Между тѣмъ въ залѣ купеческой, по отпѣтіи молебствія, готовились къ пожертвованіямъ. Государь началъ рѣчь, и съ первымъ словомъ слезы брызнули изъ очей его. Жалостію закипѣли души русскаго купечества. Казалось, что въ каждомъ гражданинѣ воскресъ духъ Минина. Гремѣлъ общій голосъ: «Государь! Возьми все, и имущество, и жизнь нашу!» Вслѣдъ за удалившимся государемъ летѣли тѣ же крики и души ревностныхъ гражданъ.

Слезы блистали еще въ глазахъ государя, когда онъ вошелъ въ залу Дворянскаго собранія. А лицо его сіяло умиленіемъ

довѣренности къ духу самоотреченія сыновъ Россіи. Мнѣ удалось помѣститься за графомъ, стоявшимъ подлѣ императора. Вотъ слова государя: «Никогда не сомнѣвался я въ усердіи русскаго дворянства, но въ этотъ день оно превзошло мое ожиданіе. Благодарю васъ отъ лица отечества. Господа! Будемъ дѣйствовать, время всего дороже!»

При выходѣ государя Петръ Степановичъ Валуевъ схватилъ меня за руку и сказалъ: «Пойдемъ, Сергѣй Николаевичъ! Я представлю васъ государю». — «Ваше высокопревосходительство! — отвѣчалъ я: — теперь не до меня!» И съ этимъ словомъ, вырвавъ руку, я опрометью бросился съ крыльца. Предчувствуя, что до пріѣзда моего долетятъ разсказы стоустой молвы въ семейство мое, я поспѣшилъ домой. Сбылось мое предчувствіе. Застаю бѣдную жену мою въ страданіи и въ горькихъ слезахъ. Нѣкоторые изъ услужливыхъ моихъ знакомыхъ настращали ее, что мнѣ за отважные мои возгласы въ собраніи не миновать бѣды. «Молись Богу, мой другъ! — сказалъ я плачущей женѣ моей.—Знаю, что меня позовутъ, а потому на всякій случай заготовь бѣлый жилетъ и бѣлую косынку. Когда потребуютъ, то поѣду во фракѣ. Чужой губернскій мундиръ насмѣшилъ и меня, и знакомыхъ моихъ». Неизъяснима была душевная пытка жены моей. Куда ни бросалась она для какой-нибудь отрадной вѣсти, вездѣ убѣждали ее ждать участи своей и укрѣпляться вѣрою: такъ напугалъ голосъ мой, раздавшійся въ собраніи Дворянскомъ по одному порыву душевному.

. . . .

Восторги и порывы жителей московскихъ откликались только въ присутствіи Александра Перваго. Съ отбытіемъ его на берега Невы, въ ночь 19 іюля, полетъ душъ осѣкся: Москва смолкла въ Москвѣ. Вѣсть объ опасности отечества вызвала мгновенный порывъ самоотреченія. Казалось, что все это было и не было. Начали около себя оглядываться, думать, обдумывать; личность заполонила самоотреченіе. Не было страха, не было трепета, но была суетливость жизни и о жизни...

...Между тѣмъ часу въ одиннадцатомъ (19 іюля) возвращаюсь съ прогулки. Жена моя почти безъ памяти сидѣла на софѣ. Увидя меня, она вскричала: «Отъ графа Ростопчина пріѣхалъ ординарецъ!»—«Я ожидалъ этого, а ты молись Богу и вели подать мнѣ косынку и бѣлый жилетъ». Переодѣвшись, поспѣшилъ я къ графу, находившемуся тогда въ Москвѣ, а не на дачѣ. Съ графомъ былъ только адъютантъ его Обресковъ. Подбѣжавъ ко мнѣ, графъ сказалъ: «Забудемъ прошедшее; теперь дѣло идетъ о судьбѣ отечества [1])».

Взявъ со стола бумагу и орденъ, графъ продолжалъ: «Государь жалуетъ васъ кавалеромъ четвертой степени Владиміра *за любовь вашу къ отечеству, доказанную сочиненіями и дѣяніями вашими.* Такъ изображено въ рескриптѣ за собственноручною подписью государя императора. Вотъ рескриптъ и орденъ». Адъютантъ бросился улаживать въ петлицѣ орденъ, а графъ прибавилъ: «Поздравляю васъ кавалеромъ». Съ этимъ словомъ поцѣловалъ меня и продолжалъ: «Священнымъ именемъ государя императора развязываю вамъ языкъ на все полезное для отече-

---

[1]) Съ декабря 1809 года до этого времени мы были въ личной размолвкѣ съ графомъ. *Прим. авт.*

ства, а руки—на триста тысячъ экстраординарной суммы. Государь возлагаетъ на васъ особенныя порученія, по которымъ будете совѣщаться со мною». — «Благодарю государя, — отвѣчалъ я,—но позвольте мнѣ поспѣшить къ женѣ моей: у нея трое сутокъ отзывается въ ушахъ звонъ сибирскаго колокольчика». . .

Немедленно приступилъ я къ тѣмъ особеннымъ порученіямъ, съ которыми нерѣдко въ Москвѣ и внѣ стѣнъ ея сопряжена была опасность жизни. Но тогда жизнь была для меня послѣднимъ условіемъ. Я былъ счастливъ и подъ грозною тучею, быстро устремлявшеюся къ Москвѣ. Провидѣніе помогало мнѣ оживлять души добрыхъ гражданъ, успокоивать ихъ умы и внушать имъ мѣры осторожности, предостерегая ихъ отъ смущенія и торопливой робости. Непрестанное присутствіе мое на площадяхъ, на рынкахъ и на улицахъ московскихъ сроднило со мною взоры, мысли и сердца московскихъ обывателей. Дѣйствуя открытою грудью и громкимъ словомъ, я не прикасался рукою къ сотнямъ тысячамъ, ввѣреннымъ мнѣ вмѣстѣ со свободою развязанныхъ устъ. Однажды только по запискѣ моей препровождены были въ село Крылацкое кушакъ и шапка крестьянину Никифору, благословившему на брань трехъ сыновъ своихъ. Деньги хороши, какъ средство къ оборотамъ потребностей быта общественнаго, но бѣда, гдѣ онѣ заполонятъ общество человѣческое; бѣда, гдѣ, говоря словами нашего девятнадцатаго столѣтія, онѣ дѣлаются представителями всѣхъ наслажденій и приманкою страстей! При возстаніи душъ дѣйствуйте на нихъ силою нравственною, уравнивающею духъ народный съ величіемъ необычайныхъ обстоятельствъ. . . . .

Но не такъ было. Къ поддержанію вскипѣвшаго духа народнаго надлежало вызывать не одни имена Минина и Пожарскаго, надлежало вмѣстѣ съ тѣмъ вызвать и русскій бытъ ихъ времени. Надлежало возобновить завѣтное сближеніе душъ, мыслей и слова родного. Надлежало, но этого не было. Почти каждый день заходилъ я въ *комитетъ ратническій* и *комитетъ пожертвованій*. Въ послѣднемъ два главные чиновника (ихъ уже нѣтъ въ живыхъ), принимая пожертвованія, по неугомонной привычкѣ разговаривали по-французски. Добрые граждане, поспѣшавшіе возлагать на алтарь отечества и сотни, и тысячи, и десятки тысячъ, слыша французское бормотанье, съ скорбнымъ лицомъ удалялись и, съ удивленіемъ поглядывая другъ на друга, восклицали: «Господи Боже нашъ! И о русскихъ-то пожертвованіяхъ болтаютъ и суесловятъ по-французски!» Это былъ не порывъ ненависти къ французамъ — нѣтъ! 1812 года мы не питали ненависти ни къ одному народу; мы желали только поразить и отразить нашествіе, но то былъ праведный голосъ сыновъ Россіи, долженствующей жить словомъ русскимъ. Недавно читалъ я индѣйскую драму *Саконталу*, въ которой придворный стражъ укоряетъ рыбака ремесломъ его. Рыбакъ отвѣчаетъ: «Не укоряй меня въ этомъ, ремесло мое досталось мнѣ въ наслѣдство отъ отца». Человѣкъ русскій дорожитъ и ласковымъ взглядомъ, и привѣтливымъ словомъ. Пословица: «слово не стрѣла, а пуще убиваетъ», убѣдительно свидѣтельствуетъ, что предки наши понимали *жизнь* и *смерть*, заключающіяся въ выговорѣ словъ. А если у насъ нерусскимъ словомъ и нерусскимъ обычаемъ и въ годину испытанія отталкивали отъ себя русскихъ въ Россіи, то неудивительно, что французы въ тогдашнихъ извѣстіяхъ

своихъ писали и печатали, что питомцы моднаго воспитанія готовятъ для нихъ и лавры, и вѣнки. Это не укоризна, а замѣчаніе. Возникла шаткость и въ *ратническомъ комитетѣ*. Вскорѣ по установленіи онаго онъ подчиненъ былъ комитету петербургскому, состоявшему подъ предсѣдательствомъ графа Аракчеева. «Я не ребенокъ,—говорилъ графъ Ѳедоръ Васильевичъ (Ростопчинъ):—меня поздно водить на помочахъ!»

Наполеонъ, преслѣдуемый фуріями. (Со старинной гравюры).

Вѣсть о занятіи Смоленска Наполеономъ, оставленнаго русскими войсками въ пожарномъ пламени и въ дымящихся развалинахъ,—эта вѣсть огромила Москву. Раздался по улицамъ и площадямъ гробовой голосъ жителей: «*Отворены ворота къ Москвѣ!*» Началось переселеніе изъ городовъ, уѣздовъ, изъ селъ и деревень. Иные ѣхали и шли, а куда?—Куда Богъ поведетъ.

Назначеніе Кутузова главнокомандующимъ произвело общій восторгъ и въ войскахъ, и въ народѣ. До этого еще времени,

безъ всякой взаимной смолвки, въ одинъ и тотъ же день, т.-е. іюля 15-го, былъ онъ избранъ въ начальники ополченія и на берегахъ Невы, и на берегахъ Москвы - рѣки. Госпожа Сталь, гонимая Наполеономъ за рѣзкіе и смѣлые отзывы и находясь тогда въ Петербургѣ, явилась къ Кутузову, преклонила передъ нимъ чело и возгласила своимъ торжественнымъ голосомъ: «Привѣтствую ту почтенную главу, отъ которой зависитъ судьба Европы» [1]). Полководецъ нашъ, ловкій и на полѣ битвъ, и въ обращеніи свѣтскомъ, не запинаясь, отвѣчалъ: «Сударыня! Вы дарите меня вѣнцомъ безсмертія!» Нѣкоторые это иначе высказываютъ, но тутъ дѣло не о словахъ, а о томъ, что дочь того Неккера, который 1789 года почитался рѣшителемъ судьбы Франціи, какъ будто бы свыше вызвана была на берега Невы вѣстницею о новомъ жребіи и Франціи, и Европы. Петербургъ, Москва, Россія ожидали отъ Кутузова новой славы, новыхъ побѣдъ, а усердные заранѣе вѣнчали его и славою, и побѣдами. На всѣ привѣтствія опытный полководецъ отвѣчалъ: *Не побѣдить, а дай Богъ обмануть Наполеона!*

Кутузовъ и обманулъ и провелъ Наполеона, затерявшагося въ прежнемъ Наполеонѣ-Бонапартѣ, а на челѣ Барклая-де-Толли не увяла ни одна вѣтка лавровъ его. Онъ отступалъ, но уловка умышленнаго отступленія—уловка вѣковая. Скиѳы Дарія, а парѳяне римлянъ разили отступленіями. Не изобрѣли тактики отступленій ни Моро, ни Веллингтонъ... Не изобрѣлъ этой тактики и Барклай на равнинахъ Россіи. Петръ Первый высказалъ ее въ Желковкѣ на военномъ совѣтѣ 30 апрѣля 1707 года, когда положено было: *не сражаться съ непріятелемъ внутри Польши, а ждать его на границахъ Россіи.* Вслѣдствіе этого Петръ предписалъ: «тревожить непріятеля отрядами; перехватывать продовольствіе; затруднять переправы, истомлять переходами». Въ подлинникѣ сказано: *истомлять непрестанными нападеніями.* Отвлеченіе Наполеона отъ сраженій и завлеченіе его въ даль Россіи стоило нападеній. Предпринявъ войну отступательную, императоръ Александръ писалъ къ Барклаю: *Читайте и перечитывайте журналъ Петра Перваго.* Итакъ, Барклай-де-Толли былъ не изобрѣтателемъ, а исполнителемъ возложеннаго на него дѣла. Да и не въ томъ состояла трудность. Наполеонъ, порываемый могуществомъ, для него самого непостижимымъ, Наполеонъ, видя съ изумленіемъ бросаемыя тѣ мѣста, гдѣ ожидалъ битвы, такъ сказать, *шелъ и не шелъ.* Предполагаютъ, что отклоненіемъ на Жиздру Барклай заслонилъ бы и спасъ Москву. Но, втѣсняя далѣе въ предѣлы полуденные войско Наполеона, вмѣстѣ съ нимъ переселилъ бы онъ туда и ту смертность, которая съ нивъ и полей похитила въ Смоленскѣ болѣе ста тысячъ поселянъ. Слѣдственно, въ этомъ отношеніи Смоленскъ пострадалъ болѣе Москвы. Стѣны городовъ и домовъ можно возобновить, но кто вырветъ изъ челюстей смерти погибшее человѣчество? А притомъ, подвигая Наполеона къ южнымъ рубежамъ Россіи, мы приблизили бъ его и къ Турціи, заключившей шаткій миръ, вынужденный англійскими пушками, цѣлившими на сераль.

Снова повторяю: не завлеченіе Наполеона затруднило Барклая-де-Толли, но война нравственная,—война мнѣнія, обрушившаяся

---

[1]) Je viens saluer la tête respectable dont dependent les destinées de l'Europe.

на него въ нѣдрахъ отечества. Генералъ Тормасовъ говорилъ: «Я не взялъ бы на себя войны отступательной».

Графъ Тюрпинъ въ обозрѣніи записокъ Монтекукули замѣчаетъ, что перетолкованіе газетныхъ извѣстій о военныхъ дѣйствіяхъ вредитъ полководцамъ. Но если это вредно въ *войну обыкновенную*, то въ войну исполинскую, въ *войну нашествія*, разгулъ молвы, судящей по *слуху*, а не по *уму*, свирѣпствуетъ еще сильнѣе. Напуганное, встревоженное воображеніе все переиначивало. Надобно было отступать, чтобы уступленіемъ пространства земли обезсиливать нашествіе. Молва вопіяла: *долго ли будутъ отступать и уступать Россію?* Подъ Смоленскомъ совершилось одно изъ главныхъ предположеній войны 1812 года, т.-е. соединеніе арміи Багратіона съ арміею Барклая-де-Толли. Но нельзя было терять ни времени, ни людей на защиту стѣнъ шестнадцатаго и семнадцатаго столѣтія—нашествіе было еще въ полной силѣ своей. А молва кричала: «Подъ Смоленскомъ соединилось храброе русское войско; тамъ рѣка, тамъ стѣны! И Смоленскъ сдали». Нашествію нужно было валовое сраженіе и подъ Вильною, и подъ Дриссою, и подъ Витебскомъ, и подъ Смоленскомъ, за нимъ были всѣ вспомогательныя войска твердой земли Европы. Но Россіи, отдачею земли, нужно было сберегать жизнь полковъ своихъ. Итакъ, Барклаю-де-Толли предстояли двѣ важныя обязанности: *вводить, заводить нашествіе въ даль Россіи и отражать вопли молвы.* Терпѣніе его стяжало вѣнецъ. . . . .

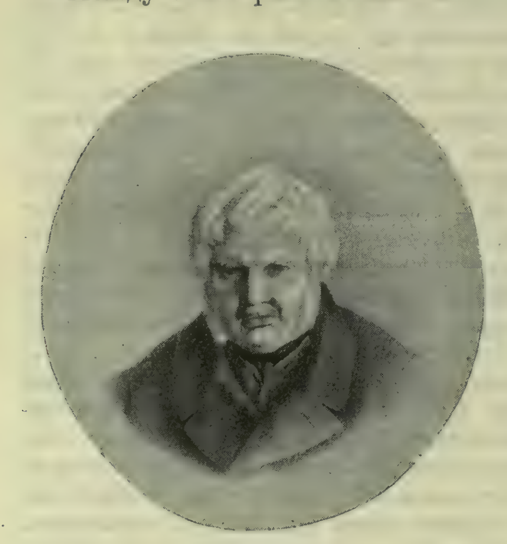
Барклай-де-Толли отбивался, затягивалъ Наполеона, но войско русское алкало битвы валовой. Барклай дѣлалъ свое дѣло, и Кутузовъ съ перваго шагу принялся за свое дѣло. Орлинымъ полетомъ воспрянулъ духъ русскихъ воиновъ, а хитрый вождь подъ размахомъ крылъ его готовилъ отступленіе къ Москвѣ не за отбой Москвы, но, чтобы, перешагнувъ за Москву, заслонить ею Россію и отстаивать Россію. Исполинское нашествіе требовало великихъ жертвъ: одна принесена была на берегахъ Днѣпра, другая ожидала рокового своего часа на берегахъ Москвы-рѣки. А потому вслѣдствіе обдуманнаго новаго отступленія и чтобы не затруднять войска излишнею громоздкостью при отступленіи, Кутузовъ, почти за недѣлю до битвы Бородинской, отправилъ нѣсколько ротъ конной артиллеріи по Рязанской дорогѣ. Въ томъ числѣ была и рота двоюроднаго брата моего Владимира Андреевича Глинки.

Каждый день по улицамъ во всѣ заставы, кромѣ Смоленской или Драгомиловской, тянулись вереницы каретъ, колясокъ, повозокъ, кибитокъ и нагруженныхъ телѣгъ. Иные отправляли на баркахъ всякія утвари домашнія, иные увозили съ собой и гувернеровъ дѣтей своихъ. Упоминаю объ этомъ не въ укоризну, а скажу только, что такіе вывозы и выѣзды крайне сердили и раздражали народъ. Казалось, что Москва выходила изъ Москвы. Повѣстить явно и торжественно нельзя было, въ такомъ случаѣ и безъ входа въ нее непріятелей она сорвана бъ была съ основанія своего.

А въ это время при бурѣ нашествія и разгромѣ Москвы тогдашній добрый оберъ-полицеймейстеръ Ивашкинъ строилъ большой деревянный домъ подъ Новинскимъ. Съ досадою взглядывая на эту постройку, прохожіе говорили: «Вотъ еще и дома затѣваютъ строить!»

Въ это время, увлекаясь мечтою, графъ (Ростопчинъ) придумалъ высылку изъ Москвы нѣкоторыхъ уроженцевъ Франціи на баркѣ въ струи волжскія. Въ посланіи къ нимъ онъ сказалъ: «Взойдите на барку и войдите въ самихъ себя». Это по-французски каламбуръ или шутка: «Entrez dans la barque et rentrez dans vous mêmes». Но для высылаемыхъ это было не шуткою. Опасались, можетъ-быть, что народъ при вторженіи Наполеона въ Москву посягнетъ на нихъ? Я близокъ былъ къ народу, я жилъ съ народомъ на улицахъ, на площадяхъ, на рынкахъ, вездѣ въ Москвѣ и въ окрестностяхъ Москвы и живымъ Богомъ свидѣтельствуюсь, что никакая неистовая ненависть не волновала сыновъ Россіи.

Между тѣмъ разномысліе часъ отъ часу усиливалось въ стѣнахъ Москвы. Жаръ рвенія, вспыхнувшій въ душахъ народа въ первой половинѣ іюля, хотя и не остылъ, но какъ будто бы разстраивался... Къ заглушенію мысли о предстоящей опасности занимали умы народа сооруженіемъ на Воробьевыхъ горахъ какого-то огромнаго шара, который, по словамъ разгульной молвы, поднявшись надъ войсками Наполеона, польетъ огненный дождь, особенно на артиллерію. Шутя или не шутя, мнѣ предлагали мѣсто на этомъ огненосномъ шарѣ. Я отвѣчалъ: «Какъ первый московскій ратникъ, я стану въ срочный часъ въ ряды ополченія, но признаюсь откровенно, что я не привыкъ ни къ чиновному возвышенію, ни къ летанію по воздуху. У меня на высотѣ закружится голова».

А. П. Ермоловъ.

Но и среди развлеченія мыслей—духъ русскій стоялъ на стражѣ. Появлялись ли въ гостиныхъ рядахъ раненые наши офицеры — купцы и сидѣльцы привѣтствовали ихъ радушно. Нужно ли имъ было что-нибудь купить — имъ все предлагали безденежно торопливою рукою и усерднымъ сердцемъ. «Вы проливаете за насъ кровь,—говорили имъ,—намъ грѣхъ брать съ васъ деньги». Въ селахъ и деревняхъ отцы, матери и жены благословляли сыновъ и мужей своихъ на оборону земли русской. Поступавшихъ въ ополченіе называли *жертвенниками*, т.-е. ратниками, пожертвованными отечеству не обыкновеннымъ наборомъ, но влеченіемъ душевнымъ. *Жертвенники*, или ратники, въ смурыхъ полукафтаньяхъ, съ блестящимъ крестомъ на шапкѣ, съ ружьями и пиками мелькали по всѣмъ улицамъ и площадямъ съ мыслію о родинѣ. Тѣнь грусти пробѣгала на лицахъ ихъ, но не было отчаянія. Ласка и привѣтъ сердечный вездѣ встрѣчали ихъ, и дивно свыкались они и съ ружьемъ, и съ настроеніями военными!»

Далѣе Глинка разсказываетъ объ одушевленіи, охватившемъ студентовъ Московскаго университета, которые обращались къ нему съ просьбой помочь имъ опредѣлиться въ ополченіе. С. Н. не рѣшился тратить для снаряженія этихъ добровольцевъ деньги изъ врученной ему суммы и употребилъ на это средства, вырученныя отъ продажи драгоцѣнностей его жены.

Разсказывая о смерчахъ, которые «со времени нашествія завоевателя бушевали въ Москвѣ», Глинка не безъ нѣкоторой доли суевѣрія ставитъ въ связь эти явленія природы съ бѣдствіями Отечественной войны и рисуетъ тотъ паническій ужасъ, который охватилъ большую часть московскаго населенія въ виду приближающагося непріятеля, но замѣчаетъ при этомъ: «Ничто не могло одолѣть неугомонной привычки къ *картамъ*. Посылали справляться гонцовъ: *гдѣ и далеко ли непріятель*, а, получа отвѣтъ и поговоря нѣсколько минутъ о военныхъ дѣйствіяхъ, опять провозглашали: *бостонъ! вистъ!* И такъ далѣе».

По предписанію свыше Глинка не вступилъ фактически въ ряды ополченія, но остался въ Москвѣ, исполняя порученія гр. Ѳ. В. Ростопчина и былъ свидѣтелемъ дальнѣйшихъ событій.

«Кутузовъ второго сентября въ девятомъ часу поутру сталъ выступать черезъ Москву за Москву. Съ возвышеннаго берега Москвы-рѣки у Драгомиловскаго моста мы смотрѣли на вѣяніе отступавшихъ нашихъ знаменъ. Кутузовъ ѣхалъ верхомъ спокойно и величаво, а полки наши, объятые недоумѣніемъ, тянулись въ глубокомъ молчаніи, но не изъявляя ни отчаянія, ни негодованія. Они еще думали, что сразятся въ Москвѣ за Москву. По удаленіи Кутузова я возвратился домой съ братьями, съ нѣкоторыми знакомыми офицерами и съ генераломъ Евгеніемъ Ивановичемъ Оленинымъ. На вопросъ нашъ: «куда идетъ войско?» былъ общій спартанскій отвѣтъ: «въ обходъ». Но въ какой обходъ?—То была тайна предводителя».

Вечеромъ этого же дня вступилъ въ Москву Наполеонъ. Приводимъ описаніе этого событія, сдѣланное авторомъ «Записокъ».

«Наступилъ часъ вечеренъ. Колокола молчали. Узнавъ, что ночные удальцы московскіе, говоря просто, собирались *ухнуть на добычу и на грабежъ*, расторопный графъ Ростопчинъ приказалъ запереть колокольни и обрѣзать веревки. Вдругъ, какъ будто бы изъ глубокаго гробового безмолвія, выгрянулъ, раздался крикъ: «Французы! Французы!» Къ счастію, лошади наши были осѣдланы. Кипя досадою, я самъ разбивалъ зеркала и рвалъ книги въ щегольскихъ переплетахъ. Французамъ не пеняю. Ни при входѣ, ни при выходѣ, какъ послѣ увидимъ, они ничего у меня не взяли, а отняли у себя прежнее нравственное владычество въ Москвѣ... Съ коннымъ нашимъ запасомъ, т.-е. съ сѣномъ и овсомъ, поскакали мы къ Благовѣщенію на Бережки. Съ высоты ихъ увидѣли Наполеоновы полки, шедшіе тремя колоннами. Первая перешла Москву-рѣку у Воробьевыхъ горъ, вторая, перешедъ ту же рѣку на Филяхъ, тянулась въ Тверскую заставу, третья, или средняя, вступала въ Москву черезъ Драгомиловскій мостъ. Обозрѣвъ ходъ непріятеля и предполагая, что намъ способнѣе будетъ пробираться переулками, я уговорилъ братьевъ моихъ ѣхать на Пречистенку, гдѣ неожиданно встрѣтили Петровскій полкъ, находившійся въ аріергардѣ и въ которомъ служилъ братъ мой Григорій, раненый подъ Бородинымъ. Примкнувъ къ полку, мы безпрепятственно продол-

жали отступленіе за Москву. По пятамъ за нами шелъ непріятель, но безъ натиска и напора. У домовъ опустѣлыхъ стояли еще дворники. Я кричалъ: «Ступайте! Уходите! Непріятель идетъ».—«Не можемъ уходить,—отвѣчали они:—всѣмъ приказано беречь дома». У Каменнаго моста, со ската кремлевскаго возвышенія, опрометью бѣжали съ оружіемъ, захваченнымъ въ арсеналѣ, и взрослые, и малолѣтніе. Духъ русскій не думалъ, а дѣйствовалъ. Мы тянулись берегомъ Москвы-рѣки мимо Воспитательнаго дома. Не доходя Яузскаго моста, я снялъ крестоносную свою шапку, оборотился къ златоглавому Кремлю, осѣнился крестомъ и, быстро поворотясь къ Москвѣ-рѣкѣ, сорвалъ съ себя саблю и, бросая ее въ рѣку, сказалъ: «Ступай! Погребись на днѣ Москвы-рѣки, не доставайся никому».

Русскіе за Москвою; полки непріятельскіе въ Москвѣ; Наполеонъ передъ Москвою. Кутузовъ за заставою сидѣлъ на дрожкахъ, погруженный въ глубокую думу. Полковникъ Толь подъѣзжаетъ къ русскому полководцу и докладываетъ, что французы вошли въ Москву. «Слава Богу,—отвѣчаетъ Кутузовъ:—это послѣднее ихъ торжество». Медленно проходили полки мимо вождя своего. Какъ перемѣнились лица русскихъ воиновъ отъ утра до вечера! Поутру отуманены были ихъ взоры, но уста безмолвствовали. Вечеромъ гнѣвная досада пылала въ глазахъ ихъ, и изъ устъ исторгались громкіе вопли: «Куда насъ ведутъ? Куда онъ насъ завелъ?» Облокотившись правою рукою на колѣно, Кутузовъ сидѣлъ неподвижно, какъ будто бы ничего не видя, ничего не слыша и соображая повѣстку: «Потеря Москвы не есть потеря отечества!» . . . .

. . . .

Между тѣмъ угрюмо сгущался сумракъ вечерній надъ осиротѣвшею Москвою, а за нею отъ хода войскъ, отъ столпившихся сонмовъ народа и отъ тѣснившихся повозокъ пыль вилась столбами и застилала угасавшіе лучи заходящаго солнца надъ Москвою. Внезапно раздался громовый грохотъ и вспыхнуло пламя. То былъ взрывъ подъ Симоновымъ (монастыремъ) барки съ коммиссаріатскими вещами, а пламя неслось отъ загорѣвшагося виннаго двора за Москвою-рѣкою. Быстро оглянулись воины наши на Москву и горестно воскликнули: «Горитъ матушка Москва! Горитъ!» Объятый тяжкою гробовою скорбію, я ринулся на землю съ лошади, и ручьи горячихъ слезъ мѣшались съ прахомъ и пылью. Приподнимая меня, братъ Ѳедоръ Николаевичъ говорилъ: «Вы сами предсказали жребій Москвы, вы ожидали того, что теперь въ глазахъ вашихъ».—«Я говорилъ о сдачѣ Москвы,—отвѣчалъ я,—я предвидѣлъ, что ее постигнетъ пожарный жребій. Но я мечталъ, что изъ нея вывезутъ и вѣковую нашу святыню, и вѣковые наши памятники. А если это все истлѣетъ въ пламени, то къ чему будетъ пріютиться мысли и сердцу?»

Въ ночь съ 31 августа на первое сентября бивачные огни отсвѣчивались передъ Москвою, а въ ночь съ второго сентября на третье они засверкали за Москвою, сливаясь съ первымъ отблескомъ зарева пожарнаго. Русскій аріергардъ остановился по Рязанской дорогѣ верстахъ въ четырехъ отъ заставы. Обыватели втѣснялись въ ряды воиновъ, обозы сталкивались, отшатнувшіеся отряды отъ полковъ отыскивали ряды свои. Я полагалъ, что еслибъ въ это расплошное время Наполеонъ бросилъ полка три конницы, онъ сильно бы потревожилъ насъ. Но въ Наполеонѣ

не было уже полководца-Бонапарта. За Драгомиловскою заставою онъ ждалъ пословъ и—никто не откликался. Онъ потребовалъ къ себѣ и графа Ростопчина, и коменданта, и оберъ-полицеймейстера и—никто не являлся. Кутузовъ ввелъ его въ Москву и провелъ, т.-е. обманулъ. А Наполеонъ, затерявшись въ недоумѣніи, въ первыхъ своихъ военныхъ извѣстіяхъ повѣстилъ, что будто бы русскіе въ разстройствѣ бѣгутъ вслѣдъ за обозами и сокровищами по Казанской дорогѣ. Часовъ до двухъ спалъ я на бивакахъ сномъ крѣпкимъ. На другой день вмѣстѣ съ братьями пристали мы къ корпусу генерала Дохтурова. Тутъ же былъ и графъ Ростопчинъ, но я съ нимъ не видался. Ночью, кажется, съ третьяго на четвертое сентября, данъ приказъ къ боковому движенію. Подполковникъ Букинскій, очень хорошій офицеръ и заступившій мѣсто Манахтина при штабѣ Дохтурова, сказалъ намъ, что по всѣмъ поименованнымъ въ приказѣ селеніямъ армія сближается съ Москвою. Множество было предположеній и догадокъ, но никто не попадалъ въ настоящую цѣль Кутузова. На другой день около полудня мы оставили армію въ десяти верстахъ отъ Бронницъ».

Дальше слѣдуетъ очень интересное описаніе «народнаго переселенія московскихъ обывателей».

«Кто видѣлъ переправы черезъ рѣки тысяча восемьсотъ двѣнадцатаго года, тотъ видѣлъ переселеніе *народа* и *народовъ*. Отъ безчисленнаго скопленія повозокъ, каретъ, колясокъ, телѣгъ, кибитокъ, дрожекъ иногда дожидались переправы по двое сутокъ и болѣе. Днемъ на пространствѣ нѣсколькихъ верстъ пылали прибрежные огни для приготовленія пищи, а ночью—для освѣщенія. Это были *переселенные биваки*. Тутъ дружески сходились и наши раненые, и раненые двадцати народовъ; тутъ были колыбели младенцевъ, тутъ раздавались вопли роженицъ и пѣніе погребальное. Тутъ въ однѣ сутки проявлялись всѣ переходы житейскіе, кромѣ хожденія къ алтарямъ брачнымъ.

Къ счастію выходцевъ и переселенцевъ, осень лелѣяла насъ и роскошью лѣта, и ясностію майской весны. Три времени года слились въ одно время. Проѣзжая зеленѣющія поля рязанскія, видя въ лѣтнемъ блескѣ рощи и дубравы, казалось, что природа перемѣнила ходъ свой. Но подъ личиною запоздалаго блеска какія грозныя таились бури!»

Дальше авторъ «Записокъ» приводитъ въ своей книгѣ характерные рапорты французскихъ приставовъ, знакомящіе насъ съ положеніемъ дѣлъ въ завоеванной Москвѣ въ сентябрѣ 1812 года.

Отъ 17 сентября частные пристава, учрежденные французскимъ начальствомъ, доносили слѣдующее:

«Новая слобода выгорѣла до самой церкви святого Николая. Церковь ограблена. *Моренъ*».

«Половина *Воротниковъ* уцѣлѣла; другая часть, состоявшая изъ каменныхъ домовъ, выгорѣла. Въ приходѣ Пимена остался священникъ съ причетомъ. Церковь выгорѣла; внутри живутъ солдаты 55-го полка».

«Все *Сущово* уцѣлѣло; церкви ограблены, въ нихъ живутъ солдаты».

Фаберъ, приставъ Пречистенской части, доносилъ: «Хотя грабежъ уменьшился, но все еще продолжается. Хлѣбныхъ запасовъ нигдѣ не нашли».

Интендантъ или управитель внутренняго продовольствія въ Москвѣ, *Лесепсъ*, объявлялъ: «У меня нѣтъ ни хлѣба, ни муки, а о курицахъ и о баранахъ нечего и говорить».

Частный приставъ *Фаберъ* въ донесеніи своемъ прибавлялъ: «жители не возвращаются».

Частный приставъ *Реми* отъ 25 сентября докладывалъ: «Завтрашняго числа начнется служба въ Дѣвичьемъ монастырѣ».

«Во всей моей части нѣтъ ни одного трубочиста».

Въ біографіи маршала *Бессіера* сказано, что во время московскаго пожара голодная толпа отчаянныхъ жителей вбѣжала къ нему въ домъ. У маршала накрытъ былъ столъ на нѣсколько приборовъ, и сочинитель біографіи прибавляетъ, что добродушный маршалъ, оборотясь къ гостямъ своимъ, сказалъ: «Господа! Уступимъ нашъ обѣдъ, мы найдемъ другой!»

Такъ ли это или нѣтъ? Мы рады вѣрить доброму дѣлу. А сколько было пировъ въ роскошной Москвѣ, еслибъ Бессіеръ и другіе маршалы посѣтили ее гостями мирными! Но тогда была бѣда и нашимъ московскимъ узникамъ и полкамъ Наполеона. Въ окрестностяхъ Москвы за *кусокъ хлѣба*, за *клочокъ сѣна*, за горсть овса, встрѣчали и раны, и смерть. Горестно!»

Здѣсь же приводитъ Глинка слѣдующій приказъ Наполеона.

«Повелѣвается главному управленію осмотрѣть все оставленное въ городѣ жителями, бѣжавшими и бросившими свою собственность.

«Мѣра эта нужна для того, чтобы раздѣлить поровну то, что уцѣлѣло въ городѣ отъ продолжающихся безпорядковъ. Ни одинъ купецъ не приступаетъ къ законному торгу: одни только полковые маркитанты и солдаты присвоили себѣ право продавать добычу, награбленную ими.

«Не грабить водки, нужной для больныхъ, не растаскивать кожъ, нужныхъ для башмаковъ. Послушаніе въ этомъ тѣмъ необходимѣе, что мы дойдемъ до крайности, ибо заготовленное въ Минскѣ доставлено будетъ въ Москву на саняхъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ».

Описывая патріотизмъ русскихъ въ 1812 году, Глинка приводитъ цѣлый рядъ примѣровъ выдающагося героизма и самоотверженія, проявленнаго всѣми сословіями русскаго народа.

...«Подмосковные отцы, поселяне спѣшили благословлять въ *ополченіе жертвенное* сыновъ своихъ и, прощаясь съ ними, говорили: «умирайте, а не сдавайтесь!» Подмосковнаго села крестьянинъ Никифоръ Михайловъ трехъ сыновъ благословилъ на дѣло ратное.

Трудно воевать съ душами.

За нѣсколько дней до битвы Бородинской убитъ былъ подъ Колоцкимъ монастыремъ донскихъ войскъ генералъ-маіоръ Иванъ Кузьмичъ Красновъ первый, который, за отъѣздомъ М. И. Платова въ Москву, занялъ его мѣсто.

За отсутствіемъ Платова Красновъ начальствовалъ въ авангардѣ донскими полками на высотахъ Колоцкаго монастыря. Жестокимъ огнемъ дѣйствовали непріятельскія и русскія батареи; Красновъ молніею перелеталъ съ одного крыла на другое подъ тучею пуль, картечь и ядеръ. Его примѣтили съ французской батареи и направили роковой ударъ.

Умирающій герой, увидя внука своего, есаула Гладкова, недавно прибывшаго съ Дона, съ ласкою сказалъ: «И ты здѣсь,

очень радъ, ты будешь мнѣ нуженъ». Въ стѣнахъ монастыря тотчасъ отыскали лѣкаря. Но раненая нога такъ была раздроблена и измята, что невозможно было перевязать.

Между тѣмъ конница непріятельская усилилась съ лѣваго крыла, по малолюдству полки наши отдалялись. Въ то же время съ ближайшихъ батарей густо летали ядра. Надлежало спасать раненаго не отъ смерти, а отъ плѣна. По дорогѣ къ Бородину дали отдохнуть Краснову, гдѣ, встрѣтясь съ генераломъ Иловайскимъ пятымъ, сдалъ ему начальство и сказалъ: «Отражай! Гони непріятеля, и я радостно умру!»

Немедленно препоручено было есаулу Гладкову препроводить Краснова въ главную квартиру и отыскать знаменитаго врача Виллліе. Отнятіе ноги сдѣлано подъ открытымъ небомъ въ присутствіи Барклая-де-Толли и Платова, возвратившагося изъ Москвы. Война двигалась къ Бородинскимъ батареямъ. Раненый Красновъ страдалъ и терпѣлъ. Одинъ только разъ, нѣсколько поморщась, сказалъ Гладкову, который поддерживалъ ему голову: «Скоро ли это кончится?» — «Скоро!» отвѣчалъ Гладковъ. «А нога гдѣ?» Внукъ замолчалъ. На окровавленномъ коврѣ перенесли Краснова въ квартиру Барклая-де-Толли.

М. И. Кутузовъ.

Между тѣмъ пушки гремѣли непрестанно. Какъ будто бы пробуждаясь отъ тяжкаго сна, умирающій герой спрашивалъ: «Что дѣлаютъ наши?» Гладковъ отвѣчалъ: «Дерутся».—«Кто кого бьетъ?»—«Наши!»—«Хорошо ли?»—«Какъ русскіе!» Вдругъ гусарскій офицеръ вбѣжалъ въ комнату съ ложною вѣстью и сказалъ: «Даву убитъ!» — «Слава Богу! — воскликнулъ Красновъ: — онъ былъ злой человѣкъ! Приподнимите меня,— продолжалъ онъ:—я самъ хочу посмотрѣть, что дѣлаютъ наши». Ему отвѣчали: «Наши бьютъ французовъ».—«Слава Богу! Дай Богъ!» Тутъ хотѣлъ онъ перекреститься, но правая рука уже была неподвижна. Красновъ скончался черезъ четырнадцать часовъ послѣ раны.

26 августа 1812 года, въ день достопамятной битвы Бородинской, Дохтуровъ начальствовалъ сперва серединою войска, а потомъ лѣвымъ крыломъ. Учинясь преемникомъ князя Багратіона, оставившаго поля сраженія за раною, поддержалъ онъ славу его и усугубилъ сіяніе своихъ подвиговъ. Вскорѣ по прибытіи на лѣвое крыло, Дохтуровъ получилъ отъ князя Кутузова записку,

чтобы держался до тѣхъ поръ, пока не будетъ повелѣнія къ отступленію. Оживотворясь любовью къ отечеству, честью и долгомъ, Дохтуровъ былъ вездѣ, гдѣ была опасность. Ободряя примѣромъ своимъ воиновъ, онъ говорилъ: «За нами Москва, за нами мать русскихъ городовъ!» Смерть, встрѣчавшая его почти на каждомъ шагу, умножала рвеніе и мужество его. Подъ нимъ убили одну лошадь, а другую ранили. На грозномъ поприщѣ смерти Провидѣніе охраняетъ героевъ въ то самое время, когда они, отрекаясь отъ самихъ себя, полагаютъ жизнь свою въ славѣ и жизни отечества. Дохтуровъ *одиннадцать часовъ* выдержалъ сильный и необычайный напоръ французскихъ войскъ; онъ могъ сказать по всей справедливости: «Я видѣлъ своими глазами отступленіе непріятеля и полагаю Бородинское сраженіе совершенно выиграннымъ». Это слова Дохтурова. Относя все къ другимъ, онъ молчалъ о себѣ. Скромность была съ нимъ неразлучна.

12 октября 1812 года Дохтуровъ отмстилъ Наполеону за пепелъ Москвы, любезной его сердцу: онъ первый встрѣтилъ французовъ подъ Малымъ-Ярославцемъ, первый вступилъ съ ними въ бой; *тридцать шесть часовъ* удерживалъ ихъ отъ упорныхъ покушеній ворваться въ полуденныя области Россіи. Семь разъ штыки русскіе наносили врагамъ смерть и пораженіе, но силы ихъ, непрестанно умножавшіяся, угрожали новою опасностью. При одномъ отчаянномъ натискѣ Дохтуровъ воскликнулъ: «Наполеонъ хочетъ пробиться; онъ не успѣетъ или пройдетъ по трупу моему!» Штыки и груди воиновъ, одушевленные голосомъ отца-начальника, удержали стремленіе враговъ до прибытія подкрѣпленія. Малый-Ярославецъ сдѣлался вѣнцомъ славы Дохтурова, и грудь его украшена орденомъ св. Георгія второй степени».

Д. В. Давыдовъ.

Знаменитый партизанъ и поэтъ, способности котораго «крутить стихи» завидовалъ Пушкинъ, Денисъ Васильевичъ Давыдовъ родился въ Москвѣ 16 іюля 1784 г. Происходилъ онъ изъ стариннаго дворянскаго рода. До семи лѣтъ онъ жилъ въ Москвѣ, затѣмъ «подъ солдатской палаткой» съ отцомъ, командиромъ кавалерійскаго полка, въ селѣ Грушовкѣ, Полтавской губерніи. О своемъ дѣтствѣ Д. В. даетъ любопытныя свѣдѣнія въ автобіографіи: «Давыдовъ, какъ всѣ дѣти, съ младенчества своего оказалъ страсть къ маршированію, метанію ружьемъ и пр. Страсть эта получила высшее направленіе въ 1793 г. отъ нечаяннаго вниманія къ нему гр. А. В. Суворова, который при осмотрѣ Полтавскаго легко-коннаго полка, находившагося тогда подъ начальствомъ родителя Давыдова, замѣтилъ рѣзваго ребенка и, благословивъ его, сказалъ: «Ты выиграешь три сраженія!» Маленькій повѣса бросилъ Псалтирь, замахалъ саблею, выкололъ глазъ дядькѣ, проткнулъ шлыкъ нянѣ и отрубилъ хвостъ борзой собакѣ, думая тѣмъ исполнить пророчество великаго человѣка. Розга обратила его къ миру и къ ученію. Но какъ тогда учили! Натирали ребятъ наружнымъ блескомъ, готовя ихъ для удовольствій, а не для пользы общества: учили лепетать по-

французски, танцовать, рисовать и музыкѣ; тому же учился и Давыдовъ до 13-лѣтняго возраста. Тутъ пора было подумать и о будущности: онъ сѣлъ на коня, захлопалъ арапникомъ, полетѣлъ со стаею гончихъ собакъ по мхамъ и болотамъ—и тѣмъ заключилъ свое воспитаніе».

Живя въ Москвѣ, «между порошами и брызгами», онъ близко сошелся съ нѣкоторыми воспитанниками Благороднаго университетскаго пансіона, которые увлекли его своими живыми литературными интересами. Подъ ихъ вліяніемъ онъ началъ писать стихи—въ модномъ тогда сентиментальномъ направленіи.

Въ 1801 г. его отправили въ Петербургъ и не безъ труда (главнымъ препятствіемъ былъ малый ростъ) опредѣлили въ кавалергардскій полкъ: по словамъ самого Д. В., «наконецъ, привязали недоросля нашего къ огромному палашу, опустили его въ глубокіе ботфорты и покрыли святилище поэтическаго его генія мукою и треугольною шляпою».

Суворовъ и Д. В. Давыдовъ.

Вліяніе двоюроднаго брата, А. М. Каховскаго, принудило его засѣсть за книги и пополнить пробѣлы своего скуднаго домашняго воспитанія. Преимущественно онъ изучалъ тогда военныя науки, но «не оставлялъ и бесѣды съ музами: онъ призывалъ ихъ во время дежурствъ своихъ въ казармы, въ госпиталь и даже въ эскадронную конюшню. Онъ часто на нарахъ солдатскихъ, на столикѣ больного, на полу порожняго стойла, гдѣ избиралъ свое логовище, писывалъ сатиры и эпиграммы, коими началъ ограниченное словесное поприще свое».

Стихи его въ свое время славились. Въ нихъ много неподдѣльнаго остроумія, широкаго русскаго разгула, искренней и захватывающей удали. Почти всегда они оригинальны и по формѣ, и по содержанію; сатира Давыдова мѣтка, зла и свободна; не даромъ нѣкоторыя изъ его произведеній въ оппозиціонномъ духѣ упорно приписывались Пушкину.

Сатира и вакхическій эротизмъ не исчерпываютъ всей поэтической дѣятельности Д. В.: въ послѣдній періодъ жизни онъ написалъ рядъ прекрасныхъ стихотвореній въ элегическомъ родѣ, вызванныхъ любовью къ Золотаревой, и описаній природы.

Въ 1804 г. Д. В. перевелся въ Бѣлорусскій гусарскій полкъ, расквартированный тогда въ Кіевской губерніи. «Молодой ротмистръ закрутилъ усы, покачнулъ киверъ на ухо, затянулся, и пустился плясать мазурку до упаду. Въ это бѣшеное время онъ писалъ стихи своей красавицѣ, которая ихъ не понимала, потому что была полька, и сочинилъ извѣстный призывъ на пуншъ Бурцову, который читать не могъ оттого, что самъ «писалъ мыслете».

Черезъ два года его перевели въ Петербургъ въ лейбъ-гусарскій полкъ. Багратіонъ сдѣлалъ его своимъ адъютантомъ. Онъ

принималъ участіе въ войнѣ съ французами (1806 г.) и шведами (1808 г.) и быстро выдвинулся благодаря своей безумной храбрости и находчивости.

Во время Отечественной войны, въ чинѣ подполковника Ахтырскаго гусарскаго полка, Давыдовъ организуетъ первые партизанскіе отряды, «раздѣляетъ славу съ гр. Орловымъ-Денисовымъ, Фигнеромъ и Сеславинымъ подъ Ляховымъ, разбиваетъ непріятеля подъ Бѣланичами и продолжаетъ веселые и залетные свои поиски до береговъ Нѣмана». За отличіе въ сраженіи подъ Бріеномъ его произвели въ генералъ-маіоры.

Возвратившись въ 1814 г. изъ заграничнаго похода въ Москву, Д. В. исключительно отдается поэзіи, сочиняетъ нѣсколько элегій и сближается съ московскими литературными кругами. Служба въ рангѣ начальника штаба пѣхотныхъ корпусовъ была прервана въ 1823 г. отставкою, вызванною тяжелыми впечатлѣніями Аракчеевскаго режима. Со вступленіемъ на престолъ Николая I его опять потянуло на дѣйствительную службу. Въ 1827 г. онъ участвуетъ въ войнѣ противъ персовъ, въ 1831—противъ поляковъ, затѣмъ окончательно выходитъ въ отставку въ чинѣ генералъ-лейтенанта, поселяется въ своей деревнѣ (Симбирской губерніи), изрѣдка навѣщая Москву. Скончался онъ 22 апрѣля 1839 года.

Свою автобіографію Д. В. закончилъ такими словами: «Давыдовъ не нюхаетъ съ важностью табаку, не смыкаетъ бровей въ задумчивости; голосъ его тонокъ, рѣчь жива и огненна. Онъ представляется намъ сочетателемъ противоположностей, рѣдко сочетающихся. Принадлежа старѣющему уже поколѣнію и лѣтами и службою, онъ свѣжестью чувствъ, веселостью характера, подвижностью тѣлесною и ратоборствомъ въ послѣднихъ войнахъ собратствуетъ, какъ однолѣтокъ, и текущему поколѣнію. Его благословилъ великій Суворовъ; благословеніе это ринуло его въ боевыя случайности на полное тридцатилѣтіе; но, кочуя и сражаясь тридцать лѣтъ съ людьми, посвятившими себя исключительно военному ремеслу, онъ въ то же время занимаетъ не послѣднее мѣсто въ словесности между людьми, посвятившими себя исключительно словесности. Охваченный вѣкомъ Наполеона, изрыгавшимъ всесокрушительными событіями, какъ Везувій лавою, онъ пѣлъ въ пылу ихъ, какъ на кострѣ тампліеръ Моле, объятый пламенемъ. Миръ и спокойствіе—и о Давыдовѣ нѣтъ слуха, его какъ бы нѣтъ на свѣтѣ; но повѣетъ войною—и онъ уже тутъ, торчитъ среди битвъ, какъ казачья пика. Снова миръ—и Давыдовъ опять въ степяхъ своихъ, опять гражданинъ, семьянинъ, пахарь, ловчій, стихотворецъ, поклонникъ красоты во всѣхъ ея отрасляхъ — въ юной дѣвѣ ли, въ произведеніяхъ художествъ, въ подвигахъ ли военномъ или гражданскомъ, въ словесности ли, вездѣ слуга ея, вездѣ рабъ ея, поэтъ ея. Вотъ Давыдовъ».

Въ литературныхъ кругахъ онъ пользовался большими симпатіями благодаря живости и открытости своего характера, неувядаемой молодости души, недюжинному остроумію, большому внутреннему такту, который помогалъ ему разбираться въ сложныхъ вопросахъ жизни и литературы, хотя къ рѣшенію ихъ его мало подготовили воспитаніе и характеръ дѣятельности. Многія стихотворенія этого «Аполлона подъ доломаномъ» не потеряли

Д. В. Давыдовъ.

своего значенія и до сихъ поръ. «Современная пѣсня» брызжетъ остроуміемъ. И теперь ее часто цитируютъ:

А глядишь: нашъ Мирабо
Стараго Гаврила
За измятое жабо
Хлещетъ въ усъ да въ рыло.
А глядишь: нашъ Лафайетъ,
Брутъ или Фабрицій
Мужика подъ прессъ кладетъ
Вмѣстѣ съ свекловицей...

Пушкинъ говорилъ, что «въ молодости онъ старался подражать Денису Давыдову въ крученіи стиха и усвоилъ его манеру навсегда». На вопросъ, какъ онъ не подчинился въ молодости вліянію Жуковскаго и Батюшкова, великій поэтъ отвѣчалъ: «Я этимъ обязанъ Денису Давыдову. Онъ далъ мнѣ почувствовать, что можно быть оригинальнымъ». Языковъ о немъ писалъ:

Не умретъ твой стихъ могучій,
Достопамятно живой,
Упоительный, кипучій,
И воинственно-летучій,
И разгульно-удалой...

Кромѣ стихотвореній, Давыдову принадлежитъ рядъ прозаическихъ произведеній (Воспоминанія, «О партизанской войнѣ», «Переписка съ Вальтеръ-Скоттомъ» и пр.). Особенно характерны для него первыя изъ нихъ. Въ нихъ Давыдовъ весь—со всѣми своими достоинствами и недостатками: горячій, искренній, самолюбивый, слишкомъ сильно чувствующій значеніе своихъ заслугъ, съ безсознательною склонностью ихъ преувеличивать, и потому нѣсколько хвастливый. Многія черты его были художественно воплощены Толстымъ въ «Васькѣ Денисовѣ» романа «Война и миръ». Перепечатанныя ниже (съ нѣкоторыми сокращеніями) его воспоминанія даютъ яркую, хотя и субъективно окрашенную картину партизанскихъ дѣйствій, сыгравшихъ такую крупную роль во время Отечественной войны.

Дневникъ партизанскихъ дѣйствій 1812 года.

Съ 1807 по 1812 годъ я былъ адъютантомъ покойнаго князя Петра Ивановича Багратіона въ Пруссіи, въ Финляндіи, въ Турціи, вездѣ близъ стремени блистательнаго полководца. Когда противныя обстоятельства отрывали его отъ дѣйствовавшихъ армій, тогда онъ, по желанію моему, оставлялъ меня при нихъ: такъ я прошелъ курсъ аванпостной службы при Кульневѣ въ 1808 году въ сѣверной Финляндіи и при немъ же въ Турціи въ 1810 году, во время командованія арміей графа Каменскаго.

Въ 1812 году поздно было учиться. Тучи бѣдствій разразились надъ дорогимъ отечествомъ нашимъ, и каждый сынъ его обязанъ былъ платить ему наличными свѣдѣніями и способностями. Я просилъ у князя позволенія стать въ ряды Ахтырскаго гусарскаго полка. Онъ похвалилъ меня и писалъ о томъ военному министру. Я былъ 8 апрѣля переименованъ въ подполковники съ назначеніемъ въ Ахтырскій гусарскій полкъ, располо-

женный тогда близъ Луцка. 18 мая мы выступили въ походъ къ Бресту-Литовскому.

Около 17 іюня армія наша расположена была въ окрестностяхъ Волковиска, полкъ нашъ находился въ Заблудовѣ, близъ Бѣлостока.

17 іюня началось отступленіе. Отъ этого числа, до назначенія меня партизаномъ, я находился при полку; командуя первымъ баталіономъ [1]), я былъ въ сраженіяхъ подъ Миромъ, Романовымъ, Дашковкой и во всѣхъ аванпостныхъ сшибкахъ, до самой Гжати. Видя себя полезнымъ отечеству не болѣе рядового гусара, я рѣшился просить себѣ отдѣльную команду, несмотря на слова, произносимыя и превозносимыя посредственностью: ни куда не проситься и ни отъ чего не отказываться. Напротивъ, я всегда былъ увѣренъ, что въ ремеслѣ нашемъ тотъ только выполняетъ свой долгъ, который переступаетъ за черту его, не равняется духомъ, какъ плечами въ шеренгѣ съ товарищами, на все напрашивается и ни отъ чего не отказывается. При сихъ мысляхъ я послалъ къ князю Багратіону письмо слѣдующаго содержанія:

«Ваше сіятельство! Вамъ извѣстно, что я, оставя мѣсто адъютанта вашего, столь лестное для моего самолюбія, и вступя въ гусарскій полкъ, имѣлъ предметомъ партизанскую службу и по силамъ лѣтъ моихъ, и по опытности моей, и, если смѣю сказать, по отвагѣ моей. Обстоятельства ведутъ меня по сіе время въ рядахъ моихъ товарищей, гдѣ я своей воли не имѣю и, слѣдовательно, не могу ни предпринять, ни исполнить ничего отличнаго. Князь, вы мой единственный благодѣтель! Позвольте мнѣ предстать къ вамъ для объясненія моихъ намѣреній; если они будутъ вамъ угодны, употребите меня по желанію моему, и будьте надежны, что тотъ, который носилъ званіе адъютанта Багратіона пять лѣтъ сряду, будетъ умѣть поддержать честь сію со всею ревностью, какую бѣдственное положеніе любезнаго нашего отечества онаго требуетъ. Денисъ Давыдовъ».

21 августа князь позвалъ меня къ себѣ [2]); представъ къ нему, я объяснилъ ему выгоды партизанской войны при обстоятельствахъ того времени: «Непріятель идетъ однимъ путемъ,—говорилъ я ему,—путь сей протяженіемъ своимъ очень великъ; транспорты съ продовольствіемъ непріятеля покрываютъ пространство отъ Гжати до Смоленска и далѣе. Между тѣмъ обширность части Россіи, лежащей на югѣ московскаго пути, способствуетъ изворотамъ не только партій, но и цѣлой нашей арміи. Что дѣлаютъ толпы казаковъ при авангардѣ? Оставя достаточное число ихъ для содержанія аванпостовъ, надо раздѣлить остальное на партіи и пустить ихъ въ средину каравана, слѣдующаго за Наполеономъ. Пойдутъ ли на нихъ сильные отряды? Имъ есть довольно простора, чтобы избѣжать пораженія. Оставятъ ли ихъ въ покоѣ? Они истребятъ источникъ жизни и силы непріятельской арміи. Откуда возьметъ она заряды и пропитаніе? Наша земля не такъ изобильна, чтобы придорожная часть могла прокормить двѣсти тысячъ войска, а оружейные и пороховые заводы не на Смоленской дорогѣ. Къ тому же, обратное

---

[1]) Въ то время гусарскіе полки состояли изъ двухъ баталіоновъ, каждый баталіонъ въ военное время заключалъ въ себѣ 4 эскадрона.

[2]) Это было при Колоцкомъ монастырѣ, въ овинѣ, гдѣ была его квартира.

Угощеніе Наполеону въ Россіи.

Свое добро тебѣ пріѣлось,
Гостинцевъ русскихъ захотѣлось.
Вотъ сласти русскія, поѣшь, не подавись.
Вотъ съ перцемъ сбитенёкъ, попей—не обожгись!

появленіе нашихъ посреди разсѣянныхъ отъ войны поселянъ ободритъ ихъ и обратитъ настоящую войну въ народную. Князь, откровенно вамъ скажу: душа болитъ отъ вседневныхъ параллельныхъ позицій! Пора видѣть, что онѣ не закрываютъ нѣдра Россіи; кому неизвѣстно, что лучшій способъ защищать предметъ непріятельскаго стремленія состоитъ не въ параллельномъ, а въ перпендикулярномъ или, по крайней мѣрѣ, въ косвенномъ положеніи арміи относительно этого предмета, и потому, если не прекратится избранный Барклаемъ и продолжаемый свѣтлѣйшимъ [1]) родъ отступленія, Москва будетъ взята, миръ въ ней подписанъ, и мы пойдемъ въ Индію сражаться съ французами!.. [2]) Я теперь обращаюсь къ себѣ собственно: если должно непремѣнно погибнуть, то лучше я лягу здѣсь; въ Индіи я пропаду со ста тысячами моихъ соотечественниковъ, безъ имени и за пользу, чуждую моего отечества, а здѣсь я умру подъ знаменами независимости, около которыхъ столпятся поселяне, ропщущіе на насиліе и безбожіе враговъ нашихъ... а кто знаетъ? можетъ-быть, и армія, опредѣленная дѣйствовать въ Индіи...» Князь прервалъ нескромный полетъ моего воображенія; пожавъ мнѣ руку, онъ сказалъ: «Нынче же пойду къ свѣтлѣйшему и изложу ему твои мысли».

Князь Кутузовъ въ то время отдыхалъ; до пробужденія его вошли къ князю Василій и Дмитрій Сергѣевичи Ланскіе, которымъ онъ читалъ письмо, полученное имъ отъ графа Ростопчина и находящееся нынѣ у господина Старынкевича, въ которомъ сначала было нѣчто похожее на это: «Я полагаю, что вы будете драться прежде, нежели отдадите столицу; если вы будете побиты и подойдете къ Москвѣ, я выйду изъ нея къ вамъ на подпору со 100.000 вооруженныхъ жителей; если и тогда неудача, то злодѣямъ вмѣсто Москвы одинъ ея пепелъ достанется». Это намѣреніе меня восхитило.

Весь тотъ день свѣтлѣйшій былъ занятъ, и потому князь отложилъ говорить ему обо мнѣ до наступающаго дня, а между тѣмъ мы подошли къ Бородину. Эти поля, это село мнѣ были болѣе, нежели другимъ, знакомы. Тамъ я провелъ и безпечныя лѣта моего дѣтства и ощутилъ первые порывы къ любви и славѣ. Но въ какомъ видѣ нашелъ я этотъ пріютъ моей юности! Надъ

---

[1]) Кутузовымъ. *В. К.*

[2]) Общее мнѣніе того времени, низложенное твердостью войска, народа и царя.

домомъ отеческимъ носился дымъ биваковъ, ряды штыковъ сверкали среди жатвы, покрывавшей поля, и войска толпились на родимыхъ холмахъ и долинахъ. Тамъ, на пригоркѣ, гдѣ нѣкогда я рѣзвился и мечталъ, гдѣ я съ алчностью читывалъ извѣстія о завоеваніи Италіи Суворовымъ, о перекатахъ грома русскаго оружія на границахъ Франціи — тамъ закладывали редутъ Раевскаго. Красивый лѣсокъ передъ пригоркомъ обращался въ засѣку и кипѣлъ егерями, какъ нѣкогда стаею гончихъ собакъ, съ которыми я носился по мхамъ и болотамъ. Все измѣнилось! Завернутый въ бурку и съ трубкою въ зубахъ, я лежалъ подъ кустомъ лѣса за Семеновскимъ, не имѣя угла не только въ собственномъ домѣ, но даже и въ овинахъ, занятыхъ начальниками. Я глядѣлъ, какъ шумныя толпы солдатъ разбирали избы и заборы Семеновскаго, Бородина и Горокъ для строенія биваковъ и костровъ. Слезы воспоминанія брызнули изъ глазъ моихъ, но скоро ихъ осушила мысль, что я и оба брата мои были вкладчиками крови и имущества въ сію священную лотерею.

Такъ какъ вторая армія составляла лѣвый флангъ линіи, князь остановился въ Семеновскомъ. Вечеромъ онъ прислалъ за мною адъютанта своего Василья Давыдова. Когда я явился, онъ сказалъ мнѣ: «Свѣтлѣйшій согласился послать для пробы одну партію въ тылъ французской арміи, но, полагая успѣхъ предпріятія сего сомнительнымъ, опредѣляетъ на оное только пятьдесятъ гусаръ и восемьдесятъ казаковъ; онъ хочетъ, чтобы ты самъ взялся за это». Я отвѣчалъ ему: «Я бы стыдился, князь, предложить опасное предпріятіе и уступить исполненіе онаго другому. Вы сами знаете, что я готовъ на все, но для пользы людей мало!» — «Онъ болѣе не даетъ!» — «Если такъ, то я иду и съ этимъ числомъ; авось-либо открою путь большимъ отрядамъ!» — «Я этого отъ тебя и ожидалъ, — сказалъ князь: — впрочемъ, между нами, я не понимаю опасеній свѣтлѣйшаго. Стоитъ ли торговаться изъ-за нѣсколькихъ сотенъ человѣкъ, когда дѣло идетъ о томъ, что, въ случаѣ удачи, онъ можетъ лишить непріятеля подвозовъ, столь ему необходимыхъ, въ случаѣ неудачи онъ лишится только горсти людей? Какъ же быть, война вѣдь не для того, чтобы цѣловаться». — «Вѣрьте, князь, — отвѣчалъ я ему, — ручаюсь честью, что партія будетъ цѣла; для этого нужны только отважность въ залетахъ, рѣшительность въ крутыхъ случаяхъ и неусыпность на привалахъ и ночлегахъ; за это я берусь — только, повторяю, людей мало; дайте мнѣ ты-

Н. . .нъ у русскихъ въ банѣ.

Н. Эдакаго мученья я сроду не терпѣлъ! Меня скоблятъ и жарятъ какъ въ аду...

Ратн. Отдувайся, коли самъ полѣзъ въ русскую баню, попотѣй хорошенько, а мы не устанемъ поддавать пару.

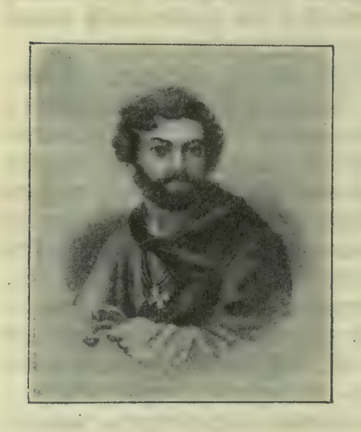
Солд. Натремъ тебѣ и затылокъ, и спину, и бока, будешь помнить легкую нашу руку.

К. Побреемъ тебя, погладимъ, молодцомъ поставимъ.

сячу казаковъ, и вы увидите, что будетъ».—«Я бы тебѣ далъ съ перваго разу три тысячи, ибо не люблю ощупью дѣла дѣлать, но объ этомъ нечего и говорить: князь самъ назначилъ силу партіи—надо повиноваться».

Тогда князь сѣлъ писать и написалъ мнѣ инструкцію, также письма къ генераламъ Васильчикову и Карпову: одному, чтобы назначилъ мнѣ лучшихъ гусаръ, другому — лучшихъ казаковъ; онъ спросилъ меня: имѣю ли я карту Смоленской губерніи? У меня не было этой карты. Онъ далъ мнѣ свою собственную и, перекрестивъ меня, сказалъ: «Ну, съ Богомъ! Я на тебя надѣюсь!» Слова эти мнѣ очень памятны.

23 рано я отнесъ письмо къ генералъ-адъютанту Васильчикову. У него много собралось генераловъ; не знаю, какъ они узнали о моемъ назначеніи, вѣроятно, чрезъ окружающихъ свѣтлѣйшаго, слышавшихъ разговоръ его обо мнѣ съ княземъ, или черезъ окружающихъ князя, стоявшихъ предъ овиномъ, въ которомъ онъ мнѣ давалъ наставленіе. Какъ бы то ни было, но господа генералы встрѣтили меня шуткою: «Кланяйся Павлу Тучкову [1]),—говорили они,—и скажи ему, чтобы онъ уговорилъ тебя не ходить въ другой разъ партизанить». Однако, если нѣкоторымъ изъ нихъ гибель моя представлялась въ любезномъ видѣ, то нѣкоторые соболѣзновали о моей участи, а вообще всѣ понимали, что жить посреди непріятельскихъ войскъ съ горстью казаковъ — дѣло не легкое, особенно человѣку, который почитался ими и острякомъ, и поэтомъ, слѣдовательно, ни къ чему не способнымъ. Прошу читателя привести себѣ на память этотъ случай, когда я сойдусь съ арміею подъ Смоленскомъ.

Д. В. Давыдовъ.

Вышедъ отъ Васильчикова, я отправился за гусарами къ Колоцкому монастырю, куда тотъ же день отступалъ аріергардъ нашъ, подъ командою генерала Коновницына. Проѣхавъ нѣсколько верстъ за монастырь, мнѣ открылась долина битвы: непріятель ломилъ всѣми силами, гулъ орудій не умолкалъ, дымъ ихъ мѣшался съ дымомъ пожаровъ, и вся окрестность была какъ въ туманѣ. Я, ночевавъ съ аріергардомъ у монастыря, полагалъ на слѣдующій день отобрать назначенныхъ мнѣ гусаръ и ѣхать за казаками къ Карпову, находившемуся на оконечности лѣваго фланга арміи.

Но 24-го, съ разсвѣтомъ, началось дѣло съ сильнѣйшею яростью. Какъ оставить пиръ, пока стучатъ стаканами? Я остался. Непріятель усиливался ежеминутно; грозныя тучи кавалеріи его окружали фланги нашего аріергарда; въ то же время большое число орудій, разставленныхъ предъ густыми пѣхотными громадами, быстро подавались прямо къ намъ, производя безпрерыв-

[1]) Генералъ-маіоръ Тучковъ былъ израненъ и взятъ въ плѣнъ въ сраженіи подъ Заболотьемъ, что французы называютъ Валутинскимъ.

Д. В. Давыдовъ.

ную пальбу бѣглымъ огнемъ. Бой ужасный! Насъ обдавало градомъ пуль и картечи, ядра рыли колонны наши по всѣмъ направленіямъ. Коновницынъ, отославъ назадъ пѣхоту съ тяжелою артиллеріей, требовалъ умноженія кавалеріи.

Уваровъ прибылъ съ своею и, поступивъ великодушно подъ его начальство, сказалъ: «Петръ Петровичъ, не то время, чтобы считаться старшинствомъ: вамъ порученъ аріергардъ, я присланъ вамъ на помощь, приказывайте!» Такія высокія черты забываются, зато долго помнятъ каждую ошибку, сдѣланную противъ правилъ французскаго языка истиннымъ россіяниномъ! [1]) Но къ славѣ нашего отечества, это не одинъ примѣръ: Багратіонъ, послѣ блистательнаго отступленія своего, поступилъ безъ ропота подъ начальство Барклая въ Смоленскѣ; Барклай—подъ начальство Витгенштейна въ Бауценѣ, Витгенштейнъ — снова подъ начальство Барклая во время и послѣ перемирія; и прежде сего въ Италіи Милорадовичъ явился подъ команду младшаго себѣ по службѣ Багратіона. Все это представляетъ возвышен-

---

[1]) Въ петербургскомъ свѣтѣ часто смѣялись надъ французскимъ произношеніемъ Уварова. *В. К.*

ность въ униженіи, достойную геройскихъ временъ Рима и Греціи!

Я прерываю описаніе жестокихъ битвъ арміи. Не моя цѣль говорить о сраженіяхъ, представленныхъ уже во многихъ сочиненіяхъ, извѣстныхъ свѣту; я предпринялъ описаніе поисковъ моей партіи, а потому къ нимъ и обращаюсь.

Получивъ пятьдесятъ гусаръ и восемьдесятъ казаковъ, я взялъ съ собою Ахтырскаго гусарскаго полка штабсъ-ротмистра Бедрягу 3-го, поручиковъ Бекетова и Макарова; захвативъ также съ казачьей командой хорунжихъ Талаева и Григорья Астахова, я вступилъ черезъ село Сивково, Борисъ-городокъ въ село Егорьевское, а оттуда—на Медынь, Шанскій заводъ, на Азарово, въ село Скугорево. Село Скугорево расположено на высотѣ, господствующей надъ всѣми окрестностями, такъ что въ ясный день можно обозрѣвать оттуда пространство на семь или восемь верстъ въ окружности. Высота эта прилегаетъ къ лѣсу, простирающемуся почти до Медыни. Этотъ лѣсъ дозволилъ партіи моей скрывать свои движенія и, въ случаѣ пораженія, имѣть въ немъ убѣжище. Въ Скугоревѣ я избралъ первый притонъ свой.

Между тѣмъ непріятельская армія стремилась къ столицѣ. Огромные обозы, парки и шайки мародеровъ слѣдовали за нею по обѣимъ сторонамъ дороги, на пространствѣ тридцати или сорока верстъ. Вся эта сволочь, пользуясь безначаліемъ, преступала всѣ мѣры насилія и неистовства. Пожаръ разливался по этой широкой чертѣ опустошенія, и жители волостей съ остаткомъ своего имущества бѣжали отъ этой всепожирающей лавы. Но, чтобы яснѣе видѣть положеніе моей партіи, надобно начать выше: путь нашъ становился опаснѣе по мѣрѣ удаленія нашего отъ арміи. Даже мѣста, въ которыхъ еще не было непріятеля, представляли намъ не мало препятствій. Общее и добровольное ополченіе поселянъ преграждало намъ путь. Въ каждомъ селеніи ворота были заперты; при нихъ стояли старъ и младъ съ вилами, кольями, топорами, и нѣкоторые изъ нихъ съ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Къ каждому селенію одинъ изъ насъ принужденъ былъ подъѣзжать и говорить жителямъ, что мы русскіе, что мы пришли къ нимъ на помощь, на защиту православныхъ церквей. Часто отвѣтомъ намъ былъ выстрѣлъ или пущенный съ размаха топоръ, отъ ударовъ котораго судьба спасала насъ [1]). Мы могли бы обходить селенія, но я хотѣлъ распространить слухъ, что войска возвращаются, и, утвердивъ поселянъ въ намѣреніи защищаться, склонить ихъ къ немедленному извѣщенію насъ о приближеніи къ нимъ непріятеля; потому съ каждымъ селеніемъ долго продолжались переговоры до вступленія въ улицы. Тамъ сцена внезапно измѣнялась: едва сомнѣніе уступало мѣсто увѣренности, что мы русскіе, какъ хлѣбъ, пиво, пироги были подносимы солдатамъ.

---

[1]) За два дня до моего прихода въ село Егорьевское, крестьяне ближней волости истребили команду Тептярскаго казачьяго войска, состоявшую изъ шестидесяти казаковъ. Они приняли казаковъ сихъ за непріятеля отъ нечистаго произношенія ими русскаго языка. Сіи же самые крестьяне напали и на отставшую мою телѣгу, на коей лежалъ чемоданъ и больной гусаръ Пучковъ. Пучкова оставили замертво на дорогѣ, телѣгу разрубили топорами, но изъ вещей ничего не взяли, а разорвали ихъ въ куски и разбросали по полю.

Сколько разъ я спрашивалъ жителей по заключеніи между нами мира: «Отчего вы полагали насъ французами?» Каждый разъ отвѣчали они мнѣ: «Да вишь, родимый (показывая на гусарскій мой ментикъ),—это, баютъ, на ихъ одежу схожо».—«Да развѣ я не русскимъ языкомъ говорю?»—«Да вѣдь у нихъ всякаго сброда люди!» Тогда я на опытѣ узналъ, что въ народной войнѣ должно не только говорить языкомъ черни, но приноравливаться къ ней, къ ея обычаямъ и ея одеждѣ. Я надѣлъ мужичій кафтанъ, сталъ отпускать бороду, вмѣсто ордена св. Анны повѣсилъ образъ св. Николая [1]) и заговорилъ языкомъ вполнѣ народнымъ.

Но эти опасности были ничтожны въ сравненіи съ ожидавшими насъ на пространствѣ, занятомъ непріятельскими отрядами и транспортами, по причинѣ малолюдности партіи въ сравненіи съ каждымъ прикрытіемъ транспорта и даже съ каждой шайкой мародеровъ. При первомъ слухѣ о прибытіи нашемъ въ окрестности Вязьмы, сильнымъ отрядамъ приказано было насъ искать; обезоруженные и трепетавшіе французовъ, жители могли легко быть весьма нескромны, а потому мы постоянно находились въ большой опасности. Дабы легче избѣжать ея, мы, днемъ скрываясь и зорко слѣдя за непріятелемъ, проводили его на высотахъ близъ Скугорева; передъ вечеромъ же мы, въ маломъ разстояніи отъ села, раскладывали огни; слѣдуя гораздо далѣе въ сторону, противоположную отъ мѣста, назначеннаго для ночлега, раскладывали другіе огни и, наконецъ, войдя въ лѣсъ, проводили ночь безъ нихъ. Если случалось въ семъ послѣднемъ мѣстѣ встрѣтить прохожаго, то брали его и содержали подъ надзоромъ, до выступленія нашего въ походъ. Когда же онъ успѣвалъ скрыться, мы снова перемѣняли мѣсто. Смотря по разстоянію до предмета, на который намѣревались учинить нападеніе, мы за два или три часа до разсвѣта подымались на поискъ и, сорвавъ въ транспортѣ непріятеля, что было по силѣ, обращались на другой, гдѣ наносили еще ударъ и возвращались окружными дорогами къ спасительному нашему лѣсу, чрезъ который мало-по-малу снова пробирались къ Скугореву. Такъ мы сражались и кочевали отъ 29 августа до 8 сентября. Никогда не забуду этого ужаснаго времени: и прежде, и послѣ я бывалъ въ жестокихъ битвахъ, часто проводилъ ночи стоя, часто засыпалъ на сѣдлѣ, прислонясь къ шеѣ лошади и съ поводьями въ рукахъ, но не десять дней и десять ночей сряду, ибо здѣсь дѣло шло о жизни, а не о чести.

Узнавъ, что въ село Токарево пришла шайка мародеровъ, мы 2 сентября на разсвѣтѣ [2]) напали на нее и захватили въ плѣнъ девяносто человѣкъ, прикрывавшихъ обозъ съ ограбленными у жителей пожитками. Едва казаки и крестьяне занялись раздѣломъ между собою добычи, какъ выставленные за селеніемъ скрытые пикеты дали намъ знать о приближеніи къ Токареву другой шайки мародеровъ. Это селеніе лежитъ на скатѣ возвышенности у берега рѣчки Вори, почему непріятель нисколько не могъ насъ примѣтить и слѣдовалъ безъ малѣйшей предосто-

---

[1]) Во время войны 1807 года командиръ лейбъ-гренадерскаго полка Мазовскій носилъ на груди большой образъ св. Николая чудотворца, изъ-за котораго торчало множество маленькихъ образковъ.

[2]) День вступленія французской арміи въ Москву.

рожности; мы тотчасъ сѣли на коней, скрылись позади избъ и атаковали его со всѣхъ сторонъ съ крикомъ и стрѣльбою; ворвавшись въ средину, мы еще захватили семьдесятъ человѣкъ въ плѣнъ. Тогда я созвалъ міръ и объявилъ ему о мнимомъ прибытіи большого числа нашихъ войскъ на помощь уѣздовъ Юхновскаго и Вяземскаго, роздалъ крестьянамъ взятые у непріятеля ружья и патроны, уговорилъ ихъ защищать свою собственность и далъ имъ наставленіе, какъ поступать съ шайками мародеровъ, числомъ ихъ превышающихъ: «Примите ихъ,—говорилъ я имъ,—дружелюбно, поднесите съ поклонами (ибо, не зная русскаго языка, поклоны они понимаютъ лучше словъ) все, что у васъ есть съѣстного, а особенно питейнаго, уложите спать пьяными, и когда примѣтите, что они точно заснули, бросьтесь всѣ на ихъ оружіе, обыкновенно кучею въ углѣ избы или на улицѣ поставленное, и совершите то, что Богъ повелѣлъ совершать съ врагами Христовой церкви и вашей родины. Истребивъ ихъ, закопайте тѣла въ хлѣву, въ лѣсу или въ какомъ-нибудь непроходимомъ мѣстѣ. Во всякомъ случаѣ берегитесь, чтобы мѣста, гдѣ тѣла зарыты, не были примѣтны отъ свѣжей, недавно вскопанной земли; для того разбросайте на этомъ мѣстѣ кучу камней, бревенъ; всю добычу военную, какъ мундиры, каски, ремни и прочее—все жгите или зарывайте въ такихъ же мѣстахъ, какъ и тѣла французовъ. Эта осторожность потому вамъ нужна, что другая шайка басурмановъ, вѣрно, будетъ рыться въ свѣжей землѣ, думая найти въ ней или деньги, или ваше имущество; но, отрывши вмѣсто того тѣла своихъ товарищей и вещи, имъ принадлежавшія, васъ всѣхъ побьетъ и село сожжетъ. А ты, братъ староста, имѣй надзоръ надъ всѣмъ тѣмъ, о чемъ я приказываю, да прикажи, чтобы на дворѣ у тебя всегда были готовы три или четыре парня, которые, когда завидятъ очень многое число французовъ, садились бы на лошадей и скакали бы въ разныя стороны искать меня, — я приду къ вамъ на помощь. Богъ велитъ православнымъ христіанамъ жить мирно между собою и не выдавать врагамъ другъ друга, особенно чадамъ антихриста, которыя не щадятъ и храмовъ Божіихъ! Все, что я вамъ сказалъ, перескажите сосѣдямъ вашимъ». Я не смѣлъ дать письменнаго наставленія изъ опасенія, чтобы оно не попалось въ руки непріятелю, который могъ быть увѣдомленъ о мѣрахъ, предложенныхъ мною жителямъ для истребленія мародеровъ.

Послѣ сего, перевязавъ плѣнныхъ, я опредѣлилъ къ нимъ одного урядника и девять казаковъ, къ которымъ присоединилъ еще двадцать мужиковъ, и весь этотъ транспортъ отправилъ я въ Юхновъ, для сдачи подъ расписку городскому начальству. Казакамъ этимъ я приказалъ дожидаться партіи въ самомъ Юхновѣ, будучи убѣжденъ, что по малолюдству моей партіи мнѣ нельзя будетъ долго оставаться въ мѣстахъ, гдѣ было много непріятелей; однако мнѣ хотѣлось еще разъ съ горстью моихъ товарищей испытать судьбу, а такъ какъ моя обязанность состояла не въ пораженіи бродягъ, но въ истребленіи транспортовъ жизненнаго и военнаго продовольствія французской арміи, то я, передавъ наставленіе, данное мною токаревскимъ крестьянамъ, жителямъ прочихъ сосѣднихъ селеній, чрезъ которыя проходила партія моя, взялъ направленіе къ Цареву-Займищу, лежащему на столбовой смоленской дорогѣ.

Кн. Витгенштейнъ.

Былъ вечеръ ясный и холодный; сильный дождь, шедшій наканунѣ, прибилъ пыль, и мы слѣдовали быстро. Въ шести верстахъ отъ села попался намъ непріятельскій разъѣздъ, который, не видя насъ, беззаботно продолжалъ путь свой. Еслибы я не имѣлъ нужды въ вѣрномъ извѣстіи о Царевѣ-Займищѣ, занято ли оно войскомъ и въ большихъ ли силахъ, я бы пропустилъ этотъ разъѣздъ изъ опасенія, въ случаѣ, еслибы одному изъ разъѣздныхъ удалось спастись, встревожить весь отрядъ или прикрытіе транспорта, въ селѣ находившагося. Но мнѣ нуженъ былъ языкъ, и потому я отрядилъ урядника Крючкова съ десятью доброконными казаками наперерѣзъ вдоль лощины, а другихъ десять направилъ прямо на разъѣздъ. Видя себя окруженнымъ, онъ остановился и сдался въ плѣнъ безъ боя. Онъ состоялъ изъ десяти рядовыхъ при одномъ унтеръ-офицерѣ. Мы узнали, что въ Царевѣ-Займищѣ днюетъ транспортъ съ снарядами и съ прикрытіемъ 250 человѣкъ конницы. Дабы пасть, какъ снѣгъ на голову, мы свернули съ дороги и пошли полями, скрываясь опушками лѣсовъ; но за три версты отъ села, при выходѣ на чистое мѣсто, мы встрѣтились съ сорока непріятельскими фуражирами, которые, увидя насъ, быстро поскакали къ своему отряду. Тактическихъ построеній дѣлать было некогда, да и некѣмъ. Оставя при плѣнныхъ тридцать гусаръ, которые, въ случаѣ нужды, могли служить мнѣ резервомъ, я съ остальными двадцатью гусарами и семидесятью казаками помчался въ погоню за французами и почти вмѣстѣ съ ними въѣхалъ въ Царево-Займище, гдѣ засталъ всѣхъ врасплохъ. У страха глаза велики, а страхъ неразлученъ съ безпорядкомъ. При нашемъ появленіи, всѣ бросились вразсыпную; иныхъ захватили мы въ плѣнъ, не только невооруженными, но даже неодѣтыми, другихъ вытащили изъ сараевъ; одна только толпа, въ тридцать человѣкъ, вздумала было защищаться, но она была разсѣяна и положена на мѣстѣ. Это доставило намъ 119 рядовыхъ, двухъ офицеровъ, десять провіантскихъ фуръ и одну фуру съ патронами. Остальное прикрытіе спаслось бѣгствомъ. Добычу нашу мы окружили небольшимъ отрядомъ своимъ и поспѣшно повели черезъ село Климово и Кожино въ Скугорево, куда прибыли въ полдень 3 числа. Партія моя, послѣ тридцатичасового, безпрерывнаго похода и дѣйствія, требовала отдохновенія, почему она до вечера 4 числа оставалась на мѣстѣ. Для облегченія лошадей я прибѣгнулъ къ способу, замѣченному мною на аванпостахъ генерала Юрковскаго еще въ 1807 году. Исключивъ четырехъ казаковъ для двухъ пикетовъ и двадцать для резерва (который хотя долженъ былъ находиться при партіи, но всегда былъ въ готовности дѣйствовать при первомъ выстрѣлѣ съ пикетовъ), остальныхъ 96 человѣкъ я раздѣлилъ на два отдѣленія и приказалъ въ обоихъ разсѣдлывать по двѣ лошади на одинъ часъ для промытія и присыпки ссадинъ и также для облегченія лошадей. Черезъ часъ эти лошади вновь сѣдлались, а новыя разсѣдлывались; такимъ образомъ въ двадцать четыре часа освѣжались всѣ 96 лошадей. Въ тотъ же день, по просьбѣ моего резерва, я также и ему позволилъ разсѣдлывать по одной лошади на одинъ часъ.

5 числа мы пошли на село Андреевское, но на пути мы ничего не взяли, лишь 30 мародеровъ.

6-го мы обратились къ Θедоровскому (что на столбовой смоленской дорогѣ), распространяя вездѣ наставленіе, данное мною токаревскимъ крестьянамъ. На пути встрѣтили мы бѣжавшаго изъ транспорта нашихъ плѣнныхъ Московскаго пѣхотнаго полка рядового, который намъ объявилъ, что транспортъ ихъ, конвоируемый непріятелемъ, изъ 200 человѣкъ рядовыхъ, остановился ночевать въ Θедоровскомъ, и что прикрытіе къ нему состоитъ лишь изъ 50 французовъ. Мы удвоили шагъ и едва показались близъ села, какъ уже безъ всякой съ нашей стороны помощи все тамъ приняло иной видъ: плѣнные поступили въ прикрытіе, а прикрытіе—въ плѣнныхъ.

Вскорѣ послѣ сего я извѣщенъ былъ о пребываніи въ Юхновѣ дворянскаго предводителя, судовъ и земскаго начальства, также и о бродячихъ въ Юхновскомъ уѣздѣ, безъ общей цѣли, двухъ слабыхъ казачьихъ полкахъ. Извѣстіе это немедленно обратило меня къ Юхнову, куда чрезъ Судейки, Луково и Павловское я прибылъ 8 числа. Пришедъ туда, я бросился къ двумъ привлекавшимъ меня предметамъ: къ образованію поголовнаго ополченія и къ присоединенію къ партіи моей казачьихъ полковъ, о коихъ я уже упоминалъ. До перваго я достигъ безпрепятственно: дворянскій предводитель Семенъ Яковлевичъ Храповицкій подалъ мнѣ руку помощи со всею ревностью истиннаго сына отечества. Сей почтенный старецъ не только оказалъ большую твердость духа, оставшись съ своимъ семействомъ на аванпостахъ Калужской губерніи, но выказалъ замѣчательную силу воли и неусыпную ревность при подъятіи оружія жителями Юхновскаго уѣзда, коими назначенъ былъ предводительствовать отставной капитанъ Бѣльскій. Къ нему присоединились двадцать два помѣщика; 120 ружей, отбитыя моею партіею, и одна большая фура съ патронами были употреблены для первоначальнаго вооруженія ополчившихся, которымъ сборное мѣсто я указалъ въ селѣ Знаменскомъ, на рѣкѣ Угрѣ. Второе требовало съ моей стороны нѣкоторой хитрости: означенные казачьи полки были въ вѣдѣніи начальника калужскаго ополченія, отставного генералъ-лейтенанта Василія Θедоровича Шепелева, котораго добродушіе и благородство мнѣ были давно извѣстны; я зналъ, однако, что такое начальникъ ополченія, которому попадается въ руки военная команда! Сколь много льститъ самолюбію начальника командованіе чѣмъ бы то ни было! Я на этомъ основалъ мое предпріятіе. Я былъ увѣренъ, что просьба моя о включеніи этихъ полковъ въ составъ моей партіи, если только она останется отъ него независимою, не будетъ имъ уважена, а потому я самъ, повидимому, добровольно поступалъ подъ его начальство. Еще изъ села Павловскаго я отправилъ къ нему поручика Бекетова съ рапортомъ, въ которомъ было сказано: «Избравъ для поисковъ моихъ часть, смежную съ губерніею, находящеюся подъ вѣдѣніемъ его превосходительства относительно военныхъ дѣйствій, я за особенное счастіе поставляю себѣ служить подъ его начальствомъ и имѣю честь донести о всемъ происходящемъ». Изъ Юхнова я послалъ другого курьера съ описаніями слабыхъ успѣховъ моихъ, при чемъ просилъ его ходатайства объ отличившихся (истинные же рапорты мои всегда посылаемы были прямо къ дежурному генералу всѣхъ россійскихъ армій Коновницыну). Добрый мой Шепелевъ былъ внѣ себя отъ восхищенія. Онъ уже возмечталъ, что я дѣйствую по плану, имъ за-

ранѣе обдуманному, что и онъ наноситъ сильные удары непріятелю. 9 числа я послалъ къ нему новаго курьера съ краснорѣчивымъ описаніемъ пользы единства въ дѣйствіи и заключилъ рапортъ свой покорнѣйшею просьбою усилить меня казачьими полками, находящимися, подобно моей партіи, подъ его командою. Во время веденія сей дипломатической переписки я разсылалъ черезъ земское начальство предписанія о поголовномъ ополченіи.

Между тѣмъ изъ 200 отбитыхъ нами плѣнныхъ я выбралъ 60 не рослыхъ, а доброхотныхъ солдатъ. За неимѣніемъ русскихъ мундировъ, я одѣлъ ихъ во французскіе и вооружилъ французскими ружьями, оставивъ имъ для примѣты русскія фуражки вмѣсто киверовъ.

Мы были еще въ невѣдѣніи о судьбѣ столицы, какъ 9 числа прибылъ въ Юхновъ Волынскаго уланскаго полка маіоръ Храповицкій [1]), сынъ юхновскаго дворянскаго предводителя, и объявилъ намъ о занятіи Москвы французами. Я ожидалъ этого событія и доказывалъ, что оно неминуемо, если только продолжится наше отступленіе по смоленской дорогѣ; при всемъ томъ вѣсть эта не могла не поразить насъ; я и товарищи мои, при первомъ о томъ извѣстіи, сильно призадумались; такъ какъ, однако, всѣ мы были неунылаго десятка, то и начали разспрашивать Храповицкаго о подробностяхъ взятія Москвы. Онъ намъ сказалъ, что оставилъ армію въ Красной Пахрѣ, откуда она должна была продолжать свое движеніе для заслоненія калужской дороги, что Москва предана огню [2]), но никто въ арміи не помышляетъ о мирѣ. Я былъ внѣ себя отъ радости и тутъ же всѣмъ находившимся тогда въ городѣ помѣщикамъ и жителямъ предсказалъ спасеніе отечества, если только Наполеонъ оставитъ въ покоѣ нашу армію между Москвою и Калугою, до тѣхъ поръ, пока она не усилится слѣдуемыми къ ней резервами. Кто былъ хотя нѣсколько свѣдущъ въ высшей военной наукѣ, тому не могли не бросаться въ глаза послѣдствія превосходнаго движенія свѣтлѣйшаго. Я счелъ, однако, излишнимъ преподавать стратегію юхновскимъ помѣщикамъ: такъ, нѣкогда Колумбъ, предсказывая американцамъ лунное затменіе, не заблагоразсудилъ обучать ихъ астрономіи. Я вечеромъ получилъ письмо отъ калужскаго гражданскаго губернатора нижеслѣдующаго содержанія.

«Все свершилось. Москва не наша, она горитъ!.. Я, отъ 6 числа изъ Подольска, отъ свѣтлѣйшаго имѣю увѣреніе, что онъ, прикрывая калужскую дорогу, будетъ дѣйствовать на смоленскую. Ты не шути, любезный Денисъ Васильевичъ, твоя обязанность велика, прикрывай Юхновъ и тѣмъ спасешь средину

---

[1]) Онъ отряженъ былъ въ Москву для вербованія уланъ. Волынскій уланскій полкъ находился въ западной арміи, подъ командою генерала Тормасова, на Волыни.

[2]) Вопреки многимъ, я и тогда полагалъ полезнымъ гибель Москвы: необходимо нужно было открыть россіянамъ высшій предметъ для ихъ усилій, оторвавъ ихъ отъ города и обративъ ихъ къ государству.

Слова «Москва взята» заключали въ себѣ какую-то убійственную мысль, что Россія завоевана, и это могло во многихъ охладить рвеніе къ защитѣ того, что тогда только надлежало защищать. Но слова «Москвы нѣтъ» пресѣкли разомъ всѣ связи съ нею, и въ ней нельзя уже было зрѣть Россію. Вообще всѣ хулители сей превосходной мѣры цѣнятъ одну гибель капиталовъ московскихъ жителей, а не поэзію подвига, которою нравственная сила народа вознеслась до героизма.

нашей губерніи, но не залетай далеко, а держись Медыни и Мосальска; мнѣ бы хотѣлось, чтобы ты дѣйствовалъ такимъ образомъ, чтобы не навлечь на себя непріятеля 8 сентября».

10-го, вечеромъ, я получилъ отъ начальника Калужскаго ополченія предписаніе принять въ мою команду требуемые мною казачьи полки и присоединившагося къ моей партіи маіора Храповицкаго.

11-го мы отслужили молебенъ, въ присутствіи гражданскихъ чиновниковъ и народа, и выступили въ походъ, напутствуемые благословеніями всѣхъ жителей. Съ нами пошли отставной мичманъ Николай Храповицкій, титулярный совѣтникъ Татариновъ,

Генералъ-отъ-кавалеріи Н. Н. Раевскій.

шестидесятилѣтній старецъ, и землемѣръ Макаревичъ, прочіе же помѣщики остались дома, довольствуясь ношеніемъ охотничьихъ кафтановъ, саблей и пистолетовъ за поясомъ. Къ вечеру мы прибыли въ Знаменское и соединились съ полками 1-мъ Бугскимъ и Тептярскимъ. Первый состоялъ изъ 60 человѣкъ, а второй—изъ 110. Прежде, нежели описывать дѣйствія войскъ, коихъ число неожиданно увеличилось и превратилось, такъ сказать, изъ разбойничьей шайки въ наѣздничью партію, не излишне будетъ познакомить читателя съ частными ея начальниками.

Волынскаго уланскаго полка маіоръ Степанъ Храповицкій [1]) былъ одаренъ игривымъ, но основательнымъ умомъ и замѣча-

[1]) Нынѣ генералъ-маіоръ по кавалеріи.

тельными дарованіями; возвышенными чувствами своими, строгими правилами чести и европейскимъ образованіемъ онъ заслужилъ полное уваженіе.

Состоявшій по кавалеріи ротмистръ Чеченскій [1]), вывезенный младенцемъ изъ Чечни и возмужавшій въ Россіи, обращалъ на себя вниманіе своею необычайною храбростью, рѣдкою предпріимчивостью и смѣтливостью въ важныхъ случаяхъ.

Ахтырскаго гусарскаго полка штабсъ-ротмистръ Николай Бедряга [2]) былъ извѣстенъ своею храбростью и какъ вѣрный и дорогой товарищъ; въ битвахъ же онъ былъ всегда впереди всѣхъ, горѣлъ тамъ, какъ свѣчка.

Того же полка поручикъ Дмитрій Бекетовъ [3]), весельчакъ и одаренный умомъ образованнымъ; въ дѣлѣ же онъ былъ весьма храбръ и надеженъ.

Того же полка поручикъ Макаровъ [4]), хотя и не отличался образованіемъ, но имѣлъ умъ весьма положительный. Ягненокъ въ домашнемъ быту, онъ былъ тигромъ на полѣ битвы.

1-го Бугскаго полка сотникъ Ситниковъ, шестидесятилѣтній старецъ, и Мотылевъ, молодой офицеръ,—оба отличной храбрости; они были также замѣчательны своею неутомимою дѣятельностью.

Иловайскаго 10-го полка урядникъ Крючковъ [5]), отличный, неутомимый, храбрый ѣздокъ, рѣдкой смѣтливости и хитрости вполнѣ черкесской.

Шкляревъ [6]), старшій гусарскій вахмистръ моей партіи, исполнялъ прекрасно приказанія, не давая себѣ, однако, труда размышлять.

Ивановъ, вахмистръ Ахтырскаго гусарскаго полка; я его нѣсколько разъ за буянство и развратъ разжалывалъ въ рядовые, но за храбрость нѣсколько разъ вновь производилъ въ вахмистры.

Скрынка и Колядка, оба надежные вахмистры.

Всѣ гусары были отличнаго военнаго поведенія. Назову тѣхъ изъ нихъ, коихъ не забылъ имена: Ѳедоровъ, Зворичъ, Мацыпура, Жирко, Форостъ, Гробовой, Мацырюкъ, Пучковъ, Егоровъ, Зола, Шкредовъ, Крутъ, Монцаревъ, Куценко, Приманъ, Осмакъ, Лишаръ.

Урядники Донского Войска, кои остались у меня въ памяти, были: Тузовъ, Логиновъ, Лестовъ, казаки: Аѳонинъ, Антифеевъ, Волковъ, Володька. Сожалѣю, что забылъ остальныхъ, ибо большая часть изъ нихъ заслуживаетъ того, чтобы быть извѣстною.

На 12 сентября я предпринялъ поискъ къ самой Вязьмѣ. Сердце мое билось отъ радости при обзорѣ вытягивавшихся полковъ моихъ. Съ 130 человѣками я взялъ 370 и двухъ офицеровъ, отбилъ 200 своихъ и захватилъ, кромѣ того, одну фуру съ патронами и десять провіантскихъ фуръ. Тутъ же я командовалъ 300 человѣкъ. Какая разница! Какая надежда! Къ тому же ревность обывателей, дѣятельность дворянскаго предводителя

---

[1]) Нынѣ генералъ-маіоръ по кавалеріи.

[2]) Нынѣ полковникомъ въ отставкѣ.

[3]) Нынѣ въ отставкѣ.

[4]) Нынѣ въ отставкѣ маіоромъ.

[5]) Былъ хорунжіемъ и убитъ 1813 года, во время преслѣдованія непріятеля послѣ побѣды при Лейпцигѣ.

[6]) Нынѣ прапорщикъ Екатеринославскаго гарнизоннаго баталіона.

въ распространенiи воззванiя о поголовномъ ополченiи, въ снабженiи продовольствiемъ моей партiи, въ устройствѣ на собственное иждивенiе лазарета въ Юхновѣ и, наконецъ, спасительное движенiе армiи на калужскую дорогу—все улыбалось моему воображенiю, всегда слишкомъ быстро летящему навстрѣчу всему соблазнительному для моего сердца! На разсвѣтѣ мы атаковали въ виду города непрiятельскiй отрядъ, прикрывавшiй транспортъ съ провiантомъ и съ артиллерiйскими снарядами. Отпоръ не соотвѣтствовалъ стремительности натиска, и успѣхъ превзошелъ мое ожиданiе: 270 рядовыхъ и шесть офицеровъ положили оружiе, до 100 человѣкъ легло на мѣстѣ, двадцать подводъ съ провiантомъ и двѣнадцать артиллерiйскихъ палубовъ съ нарядами достались намъ. Немедленно двѣ фуры съ патронами и 340 ружей вступили въ распоряженiе командовавшаго поголовнымъ ополченiемъ капитана Бѣльскаго; такимъ образомъ, съ первыхъ уже дней я имѣлъ въ Знаменскомъ готоваго оружiя почти на 500 человѣкъ.

Партизанъ Сеславинъ.

14-го мы подошли къ селенiю Теплухѣ, что на столбовой смоленской дорогѣ, и расположились на ночлегѣ, принявъ всѣ мѣры осторожности; тамъ явился ко мнѣ крестьянинъ Ѳедоръ изъ Царева-Займища, изъявившiй желанiе служить въ моей партiи. Этотъ удалецъ, оставя жену и дѣтей, скрывавшихся въ лѣсахъ, находился при мнѣ до изгнанiя непрiятеля изъ Смоленской губернiи и, только по очищенiи губернiи отъ враговъ, возвратился на свое пепелище. По возвращенiи моемъ изъ Парижа, въ 1814 году, я нарочно останавливался въ Царевѣ-Займищѣ, съ тѣмъ, чтобы посѣтить моего храбраго товарища, но мнѣ сказали, что его уже нѣтъ на свѣтѣ: онъ умеръ отъ заразы, погубившей многихъ поселянъ, скрывавшихся въ лѣсахъ. Какое великое поученiе! Тѣ, кои избѣгаютъ смерти, и тѣ, кои бодро ее встрѣчаютъ, испытываютъ одинакую участь; каждому опредѣленъ свой срокъ, коего онъ не преступитъ... Стоитъ ли прятаться и страшиться!

14-го, къ вечеру, начали подходить мародеры, а такъ какъ мы были скрыты и соблюдали необходимую предосторожность, то брали ихъ въ плѣнъ безъ малѣйшаго съ ихъ стороны сопро-

тивленія и почти поодиночкѣ. Къ десяти часамъ ночи число плѣнныхъ возросло до 70 человѣкъ при двухъ офицерахъ; у одного изъ нихъ всѣ карманы были набиты награбленными печатками, ножичками и прочимъ. Надобно, однако, отдать справедливость, что офицеръ этотъ былъ не французъ, а вестфалецъ.

15-го, около восьми часовъ утра, мои пикетные открыли, слѣдовавшее отъ села Тарбѣева, большое количество фуръ, покрытыхъ бѣлымъ холстомъ. Нѣкоторые изъ насъ сѣли на коней и, проскакавъ нѣсколько шаговъ, увидѣли ихъ, подобно флоту, на парусахъ приближающемуся. Немедленно штабсъ-ротмистръ Бедряга 3-й, поручикъ Бекетовъ и Макаровъ, съ гусарами и казачьими полками, помчались къ нимъ наперерѣзъ. Передніе ударили на прикрытіе, которое, послѣ нѣсколькихъ пистолетныхъ выстрѣловъ, обратилось въ бѣгство; но, бывъ охвачено Бугскимъ полкомъ, оно бросило оружіе; 260 рядовыхъ разныхъ полковъ, съ лошадьми ихъ, два офицера и двадцать фуръ, полныхъ хлѣбомъ и овсомъ, со всею упряжью, попались намъ въ руки.

До этого времени всѣ мои поиски были предприняты между Гжатью и Вязьмою. Успѣхъ ихъ обратилъ вниманіе французскаго губернатора города Смоленска [1]). Онъ, собравъ всѣ конныя, чрезъ городъ сей слѣдующія, команды, составилъ сильный отрядъ (изъ 2.000 рядовыхъ, при одномъ штабъ-офицерѣ и восьми оберъ-офицерахъ); онъ предписалъ начальнику [2]) очистить все пространство между Вязьмою и Гжатью и, разбивъ мою партію, привезти меня живого или мертваго въ Вязьму [3]). О таковой неучтивости я былъ извѣщенъ еще 13 сентября, а 15-го по взятіи транспорта узналъ чрезъ коннаго крестьянина, что этотъ отрядъ подошелъ уже къ Ѳедоровскому. Вся моя партія выступила изъ Теплухи и пошла по дорогѣ къ селу Шуйскому. Пройдя нѣкоторое разстояніе, она лощиной, покрытой лѣсомъ, повернула круто вправо и перешла столбовую дорогу; не будучи видима изъ Теплухи, она отступила чрезъ Румянцево въ Андреевское. Тамъ, проведя ночь, мы усиленнымъ маршемъ направились на село Покровское, находящееся въ пяти верстахъ отъ столбовой дороги. Перемѣщеніе мое основывалось на трехъ предположеніяхъ: или отрядъ, назначенный дѣйствовать противъ меня, потерявъ меня изъ виду, обратится къ первому назначенію своему, т.-е. будетъ продолжать путь свой къ Москвѣ, или, гоняясь за мною отъ Дорогобужа до Гжати и отъ Гжати къ Дорогобужу и изнуривъ лошадей своихъ, представитъ мнѣ возможность нанести ему съ малой потерей сильный ударъ, или, раздѣлясь надвое, чтобы легче захватить меня, подвергнется разбитію по частямъ.

---

[1]) Генералъ Бараге-Дилье былъ губернаторомъ Смоленской губерніи и имѣлъ пребываніе свое въ Вязьмѣ.

[2]) Другіе же увѣряли, что на сіе отважился самъ начальникъ отряда, проходившаго тогда изъ Смоленска въ Москву; онъ только испросилъ разрѣшеніе губернатора для дѣйствія противъ меня.

[3]) По взятіи 22 октября города Вязьмы генераломъ Милорадовичемъ, адъютантъ его кавалергардскаго полка поручикъ (что нынѣ генералъ-адъютантъ и начальникъ главнаго штаба 2-ой арміи) Киселевъ отыскалъ въ разбросанныхъ бумагахъ одинъ изъ циркуляровъ, разсылаемыхъ тогда генераломъ Бараге-Дильеромъ. Въ семъ циркулярѣ описаны были примѣты мои и изложено строгое повелѣніе поймать и разстрѣлять меня.

18-го, вечеромъ, по прибытіи нашемъ въ село Покровское, крестьянинъ, пришедшій съ большой дороги, объявилъ намъ, что онъ видѣлъ пѣхотнаго солдата, бѣжавшаго изъ транспорта нашихъ плѣнныхъ, остановившихся на ночлегъ въ селѣ Юреневѣ, и что этотъ солдатъ ночуетъ въ селѣ Никольскомъ, между Юреневымъ и Покровскимъ. Я спросилъ крестьянина, можетъ ли онъ привести ко мнѣ этого солдата. Онъ отвѣчалъ, что можетъ, но что такъ какъ одному ему идти туда страшно, то проситъ дать ему казака въ проводники. Я ему далъ извѣстнаго урядника Крючкова, и они вмѣстѣ отправились.

19-го, за два часа передъ разсвѣтомъ, посланные мои возвратились и привели этого солдата. Онъ объявилъ мнѣ, что въ Юреневѣ остановилась тысяча человѣкъ нашихъ плѣнныхъ, изъ которыхъ часть заперта въ церкви, а часть ночуетъ въ избахъ, гдѣ расположена и часть прикрытія, состоявшаго изъ трехсотъ человѣкъ. Я велѣлъ садиться на коней, и, пока партія моя вытягивалась, Крючковъ при крестьянинѣ и солдатѣ разсказалъ мнѣ, что, подъѣхавъ къ Никольскому, они встрѣтили прохожаго, объявившаго имъ, что при немъ вошла въ это село шайка мародеровъ; крестьянинъ, оробѣвъ, не смѣлъ войти въ село, но Крючковъ, разспрося его подробно о мѣстѣ, гдѣ ночуетъ солдатъ, надѣлъ на себя кафтанъ крестьянина и вошелъ въ село, наполненное французами. Онъ прямо пришелъ къ дому, гдѣ, по разсказу крестьянина, долженъ былъ ночевать солдатъ, и, разбудивъ его, вывелъ его изъ деревни. Такой отважный поступокъ снискалъ ему большое уваженіе прочихъ его товарищей, а меня поставилъ въ пріятную обязанность донести о томъ свѣтлѣйшему. Мы, обойдя Никольское, остановились за четверть версты отъ Юренева, за часъ времени до разсвѣта. Къ несчастію, пока партія была на маршѣ, транспортъ плѣнныхъ поднялся и пошелъ далѣе по Смоленской дорогѣ, уступивъ свое мѣсто тремъ баталіонамъ польской пѣхоты, шедшимъ отъ Смоленска въ Москву. Одинъ изъ нихъ расположился въ селѣ, а два за церковью, на бивакахъ, при чемъ ими не было принято никакихъ мѣръ предосторожности. Основываясь на разсказѣ солдата и полагая, что въ самомъ селѣ не болѣе половины прикрытія, ибо другую половину я полагалъ около церкви, я, съ разсвѣтомъ осмотрѣвъ мѣстоположеніе, приказалъ шестидесяти человѣкамъ пѣхоты, прикрывшись лощиною и ворвавшись въ средину улицы, закричать: «Ура, наши сюда!» и на штыкахъ выбить непріятеля. Въ одно время Бугскій полкъ долженъ былъ объѣхать село и стать на чистомъ мѣстѣ, между деревнею и церковью, дабы отрѣзать дорогу бѣгущимъ. Прежній мой отрядъ и Тептярскій полкъ были оставлены мною въ резервѣ и скрытно расположены около лѣса, съ приказаніемъ открывать разъѣздами столбовую дорогу, ведущую къ Вязьмѣ. Распоряженія мои были приведены въ исполненіе со всею необходимою точностью. Пѣхота, тихо пробравшись лощиною, бросилась въ село, но вмѣсто плѣнныхъ нашихъ и слабаго ихъ прикрытія, попалась въ средину, хотя оплошнаго, но сильнаго непріятельскаго батальона. Огонь затрещалъ изъ оконъ и по улицѣ. Мои герои, опираясь братъ на брата, штыками пробили себѣ путь къ Бугскому полку, который подалъ имъ руку помощи. Въ пять минутъ изъ 60 человѣкъ 35 легло на мѣстѣ или было смертельно ранено.

Между тѣмъ Чеченскій съ Бугскимъ полкомъ совершенно пресѣкъ путь атакованному батальону, который, ожидая подкрѣпленія и думая удержаться въ селѣ до его прибытія, усилилъ огонь по насъ изъ избъ и огородовъ. Горя мщеніемъ, я вызвалъ охотниковъ и приказалъ имъ зажечь избы, въ коихъ засѣлъ непріятель. Первыми на то отважились мои 25 героевъ; избы вспыхнули, и болѣе 200 человѣкъ было охвачено пламенемъ. Поднялся ужасный крикъ, но было поздно. Видя неминуемую гибель свою, батальонъ сталъ выбѣгать изъ села вразсыпную. Замѣтивъ это, Чеченскій ударилъ въ тылъ и взялъ 119 рядовыхъ и одного капитана; батальонъ, однако, построился и, невзирая на многократныя атаки наши, отступилъ съ честью къ двумъ вышеупомянутымъ батальонамъ, которые уже спѣшили къ нему на помощь, со стороны церкви. Когда они показались, я, видя, что намъ ничего не осталось дѣлать, приказалъ своимъ отступать. Огонь, направленный противъ насъ, причинилъ намъ мало вреда, и мы, подобравъ нашихъ раненыхъ, были вскорѣ внѣ выстрѣловъ. Въ это время одинъ изъ посланныхъ мною разъѣздовъ къ сторонѣ Вязьмы увѣдомилъ меня, что, въ трехъ верстахъ отъ мѣста битвы, расположенъ артиллерійскій паркъ. Отправивъ раненыхъ въ Покровское подъ прикрытіемъ Тептярскаго полка, я помчался съ остальными войсками къ парку, которымъ овладѣлъ безъ малѣйшаго сопротивленія. Онъ состоялъ изъ 24 палубовъ, со 144 волами для ихъ перевозки, 23 фурманщиковъ; прочіе же скрылись въ лѣсу. Возвратясь послѣ этого, не совсѣмъ удачнаго, набѣга въ Покровское, я былъ, по крайней мѣрѣ, утѣшенъ тѣмъ, что поиски, произведенные мною съ первою моей командою по смоленской дорогѣ, обратили вниманіе свѣтлѣйшаго, оцѣнившаго, наконецъ, пользу партизанской войны; по примѣру моему, многіе легкіе отряды получили приказаніе дѣйствовать на путь сообщенія непріятеля.

Едва мы успѣли расположиться въ Покровскомъ, какъ извѣстились о новомъ транспортѣ плѣнныхъ нашихъ, въ числѣ 400 человѣкъ, остановившихся близъ насъ. Бывъ уже разъ наказанъ за отвагу штурмовать селеніе, занятое пѣхотою, я отрядилъ впередъ урядника Крючкова съ шестью отборными казаками и приказалъ, подъѣхавъ къ деревнѣ, выстрѣлить изъ пистолетовъ и поспѣшно скрыться, дабы этимъ, встревожа прикрытіе, принудить его искать себѣ другое мѣсто для привала. Партія моя скрытно слѣдовала за Крючковымъ и остановилась въ засадѣ, ожидая выхода транспорта изъ селенія. Совершенный успѣхъ увѣнчалъ мое предпріятіе. Едва Крючковъ и казаки его, сдѣлавъ залпъ, удалились отъ деревни, какъ весь транспортъ сталъ выходить изъ нея. Давъ ему отойти на разстояніе около 200 саженей, партія моя поднялась на высоту и часть ея бросилась въ атаку. Плѣнные въ этомъ случаѣ помогли атакующимъ, и прикрытіе, состоявшее изъ 166 человѣкъ при четырехъ офицерахъ, было мгновенно обезоружено. Я съ этой добычею воротился на ночлегъ въ Покровское, оттуда 20-го, поутру, пошелъ въ село Городище какъ для отдохновенія моей партіи, такъ и для личнаго осмотра поголовнаго ополченія въ Знаменскомъ. Къ тому же меня крайне обременяла захваченная мною добыча. Этотъ поискъ доставилъ мнѣ 908 рядовыхъ, 15 офицеровъ, 36 артиллерійскихъ палубовъ, 40 провіант-

скихъ фуръ, 144 вола, которыхъ я опредѣлилъ на порціи, и около 200 лошадей, изъ коихъ лучшія были отобраны для худоконныхъ казаковъ, остальныя же розданы крестьянамъ. Такъ какъ Городище находится въ 50 верстахъ отъ столбовой смоленской дороги и, слѣдовательно, внѣ опасности отъ внезапнаго непріятельскаго нападенія, то партія моя раздѣлилась надвое: Бугскій полкъ занялъ деревню Луги, въ трехъ верстахъ отъ Городища, гдѣ я остался съ другою частью моей команды. Пикеты были выставлены на двухъ главныхъ дорогахъ, а разъѣзды посылаемы не далѣе, какъ за три и четыре версты, каждый день по два раза. Между тѣмъ изъ 400 отбитыхъ нашихъ плѣнныхъ я выбралъ 250 человѣкъ и присоединилъ къ нимъ остатокъ моей пѣхоты, которую назвалъ геройскимъ полувзводомъ[1]). Въ этотъ полувзводъ я переводилъ только за особенное отличіе и, такимъ образомъ, мало-по-малу умножилъ его до двухъ взводовъ. Остальныхъ 150 человѣкъ я отправилъ въ Знаменское и, наименовавъ ихъ «Почетною полуротою», предписалъ всему поголовному ополченію брать съ нихъ примѣръ.

П. Х. Витгенштейнъ.

21-го, рано, я ѣздилъ въ Знаменское, гдѣ нашелъ уже до 500 человѣкъ подъ ружьемъ; Бѣльскій объявилъ мнѣ, что прочіе 1.500 человѣкъ, вооруженные также непріятельскими ружьями, находятся по деревнямъ и въ готовности при первой повѣсткѣ собраться въ Знаменское. Онъ увѣрялъ, что рвеніе поселянъ такъ велико, что въ случаѣ нужды можно набрать въ самое короткое время до 6.000 человѣкъ, но эти послѣдніе будутъ вооружены лишь копьями и топорами. Прокламація моя возымѣла свое дѣйствіе, направленіе было указано, и я былъ тѣмъ совершенно доволенъ. Къ славѣ нашего народа, во всей той сторонѣ извѣстными и истинными измѣнниками были одни дворовые люди отставного маіора Семена Вишнева и нѣсколько крестьянъ. Первые, соединясь съ французскими мародерами, убили своего помѣщика. Ѳеимъ Никифоровъ убилъ съ ними отставного поручика Данилу Иванова, а Сергѣй Мартыновъ, указывая непріятелю на извѣстныхъ ему богатыхъ поселянъ, убилъ управителя села Городища, разграбивъ церковь, вырылъ изъ гробовъ прахъ помѣщицы этого села и стрѣлялъ по казакамъ.

---

[1]) Я вначалѣ намѣренъ былъ каждому изъ нихъ поручить команду изъ 50 человѣкъ поголовнаго ополченія, но они на это сказали: «Когда-то еще Богъ приведетъ намъ подраться, а здѣсь мы всегда на тычку!» Какъ жаль, что въ походѣ я затерялъ записку съ именами сихъ почтенныхъ воиновъ!

При появленіи моей партіи въ этой сторонѣ, всѣ первые разбѣжались и скрылись, но послѣдняго мы захватили 14 числа. Эта добыча была для меня важнѣе двухсотъ французовъ; я немедленно рапортовалъ о томъ начальнику ополченія и рѣшился его примѣрно наказать.

21-го я получилъ повелѣніе разстрѣлять преступника; тотчасъ мною было разослано по всѣмъ сосѣднимъ деревнямъ объявленіе, чтобы крестьяне собирались въ Городище. Четыре священника ближнихъ селъ были туда же приглашены; 22-го, поутру, преступника исповѣдали, надѣли на него бѣлую рубашку и привели подъ карауломъ къ самой той церкви, которую онъ грабилъ съ врагами отечества. Священники стояли передъ нею лицомъ въ поле, на одной чертѣ съ ними взводъ пѣхоты. Преступникъ былъ поставленъ на колѣни, лицомъ къ священникамъ, за нимъ народъ, а за народомъ вся партія, полукружіемъ. Его заживо отпѣли. Надѣялся ли онъ на прощеніе? Укоренилось ли въ немъ безбожіе до высшей степени, или имъ овладѣло отчаяніе, но во все время онъ ни разу ни перекрестился. Когда служба окончилась, я велѣлъ ему поклониться на четыре стороны, а отряду разступиться, онъ же продолжалъ глядѣть на меня глазами невѣдѣнія; наконецъ, я приказалъ отвести его далѣе и завязать глаза: при этомъ онъ затрепеталъ; взводъ подвинулся и выстрѣлилъ разомъ. Тогда моя партія окружила зрителей, въ числѣ коихъ хотя и не было ни одного измѣнника и грабителя, но были, однако, ослушники начальства. Имѣя списокъ виновныхъ, я сталъ выкликать ихъ поодиночкѣ и наказывать нагайками. Когда кончилась экзекуція, я читалъ мірянамъ слѣдующее: «Такъ караютъ богоотступниковъ, измѣнниковъ отечества и ослушниковъ начальства! Вѣдайте, что войско можетъ удалиться на время, но государь, нашъ православный царь, всегда знаетъ, гдѣ творится зло, и при малѣйшемъ ослушаніи или безпорядкѣ мы снова явимся и накажемъ предателей и безбожниковъ такъ, какъ наказали разбойника, передъ вами лежащаго. Ему и мѣста нѣтъ съ православными на кладбищѣ; заройте его въ разбойничьей долинѣ [1])». Тогда священникъ Іоаннъ, поднявъ крестъ, сказалъ: «Да будетъ проклятъ всякій ослушникъ начальства, врагъ Бога и предатель царя и отечества, да будетъ проклятъ!» Послѣ этого я читалъ народу наставленіе, данное мною токаревскимъ крестьянамъ, и распустилъ всѣхъ по домамъ. Я вечеромъ послалъ курьера съ донесеніемъ какъ объ успѣхѣ моихъ поисковъ, такъ и о наказаніи помянутаго преступника.

23-го, поутру, извѣстился я о кончинѣ благодѣтеля моего, знаменитаго героя князя Петра Ивановича Багратіона. Судьба, осчастлививъ меня тѣмъ, что я, служа при немъ, пользовался особою его благосклонностью, доставила мнѣ и то счастье, что я могъ отдать первую почесть его великому праху пораженіемъ враговъ въ минуту полученія сего горестнаго извѣстія: одинъ пикетъ, стоявшій на проселочной дорогѣ, ведущей изъ Городища къ Дорогобужу, далъ знать, что двѣ большія непріятельскія колонны идутъ къ Городищу. Я, приказавъ кавалеріи поспѣшнѣе сѣдлать и садиться на коней, послалъ ее къ Чеченскому въ Лугу, а самъ бросился съ пѣхотою къ выходу изъ села на До-

---

[1]) Такъ называется и искони называлась долина въ трехъ верстахъ отъ Городища.

рогобужскую дорогу. Намѣреніе мое состояло въ томъ, чтобы, удержавъ пѣхотою непріятеля у входа въ деревню, дать тѣмъ время кавалеріи изготовиться, собраться и, объѣхавъ деревню, ударить на непріятеля съ тыла. До выхода изъ деревни было болѣе версты. Я ѣхалъ рысью, и клянусь честью, что пѣхотинцы мои не только не отставали отъ меня, но нѣсколько человѣкъ изъ нихъ даже опередили меня. Такова была жажда ихъ къ битвамъ съ врагами. Подъѣхавъ къ дальнимъ избамъ, я, остановивъ свою команду, разсыпалъ между избами и огородами 50 стрѣлковъ; остальныхъ 225 человѣкъ построилъ въ двѣ колонны, коихъ головы были видны, а хвосты были скрыты

Н. Н. **Раевскій.** (Съ лубочной картинки).

за строеніемъ. Устроивъ все для защиты села, я поѣхалъ впередъ, чтобы самому увѣриться, заслуживаетъ ли непріятель столь великолѣпнаго пріема. Вскорѣ мнѣ открылась толпа пѣхоты въ 400 человѣкъ. Вначалѣ она направлялась къ Городищу, но, встрѣченная выстрѣлами моихъ стрѣлковъ и увидя мои колонны, она рѣшилась отступать. Увѣрившись, что эта толпа не имѣетъ никакого дерзкаго намѣренія, ибо это была лишь сильная шайка мародеровъ, я велѣлъ стрѣлкамъ напирать на отступавшихъ, а всей пѣхотѣ слѣдовать за стрѣлками. Въ это время мы увидѣли маіора Храповицкаго, приближающагося къ намъ съ кавалеріею. Непріятель бросился въ ближнюю рощу, пѣхота моя послѣдовала за нимъ; гулъ выстрѣловъ и крикъ «ура» загремѣли и слились вмѣстѣ. Роща примыкала къ рѣкѣ Угрѣ, на которой есть броды; за рѣкою же тянулся сплошной лѣсъ почти до Мосальска; добыча, казалось, вырывалась изъ рукъ нашихъ. Храповицкій, уроженецъ и житель Городища, соединяя съ

отличнѣйшими военными дарованіями основательное знаніе мѣстности, немедленно обскакалъ рощу и сталъ между нею и рѣкою; въ то же время пѣхота наша ворвалась въ рощу. Непріятель, видя неминуемую гибель свою, сталъ бросать оружіе и сдаваться; я велѣлъ щадить, будучи увѣренъ, что достойнѣйшая почесть праху великаго героя есть великодушное мщеніе врагамъ. Тутъ мы увидѣли Чеченскаго, скачущаго съ полкомъ своимъ къ намъ на помощь; ему донесли, что мы разбиты и приперты къ рѣкѣ. Велики были удивленіе и радость его, когда онъ увидалъ насъ побѣдителями. Это неожиданное дѣло намъ доставило 33 рядовыхъ и пять офицеровъ. Отставной мичманъ Николай Храповицкій, командовавшій пѣхотою, особенно отличился въ этомъ дѣлѣ. Возвратясь въ Городище, мы отслужили панихиду по нашемъ героѣ и моемъ благодѣтелѣ, незабвенномъ князѣ Петрѣ Ивановичѣ Багратіонѣ и выступили въ село Андреяны. Въ это самое время я получилъ повелѣніе отдѣлить отъ себя Тептярскій полкъ къ Рославлю и Брянску, для содѣйствія отряду калужскаго ополченія, назначенному прикрывать Орловскую губернію. Чувствуя всю важность Рославля, угрожаемаго отрядами, посылаемыми изъ Смоленска по орловской дорогѣ, я тотчасъ приказалъ маіору Темирову идти чрезъ Мутищево въ Рославль; 24-го мы узнали, что непріятельскій отрядъ, котораго назначеніе состояло въ томъ, чтобы дѣйствовать противъ моей партіи, отыскивавшій насъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней между Вязьмою и Гжатью, показался между Семлевымъ и Вязьмою, въ селѣ Монинѣ. Не отступая отъ моего намѣренія, я, обратясь къ Ѳедоровскому, прибылъ вечеромъ въ Слукино.

25-го отъ Ѳедоровскаго мы поворотили столбовой дорогой прямо къ Вязьмѣ. Я хотѣлъ сильной перестрѣлкой близъ города заманить сюда непріятеля, и лишь тогда обратиться къ Семлеву, гдѣ мѣстоположеніе гораздо удобнѣе для дѣйствія слабымъ партіямъ. Передовые мои открыли перестрѣлку подъ самой Вязьмою, а партія моя, раздѣлясь на три колонны, выказывала, по обыкновенію своему, лишь головы, скрывая хвосты колонны. Вскорѣ мы услышали барабанный бой и увидѣли непріятельскую пѣхоту, которая, отвѣчая на наши выстрѣлы, не смѣла, однако, отходить отъ города; я и тѣмъ былъ доволенъ. Простоявъ здѣсь до вечера, мы зажгли бивачные огни и ночью скрытно отступили въ Лосмино и 26-го въ Андреяны. Прибывъ туда, я послалъ двухъ крестьянъ въ Покровское развѣдать о непріятельскомъ отрядѣ. Чрезъ нѣсколько часовъ прискакали два парня изъ Лосмина, съ донесеніемъ, что непріятельскій отрядъ, слѣдуя между этимъ селомъ и Вязьмою, направляется къ Гжати. Желаніе мое исполнилось. Немедленно партія поднялась и выступила къ Монину. Подъ вечеръ она подошла къ этой деревнѣ и застала въ ней 42 провіантскія фуры и десять артиллерійскихъ палубъ подъ прикрытіемъ 126 конныхъ егерей и одного офицера. Эта команда принадлежала отряду, меня преслѣдовавшему до самой Гжати, который былъ въ полной увѣренности найти меня въ этомъ направленіи. Плѣнный офицеръ объявилъ мнѣ, что противникъ мой, приведенный своею неудачей въ отчаяніе, двинулся къ Гжати, и въ случаѣ новаго неуспѣха онъ намѣревался сдѣлать рѣшительный поискъ вдоль Угры, дабы отрѣзать меня отъ Юхнова и Калуги. Я знаю, что нѣкоторые партизаны,

командуя отдѣльными частями войскъ, думаютъ командовать не партіею, а арміею, почитая себя не партизанами, а полководцами; это происходитъ отъ того, что у нихъ преобладаетъ мысль— отрѣзавъ противную партію отъ арміи, къ коей она принадлежитъ, занимать позицію подобно австрійскимъ методикамъ. Надо сказать одинъ разъ навсегда, что лучшая позиція для партіи есть непрерывное движеніе, не дозволяющее противнику знать мѣсто, гдѣ она находится, при чемъ необходима неусыпная бдительность часовыхъ и разъѣздныхъ. Отрѣзать партію нѣтъ возможности, но лучше слѣдуетъ придерживаться русской пословицы: «убить, да уйти». Вотъ сущность тактической обязанности партизана. Мой противникъ былъ, повидимому, въ полномъ о томъ невѣдѣніи, а потому мнѣ было легко съ нимъ управиться. Отправивъ добычу въ городъ, мы продолжали путь къ столбовой дорогѣ, около которой проходили до 29 числа съ малою пользою.

29-го партія прибыла въ Андреяны, гдѣ встрѣтилъ насъ курьеръ, возвратившійся изъ главной квартиры. Онъ привезъ мнѣ разныя бумаги и извѣстилъ меня о слѣдованіи, на подкрѣпленіе моей партіи, казачьяго Попова 13-го полка, который и прибылъ въ Андреяны 31-го. Этотъ полкъ, невзирая на усиленные переходы отъ самаго Дона, представился мнѣ въ отличнѣйшемъ положеніи и усилилъ партію мою 500 доброконными казаками. Тогда я пересталъ опасаться нападенія преслѣдовавшаго меня отряда и рѣшился, напротивъ, самъ атаковать его. Но прежде всего мнѣ хотѣлось натравить эти новыя войска, составлявшія большую половину моей партіи. Къ тому же, если малочисленнымъ отрядомъ можно было управлять, такъ сказать, разбойнически, безъ предварительнаго устройства, одной лишь крутою строгостью, то этимъ путемъ нельзя было продолжать съ 700 человѣкъ. Итакъ, до 3 октября я былъ принужденъ заняться образованіемъ внутренняго управленія партіи, показаніемъ лучшаго, по моему мнѣнію, построенія ея въ боевой порядокъ. Указавъ имъ нѣсколько практическихъ правилъ для нападенія, отступленія и преслѣдованія, я въ первый разъ испыталъ разсыпное отступленіе, столь необходимое для партіи, составленной изъ однихъ казаковъ, въ случаѣ нападенія на нее превосходнаго непріятеля. Оно состояло, во-первыхъ, въ томъ, чтобы по первому сигналу вся партія разсыпалась по полю, во-вторыхъ, чтобы по второму каждый казакъ скакалъ самъ по себѣ и старался скрыться отъ непріятеля, и, въ-третьихъ, чтобы каждый изъ нихъ, проѣхавъ по произвольному направленію нѣсколько верстъ, пробирался къ предварительно назначенному въ десяти, а иногда и въ двадцати верстахъ отъ поля сраженія сборному мѣсту.

3-го мы выступили и пришли въ село Покровское.

4-го я предпринялъ общій поискъ и раздѣлилъ партію на три части такъ, чтобы въ каждой изъ нихъ находилась часть Попова полка. Двѣ сотни этого полка и старая команда сборныхъ казаковъ моихъ, подъ начальствомъ Попова, были направлены къ рѣчкѣ Вязьмѣ въ лѣсъ, простиравшійся между столбовой дорогою и селеніемъ Лузинцовымъ; я самъ находился при ней. Первый Бугскій полкъ и сотня Попова полка съ ротмистромъ Чеченскимъ—чрезъ столбовую дорогу, на рѣчку Вязьму, къ селеніямъ Степанкову и Вопкѣ. Двѣ сотни Попова

полка съ Ахтырскими гусарами, подъ командою маіора Храповицкаго,—къ Семлеву; пѣхота оставалась въ Покровскомъ. За два часа предъ разсвѣтомъ всѣ отдѣленія были въ движеніи; первый отрядъ остановился въ лѣсу за нѣсколько саженъ отъ мостика, лежащаго на рѣчкѣ Вязьмѣ. Два казака взлѣзли на высокое дерево, откуда они могли наблюдать за непріятелемъ. Не прошло часу, какъ казаки подали знакъ слабымъ свистомъ. Они открыли одного офицера, идущаго пѣшкомъ по дорогѣ съ ружьемъ и собакою; десять человѣкъ, сѣвъ на коней и бросившись на дорогу, окружили его и привели къ отряду. Это былъ 4-го Иллирійскаго полка полковникъ Гетальсъ, страстный охотникъ стрѣлять дичь, опередившій разстроенный свой баталіонъ, который шелъ формироваться въ Смоленскъ. Съ нимъ была легавая собака, а въ сумкѣ убитый тетеревъ. Отчаяніе сего полковника возбуждало въ насъ болѣе смѣхъ, нежели сожалѣніе. Послѣ разныхъ разспросовъ, онъ, отойдя въ сторону, ходилъ въ горести большими шагами; каждый разъ, когда попадалась ему на глаза легавая собака, улегшаяся на казачьей буркѣ, онъ, становясь въ позицію Тальмы въ Эдипѣ, восклицалъ громкимъ голосомъ: «Malheureuse passion!» (пагубная страсть); каждый разъ, когда онъ смотрѣлъ на свое ружье, которое—увы!—было уже въ рукахъ казаковъ, или на тетерева, повѣшеннаго на пику, что служило вывѣской его приключенія, онъ, повторяя то же самое, снова начиналъ ходить размѣренными шагами. Между тѣмъ сталъ показываться и баталіонъ. Наши приготовились, и, когда онъ достаточно приблизился, весь отрядъ бросился на него; передніе казаки вразсыпную, а резервъ въ колоннѣ, построенный въ шесть коней; отпоръ былъ непродолжителенъ: большая часть рядовыхъ побросала оружіе, но многіе, пользуясь лѣсомъ, разсыпались въ немъ и спаслись бѣгствомъ. Добыча состояла изъ двухъ офицеровъ, при 200 нижнихъ чинахъ. Въ то же время ротмистръ Чеченскій встрѣтилъ фуры съ провіантомъ, ночевавшія въ лѣсу на дорогѣ отъ Вопки къ Вязьмѣ. Непріятель, примѣтивъ казаковъ, торопился построить обозъ полукружіемъ, дабы изъ-за него легче защищаться; но Чеченскій, не давъ времени исполнить сего построенія, ударилъ и овладѣлъ транспортомъ. Тогда прикрытіе, состоявшее изъ пѣхоты, бросилось въ средину лѣса, откуда открыло немолкаемый огонь. Ярый Чеченскій, спѣшивъ своихъ, бросился въ лѣсъ и ударилъ на непріятеля въ дротики. Сей отважный поступокъ, довершивъ пораженіе, стоилъ намъ пятнадцати лучшихъ бугскихъ казаковъ, которые пали либо тяжело ранеными, либо убитыми.

Съ своей стороны маіоръ Храповицкій, выбравшись на столбовую дорогу, обратился къ Семлеву. Пользуясь родомъ войска, составляющимъ отрядъ его, онъ приказалъ шедшимъ впереди Ахтырскимъ гусарамъ надѣть флюгера на пики [1]), а казакамъ скрываться за ними, взявъ дротики на перевѣсъ. Такимъ образомъ отрядъ сей казался издали польскою кавалеріею, шедшею отъ непріятельской арміи къ Смоленску. Долго Храповицкій никого не встрѣчалъ, но около Семлева онъ увидѣлъ многочисленный транспортъ, состоявшій изъ огромныхъ бочекъ, подви-

[1]) Въ то время нѣкоторые гусарскіе полки были вооружены пиками съ флюгерами, какъ уланы. Изъ числа сихъ полковъ былъ и Ахтырскій.

гавшихся къ нему навстрѣчу, хотя и съ прикрытіемъ, но безъ малѣйшей предосторожности; они думали видѣть въ отрядѣ Храповицкаго польскій отрядъ. Наши допустили непріятеля на пистолетный выстрѣлъ и съ крикомъ «ура!» стремительно ударили на него. Большая часть прикрытія разсыпалась, но поручикъ Тилингъ съ горстью своихъ защищался до тѣхъ поръ, пока не былъ раненъ; тутъ онъ былъ оставленъ окружавшими его товарищами. Съ этимъ транспортомъ были отправлены новыя одежда и обувь на весь 1-й Вестфальскій гусарскій полкъ и (по накладной, найденной у Тилинга) стоили 17.000 франковъ, уплаченныхъ въ Варшавѣ.

Возвращаясь съ добычею къ селу Покровскому, Храповицкій былъ атакованъ сильною шайкою мародеровъ, засѣвшею въ лѣсу, чрезъ который надлежало ему проходить. Видя, что нельзя пробиться сквозь непріятеля, столь выгодно расположеннаго, онъ взялъ другое направленіе и благополучно прибылъ къ вечеру въ Покровское, гдѣ соединился съ отрядами Попова 13-го и ротмистра Чеченскаго. Въ этомъ поискѣ Попова полкъ не уступалъ ни въ чемъ прочимъ войскамъ моей партіи. Въ немъ оказались казаки весьма отважные и благонадежные. Лучшій офицеръ сего полка, или, лучше сказать, одинъ изъ отличнѣйшихъ офицеровъ всего донского войска, былъ сотникъ Бирюковъ, за нимъ слѣдовали хорунжіе Александровъ и Персіановъ. Плѣнные (число ихъ простиралось до 496 рядовыхъ, одинъ штабъ и четыре оберъ-офицеровъ) были немедленно отправлены въ Юхновъ, также и 41 фура, отбитыя Чеченскимъ. Лошади, взятыя изъ-подъ конвойныхъ, были частью раздѣлены между спѣшенными и худоконными казаками, а частью розданы жителямъ. Въ тотъ же день отправленъ былъ отъ меня курьеръ въ главную квартиру. Я описалъ дежурному генералу сей послѣдній поискъ и просилъ награжденія какъ отличившимся въ дѣйствіи, такъ и юхновскому дворянскому предводителю Храповицкому, попеченіями котораго партія моя не терпѣла ни одного дня и ни въ чемъ нужды: благодаря его распоряженіямъ, раненые получали покой и облегченіе.

А. Н. Сеславинъ.

Предъ отъѣздомъ своимъ вошелъ ко мнѣ поручикъ Тилингъ. Онъ говорилъ мнѣ, что казаки взяли у него часы и деньги, но

что онъ, зная право войны, на это не въ претензіи, а проситъ лишь возвращенія кольца, принадлежавшаго любимой имъ женщинѣ. Увы! будучи самъ склоненъ ко всему романическому, сердце мое поняло его сердце, и я обѣщалъ постараться удовлетворить его желаніе. Сердце мое можетъ включить въ каждую кампанію свой собственный журналъ, независимый отъ военныхъ происшествій. Любовь и война такъ раздѣлили между собою все прошедшее мною поприще; донынѣ я ничѣмъ не повѣряю хронологію моей жизни, какъ соображая эпохи службы съ эпохами любовныхъ ощущеній, стоящими, подобно геодезическимъ вѣхамъ, на пустынной моей молодости. Въ то время я пылалъ страстью къ невѣрной, которую полагалъ вѣрною. Чувства моего узника отозвались въ душѣ моей, и легко можно вообразить взрывъ моей радости при встрѣчѣ съ человѣкомъ, служащимъ одному божеству и у одного же алтаря. Когда возвратился разъѣздъ, въ которомъ были казаки, взявшіе его въ плѣнъ, я былъ столько счастливъ, что отыскалъ не только кольцо, но и портретъ, волосы и письма, ему принадлежавшіе, и немедленно отослалъ ихъ къ нему при сей запискѣ: «Recevez, monsieur, les effets, qui vous sont si chers; puissent-ils, en vous rappellant l'objet aimé, vous prouver, que le courage et le malheur sont respectés en Russie, comme partout ailleurs. Denis Davidoff, partisan [1])».

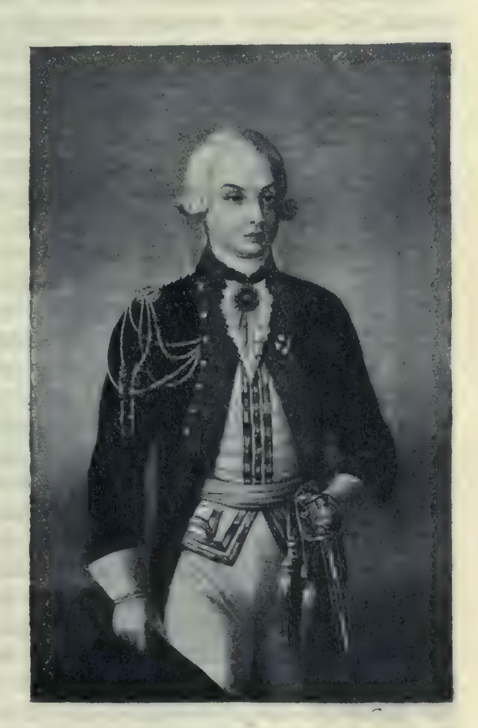
Этотъ Тилингъ жилъ до 1814 года въ Орлѣ, гдѣ всегда съ благодарностью, но еще съ большимъ удивленіемъ разсказывалъ о семъ приключеніи, какъ разсказываютъ о великодушіи нѣкоторыхъ атамановъ-разбойниковъ. Впослѣдствіи я узналъ, что, утомившись мѣнять съ каждою кампаніею предметы любви, онъ, подобно мнѣ, при заключеніи общаго мира, заключилъ союзъ съ навсегда имъ любимою женщиною; онъ промѣнялъ такимъ образомъ кочующую гусарскую жизнь на уединеніе философа, фантасмагорію—на дѣйствительность.

5 числа партія пошла въ Андреяны; здѣсь я узналъ, что непріятельскій отрядъ раздѣлился надвое. Одна часть находилась въ Крутомъ, а другая—въ Лосминѣ, что возлѣ Вязьмы. Мы немедленно выступили въ Крутое. Отрядъ во сто человѣкъ, съ хорунжимъ Бирюковымъ, былъ отправленъ къ селу Бѣлыщину. Ему было велѣно скрытно остановиться у этого села и посылать разъѣзды вправо и влѣво. Вся же партія поспѣшно двинулась къ Крутому, слѣдуя влѣво, чтобы сохранить сообщеніе съ Бирюковымъ и, въ случаѣ удачи, отбросить непріятеля въ сторону, противную той, гдѣ находилась другая его часть. Не зная положительно разстоянія отъ Андреянъ до Крутого, мы вмѣсто того, чтобы прибыть часа за два до вечера, прибыли туда лишь весьма поздно. Надо было рѣшиться: либо отложить нападеніе до утра, либо предпринять ночную атаку, всегда невѣрную, а часто и гибельную для атакующаго: всякое войско сильно взаимнымъ содѣйствіемъ частей, составляющихъ цѣлое, а какъ содѣйствовать тому, чего не видишь? Къ тому же, мало такихъ людей, которые исполняли бы свой долгъ, не обращая вниманія на то, что на нихъ не глядятъ. Бо́льшая часть воиновъ вяло воюетъ безъ

---

[1]) Примите, государь мой, вещи, столь для васъ драгоцѣнныя. Пусть онѣ, напоминая о миломъ предметѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ докажутъ вамъ, что храбрость и злополучіе такъ же уважаемы въ Россіи, какъ и въ другихъ земляхъ. Денисъ Давыдовъ, партизанъ.

зрителей. Хотя я и зналъ эту истину, но зналъ также и неудобства отлагать атаку до утра: ржаніе лошади, лай собаки и крикъ гуся-спасителя Капитолія могутъ повредить успѣху предпріятія. Но мы, съ надеждой на Бога, полетѣли въ бой. Мелкій осенній дождь моросилъ съ самаго утра и умножилъ мракъ ночи. Мы ударили. При резервномъ полку оставалась пѣхота. Передовая непріятельская стража спокойно спала подъ шалашами. Храповицкій и Чеченскій, вскакавъ въ село, спѣшили нѣсколько казаковъ и съ крикомъ «ура!» открыли огонь по окопамъ. Подкрѣпивъ ихъ сотней человѣкъ изъ пѣхоты и взявъ двѣ сотни казаковъ изъ резерва, я бросился съ ними чрезъ рѣчку Уду, чтобы не допустить непріятеля пробраться окружною дорогою въ Вязьму. Мракъ ночи былъ причиною того, что проводникъ мой сбился съ пути и привелъ меня не на то мѣсто, гдѣ обыкновенно переѣзжаютъ рѣчку. Это принудило насъ спуститься съ довольно значительной крутизны и кое-какъ перебираться на ту сторону. Не зная и не видя мѣстоположенія, я рѣшился, подвигаясь медленно, стрѣлять какъ можно чаще, оглашая воздухъ криками «ура!» Къ счастію, непріятель не пошелъ въ эту сторону, но, обратясь къ Кикину, онъ побѣжалъ въ разстройствѣ по дорогѣ, которая слѣдовала отъ Юхнова къ Гжати. Мы преслѣдовали его со всею партіею версты четыре. Тутъ я отрядилъ сотню казаковъ вслѣдъ за бѣгущими и велѣлъ преслѣдовать ихъ какъ можно далѣе, забирая влѣво, дабы быть ближе къ партіи и потомъ придерживаться дороги между Вязьмою и Царевымъ-Займищемъ, куда я намѣревался прибыть послѣ поиска на Лосмино. Въ этомъ дѣлѣ мы взяли въ плѣнъ одного ротмистра, одного офицера и 376 рядовыхъ, а такъ какъ по случаю ночной атаки я велѣлъ брать по возможности менѣе плѣнныхъ, то число убитыхъ равнялось числу плѣнныхъ. Перевязавъ послѣднихъ и отославъ ихъ, по обыкновенію, въ Юхновъ, я далъ отдохнуть лошадямъ и, отправивъ пѣхоту въ Ермаки, выступилъ къ Лосмину. Направленіе мое было на Бѣлыщино, дабы, во-первыхъ, соединясь съ Бирюковымъ, замѣнить отрядомъ его сотню казаковъ, посланныхъ преслѣдовать непріятеля, во-вторыхъ, получить отъ него свѣдѣніе о непріятелѣ, находившемся въ Лосминѣ, и, въ-третьихъ, обратясь къ Деревещину и Красному Холму, притти со стороны Вязьмы въ тылъ непріятеля и пасть на него, какъ снѣгъ на голову. Предположеніе мое было бы во всей точности приведено

Н. Н. Раевскій.

въ исполненіе, еслибъ непріятельскіе фуражиры, находившіеся въ селѣ Сергенковѣ, не примѣтили моей партіи и не бросились бы въ Лосмино, для увѣдомленія своего начальника о моемъ движеніи. Доброконные наѣздники мои погнались за этой сволочью, но, такъ какъ мы были 24 часа въ походѣ, изъ коихъ сражались въ продолженіе двухъ часовъ, лошади наши весьма ослабѣли; это дозволило нѣсколькимъ фуражирамъ уйти и встревожить отрядъ, обреченный на гибель. Между тѣмъ мы подвигались рысью къ дорогѣ, идущей изъ Вязьмы въ Лосмино. Разсвѣло; дождь не переставалъ идти, и дорога сдѣлалась весьма скользкою. Непріятель имѣлъ неосторожность забыть о ковкѣ лошадей своего отряда, котораго половина была не подкована. Однако, по приходѣ моемъ къ Лосмину, онъ меня встрѣтилъ твердою ногою. Дѣло завязалось. Въ передовыхъ войскахъ произошло нѣсколько схватокъ, но ничего рѣшительнаго. Вся партія построилась въ боевой порядокъ и пустилась на непріятеля, построеннаго въ три линіи, одна позади другой. Первая линія, послѣ перваго удара, была опрокинута на вторую, а вторая—на третью. Все обратилось въ бѣгство. Надо было быть свидѣтелемъ этого происшествія, чтобы повѣрить замѣшательству, обнаружившемуся въ рядахъ французовъ. Сверхъ того, лошади, не бывъ подкованы, валялись, какъ будто подбитыя картечью; люди же, не обороняясь, бѣжали пѣшкомъ въ разныя стороны. Два эскадрона, оправившись, двинулись было впередъ, чтобы удержать наше стремленіе, но, замѣтивъ моихъ гусаръ, составлявшихъ голову резерва, обратились немедленно назадъ. Преслѣдованіе продолжалось до полудня; кололи, рубили, стрѣляли и брали въ плѣнъ офицеровъ, солдатъ и лошадей; словомъ, побѣда была совершенная, и я былъ внѣ себя отъ радости. Плѣнныхъ было: 403 рядовыхъ и два офицера. Полковникъ этого отряда, какъ увѣряли меня, палъ на полѣ битвы, а съ нимъ легло до 150 рядовыхъ; прочіе разсыпались по полямъ и лѣсамъ или достались въ добычу обывателямъ. Въ обоихъ этихъ дѣлахъ съ нашей стороны убито четыре казака, ранено пятнадцать и два гусара. Лошадей убито и ранено до 50.

Нужно ли говорить, съ какимъ нетерпѣніемъ я спѣшилъ донести фельдмаршалу объ этомъ лучшемъ изъ поисковъ моихъ! Немедленно полетѣлъ курьеръ съ теплымъ еще отъ огня битвы донесеніемъ, и я остался въ полной увѣренности, что этотъ двойной успѣхъ будетъ одобренъ самыми строгими знатоками военнаго искусства. Между тѣмъ новые замыслы, новыя тревоги, новыя битвы заглушили прошедшее. Не освѣдомляясь въ главной квартирѣ о дѣлѣ моемъ, я полагалъ, что ему нельзя было затеряться и что молчаніе штаба есть лишь слѣдствіе его недосуга; мнѣ же не отвѣчали потому, что я не дѣлалъ запросовъ, и такое взаимное молчаніе продолжалось до перемирія 1813 года. Тогда только все объяснилось: я узналъ, что курьеръ мой былъ захваченъ мародерами на пути къ Юхнову и погибъ вмѣстѣ съ донесеніемъ. Благодаря этой неудачѣ, это осталось извѣстнымъ только моей партіи, непріятельскому губернатору Вязьмы и оставшимся послѣ пораженія войскамъ французскимъ. Я увѣренъ, что это скрыли и отъ самого Наполеона, изъ опасенія его гнѣва за своевольное употребленіе войскъ, предназначенныхъ для другого предмета. Такова бываетъ иногда участь отдѣльныхъ начальниковъ, тогда какъ у линейнаго каждое лыко становится

въ строку. Впослѣдствіи нѣсколько дѣлъ, подобныхъ этому, осталось въ неизвѣстности по совершенно другимъ причинамъ.

Въ этотъ день и слѣдующіе два дня разъѣзды мои не отходили отъ столбовой дороги между Вязьмою и Ѳедоровскимъ, гдѣ удалось имъ перехватить трехъ курьеровъ. На 8 число партія подошла къ послѣднему селенію, гдѣ соединилась съ сотнею, посланною въ погоню изъ Крутого.

Въ это время французская армія, пробудясь отъ своего продолжительнаго усыпленія въ Москвѣ, двинулась на Ѳоминское. Намѣреніе Наполеона состояло въ томъ, чтобы, обойдя лѣвый флангъ нашей арміи, находившейся при Тарутинѣ, предупредить ее въ занятіи Боровска и Малоярославца и, достигнувъ прежде ее Калуги, открыть сообщеніе съ городомъ Смоленскомъ чрезъ Мещовскъ и Ельню. Вслѣдствіе этого, прибывъ въ Ѳоминское 11 числа, онъ велѣлъ корпусу Жюно, занимавшему Можайскъ, отступить въ Вязьму, отряду генерала Эверса — выступить изъ Вязьмы чрезъ Знаменское и Юхновъ, а маршалу Виктору — съ дивизіями Жирарда и легкою кавалерійскою идти усиленными маршами изъ Смоленска туда же. Стоитъ взглянуть на карту, чтобы увидѣть, въ какомъ положеніи я вскорѣ долженъ былъ находиться.

Между тѣмъ генералъ Дороховъ, занимая отрядомъ своимъ Котово, находящееся близъ дороги, идущей отъ Москвы къ Боровску, намѣревался атаковать вице-короля Итальянскаго, прибывшаго 4 числа въ Ѳоминское; онъ требовалъ на то подкрѣпленія, не зная, что за этимъ корпусомъ слѣдовала вся французская армія.

Князь Кутузовъ, получивъ извѣстіе чрезъ Дорохова о приближеніи сильной непріятельской колонны, отправилъ изъ Тарутина къ Ѳоминскому корпусъ Дохтурова съ начальникомъ главнаго штаба 1-й арміи Ермоловымъ. Передъ выступленіемъ своимъ Ермоловъ приказалъ Фигнеру и Сеславину слѣдовать по направленію къ Ѳоминскому съ тѣмъ, чтобы собрать свѣдѣнія о непріятелѣ. Фигнеру не удалось перейти Лужу, тщательно охраняемую непріятельскими пикетами. Сеславинъ успѣлъ перейти рѣчку и приблизиться къ боровской дорогѣ; здѣсь, оставивъ назади свою партію, онъ пѣшкомъ пробрался до боровской дороги сквозь лѣсъ, на которомъ еще было немного листьевъ. Достигнувъ дороги, онъ увидалъ глубокія непріятельскія колонны, слѣдовавшія одна за другою къ Боровску; онъ замѣтилъ самого Наполеона, окруженнаго своими маршалами и гвардіей. Неутомимый и безстрашный Сеславинъ, выхвативъ изъ колонны старой гвардіи унтеръ-офицера, связалъ его, перекинулъ чрезъ сѣдло и быстро направился къ корпусу Дохтурова. Между тѣмъ Дохтуровъ съ Ермоловымъ, не подозрѣвая выступленія Наполеона изъ Москвы, слѣдовали на Аристово и Ѳоминское. Продолжительный осенній дождь совершенно испортилъ дорогу; большое количество батарейной артиллеріи, слѣдовавшей съ корпусомъ, замедляло его движеніе. Ермоловъ предложилъ Дохтурову оставить здѣсь эту артиллерію, не доходя верстъ пятнадцати до Аристова; отсюда, находясь въ близкомъ разстояніи отъ Тарутина и Малоярославца, она могла быстро поспѣть къ пункту, гдѣ въ ея дѣйствіи могла встрѣтиться надобность, а между тѣмъ утомленныя лошади успѣли бы отдохнуть. Дохтуровъ не замедлилъ изъявить свое на то согласіе, и корпусъ

его къ вечеру прибылъ въ Аристово; самъ Дохтуровъ расположился на ночлегъ въ деревнѣ, а Ермоловъ съ прочими генералами остался на бивакахъ. Уже наступила полночь, и чрезъ нѣсколько часовъ весь отрядъ, исполняя предписаніе Кутузова, долженъ былъ выступить къ Ѳоминскому. Вдругъ послышался конскій топотъ и раздались слова Сеславина: «Гдѣ Алексѣй Петровичъ?» Явившись къ Ермолову, Сеславинъ, въ сопровожденіи своего плѣнника, разсказалъ все имъ видѣнное; плѣнный подтвердилъ, что Наполеонъ, выступивъ со всею арміею изъ Москвы, долженъ находиться въ довольно близкомъ разстояніи отъ нашего отряда. Это извѣстіе было столь важно, что Ермоловъ, приказавъ тотчасъ отряду подыматься и становиться въ ружье, лично отправился на квартиру Дохтурова. Этотъ безстрашный, но далеко непроницательный генералъ, извѣстясь обо всемъ этомъ, пришелъ въ крайнее замѣшательство. Онъ не рѣшался продолжать движенія къ Ѳоминскому, изъ опасенія наткнуться на всю непріятельскую армію, и вмѣстѣ съ тѣмъ боялся отступленіемъ изъ Аристова навлечь на себя гнѣвъ Кутузова за неисполненіе его предписанія. Въ этотъ рѣшительный моментъ Ермоловъ, какъ и во многихъ другихъ важныхъ случаяхъ, является ангеломъ-хранителемъ русскихъ войскъ. Орлиный взглядъ его превосходно оцѣнилъ всѣ обстоятельства, и онъ, именемъ главнокомандующаго и въ качествѣ начальника главнаго штаба арміи, приказалъ Дохтурову спѣшить къ Малоярославцу. Принявъ на себя всю отвѣтственность за неисполненіе предписаній Кутузова, онъ послалъ къ нему дежурнаго штабъ-офицера корпуса Болховскаго [1]), которому было поручено лично объяснить фельдмаршалу причины, побудившія измѣнить направленіе войскъ, и убѣдительно просить его поспѣшить прибытіемъ съ арміей къ Малоярославцу. Ермоловъ совѣтовалъ Дохтурову захватить съ собою, во время движенія своего на Малоярославецъ, всю оставленную батарейную артиллерію; самъ Ермоловъ съ 1-мъ кавалерійскимъ корпусомъ барона Меллера-Закомельскаго и съ конною ротой полковника Никитина, желая лично удостовѣриться въ справедливости показаній Сеславина, двинулся по направленію къ селу Котову, гдѣ былъ расположенъ отрядъ генерала Дорохова. Услыхавъ перестрѣлку, которую Дороховъ завязалъ съ непріятельскими пикетами, Ермоловъ послалъ ему сказать, чтобы онъ тотчасъ ее прекратилъ. На это Дороховъ отвѣчалъ: «Еслибы Алексѣй Петровичъ находился самъ здѣсь, онъ бы поступилъ точно такъ же, какъ и я». Опрокинувъ непріятельскіе пикеты, Дороховъ наткнулся на сильные резервы; Ермоловъ, увидавъ это и боясь быть разбитымъ сильнымъ непріятелемъ, придвинулъ конную роту Никитина. Подтвердивъ свое приказаніе Дорохову, онъ, слѣдуя черезъ небольшой лѣсъ, достигъ обширной поляны, которая простирается отъ Боровска до самаго Малоярославца. Здѣсь онъ увидѣлъ обширный лагерь итальянской арміи и узналъ отъ плѣнныхъ, что Наполеонъ долженъ былъ обѣдать въ тотъ день въ Боровскѣ. Рѣшившись быстро спѣшить къ Малоярославцу, Ермоловъ приказалъ одному отважному офицеру Сысоева казачьяго полка, слѣдуя по прямому пути къ Малоярославцу, хотя бы въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ съ непріятелемъ, достигнуть города, собрать

---

[1]) Онъ умеръ сенаторомъ.

всѣ возможныя свѣдѣнія какъ о немъ, такъ и о непріятелѣ; ему было приказано, по исполненіи порученія, отыскать начальника главнаго штаба по направленію къ Малоярославцу. Этотъ смѣлый офицеръ донесъ вскорѣ Ермолову, что передъ городомъ находились уже три баталіона итальянцевъ, которые были задерживаемы жителями, успѣвшими разобрать мостъ; власти городскія выѣхали весьма недавно изъ города, куда пріѣзжалъ атаманъ Платовъ, который, по отъѣздѣ своемъ оттуда, оставилъ тамъ казаковъ. Ермоловъ прибылъ на разсвѣтѣ къ Малоярославцу, передъ которымъ уже находилась вся армія вице-короля; Дохтуровъ, расположившись лагеремъ позади города, поручилъ защиту его Ермолову, котораго подкрѣпилъ своею пѣхотою. Войска наши были два раза выбиты изъ города, хотя рота храбраго полковника Никитина, дѣйствіями которой руководилъ сидѣвшій на колокольнѣ адъютантъ Ермолова Поздѣевъ, жестоко поражала непріятеля. Между тѣмъ фельдмаршалъ, прійдя съ арміею въ село Спасское, не въ далекомъ разстояніи отъ Малоярославца, приказалъ войскамъ отдохнуть. Ермоловъ отправилъ въ Спасское генералъ-адъютанта гр. Орлова-Денисова съ убѣдительнѣйшею просьбой спѣшить къ городу; не получивъ никакого отвѣта, онъ отправилъ туда одного германскаго принца, находившагося въ то время при нашихъ войскахъ, съ настоятельнѣйшею просьбой о скорѣйшемъ прибытіи арміи. Фельдмаршалъ, недовольный этою настойчивостью, плюнулъ. Тогда корпусъ Раевскаго выступилъ къ Малоярославцу, и за нимъ тронулась вся армія. Самъ Раевскій, въ качествѣ зрителя, уже давно находился близъ Малоярославца, гдѣ наблюдалъ за ходомъ сраженія. Выбитый въ послѣдній разъ изъ города превосходнымъ непріятелемъ, Ермоловъ расположилъ противъ главныхъ его воротъ сорокъ батарейныхъ орудій; онъ намѣревался, за неимѣніемъ войска, встрѣтивъ непріятеля жестокою канонадой, начать отступленіе, но прибытіе арміи измѣнило весь ходъ дѣла. Неустрашимый Коновницынъ выбилъ непріятеля изъ города. Князь Кутузовъ, пріобрѣтшій большую опытность въ войнѣ съ турками, прибѣгнулъ къ весьма странному средству для удержанія непріятеля, еслибы онъ рѣшился продолжать наступленіе. Онъ приказалъ приступить къ возведенію нѣсколькихъ редутовъ въ разстояніи выстрѣла отъ города; но, послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ непріятеля изъ города, 1500 человѣкъ рабочихъ, бросивъ здѣсь весь свой инстру-

П. И. Багратіонъ.

ментъ, разсѣялись. Городъ былъ, однако, оставленъ нашими и занятъ непріятельскими войсками. Послѣ битвы князь Кутузовъ имѣлъ весьма любопытный разговоръ съ Ермоловымъ, который я здѣсь лишь вкратцѣ могу передать. Князь: «Голубчикъ, вѣдь надо идти?» Ермоловъ: «Конечно, но только на Медынь». Князь: «Какъ можно двигаться въ виду непріятельской арміи?» Ермоловъ: «Опасности нѣтъ никакой: атаманъ Платовъ захватилъ на той сторонѣ рѣчки нѣсколько орудій, не встрѣтивъ большого сопротивленія. Послѣ этой битвы, доказавшей, что мы готовы отразить всѣ покушенія непріятеля, намъ его нечего бояться». Когда князь объявилъ о намѣреніи своемъ отступить къ Полотнянымъ заводамъ, Ермоловъ убѣждалъ его оставаться у Малоярославца, по крайней мѣрѣ, на нѣсколько часовъ, въ продолженіе которыхъ должны были обнаружиться намѣренія непріятеля [1]). Но князь остался непреклоннымъ и отступилъ. Еслибъ Наполеонъ, дойдя до Боровска, поспѣшилъ бы направить всю армію къ Малоярославцу, онъ неминуемо и весьма легко овладѣлъ бы этимъ городомъ; предупредивъ здѣсь нашу армію, онъ, безъ сомнѣнія, не встрѣчая большихъ затрудненій, дошелъ бы до Юхнова, откуда безостановочно продолжалъ бы свое обратное шествіе по краю изобильному и неразоренному. Ермолову выпалъ завидный жребій оказать своему отечеству величайшую услугу; къ несчастію, этотъ высокій подвигъ, искаженный историками, почти вовсе неизвѣстенъ. Въ это самое время партизанъ князь Кудашевъ, находившійся между Лопаснею и Вороновымъ, сталъ преслѣдовать непріятельскій авангардъ, заслонявшій движеніе главной его арміи и двинувшійся уже отъ береговъ Мочи для присоединенія къ его хвосту.

Всякій военный человѣкъ, знающій свое дѣло, ясно увидитъ, что непріятельская армія, окруженная, такъ сказать, отрядами Дорохова, Сеславина, Фигнера и князя Кудашева, не могла сдѣлать шагу скрытнымъ образомъ, хотя бы спасеніе ея и зависѣло отъ быстраго и никѣмъ незамѣченнаго движенія мимо лѣваго фланга нашей арміи и внезапнаго появленія ея въ Малоярославцѣ. Чрезъ это Наполеонъ, выпутавшись бы изъ сѣтей, разставленныхъ ему фельдмаршаломъ при Тарутинѣ, открылъ бы себѣ безпрепятственный путь къ Днѣпру, въ богатый и неистощенный еще край; онъ могъ бы, соединясь съ Викторомъ, Жюно и Эверсомъ, возобновить наступательное дѣйствіе безъ малѣйшей опасности, имѣя свои фланги и тылъ обезпеченными. Если перейдемъ отъ слѣдствія къ причинѣ, то удостовѣримся, что извѣщеніемъ Сеславина рѣшилась участь Россіи, но для сего нуженъ былъ проницательный и энергическій Ермоловъ, принявшій на себя отвѣтственность за своевольное измѣненіе въ направленіи корпуса Дохтурова, прозорливый главнокомандующій, оцѣнившій представленіе начальника штаба 1-й арміи и прибывшій съ войсками къ Малоярославцу.

Ничего не зная о происшествіяхъ въ окрестностяхъ Боровска и Малоярославца, мы 9, вечеромъ, перехватя еще одного курьера недалеко отъ Ѳедоровскаго, отошли въ Спасское. Подойдя къ этому селу, разъѣздные привели нѣсколько непріятельскихъ солдатъ, грабившихъ въ окружныхъ селеніяхъ. Такъ какъ число

---

[1]) Весь этотъ разговоръ былъ тотчасъ доведенъ до свѣдѣнія государя находившимся въ то время при нашей арміи барономъ Анштетомъ.

ихъ было невелико, то я велѣлъ сдать ихъ старостѣ села Спасскаго для отведенія въ Юхновъ. Въ это время, какъ проводили ихъ мимо меня, въ одномъ изъ плѣнныхъ мы замѣтили черты лица русскаго, но не француза. Мы остановили его и спросили, какой онъ націи. Павъ на колѣни, онъ признался, что онъ бывшій гренадеръ Фанагорійскаго гренадерскаго полка, и что уже три года служитъ унтеръ-офицеромъ во французской арміи. Мы всѣ съ ужасомъ возразили ему: «Ты русскій и проливаешь кровь своихъ братій!»—«Виноватъ!—было отвѣтомъ его.—Умилосердитесь, помилуйте!» Я послалъ нѣсколько гусаръ собрать всѣхъ жителей, старыхъ и молодыхъ, бабъ и дѣтей, изъ окружающихъ деревень къ Спасскому. Когда всѣ собрались, я разсказалъ какъ всей партіи моей, такъ и крестьянамъ о поступкѣ сего измѣнника, потомъ спросилъ ихъ, находятъ ли они его виновнымъ. Всѣ единогласно сказали, что онъ виноватъ. Тогда я спросилъ ихъ, какое наказаніе они опредѣляютъ ему. Нѣсколько человѣкъ сказали—засѣчь до смерти, человѣкъ десять — повѣсить, а большая часть — разстрѣлять. Я велѣлъ выдвинуть солдатъ съ ружьями и завязать глаза преступнику. Онъ успѣлъ сказать: «Господи, прости мое согрѣшеніе!» Гусары выстрѣлили, и злодѣй палъ мертвымъ.

Партизанъ Фигнеръ.

Спустя нѣсколько часовъ послѣ казни преступника, крестьяне окружныхъ селъ привели ко мнѣ шесть французовъ бродягъ. Это меня удивило, ибо до того времени они не приводили ко мнѣ ни одного плѣнника, раздѣлываясь съ ними по-свойски и сами собою. Несчастные эти, скрученные веревками и завлеченные въ ровъ, не избѣгли бы такого же рода смерти, какъ и предшественники ихъ, еслибы топотъ лошадей и многолюдный разговоръ на русскомъ языкѣ не извѣстили крестьянъ о прибытіи моей партіи. Убѣдившись въ безполезности убійства, они рѣшились представить мнѣ узниковъ своихъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что я велѣлъ включить ихъ въ число плѣнныхъ, находившихся при моей партіи, и отослать всѣхъ въ Юхновъ, откуда они были отправлены въ дальнія губерніи и, вѣроятно, погибли на пути или на мѣстѣ съ тысячами своихъ товарищей, которые сдѣлались жертвою равнодушія къ страждущему человѣчеству. Но сколь чудно Провидѣніе въ опредѣленіяхъ Своихъ! Между ними находился барабанщикъ молодой гвардіи, именемъ Викентій Бодъ (Vincent Bode), пятнадцатилѣтній мальчикъ, оторванный

отъ родительскаго дома и, какъ ранній цвѣтъ, перенесенный за три тысячи верстъ подъ русское лезвее и на русскіе морозы. При видѣ сего интереснаго юноши сердце мое облилось кровью; я вспомнилъ и домъ родительскій, и отца моего, когда онъ меня записывалъ въ военную службу. Какъ предать несчастнаго случайностямъ голоднаго, холоднаго и безпріютнаго странствованія, имѣя всѣ средства къ его спасенію? Оставивъ его при себѣ, я велѣлъ надѣть на него чекмень и фуражку, чтобы избавить его отъ непредвидимаго удара штыкомъ или дротикомъ, и довезъ его такимъ образомъ чрезъ горы и долы, изъ края въ край, до самаго Парижа здоровымъ, веселымъ и почти возмужалымъ, гдѣ передалъ его изъ рукъ въ руки престарѣлому отцу его. Что же вышло? Спустя два дня послѣ этого являются ко мнѣ отецъ съ сыномъ съ просьбою объ аттестатѣ. «Съ радостью,—отвѣчалъ я имъ.—Вотъ тебѣ, Викентій, аттестатъ въ добромъ твоемъ поведеніи».—«Нѣтъ,—сказалъ отецъ,—вы мнѣ спасли сына, довершите же ваше благодѣяніе, выдайте ему аттестатъ въ томъ, что онъ находился при васъ и поражалъ непріятеля».—«Да непріятели были ваши соотечественники!»—«Нужды нѣтъ», возразилъ старикъ. «Какъ нужды нѣтъ? Ты чрезъ то погубишь сына, его разстрѣляютъ, и дѣльно».—«Нынче другія времена, — отвѣчалъ онъ,—по этому аттестату онъ загладитъ невольное служеніе свое хищнику престола и получитъ награжденіе за бой противъ людей, служившихъ незаконному монарху».—«Если это такъ, господинъ Бодъ, жалка мнѣ ваша Франція! Вотъ тебѣ аттестатъ, какого ты требуешь». И подлинно, я въ ономъ налгалъ. Старикъ былъ правъ: черезъ недѣлю онъ снова пришелъ ко мнѣ съ сыномъ благодарить за новое мое благодѣяніе: Викентій имѣлъ уже въ петлицѣ орденъ Лиліи.

10 и 11 мы продолжали ходить по правой сторонѣ Вязьмы, между Ѳедоровскимъ и Теплухой; подъ вечеръ разъѣздные дали знать, что открыли большой транспортъ съ прикрытіемъ, идущій отъ Гжати. Мы немедленно двинулись къ нему навстрѣчу по обѣимъ сторонамъ дороги и, вскакавъ на пригорокъ, увидѣли весь этотъ караванъ, на который тотчасъ ударили. Наши ворвались въ средину обоза, и въ короткое время 70 фуръ, 225 рядовыхъ и шесть офицеровъ попались къ намъ въ руки; въ дополненіе къ этому мы отбили 66 человѣкъ нашихъ плѣнныхъ и двухъ раненыхъ кирасирскихъ офицеровъ: Соковнина и Шатилина. Эти послѣдніе сидѣли въ закрытой фурѣ, и, услыхавъ выстрѣлы вокругъ себя, приподняли крышу и дали знать казакамъ, что они русскіе офицеры. Кто не выручалъ своихъ плѣнныхъ изъ-подъ ига непріятельскаго, тотъ не видалъ и не ощущалъ истинной радости!

12 партія отошла въ Дубраву. Едва мы расположились на ночлегъ, какъ увидѣли приближающихся къ намъ коляску и телѣгу; это былъ юхновскій дворянскій предводитель Храповицкій и обратный курьеръ мой изъ главной квартиры. Привезено было много пакетовъ, изъ которыхъ на одномъ была печать свѣтлѣйшаго. Хотя всѣ бумаги были отъ 10-го, но въ нихъ не было даже и намека о томъ, что французская армія выступила изъ Москвы уже 7 числа. При этихъ пакетахъ было много писемъ отъ старыхъ и новыхъ пріятелей и друзей, которые осыпали меня похвалами, такъ что я едва не могъ возмечтать быть вторымъ Суворовымъ. Но это продолжалось весьма недолго; дви-

женіе генерала Эверса, посланнаго изъ Вязьмы къ Юхнову, и непростительная моя оплошность пробудили меня отъ этого усыпленія. Вотъ какъ это было: 13-го мы, пришедъ въ Кикино, раздавали награжденія, привезенныя курьеромъ, и слишкомъ рано вздумали отдыхать на недозрѣлыхъ еще лаврахъ. Пикеты слѣдовали примѣру партіи, а разъѣзды доѣзжали лишь до бочки вина, выставленной на срединѣ деревни.

14-го, отправивъ обратно въ Юхновъ дворянскаго предводителя, мы пришли въ село Лосьмино въ томъ же расположеніи духа и разума, какъ и наканунѣ; но едва успѣли мы сдѣлать привалъ, какъ вчетверо сильнѣйшій непріятель приблизился къ деревнѣ. Будь онъ отважнѣе, пораженіе наше было бы неизбѣжно; но вмѣсто того, чтобы авангарду его ударить съ крикомъ въ деревню, гдѣ всѣ мы были въ разбродѣ, непріятель, открывъ по насъ огонь изъ орудій, сталъ занимать позицію. Это подняло насъ всѣхъ на ноги, и мы спѣшили исправить послѣдствія нашего непростительнаго усыпленія. Хотя я видѣлъ двѣ густыя колонны, но, будучи увѣренъ, что въ подобныхъ обстоятельствахъ наглость полезнѣе нерѣшительности, называемой трусами благоразуміемъ, я пошелъ въ бой безъ оглядки. Когда же плѣнные, взятые передовыми наѣздниками, удостовѣрили насъ, что отрядъ сей не что иное, какъ сволочь всякаго рода [1]), тогда казаки мои, ободрившись, выказали слишкомъ большую отвагу, которая едва не причинила имъ болѣе вреда, нежели пользы. Авангардъ мой, ударивъ на авангардъ непріятеля, опрокинулъ его, но, бывъ, въ свою очередь, опрокинутъ бросившимися впередъ двумя непріятельскими эскадронами, онъ вмѣсто того, чтобы уходить вразсыпную на одинъ изъ фланговъ подвигавшейся впередъ моей партіи (какъ всегда у меня водилось), смѣшался съ непріятелемъ и наскакалъ въ разстройствѣ прямо на партію: еслибъ она не приняла круто вправо, то вся эта толпа вторглась бы въ средину ея и замѣшательство было бы полное. Къ счастію, непріятель, гнавшійся за авангардомъ, былъ принятъ одною частью нашей партіи во флангъ и, въ свою очередь, опрокинутъ. Тогда вся партія, ободрившись, въ надеждѣ на добычу, бросилась преслѣдовать непріятеля. Необходимо было все стараніе, вся дѣятельность моихъ товарищей: Храповицкаго, Чеченскаго, Бедряги, Бекетова, Макарова и казачьихъ офицеровъ, чтобы разомъ обуздать несвоевременный порывъ нашихъ. Видя, что непріятель не только не смѣшался послѣ отраженія своего авангарда, но, получивъ новое подкрѣпленіе со стороны Вязьмы, двинулся рѣшительно впередъ, я началъ отступать. Вслѣдствіе этого я приказалъ отступать вразсыпную, назначивъ сборнымъ мѣстомъ село Красное, за рѣкою Угрою, извѣстное всѣмъ казакамъ моимъ. По данному сигналу все разсыпалось и исчезло; одна сотня, оставленная съ хорунжимъ Александровымъ, для наблюденія за непріятелемъ, продолжала перестрѣливаться и отступать на Ермаки къ Знаменскому, дабы заманить непріятеля въ сторону, противоположную направленію моей партіи. На разсвѣтѣ всѣ уже были въ Красномъ, кромѣ сотни Александрова, которая, соединясь въ Ермакахъ съ моею пѣхотою, отступила съ нею вмѣстѣ въ Знаменское, занимаемое поголовнымъ ополченіемъ.

---

[1]) Отрядъ сей состоялъ изъ 4.000 человѣкъ, принадлежащихъ разнымъ полкамъ. Порученіе, данное командиру его, видно выше.

16-го, въ ночь, я получилъ извѣстіе отъ начальника сего ополченія капитана Бѣльскаго о томъ, что 16-го, поутру, непріятель, приблизившись къ этому селу, намѣревался занять его, но, увидя въ немъ много пѣхоты, открылъ по ней огонь изъ орудій и отступилъ въ Ермаки. Тогда только я узналъ отъ плѣнныхъ, приведенныхъ ко мнѣ со стороны селъ Козельска и Крутого, что непріятельская армія выступила изъ Москвы, но, по какому направленію и съ какимъ предположеніемъ, мнѣ оно было еще неизвѣстно.

17-го я выступилъ на Ермаки, съ намѣреніемъ продолжать свои поиски къ сторонѣ Вязьмы, но всегда находиться на дорогѣ къ Юхнову, откуда я получалъ всѣ извѣстія изъ арміи, что послѣ выступленія непріятеля изъ Москвы стало для меня совершенно необходимымъ. Я разсчитывалъ слѣдующимъ образомъ: если армія наша одержитъ верхъ надъ непріятелемъ, то онъ минуетъ то пространство земли, на коемъ я нынѣ находился; если же армія наша потерпитъ пораженіе, то она непремѣнно найдется вынужденною отступить къ Калугѣ, вслѣдствіе чего и я отойду къ Юхнову или къ Серпейску. Перейдя черезъ Угру, авангардъ мой далъ мнѣ знать, что, будучи атакованъ непріятелемъ подъ Ермаками, онъ поспѣшно отступаетъ и что сильный непріятель его преслѣдуетъ. Я послалъ къ нему на помощь одну сотню, всю же партію мою переправилъ обратно черезъ Угру. Едва успѣлъ я перебраться на лѣвый берегъ Угры, какъ увидѣлъ вдали дымъ выстрѣловъ и движеніе кавалеріи. Это была погоня за моимъ авангардомъ. Вскорѣ показались на горизонтѣ двѣ черныя непріятельскія колонны, слѣдовавшія весьма быстро. Авангардъ мой, прибывъ къ берегу, бросился вплавь и соединился съ партіей; непріятельскія же передовыя войска, остановясь на противоположной сторонѣ рѣки, открыли по насъ огонь изъ ружей и пистолетовъ; между тѣмъ прочія войска стали отыскивать бродъ выше мѣста, гдѣ находилась партія моя. Я изъ этого заключилъ, что непріятель не будетъ остановленъ рѣкой, а потому сталъ отступать на Ѳедотково. Я потому немедленно послалъ три разъѣзда, каждый изъ десяти казаковъ: одинъ на Кузнецово къ селу Козельску для открытія непріятеля съ лѣвой стороны, второй—въ Ѳедотково для открытія дороги, по коей партія должна была слѣдовать, и для приготовленія ей продовольствія, а третій—въ Знаменское съ приказаніемъ Бѣльскому поспѣшно отступать изъ этого села по юхновской дорогѣ, къ селу Слободкѣ. Желая воспользоваться временемъ, пока непріятель будетъ переправляться черезъ рѣку, я рысью двинулся въ трехъ колоннахъ и въ два коня, чтобы длинною колонной устрашить по возможности непріятеля. Сначала все шло удачно: перестрѣлка умолкла, и мы безпрепятственно продолжали слѣдовать по избранному направленію, но едва успѣли мы сдѣлать семь верстъ, какъ возвратившіеся оба первые разъѣзда извѣстили меня, что другая конная непріятельская колонна идетъ на дорогу, по коей мы слѣдуемъ, и что самое Ѳедотково занято непріятелемъ. Въ самомъ дѣлѣ непріятель сталъ уже показываться съ лѣвой стороны, а прибывшій изъ Ѳедоткова конный крестьянинъ объявилъ мнѣ, что видѣлъ, какъ непріятель вступалъ въ это село, о чемъ онъ поспѣшилъ меня увѣдомить. Обстоятельства представлялись не въ розовомъ цвѣтѣ, долгое размышленіе было неумѣстно; я немедленно, поворотя вправо на

Борисенки и переправясь чрезъ Угру при Кобелевѣ, прибылъ въ Воскресенское, находящееся на границѣ Медынскаго уѣзда возлѣ дороги изъ Юхнова въ Гжать. На маршѣ моемъ одинъ урядникъ и два казака были посланы къ Бѣльскому съ повелѣніемъ, не останавливаясь уже въ Слободкѣ, отступать къ Климовскому заводу; сему посланному велѣно было также поспѣшно проѣхать въ Юхновъ для извѣщенія дворянскаго предводителя о томъ, что партія отступаетъ въ Воскресенское, и чтобы всѣ бумаги, которыя будутъ адресованы изъ главной квартиры на мое имя, были бы посылаемы прямо въ означенное село.

20-го, поутру, я получилъ увѣдомленіе отъ дежурнаго генерала объ отступленіи непріятеля изъ Малоярославца и о слѣдованіи его на Гжать и Смоленскъ. Этого надлежало ожидать: внезапное умноженіе непріятельскихъ отрядовъ и обозовъ между Вязьмою и Юхновымъ могло насъ достаточно удостовѣрить въ скоромъ отступленіи всей непріятельской арміи. Несмотря на это, я не могъ бы тронуться съ мѣста, еслибы свѣтлѣйшій не отрядилъ послѣ Малоярославскаго дѣла всю легкую свою конницу наперерѣзъ непріятельскимъ колоннамъ, идущимъ къ Вязьмѣ. Появленіе большого количества казаковъ съ атаманомъ Платовымъ и съ графомъ Орловымъ-Денисовымъ на пространствѣ, гдѣ я шесть недѣль дѣйствовалъ одинъ, и которое въ это время находилось уже во власти непріятеля, принудило его отступить частью къ Вязьмѣ, а частью къ Дорогобужу и дозволило мнѣ выйти изъ Воскресенскаго. Я лично, безъ сомнѣнія, много обязанъ этому спасительному движенію, но еслибы заблаговременно приняли во вниманіе неоднократныя представленія мои о присылкѣ мнѣ бо̀льшаго количества легкихъ войскъ тотчасъ послѣ занятія Тарутина, отряды непріятельскіе, оттѣснившіе меня почти до Юхнова, не смѣли бы показаться на этомъ пространствѣ, для насъ впослѣдствіи столь необходимомъ. Какъ бы то ни было, поздно было исправлять прошедшее, а слѣдовало пользоваться настоящимъ, и я немедленно послалъ приказаніе Бѣльскому спѣшить въ Знаменское, гдѣ соединился съ нимъ того же числа вечеромъ.

Ген. Кульневъ.

21-го я оставилъ поголовное ополченіе на мѣстѣ и, присоединивъ регулярную пѣхоту къ своей партіи, выступилъ въ два часа утра по бородинской дорогѣ въ село Никольское, гдѣ, сдѣ-

лавъ большой привалъ, продолжалъ слѣдовать далѣе. Вслѣдствіе этого движенія я попался между отрядами двухъ генералъ-адъютантовъ: графа Ожаровскаго и графа Орлова-Денисова; первый прислалъ ко мнѣ гвардіи ротмистра (что нынѣ генералъ-лейтенантъ) Палицына, дабы вывѣдать, нельзя ли меня прибрать къ своимъ рукамъ; послѣдній же еще отъ 19 числа прислалъ офицера отыскивать меня для объявленія, что если я не имѣю еще никакого повелѣнія отъ свѣтлѣйшаго отъ 20 октября, то чтобы немедленно поступилъ въ его команду. Будучи убѣжденъ, что званіе партизана не освобождаетъ никого отъ чинопослушанія, но съ этимъ вмѣстѣ допускаетъ нѣкотораго рода хитрости, я воспользовался разновременнымъ пріѣздомъ обоихъ присланныхъ и объявилъ первому о невозможности моей служить подъ командою графа Ожаровскаго вслѣдствіе полученія повелѣнія графа Орлова-Денисова, а второго увѣрилъ, что я поступилъ уже подъ начальство графа Ожаровскаго и, на основаніи даннаго имъ мнѣ повелѣнія, спѣшу къ смоленской дорогѣ. Между тѣмъ я не счелъ предосудительнымъ просить генерала Коновницына довести до свѣдѣнія свѣтлѣйшаго о непріятномъ положеніи, въ коемъ я нахожусь: «Имѣвъ счастіе,—писалъ я ему,—заслужить въ теченіе шестинедѣльнаго моего дѣйствія особенное вниманіе и благодарность его свѣтлости, я, при всемъ уваженіи моемъ къ графамъ Орлову-Денисову и Ожаровскому, счелъ бы за личное для себя оскорбленіе поступить подъ начальство того или другого, тѣмъ болѣе, что я самъ получилъ уже нѣкоторый навыкъ къ партизанской войнѣ; въ то же время были поручены команды людямъ, хотя во многихъ отношеніяхъ достойнымъ, но совершеннымъ новичкамъ въ этомъ родѣ дѣйствій». Я заключилъ письмо мое изложеніемъ выгодъ размноженія партій, а не сосредоточиванія ихъ, что при тогдашнихъ обстоятельствахъ далеко бы не принесло желаемой пользы; съ этимъ послалъ я урядника Крючкова съ пятью казаками въ главную квартиру, находившуюся по извѣстіямъ около Вязьмы. Я приказалъ ему искать меня къ 23 числу около села Гаврикова, чрезъ которое я намѣренъ былъ слѣдовать послѣ поиска моего къ селу Рыбкамъ. Того же числа, то-есть 21-го, около полуночи, мы прибыли за шесть верстъ отъ смоленской дороги и скрытно остановились въ лѣсу. За два часа передъ разсвѣтомъ мы двинулись на Ловитву. Не доходя этого села за три версты до большой дороги, намъ начали попадаться несмѣтное число обозовъ и много мародеровъ, которыхъ мы подбирали безъ малѣйшаго съ ихъ стороны сопротивленія. Когда же мы достигли села Рыбковъ, тогда увидѣли мы слѣдующее: фуры, телѣги, кареты, палубы, конные и пѣшіе солдаты, офицеры, денщики и всякая сволочь—все двигалось безпорядочными массами; еслибы партія моя была бы вдесятеро сильнѣе и у каждаго казака было бы по десяти рукъ, и тогда было бы невозможно захватить въ плѣнъ десятую часть того, что слѣдовало по большой дорогѣ. Предвидя это, я еще предъ выступленіемъ на поискъ предупредилъ казаковъ моихъ и дозволилъ имъ не брать болѣе въ плѣнъ, а, какъ говорится, катить головнею по всей дорогѣ. Скиѳы мои не требовали на это подтвердительнаго приказанія; зато надо было видѣть, какъ вся сія масса ужаснулась при появленіи этихъ немирныхъ путешественниковъ; надо было быть свидѣтелемъ этого страннаго сочетанія криковъ отчаянія съ возгласами

ободрительными, выстрѣловъ защищающихся съ трескомъ взлетавшихъ на воздухъ артиллерійскихъ палубовъ; все это покрывалось громогласнымъ «ура!» моихъ казаковъ. Это болѣе или менѣе продолжалось до времени появленія французской кавалеріи и за нею гвардіи; тогда, по данному мною сигналу, вся партія отхлынула отъ дороги и начала строиться. Между тѣмъ гвардія Наполеона, посрединѣ которой онъ самъ находился, стала подвигаться. Вскорѣ часть кавалеріи бросилась съ дороги впередъ и начала строиться, съ намѣреніемъ отогнать насъ далѣе. Я былъ совершенно убѣжденъ, что бой мнѣ далеко не по силѣ, но я горѣлъ желаніемъ погарцовать вокругъ Наполеона и съ честью отдать ему прощальный поклонъ за посѣщеніе его. Свиданіе наше было весьма недолговременно; умноженіе непріятельской кавалеріи, которая тогда была еще въ довольно изрядномъ положеніи, принудило меня вскорѣ оставить большую дорогу и отступить предъ громадами, валившими одна за другой. Однако во время этого перехода я успѣлъ взять съ бою въ плѣнъ 180 человѣкъ, при двухъ офицерахъ, и до самаго вечера конвоировалъ съ приличнымъ почетомъ Наполеона. Перейдя 23-го рѣчку Осму, я предпринялъ поискъ на Славково, гдѣ снова столкнулся съ старою гвардіею, часть которой была расположена на бивакахъ, а часть—въ окрестныхъ деревушкахъ. Внезапное и шумное появленіе наше причинило большую сумятицу въ войскахъ непріятельскихъ. Все бросилось къ ружью: непріятель встрѣтилъ насъ съ почетомъ: онъ открылъ по насъ пальбу изъ орудій. Перестрѣлка продолжалась до вечера безъ значительной съ нашей стороны потери. Вечеромъ прибыло нѣсколько эскадроновъ непріятельской кавалеріи, но съ рѣшительнымъ намѣреніемъ не сражаться, ибо, сдѣлавъ нѣсколько движеній вправо и влѣво, они выстроили фронтъ и, выславъ фланкеровъ, остановились, а мы, взявъ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ плѣнъ, отошли въ Гавриково. Поискъ сей доставилъ намъ 146 человѣкъ фуражировъ, трехъ офицеровъ и семь провіантскихъ фуръ съ разною рухлядью; успѣхъ не важный по количеству захваченной добычи, но это побудило Наполеона отказаться отъ намѣренія внезапно атаковать со всею арміею авангардъ нашъ; можно, по крайней мѣрѣ, такъ заключить, основываясь на циркулярѣ, посланномъ отъ Бертье ко всѣмъ корпуснымъ командирамъ. Поутру, 24 числа, я получилъ отъ генерала Коновницына разрѣшеніе дѣйствовать отдѣльно и повелѣніе поспѣшно слѣдовать къ Смоленску. Посланный мной увѣдомилъ меня о счастливомъ сраженіи при Вязьмѣ 22 числа и о движеніи вслѣдъ за мной партій Сеславина и Фигнера; въ то же самое время Платовъ двигался по пятамъ аріергарда непріятельскаго. Получивъ это повелѣніе, я не могъ уже брать съ собою храбрую пѣхоту мою, состоявшую еще изъ 177 рядовыхъ при двухъ унтеръ-офицерахъ; а потому, разставшись съ нею на дорогѣ отъ Гаврикова, отправилъ ее въ Рославль къ начальнику ополченія Калужской губерніи.

Теперь я коснусь одного случая, навлекающаго проклятіе на одного русскаго гражданина. Но долгъ мой говорить откровенно обо всемъ томъ, что я дѣлалъ, въ чемъ я кому-либо содѣйствовалъ, о тѣхъ, которые мнѣ безкорыстно помогали, и о всемъ, чему я былъ свидѣтелемъ. Пусть оцѣнятъ заслуги каждаго.

Около Дорогобужа явился ко мнѣ отставной Московскаго гренадерскаго полка подполковникъ Масленниковъ, въ оборванномъ мужичьемъ кафтанѣ и лаптяхъ. Будучи знакомъ съ самаго дѣтства съ Храповицкимъ, свиданіе ихъ было дружеское: вопросы, относящіеся къ современнымъ обстоятельствамъ, слѣдовали одинъ за другимъ. Онъ разсказывалъ о своемъ несчастіи: не успѣвъ выѣхать изъ своего села, онъ былъ захваченъ и ограбленъ непріятелемъ и только тѣмъ успѣлъ спасти послѣднее свое имущество, что досталъ себѣ отъ губернатора города Вязьмы охранный листъ. Зная изъ многихъ опытовъ малую пользу, доставляемую подобными охранными листами, мы, однако, полюбопытствовали видѣть этотъ листъ. Каково же было наше удивленіе, когда мы изъ него увидѣли, что господинъ Масленниковъ освобождается даже отъ всякаго постоя и реквизиціи въ уваженіе обязанности, принятой имъ добровольно на себя, продовольствовать французовъ какъ находящихся въ Вязьмѣ, такъ и проходившихъ чрезъ нее. Замѣтивъ наше удивленіе, онъ не безъ замѣшательства спѣшилъ увѣрить насъ, что эта статья клонится лишь къ вѣрнѣйшему охраненію его отъ грабительства, и что онъ никогда и ничѣмъ не снабжалъ французовъ. Сердца наши готовы были его извинить: хотя русскій родомъ, онъ могъ быть слабѣе духомъ, болѣе привязанъ къ своей собственности и потому охотнѣе расположенъ ухватиться за всякія средства, могшія спасти его имущество. Мы замолчали; онъ же, пригласивъ насъ на слѣдующій день къ себѣ на завтракъ, самъ отправился въ село свое, чрезъ которое намъ надлежало проходить. На разсвѣтѣ избу мою окружили просители; болѣе двухсотъ окрестныхъ крестьянъ пали къ ногамъ моимъ съ жалобой на Масленникова, говоря: «Ты увидишь, кормилецъ, его село, ни одинъ хранцъ (т.-е. франкъ или французъ) до него не дотронулся, потому что онъ съ хранцами же грабилъ насъ и посылалъ все въ Вязьму—всѣхъ разорилъ, ни синь пороху не оставилъ». Это насъ всѣхъ взорвало. Но опасаясь, чтобы просители не учинили расправы сами собою и чрезъ то не подали бы дурного примѣра сосѣднимъ деревнямъ, я убѣждалъ ихъ терпѣть и уповать на милость Божію; я, словомъ, употреблялъ всѣ въ такомъ случаѣ употребляемыя успокоительныя средства, столь мало успокоивающія! Но нѣтъ логики для оправданія похищенія собственности; голодный сытаго не разумѣетъ. Пріѣхавъ къ

Д. П. Невѣровскій.

Масленникову, намъ казалось, что мы вступили въ благословенный островъ, до котораго не коснулся общій потопъ. Церковь, домъ, избы и крестьяне—все было въ цвѣтущемъ положеніи; доносъ казался справедливымъ, но я, желая еще болѣе удостовѣриться въ томъ, рѣшился переступить за порогъ сего гостепріимнаго грабителя. Между тѣмъ товарищи мои сѣли за сытный завтракъ, я же не ѣлъ, молчалъ и даже отворачивался при малѣйшихъ учтивостяхъ хозяина, который, чувствуя свою вину и видя меня сумрачнымъ и безмолвнымъ, истощался во вниманіяхъ ко мнѣ. Послѣ завтрака, разсказывая намъ о грабительствѣ французовъ, онъ повторилъ, сколько онъ пострадалъ во время ихъ пребыванія, и въ доказательство этого показалъ намъ одну горницу, вѣроятно, приготовленную для того, чтобы хотя нѣсколько оправдать себя. Въ ней всѣ мебели были разломаны, обои оборваны и пухъ разбросанъ по полу. «Вотъ,—говорилъ онъ,—вотъ что злодѣи надѣлали!» Мы всѣ молчали и, поклонясь ему, вышли на улицу съ тѣмъ, чтобы сѣсть на коней и слѣдовать далѣе. Масленниковъ провожалъ насъ, благодарилъ за посѣщеніе и пенялъ мнѣ на то, что я не принялъ его хлѣба и соли. Въ это самое время снова показалась на улицѣ та же толпа просителей и бросилась къ ногамъ моимъ, повторяя жалобы, мнѣ уже прежде принесенныя. Я велѣлъ Масленникову оправдываться; но онъ не могъ ничего другого представить, какъ то, что крестьяне эти—измѣнники, бунтовщики, разбойники, мошенники и проч.; всѣ эти прозвища не были ими заслужены и не могли оправдать его самого. Я, возвыся голосъ, сказалъ: «Гласъ Божій—гласъ народа!» При этомъ разругавъ его въ выраженіяхъ весьма сильныхъ, я избавилъ его лишь отъ заслуженнаго имъ тѣлеснаго наказанія. Выговоривъ все то, что было у меня на сердцѣ, я хотѣлъ садиться на коня, но передній изъ крестьянъ началъ требовать возврата всего похищеннаго. Дабы разомъ кончить со всѣми этими жалобами, которыхъ разбирать мнѣ было некогда, я обратился къ другому роду логики; взявъ его за бороду, я сердито и грозно сказалъ ему: «Врешь, этого быть не можетъ. Вы знаете сами, что похищенное все уже израсходовано французами,—гдѣ его взять? Мы всѣ потерпѣли отъ нашествія враговъ,—но что Богъ взялъ, то Богъ и отдастъ. Ступайте по домамъ, будьте довольны тѣмъ, что этотъ негодяй за недостаткомъ документовъ разруганъ, какъ никогда никого не ругали, и чтобы я ни жалобъ, ни шуму ни отъ одного изъ васъ не слыхалъ—не то приду на расправу». Совѣсть меня упрекала въ томъ, что я не наказалъ строго Масленникова, но признаюсь, не имѣя вѣрныхъ документовъ, я не смѣлъ въ одно и то же время брать на себя роль и судьи, и палача, хотя руки у меня сильно чесались.

Пока я покушался занять большую дорогу у села Рыбковъ и производилъ поискъ на Славково, графъ Орловъ-Денисовъ опередилъ меня, такъ что я едва усиленными переходами могъ догнать его 25 числа въ селѣ Богородицкомъ и то уже въ минуту выступленія его къ Соловьевой переправѣ. Оставя мою партію на маршѣ, я явился къ графу съ рапортомъ. Онъ меня принялъ хотя и ласково, но при всемъ томъ было весьма замѣтно, сколь непріятенъ былъ для него видъ подполковника, ускользнувшаго отъ владычества генералъ-адъютанта и пользовавшагося одинаковыми съ нимъ правами. Онъ приглашалъ меня ѣхать вмѣстѣ съ

нимъ къ Соловьевой переправѣ, предсказывая и обѣщая мнѣ, если я не послѣдую за нимъ, несчастные успѣхи. Но я, зная лѣсистыя мѣста около Соловьева и бывъ убѣжденъ въ безполезности сего поиска, отказался, представивъ ему полученное мною повелѣніе идти къ Смоленску. «Къ тому же,—прибавилъ я,—изнуреніе лошадей принуждаетъ меня дать, по крайней мѣрѣ, четырехчасовой отдыхъ». На сіе графъ, усмѣхнувшись, сказалъ: «Желаю вамъ спокойно отдыхать», и поскакалъ къ своему отряду, который уже вытягивался по дорогѣ. Я разсчелъ весьма вѣрно: покушеніе графа Орлова-Денисова было безуспѣшно, и онъ нашелся вынужденнымъ обратиться къ прежнему своему пути. Будь моя партія сильнѣе, онъ бы дорого заплатилъ за свою насмѣшку и долго бы помнилъ движеніе свое къ Соловьеву, ибо въ продолженіе этого времени я открылъ отрядъ генерала Ожеро́ въ Ляховѣ и могъ бы не раздѣлить съ нимъ славы въ побѣдѣ надъ непріятелемъ. Слѣдуя 26-го къ Дубосищамъ, я примѣтилъ, что авангардъ мой бросился въ погоню за конными французами. Вечернее время и туманная погода не позволили ясно разсмотрѣть силу непріятеля, почему я, стянувъ полки, велѣлъ взять дротики на перевѣсъ и двинулся рысью вслѣдъ за авангардомъ. Но едва вступилъ я въ маленькую деревушку, имя которой я забылъ, какъ увидалъ нѣсколько авангардныхъ казаковъ моихъ, ведущихъ ко мнѣ лейбъ-жандармовъ французскихъ (Gendarmes d'élite). Они объявили мнѣ, что принадлежатъ къ корпусу Бараге-Дилье, расположенному между Смоленскомъ и Ельнею, и требовали свободы, поставляя на видъ, что ихъ обязанность не сражаться, а сохранять лишь порядокъ въ арміи. Я отвѣчалъ имъ: «Вы вооружены, французы и находитесь въ Россіи, слѣдовательно, молчите и повинуйтесь». Обезоруживъ ихъ и приставивъ къ нимъ караулъ, я приказалъ при первомъ удобномъ случаѣ отослать ихъ въ главную квартиру, а такъ какъ было уже поздно, то мы, разставивъ посты, расположились на ночлегъ. Спустя часъ времени соединились съ нами и Сеславинъ, и Фигнеръ [1]). Я давно слыхалъ о варварскихъ поступкахъ Фигнера, но не могъ вѣрить, чтобы жестокосердіе его доходило до убійства враговъ обезоруженныхъ, особенно въ такое время, когда обстоятельства наши стали, видимо, измѣняться къ лучшему. Казалось, никакое злобное чувство, еще менѣе чувство мщенія, не должно было имѣть мѣста въ сердцахъ нашихъ солдатъ, исполненныхъ священною радостью. Едва узналъ онъ о моихъ плѣнныхъ, какъ поспѣшилъ ко мнѣ съ просьбой дозволить растерзать ихъ какимъ-то новымъ

---

[1]) Фигнеръ и Сеславинъ, какъ артиллеристы, были безгранично преданы А. П. Ермолову, къ которому въ арміи, а особенно въ артиллеріи, питали глубокое уваженіе и любовь за его замѣчательный умъ, постоянно веселый нравъ и ласковое со всѣми обращеніе. На записку Ермолова, заключавшую въ себѣ: «Смерть врагамъ, преступившимъ рубежъ Россіи», Фигнеръ отвѣчалъ: «Я не стану обременять плѣнными». Фигнеръ и Сеславинъ, пріѣзжая въ главную квартиру, останавливались у Ермолова, который, шутя, не разъ говорилъ: «Вы, право, обращаете мою квартиру въ вертепъ разбойниковъ». Въ самомъ дѣлѣ, близъ его квартиры часто находились партіи этихъ партизановъ въ самыхъ фантастическихъ костюмахъ. При Тарутинѣ Фигнеръ не разъ показывалъ ту точку въ срединѣ непріятельскаго лагеря, гдѣ онъ намѣревался находиться въ слѣдующій день. Въ самомъ дѣлѣ, на другой день онъ, переодѣтый во французскій мундиръ, находился въ срединѣ непріятельскаго лагеря и обозрѣвалъ его расположеніе. Это повторялось не разъ.

казакамъ, еще, по его мнѣнію, не натравленнымъ. Не могу выразить того, что я почувствовалъ при этихъ словахъ—красивыя черты лица и доброе, пріятное выраженіе глазъ Фигнера, казалось, говорили противное. Вспомнивъ его превосходныя военныя дарованія, отважность, предпріимчивость, дѣятельность, знаніе многихъ иностранныхъ языковъ, всѣ эти качества необыкновеннаго воина, я съ сожалѣніемъ сказалъ ему: «Не выводи меня, Александръ Самойловичъ, изъ заблужденія, оставь мнѣ думать, что героизмъ есть душа твоихъ славныхъ подвиговъ, безъ него они—мертвый капиталъ; я, какъ русскій, желалъ бы, чтобы у насъ было бы побольше славныхъ, но великодушныхъ воиновъ». На это онъ мнѣ отвѣчалъ: «Развѣ ты не разстрѣливаешь?»—«Да,—сказалъ я,—разстрѣлялъ двухъ измѣнниковъ отечеству, изъ которыхъ одинъ былъ грабитель храма Божія».—«Вѣдь ты разстрѣливалъ плѣнныхъ?» сказалъ онъ. Я отвѣчалъ: «Никогда, вели хоть тайно разспросить о томъ моихъ казаковъ».—«Ну, такъ походимъ вмѣстѣ,—сказалъ онъ,—и ты, вѣрно, бросишь эти предразсудки».—«Если солдатская честь и состраданіе, къ несчастью, суть предразсудки,—сказалъ я,—то я съ ними умру». Мы замолчали. Опасаясь однако, чтобы онъ не велѣлъ тайно ночью похитить плѣнныхъ, я, подъ предлогомъ отдачи приказаній, вышелъ изъ избы и секретно приказалъ удвоить стражу, поручивъ надзоръ за ними урряднику, а послѣ поспѣшно отослалъ ихъ въ главную квартиру. Въ ночь возвратились мои разъѣздные, посланные къ селу Ляхову, и увѣдомили меня, что какъ въ немъ, такъ и въ Язвинѣ находятся два сильныхъ непріятельскихъ отряда, что мнѣ подтвердилъ и приведенный ими плѣнный, увѣряя, что въ первомъ селѣ стоитъ генералъ Ожеро съ 2.000 человѣкъ пѣхоты и частью кавалеріи. Мы рѣшились атаковать Ляхово. Но такъ какъ всѣ три партіи не составляли болѣе 1.200 человѣкъ разнаго сбора конницы, восьмидесяти егерей 20-го егерскаго полка и четырехъ орудій, то я предложилъ пригласить, для нанесенія вѣрнѣйшаго удара, графа Орлова-Денисова, котораго партія состояла изъ шести полковъ казачьихъ и Нѣжинскаго драгунскаго полка, хотя слабаго, но еще годнаго для занятія какого-нибудь возвышенія. Немедленно я послалъ къ графу слѣдующее письмо: «Изъ встрѣчи и разлуки нашей я примѣтилъ, графъ, что вы считаете меня непримиримымъ врагомъ всякаго начальства: кто безъ честолюбія и самолюбія? Я, при малыхъ дарованіяхъ своихъ, предпочитаю быть первымъ, а не вторымъ; но честолюбіе мое простирается до черты общей пользы. Вотъ вамъ примѣръ: я открылъ въ селѣ Ляховѣ непріятеля. Сеславинъ, Фигнеръ и я соединились. Мы готовы драться, но дѣло не въ дракѣ, а въ успѣхѣ. У насъ не болѣе 1.200 человѣкъ конницы, а у французовъ 2000 пѣхоты, и еще свѣжей. Поспѣшите къ намъ въ Бѣлкино, возьмите насъ подъ свое начальство—и ура! съ Богомъ!»

27-го числа мы были на маршѣ, и я вечеромъ получилъ отъ графа отвѣтъ. Онъ писалъ: «Увѣдомленіе о движеніи вашемъ на Бѣлкино я получилъ. Вслѣдъ за симъ и я слѣдую для нападенія на непріятеля; но кажется мнѣ, что атака наша, безъ присоединенія ко мнѣ командированныхъ мною трехъ полковъ (которые прибыть должны черезъ два часа), будетъ не навѣрная, а потому не худо бы намъ дождаться и дѣйствовать всѣми силами».

28-го, поутру, Фигнеръ, Сеславинъ и я пріѣхали въ одну деревушку, занимаемую полкомъ Чеченскаго, верстахъ въ двухъ отъ Бѣлкина. Вдали было видно Ляхово, вокругъ села биваки; нѣсколько пѣшихъ и конныхъ солдатъ показывались между избами и шалашами, болѣе ничего нельзя было замѣтить. Спустя полчаса времени, мы увидѣли непріятельскихъ фуражировъ въ числѣ сорока человѣкъ, ѣхавшихъ безъ малѣйшей предосторожности по направленію къ Таращинѣ. Чеченскій послалъ лощиною и въ тылъ имъ сотню казаковъ своихъ; фуражиры примѣтили ихъ, когда уже было поздно. Нѣкоторые спаслись бѣгствомъ, большая же часть, вмѣстѣ съ офицеромъ (адъютантомъ генерала Ожеро), сдалась въ плѣнъ. Они подтвердили намъ извѣстіе о корпусѣ Бараге-Дилье и объ отрядѣ генерала Ожеро, которые, невзирая на слѣдованіе отряда графа Ожаровскаго чрезъ Балтутино на Рославскую дорогу, остались неподвижными, хотя Болтутино отъ Ляхова не болѣе какъ въ семнадцати, а отъ Язвина въ девяти верстахъ. Вскорѣ изъ Бѣлкина подошла ко мнѣ вся моя партія, и графъ Орловъ-Денисовъ явился на лихомъ конѣ съ вѣстовымъ изъ гвардейскихъ казаковъ. Онъ извѣстилъ насъ, что командированные имъ три полка прибыли, и что вся его партія приближается. Поговоря со мною о томъ, какъ и съ которой стороны будетъ направлена атака, онъ повернулся къ Фигнеру и Сеславину, которыхъ партіи еще не прибыли на мѣсто, и сказалъ: «Я надѣюсь, господа, что вы насъ поддержите». Я предупредилъ отвѣтъ ихъ: «Я за нихъ отвѣчаю, графъ, русскіе не выдаютъ русскихъ». Сеславинъ согласился отъ всего сердца, но Фигнеръ противъ воли, ибо любилъ одинъ подвергаться опасностямъ, которыя для него были родною стихіей; онъ всегда презиралъ опасности, но любилъ извлекать изъ нихъ собственную пользу. Спустя часъ времени, всѣ партіи наши соединились, кромѣ 80 егерей Сеславина; а такъ какъ мнѣ была поручена честь вести передовыя войска, то я, до прибытія егерей, велѣлъ выбрать въ стрѣлки казаковъ, снабженныхъ ружьями, и двинулся къ Ляхову; за мною слѣдовали всѣ прочія партіи. Направленіе наше было наперерѣзъ Смоленской дорогѣ, дабы совершенно преградить отступленіе отряду Ожеро, который хотѣлъ идти на соединеніе съ Бараге-Дилье, занимавшимъ Долгомостье. Едва начали мы вытягиваться и подвигаться къ Ляхову, все пришло тамъ въ смятеніе. Мы услышали барабаны и ясно видѣли, какъ отрядъ становился въ ружье; стрѣлки, отдѣлясь отъ своихъ колоннъ, выбѣгали изъ избъ къ намъ навстрѣчу. Я немедленно спѣшилъ казаковъ моихъ и завязалъ дѣло. Полкъ Попова 13-го и партизанскую мою команду я развернулъ на лѣвомъ флангѣ спѣшенныхъ казаковъ, чтобы закрыть этимъ движеніе подвигавшихся войскъ нашихъ, а Чеченскаго съ его полкомъ послалъ на Ельнскую дорогу, чтобы пресѣчь сообщеніе съ Ясминымъ, гдѣ находился другой отрядъ непріятеля. Послѣдствія оправдали эту мѣру. Сеславинъ, прискакавъ къ моимъ стрѣлкамъ съ орудіями, открылъ изъ нихъ огонь по непріятельскимъ колоннамъ, выходившимъ изъ Ляхова; онъ придвинулъ гусаръ своихъ для прикрытія стрѣлковъ и орудій; партіи его и Фигнера построились позади этого прикрытія. Графъ Орловъ-Денисовъ расположилъ отрядъ свой на правомъ флангѣ партій Фигнера и Сеславина и послалъ разъѣзды по дорогѣ въ Долгомостье. Непріятель, невзирая на пушечные выстрѣлы, выходя

изъ села, усиливалъ стрѣлковъ, занимавшихъ болотистый лѣсъ, примыкающій къ селу, и атаковалъ главными силами своими нашъ правый флангъ. Сеславинъ смѣнилъ пѣшихъ казаковъ прибывшими егерями своими и въ то же самое время приказалъ ахтырскимъ гусарамъ, находившимся подъ командою ротмистра Горскина, ударить на непріятельскую конницу, намѣревавшуюся атаковать нашихъ стрѣлковъ. Горскинъ, опрокинувъ эту конницу, вогналъ ее въ болото. Стрѣлки наши бросились за Горскинымъ и начали занимать лѣсъ; стрѣлки же непріятельскіе стали очищать его и стягиваться въ чистомъ полѣ близъ

Н. Н. Раевскій.

праваго фланга своего. Тогда Литовскаго уланскаго полка поручикъ Лизогубъ, воспользовавшись удобнымъ моментомъ, разсыпалъ своихъ уланъ и ударилъ на нихъ. Проѣзжая въ то время вдоль по линіи съ праваго фланга на лѣвый, я былъ свидѣтелемъ слѣдующаго случая.

Одинъ изъ уланъ, съ саблею въ рукѣ, гнался за французскимъ егеремъ. Каждый разъ какъ егерь прицѣливался, уланъ отъѣзжалъ въ сторону и вновь начиналъ преслѣдовать, когда егерь обращался въ бѣгство. Замѣтивъ это, я закричалъ улану: «Уланъ, стыдно!» Не отвѣтивъ ни слова, онъ поворотилъ лошадь, выдержалъ выстрѣлъ французскаго егеря, бросился на него и разсѣкъ ему голову. Послѣ сего, подъѣхавъ ко мнѣ, онъ спросилъ меня: «Теперь довольны ли, ваше высокоблагородіе?» и въ эту минуту охнулъ: какая-то бѣшеная пуля перебила ему правую ногу. Весьма странно то, что сей уланъ, получивъ за этотъ

подвигъ георгіевскій знакъ, не могъ носить его. Онъ былъ бердичевскій еврей, завербованный въ уланы. Этотъ случай оправдываетъ то мнѣніе, что нѣтъ такого рода людей, которые бы не увлекались честолюбіемъ и, слѣдовательно, не были бы способны къ военной службѣ.

Пріѣхавъ на лѣвый флангъ, мнѣ представили взятаго Чеченскимъ въ плѣнъ кривого гусарскаго ротмистра, посланнаго въ Ясмино съ увѣдомленіемъ, что Ляховскій отрядъ атакованъ, и просьбой спѣшить къ нему на помощь. Между тѣмъ Чеченскій донесъ мнѣ, что онъ, прогнавъ обратно въ село выходившую противъ него непріятельскую кавалерію, пресѣкъ совершенно путь къ Ясмину; онъ вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ приказанія насчетъ сотни человѣкъ непріятельской пѣхоты, засѣвшей въ отдѣльныхъ отъ села сараяхъ. Я велѣлъ жечь сараи,—исчадье Чингисханово сожигаетъ сараи съ французами!

Между тѣмъ графъ Орловъ-Денисовъ былъ увѣдомленъ, что двухтысячная колонна спѣшитъ по дорогѣ отъ Долгомостья въ тылъ нашимъ отрядамъ, и что наблюдательныя его войска, выставленныя на этой дорогѣ, поспѣшно отступаютъ. Графъ, оставя насъ довершить пораженіе Ожеро, немедленно обратился съ своимъ отрядомъ на непріятельскихъ кирасиръ, которыхъ недалеко отъ насъ атаковалъ и разсѣялъ; отрядивъ полковника Быхалова съ частью отряда своего, для преслѣдованія ихъ къ Долгомостью, онъ самъ возвратился къ намъ подъ Ляхово. Наступилъ уже вечеръ. Ляхово въ разныхъ мѣстахъ горѣло, перестрѣлка же все еще продолжалась. Я увѣренъ, что еслибы при наступленіи ночи генералъ Ожеро свернулъ войска свои въ одну колонну, въ срединѣ которой онъ помѣстилъ бы всѣ тяжести отряда своего, и двинулся въ такомъ порядкѣ большою дорогою къ Долгомостью и къ Смоленску, всѣ наши покушенія остались бы, вѣроятно, тщетными. Намъ оставалось бы лишь конвоировать его до корпуса Бараге-Дилье и послѣ ихъ соединенія откланяться имъ. Вмѣсто того мы услыхали барабанный бой впереди стрѣлковой линіи и увидали подвигавшагося къ намъ парламентера. Въ это время я устанавливалъ на лѣвомъ моемъ флангѣ между отдѣльными избами присланное мнѣ отъ Сеславина орудіе и готовился стрѣлять картечью. Графъ Орловъ-Денисовъ прислалъ мнѣ сказать, чтобы я прекратилъ дѣйствіе и далъ бы о томъ знать Чеченскому, потому что Фигнеръ отправился уже парламентеромъ въ Ляхово къ Ожеро. Переговоры продолжались болѣе часа. Послѣдствіемъ ихъ было сдача 2.000 рядовыхъ, шестидесяти офицеровъ и одного генерала военноплѣнными. Наступила ночь, морозъ усилился, Ляхово пылало; войска наши, не слѣзая съ коней, стояли по обѣимъ сторонамъ дороги, по которой проходили обезоруженныя французскія войска, освѣщаемыя заревомъ пожара. Болтовня французовъ не умолкала: они ругали морозъ, своего генерала, Россію, насъ; но слова Фигнера: «filez, filez» (пошелъ, пошелъ) покрывали ихъ нескромные разговоры. Наконецъ Ляхово очистилось, плѣнные отведены были въ ближнюю деревеньку, которой я забылъ имя, и мы прибыли туда же вслѣдъ за ними. При этомъ случаѣ мы забыли слова Цезаря: «что не додѣлано, то не сдѣлано». Мы должны были немедленно идти къ Долгомостью противъ Бараге-Дилье, встревоженнаго разбитіемъ своихъ кирасиръ, или обратиться на отрядъ, стоявшій въ Ясминѣ; утомившись до крайности, мы всѣ легли

спать и, проснувшись въ четыре часа утра, вздумали писать реляцію, которая, какъ будто въ наказаніе за нашу лѣнь, не послужила намъ въ пользу. Фигнеръ былъ отправленъ къ государю императору съ извѣстіемъ объ этомъ дѣлѣ, о которомъ самъ свѣтлѣйшій своеручно прибавилъ: «Побѣда сія тѣмъ болѣе знаменита, что въ первый разъ въ продолженіе нынѣшней кампаніи непріятельскій корпусъ положилъ предъ нами оружіе».

29-го партія моя прибыла въ Долгомостье и тотъ же день пошла къ Смоленску. Я дѣлалъ поиски между дорогами Ельнинской и Мстиславской, т.-е. между корпусами Жюно и Понятовскаго, которые на другой день должны были выступить въ Манчино и Червонное. Этотъ поискъ доставилъ намъ шесть офицеровъ, 196 артиллеристовъ безъ орудій и до 200 штукъ скота, употребляемыхъ для возки палубъ; но дѣло шло не о добычѣ, а намѣреніе мое переступало за черту обыкновенныхъ партизанскихъ замысловъ: я предпринялъ это движеніе единственно съ тѣмъ, чтобы собственными глазами обозрѣть расположеніе непріятельской арміи и убѣдиться въ избранномъ ею направленіи. Я всегда былъ того мнѣнія, что она пойдетъ правымъ берегомъ Днѣпра на Катань, а не лѣвымъ на Красный; посмотрѣвъ на карту, можно сейчасъ замѣтить выгоду одного пути и опасность другого, при движеніи нашей арміи къ Красному. Корпуса Жюно и Понятовскаго, хотя и весьма слабые, были, однако, для меня камнемъ преткновенія; еслибъ я могъ безпрепятственно достигнуть Красненской дороги, и тогда бы мнѣ нельзя было открыть болѣе того, что уже я открылъ на дорогѣ Ельнинской и Мстиславской, ибо впослѣдствіи я узналъ, что бо́льшая часть непріятельской арміи находилась въ то время между Соловьевой переправой, Духовщиной и Смоленскомъ на правомъ берегу Днѣпра. На эту сторону прибыли только старая и молодая гвардіи, занявшія Смоленскъ, четыре кавалерійскіе корпуса, слитые въ одинъ и расположенные за Красненской дорогой у селенія Вельковичей, и два корпуса, между которыми я произвелъ свой поискъ. Такъ какъ оружіе было уже безполезно, я, обратившись къ дипломаціи, старался всѣми возможными изворотами вывѣдать отъ плѣнныхъ офицеровъ объ истинномъ намѣреніи Наполеона; но дипломація измѣнила мнѣ, ибо по отвѣтамъ, сдѣланнымъ мнѣ, оказалось, что всѣ эти офицеры были лишь безмолвные исполнители повелѣній главнаго начальства, и потому ничего не знали о главнѣйшихъ его предначертаніяхъ. Соименный мнѣ покоритель Индіи (Вакхъ, иначе Діонисій) подалъ мнѣ въ этомъ случаѣ руку помощи. Чарка за чаркой, влитыя въ глотки моихъ узниковъ, возбудили ихъ къ многоглаголанію. Одинъ изъ нихъ, находясь въ должности адъютанта при какомъ-то генералѣ, только что возвратился изъ Смоленска, куда онъ ѣздилъ за приказаніями, онъ потому слышалъ о распоряженіяхъ къ выступленію гвардіи изъ Краснаго. «Что у трезваго на умѣ, то у пьянаго на языкѣ», говоритъ пословица; откровенность хлынула чрезъ край, и я все узналъ, что мнѣ нужно было, даже много лишняго. Онъ не могъ къ столь любопытному извѣстію не припутать разсказовъ о своихъ любовныхъ приключеніяхъ, которыя я принужденъ былъ выслушать до тѣхъ поръ, пока мой витія не упалъ съ лошади. Это извѣстіе было слишкомъ важно, чтобы не поспѣшить увѣдомленіемъ о томъ главнокомандующему. Я потому въ ту же минуту послалъ

курьера съ достаточнымъ прикрытіемъ по Мстиславской дорогѣ, близъ которой я полагалъ тогда найти главную квартиру. Оставшись одинъ противъ подходившихъ непріятельскихъ войскъ, я отвѣчалъ на стрѣльбу ихъ до тѣхъ поръ, пока превосходство непріятеля не принудило меня отступить по Мстиславской дорогѣ и провести ночь верстахъ въ пятнадцати отъ Смоленска. Въ этотъ день мы прошли, по крайней мѣрѣ, пятьдесятъ верстъ. Неожиданная встрѣча и отпоръ, встрѣченный мною во время движенія къ Смоленску, внушили мнѣ мысль достигнуть Краснаго; къ тому же, бывъ обремененъ плѣнными и 200 штуками скота, я хотѣлъ, сдавъ первыхъ, не оставить безъ употребленія послѣднихъ, особенно въ такое время, когда войска наши такъ сильно нуждались въ провіантѣ. Вслѣдствіе этого, я рѣшился приблизиться къ главной арміи и потомъ продолжать путь мой къ Красному. Это была съ моей стороны грубая ошибка. И подлинно, взявъ направленіе на Червонное и Манчино, гдѣ еще не было непріятеля, я могъ быть у Краснаго 1 ноября, въ самый тотъ день, какъ дивизія Клапареда, прикрывавшая транспортъ трофеевъ, казну и обозы главной квартиры Наполеона, выступила изъ Смоленска по этому направленію. Правда, что извѣстіе о томъ дошло до меня весьма поздно; къ тому же, невзирая на слабость этой дивизіи, она, однакоже, была значительно сильнѣе моей партіи. Это, впрочемъ, не отговорка. Господствующая мысль партизановъ этой эпохи должна была состоять въ томъ, чтобы тѣснить, безпокоить, утомлять и, такъ сказать, жечь непрерывно и малымъ огнемъ непріятеля. Пройдя нѣсколько верстъ по Мстиславской дорогѣ, я встрѣтилъ лейбъ-гусарскій эскадронъ, командуемый штабъ-ротмистромъ Акинфьевымъ, а въ восьми верстахъ далѣе нашелъ нѣсколько пѣхотныхъ корпусовъ, расположенныхъ для дневки. Какъ корсаръ, который послѣ долговременнаго крейсированія открываетъ курящіеся берега родины, такъ и я съ великою радостью увидѣлъ биваки товарищей, такъ давно мною оставленныхъ. «Берегъ! Берегъ!» подумалъ я и бросился во всю прыть къ избѣ генерала Раевскаго. Пріемъ сего, съ дѣтства мною уважаемаго, человѣка былъ таковъ, какого я ожидалъ, но посѣтители его встрѣтили меня иначе; нѣкоторые изъ нихъ были тѣ самые, которые при вступленіи моемъ въ партизаны увѣряли меня, что я берусь не за свое дѣло, полагая его слишкомъ опаснымъ и не соотвѣтствующимъ моимъ способностямъ. Едва я поздоровался съ Раевскимъ и нѣкоторыми пріятелями моими, какъ начались улыбки, полунасмѣшливые взгляды и вопросы на счетъ двухмѣсячныхъ трудовъ моихъ. Боже мой, какъ высоко цѣнили они свои переѣзды отъ одного обѣда на другой по Тарутинской позиціи! Иные давали мнѣ чувствовать, что нѣтъ никакой опасности дѣйствовать въ тылу непріятеля, другіе—что донесенія мои подвержены сомнѣнію; одни безмѣрно хвалили партизановъ прошедшихъ войнъ съ явнымъ намѣреніемъ хулить мои дѣйствія, нѣкоторые осуждали свѣтлѣйшаго за то, что даетъ мѣсто въ реляціяхъ дѣламъ, недостойнымъ вниманія; словомъ, видно было, что имя мое, выставленное въ нѣкоторыхъ объявленіяхъ того времени, сильно кололо глаза людямъ, искавшимъ въ тѣхъ же объявленіяхъ своихъ именъ. Огражденный чистой совѣстью и расписками на 3.560 рядовыхъ и 43 штабъ- и оберъ-офицера, взятыхъ мною отъ 2 сентября до 23 октября, я самъ, съ своей стороны,

смѣялся надъ моими недоброжелателями. Я желалъ лишь пользы Россіи, и чтобы каждый изъ нихъ могъ выручить имя свое изъ забвенія полученіемъ подобныхъ расписокъ.

Надѣливъ находившіяся тамъ голодныя войска отбитыми мною 200 штуками скота, я ночевалъ, не помню, въ какой-то дере-

Н. Н. Раевскій. (Съ лубочной картины).

вушкѣ, у генерала Раевскаго и передъ разсвѣтомъ выступилъ по направленію къ Красному.

Я догналъ 1 ноября на походѣ колонну генерала Дохтурова и графа Маркова, которые въ то время заѣзжали въ какой-то господскій домъ для привала. Намѣреваясь дать вскорѣ отдыхъ

партіи моей, я указалъ Храповицкому на ближнюю деревню и приказалъ ему остановиться въ ней часа на два; я самъ заѣхалъ къ генералу Дохтурову, пригласившему меня на походный завтракъ. Не прошло четверти часа времени, какъ Храповицкій прислалъ мнѣ казака съ извѣстіемъ, что свѣтлѣйшій меня требуетъ къ себѣ. Я никакъ не полагалъ столкнуться съ главною квартирою въ этомъ направленіи, но, такъ какъ заняться туалетомъ было некогда, я сѣлъ на коня и явился немедленно къ фельдмаршалу. Я нашелъ его въ избѣ. Передъ нимъ стояли Храповицкій и князь Кудашевъ. Увидя меня, свѣтлѣйшій подозвалъ къ себѣ и сказалъ: «Я еще лично незнакомъ съ тобою, но прежде знакомства хочу поблагодарить тебя за твою службу». Онъ обнялъ меня и прибавилъ: «Удачные опыты твои доказали мнѣ пользу партизанской войны, которая нанесла, наноситъ и нанесетъ непріятелю много вреда». Я, пользуясь ласковымъ его пріемомъ, просилъ извиненія въ томъ, что осмѣлился предстать предъ нимъ въ мужицкой моей одеждѣ. Онъ отвѣчалъ мнѣ: «Въ народной войнѣ это необходимо, дѣйствуй, какъ ты дѣйствуешь головою и сердцемъ; мнѣ нужды нѣтъ, что одна покрыта шапкой, а не киверомъ, а другое бьется подъ армякомъ, а не подъ мундиромъ. Всему есть время, и ты будешь въ башмакахъ на придворныхъ балахъ». Еще свѣтлѣйшій полчаса говорилъ со мною, разспрашивалъ меня о способахъ, мною употребленныхъ для образованія сельскаго ополченія, объ опасностяхъ, въ какихъ я находился, о мнѣніи моемъ насчетъ партизанскаго дѣйствія и прочемъ, но въ это время вошелъ полковникъ Толь съ картою и бумагами, и мы вышли изъ избы. Я думалъ, что все кончено, и пошелъ обѣдать къ флигель-адъютанту графу Потоцкому— первѣйшему обжорѣ россійской арміи. Но едва успѣли мы сѣсть за столъ, какъ вошелъ въ избу лакей фельдмаршала и объявилъ мнѣ, что свѣтлѣйшій ожидаетъ меня къ столу. Я немедленно явился, и мы сѣли за столъ. Насъ было шесть человѣкъ: самъ свѣтлѣйшій, Коновницынъ, князь Кудашевъ, Толь, я недостойный и одинъ какой-то генералъ, котораго имя и лицо я забылъ. За обѣдомъ свѣтлѣйшій осыпалъ меня ласками, говорилъ о моихъ поискахъ, о стихахъ моихъ, о литературѣ вообще, о письмѣ, которое онъ въ тотъ день писалъ къ г-жѣ Сталь въ Петербургъ, спросилъ о моемъ отцѣ и о моей матери; отца онъ зналъ по его замѣчательному остроумію и разсказалъ нѣкоторыя остроты его, мнѣ даже неизвѣстныя; мать мою онъ не зналъ, но много говорилъ объ отцѣ ея, генералъ-поручикѣ Щербининѣ, который былъ намѣстникомъ трехъ губерній при Екатеринѣ. Послѣ обѣда я напомнилъ ему о моихъ подчиненныхъ; онъ отвѣчалъ мнѣ: «Богъ меня забудетъ, если я васъ забуду». Онъ велѣлъ подать о нихъ записку. Я ковалъ желѣзо, пока горячо, и представилъ каждаго офицера къ двумъ награжденіямъ. Свѣтлѣйшій безпрекословно все подписалъ, и я, откланявшись ему, поѣхалъ въ корчму сего села, гдѣ ожидали меня партія моя и братъ мой Евдокимъ, котораго я не видалъ съ самаго Бородина. Спустя два часа времени мы выступили въ Волково. Извѣщенный мною изъ-подъ Смоленска о рѣшительномъ направленіи всей французской арміи къ Красному, свѣтлѣйшій думалъ атаковать ее на маршѣ и направилъ армію къ окрестностямъ сего города.

Между 1 и 4 ноября расположеніе партизановъ было слѣдующее: 2-го графъ Орловъ-Денисовъ, соединясь со мною, коснулся корпуса Раевскаго въ Толстякахъ; мы продолжали путь въ Хилтичи, куда прибыли къ ночи. Отдохнувъ три часа, мы пошли къ Мерлину. 3-го отрядъ графа Ожаровскаго подошелъ къ Куткову, а партія Сеславина, усиленная партіею Фигнера, къ Звѣровичамъ. Сего числа, на разсвѣтѣ, разъѣзды наши дали знать, что пѣхотныя непріятельскія колонны тянутся между Никулинымъ и Стеснами. Мы помчались къ большой дорогѣ и покрыли нашею ордою все пространство отъ Аносова до Мерлина. Непріятель остановился, дабы дождаться хвоста колонны, спѣшившаго на соединеніе съ нимъ. Замѣтивъ сіе, графъ Орловъ-Денисовъ приказалъ намъ атаковать ихъ. Разстройство этой части непріятельской колонны было таково, что мы весьма скоро разбили ее, захвативъ въ плѣнъ генераловъ Альмераса и Бюрта, до двухсотъ нижнихъ чиновъ, четыре орудія и множество обоза. Наконецъ подошла старая гвардія, посреди коей находился самъ Наполеонъ. Это было уже за полдень. Мы вскочили на коней и снова явились у большой дороги. Непріятель, увидя шумныя толпы наши, взялъ ружье подъ курокъ и гордо продолжалъ путь, не прибавляя шагу. Сколько ни покушались мы оторвать хотя одного рядового отъ этихъ сомкнутыхъ колоннъ, но онѣ, какъ гранитныя, пренебрегая всѣми усиліями нашими, оставались невредимы; я никогда не забуду свободную поступь и грозную осанку сихъ, всѣми родами смерти испытанныхъ, воиновъ. Осѣненные высокими медвѣжьими шапками, въ синихъ мундирахъ, бѣлыхъ ремняхъ съ красными султанами и эполетами, они казались маковымъ цвѣтомъ среди снѣжнаго поля. Будь съ нами нѣсколько ротъ конной артиллеріи и вся регулярная кавалерія, Богъ знаетъ для чего при главной арміи слѣдовавшая, то врядъ ли эти колонны отошли бы съ столь малымъ урономъ, каковой они въ этотъ день потерпѣли. Командуя одними казаками, мы жужжали вокругъ смѣнявшихся колоннъ непріятельскихъ, у коихъ отбивали отстававшіе обозы и орудія, иногда отрывали разсыпанные или растянутые по дорогѣ взводы, но колонны оставались невредимыми. Видя, что всѣ наши азіатскія атаки не оказываютъ никакого дѣйствія противу сомкнутаго европейскаго строя, я рѣшился подъ вечеръ послать полкъ Чеченскаго впередъ, чтобы ломать мостики, находящіеся на пути къ Красному, заваливать дорогу и стараться затруднить по возможности движеніе непріятеля. Я какъ теперь вижу графа Орлова-Денисова, гарцующаго у самой колонны на рыжемъ конѣ своемъ, окруженнаго моими ахтырскими гусарами и ординарцами лейбъ-гвардіи казачьяго полка. Полковники, офицеры, урядники, многіе простые казаки устремлялись на непріятеля, но все было тщетно. Колонны двигались одна за другою, отгоняя насъ ружейными выстрѣлами и издѣваясь надъ нашимъ вокругъ нихъ безполезнымъ наѣздничествомъ. Въ теченіе этого дня мы еще взяли одного генерала (Мартушевича), множество обозовъ и до 700 плѣнныхъ, но гвардія съ Наполеономъ прошла посреди толпы казаковъ нашихъ, какъ стопушечный корабль между рыбачьими лодками.

Вечеромъ Храповицкій едва не попался въ плѣнъ двигавшейся близъ дороги непріятельской кавалеріи, которую онъ принялъ за нашу; будучи весьма близорукъ, онъ подъѣхалъ къ

самому фронту непріятельскому такъ близко, что могъ уже замѣтить мѣдные одноглавые орлы на киверахъ солдатъ и офицеровъ и услыхать шопотъ ихъ. Онъ быстро бросился въ сторону; офицеры же стрѣляли по немъ изъ пистолетовъ, при чемъ ранили лошадь его, но такъ легко, что онъ успѣлъ невредимо перескочить, такъ сказать, чрезъ яръ, въ этомъ мѣстѣ находящійся, и присоединиться къ намъ.

Послѣ этого поиска мы отошли въ Хиличи, гдѣ графъ Орловъ-Денисовъ сдалъ отрядъ свой присланному на его мѣсто генералъ-маіору Бороздину. Изъ Хиличи я пошелъ въ Палкино и послалъ сильный разъѣздъ къ Горкамъ съ повелѣніемъ пробираться въ Ланники, куда я направился. Въ самый день нашего дѣла подъ Мирлинымъ, Сеславинъ напалъ на Боево и Ляды, гдѣ отбилъ два магазина и взялъ многихъ въ плѣнъ, но въ ту же ночь Ожаровскій былъ разбитъ въ селѣ Кутковѣ. Это было справедливое наказаніе за безполезное удовольствіе глядѣть на двигавшіяся непріятельскія войска и послѣ этого ночевать въ верстѣ отъ Краснаго: генералъ Роге, командовавшій молодою гвардіею, подошелъ къ Куткову въ то самое время, когда отрядъ Ожаровскаго предавался невинному сну, и разбудилъ его сильными со всѣхъ сторонъ ружейными выстрѣлами. Можно вообразить себѣ сумятицу, которая произведена была этимъ внезапнымъ пробужденіемъ! Всѣ усилія самого Ожаровскаго и полковника Вуича привести въ порядокъ дрогнувшія отъ страха и столпившіяся въ деревнѣ войска ихъ были тщетны; къ счастію, Роге не имѣлъ съ собою кавалеріи, что дозволило Ожаровскому, отступивъ въ Кутково, собрать отрядъ свой и привести его въ порядокъ, съ потерей половины людей.

Въ ночь на 4-е онъ прибылъ въ Палкино, откуда я выступилъ чрезъ Боево къ Лядамъ. Около этого мѣста моя партія снова столкнулась съ французами. Тогда подходилъ къ Лядамъ корпусъ вице-короля Итальянскаго. Потеря, понесенная имъ между Смоленскомъ и Краснымъ, дозволила намъ отбить большое число обозовъ и взять 475 плѣнныхъ, между коими находились нѣсколько офицеровъ. Ночью, на 6-е число, явились ко мнѣ въ Боево Вильманстрандскаго пѣхотнаго полка маіоръ Ванславъ и капитанъ Тарелкинъ, убѣжавшіе изъ плѣна, которые объявили мнѣ, что Наполеонъ при нихъ въѣхалъ въ Дубровну. Я отослалъ ихъ въ главную квартиру и въ три часа пополуночи выступилъ въ Ланники. Отъ самой Вязьмы образъ нашей жизни совершенно измѣнился. Мы вставали въ полночь, обѣдали въ два часа пополуночи такъ плотно, какъ горожане обѣдаютъ въ два часа пополудни, и въ три часа выступали въ походъ. Партія шла всегда вмѣстѣ, имѣя авангардъ, аріергардъ и еще одинъ отрядъ со стороны большой дороги, но всѣ сіи отдѣленія слѣдовали въ весьма близкомъ другъ отъ друга разстояніи. Я ѣхалъ между обоими полками иногда верхомъ, иногда въ пошевняхъ, которыя служили мнѣ ночью вмѣсто квартиры и кровати. Когда непріятель не былъ виденъ, то за полчаса до наступленія темноты оба полка спѣшивались и отъ того приходили на ночлегъ съ выгулявшимися лошадьми, коихъ немедленно становили къ корму. По принятіи всѣхъ мѣръ предосторожности, мы немедленно ложились спать и во второмъ часу садились снова за трапезу, потомъ на конь и снова пускались въ погоню. Кочевье на соломѣ подъ крышею неба, вседневная

встрѣча со смертью, неугомонная жизнь партизанская! Вспоминаю о васъ съ любовью и теперь, когда въ кругу семьи своей пользуюсь полнымъ спокойствіемъ, наслаждаюсь всѣми удовольствіями жизни и весьма счастливъ!.. Но отчего по временамъ я тоскую о той эпохѣ, когда голова кипѣла отважными замыслами, и грудь, полная надеждъ, трепетала честолюбіемъ изящнымъ и поэтическимъ?

Въ ночь на 6-е число разъѣздные мои, посланные въ селеніе Сыву, перехватили рапортъ на имя маршала Бертье отъ начальника означеннаго депо маіора Бланкара. Узнавъ о числѣ войскъ его изъ вѣдомости, приложенной при рапортѣ, я разсудилъ, что поиски, предпринимаемые партизанами противъ отступающихъ колоннъ главной арміи, не могутъ быть всегда удачны; нападеніе же на отдѣльную какую-либо часть французской арміи, каково кавалерійское депо, надлежитъ произвести съ полною увѣренностью въ успѣхѣ, дабы тѣмъ лишить непріятельскую кавалерію лучшихъ всадниковъ, а генераловъ, штабъ- и оберъ-офицеровъ арміи — ихъ имущества. Это понудило меня, во - первыхъ, отсрочить нападеніе на депо, которое было вчетверо сильнѣе моей партіи; во-вторыхъ, отослать тотчасъ перехваченныя мною бумаги въ главную квартиру, подходившую тогда къ Романову (въ шестнадцати верстахъ отъ Ланниковъ); въ-третьихъ, просить у свѣтлѣйшаго одного полка пѣхоты и двухъ орудій на подкрѣпленіе и, наконецъ, въ-четвертыхъ, употребить всѣ способы до прибытія требуемыхъ мною войскъ, дабы не потерять изъ виду означенное депо, и въ случаѣ движенія его за Днѣпръ— напасть на него съ тѣми средствами, какими я могъ располагать.

Н. Н. Раевскій.

Въ ночь на 8-е число, расположенная мною по дорогѣ изъ Орши въ Горки, засада перехватила курьера и жида [1]), послан-

[1]) Этотъ жидъ имѣлъ на себѣ дубликатъ, ибо такое же повелѣніе несъ на себѣ другой жидъ, котораго перехватилъ Сеславинъ.

ныхъ отъ маршала Бертье къ Бланкару съ повелѣніемъ поспѣшно слѣдовать за Днѣпръ. Въ ту же минуту дали мнѣ знать, что одинъ изъ разъѣздовъ моихъ, слѣдовавшій изъ Савы къ Горкамъ, вступивъ безпрепятственно въ это мѣстечко, встрѣтилъ лишь здѣсь отрядъ графа Ожаровскаго; по извѣстіямъ, сообщеннымъ жителями, непріятель двинулся къ Копысу. Мы немедленно пустились, чрезъ Горяны и Бабиники, къ сему же городу. На походѣ узналъ я, что депо прибыло въ Копысъ и заняло его, съ соблюденіемъ всей воинской предосторожности, половиннымъ числомъ пѣшихъ кавалеристовъ, дабы на слѣдующій день прикрыть ими переправу тягостей, охраняемыхъ другою половиною отряда. Это обстоятельство понудило меня скрытно остановиться въ шести верстахъ отъ Копыса, при селѣ Сметанкѣ, съ намѣреніемъ предпринять нападеніе лишь по переправѣ половины депо чрезъ рѣку и тогда разбить по частямъ оба отдѣленія отряда. Днѣпръ не былъ еще покрытъ льдомъ, одни края его начинали слегка замерзать.

9-го, поутру, мы помчались къ Копысу. Почти половина депо была уже на противоположномъ берегу; другая же половина, оставшаяся на этой сторонѣ рѣки, намѣревалась сначала защищаться противъ вскакавшихъ въ главную улицу моихъ гусаръ и донского Попова 13-го полка; но едва Чеченскій съ Бугскимъ полкомъ, пробравшись вдоль берега, явился въ тылу ея, среди города и у переправы, все поспѣшило бросать оружіе, рѣзать пристяжки у повозочныхъ лошадей и переправляться вплавь, гдѣ попало. Рѣка мгновенно покрылась плывущими и утопающими людьми и лошадьми; берега ея и самая рѣка были завалены фурами, каретами и колясками, въ улицахъ началась сильная рѣзня и погоня, а съ противнаго берега открыли по насъ сильный ружейный огонь. Желая дать время разсыпавшимся по городу казакамъ моимъ окончательно очистить улицы отъ непріятеля, я остановился съ резервомъ на площади у самаго берега и велѣлъ привести къ себѣ французскаго мера. По дошедшимъ до меня слухамъ, онъ, желая угодить полякамъ, притѣснялъ и даже убивалъ нашихъ плѣнныхъ. Ко мнѣ привели какого-то рябого и средняго роста человѣка; онъ чистымъ русскимъ языкомъ просилъ позволенія объясниться со мною; въ то же время жена его съ престарѣлою матерью своей, бросившись къ моимъ ногамъ, просила о его помилованіи. Такъ какъ пули осыпали насъ, я имъ сказалъ, что тутъ не ихъ мѣсто; я просилъ ихъ удалиться, давъ честное слово, что господинъ Поповъ (такъ звали сего мнимаго мера) ни мало не пострадаетъ, если будетъ обнаружена его невинность, но между тѣмъ до окончанія дѣла я приставилъ къ нему караулъ. Вскорѣ наѣздники мои очистили городъ отъ непріятеля. Собравъ свои полки, я, невзирая на огонь съ противоположнаго берега, пустился двумя колоннами вплавь чрезъ Днѣпръ, стараясь при этомъ охватить справа и слѣва линію стрѣлковъ, защищавшихъ переправу. Мы еще не достигли берега, какъ большая часть изъ нихъ стала бросать оружіе и кричать, что они сдаются. Переправившись, я отрядилъ сотню казаковъ для забранія плѣнныхъ и тѣхъ, которые, скрывшись въ Александріи [1]), бѣжали въ безпорядкѣ по столбовой Бѣлорусской дорогѣ. Вся партія моя пу-

[1]) Село, отдѣленное Днѣпромъ отъ Копыса.

стилась въ погоню за депо, направленіе котораго указывали намъ брошенныя фуры, повозки и пѣшеходы, отставшіе отъ главной массы, заключавшей въ себѣ уже не болѣе 250 рядовыхъ и офицеровъ; все прочее разбѣжалось по лѣсамъ и погибло въ рѣкѣ, будучи частью убито казаками, частью захвачено ими въ плѣнъ; этихъ послѣднихъ было до 600 рядовыхъ при десяти офицерахъ. Прекративъ преслѣдованіе за нѣсколько верстъ отъ берега, я послалъ поручика Макарова съ десятью казаками по дорогѣ къ Толочину, а подполковника Храповиц-

В. Л. Давыдовъ.

каго съ 150 казаками къ Шклову; возвратившись съ остальною частью партіи въ Копысъ, я удостовѣрился, что господинъ Поповъ не только не исполнялъ должности мера, но даже во время пребыванія здѣсь непріятеля скрывался съ семьею своею въ лѣсахъ. Видя невинность сего чиновника, я поручилъ ему временное завѣдываніе городомъ и приказалъ ему попрежнему открыть магистратъ; я вскорѣ отыскалъ истиннаго мера, котораго отослалъ въ главную квартиру съ описаніемъ неистовствъ, какія онъ себѣ дозволялъ относительно русскихъ плѣнныхъ. Чрезъ два часа прибылъ въ Копысъ казачій Шамшева полкъ съ

150 маріупольскими гусарами, подъ командою подполковника Павла Ржевскаго. Этотъ офицеръ извѣстилъ меня, что графъ Ожаровскій, не заставъ непріятеля въ Горкахъ и видя невозможность догнать его съ цѣлымъ отрядомъ, направилъ его къ Копысу; онъ самъ обратился къ Шклову, занимаемому, по дошедшимъ до него слухамъ, сильнымъ непріятельскимъ отрядомъ. Хотя я зналъ достовѣрно, что въ Шкловѣ было не болѣе шестидесяти человѣкъ непріятеля, я не могъ чрезъ Ржевскаго не послать графу Ожаровскому новыхъ желаній побѣдъ и славы, и тѣмъ чистосердечнѣе, что результатъ сраженія съ шестидесятью человѣками не могъ быть сомнителенъ. Но—увы!—Ожаровскому не удалось пожать новыхъ лавровъ, ибо, когда 10-го числа отрядъ его готовился уже переправляться чрезъ Днѣпръ для того, чтобы атаковать Шкловъ, Храповицкій явился къ нему и объявилъ, что онъ еще наканунѣ занялъ это мѣстечко своими казаками, не встрѣтивъ никакого сопротивленія. Спустя нѣсколько часовъ послѣ прибытія Ржевскаго въ Копысъ, прибылъ туда же и Сеславинъ. Онъ немедленно переправился чрезъ Днѣпръ и, простоявъ въ Александріи до 11-го числа, выступилъ оттуда чрезъ Староселье, Круглое и Кучу вслѣдъ за французскою арміею. Ожидая присоединенія отряда, посланнаго съ поручикомъ Макаровымъ къ Толочину, я былъ принужденъ пробыть въ Копысѣ лишній день. Здѣсь мы разстались съ мичманомъ Храповицкимъ, титулярнымъ совѣтникомъ Татариновымъ, землемѣромъ Макаровичемъ и Ѳедоромъ, приставшимъ ко мнѣ изъ Царева-Займища. Исполнивъ священный свой долгъ, они обратно пошли къ себѣ на родину, на защиту которой столь славно вооружались. Исключая Храповицкаго, оба послѣдніе были бѣдные дворяне, а Ѳедоръ былъ лишь крестьяниномъ; какъ много возвышаются они надъ потомками тѣхъ древнихъ бояръ, которые, прорыскавъ два мѣсяца по московскому бульвару съ гремучими шпорами и съ густыми усами, бѣжали изъ Москвы въ отдаленныя губерніи! Пока достойные и незабвенные ихъ соотчичи подставляли грудь свою штыку враговъ отчизны, они, опрыскиваясь лишь духами, плясали тамъ на могилѣ отечества и спокойно ожидали извѣстія о исходѣ войны! Нѣкоторые изъ этихъ безславныхъ бѣглецовъ до сихъ поръ воспоминаютъ объ этой ужасной эпохѣ, какъ о счастливѣйшемъ времени ихъ жизни. Иначе оно и быть не можетъ. Какъ дѣйствительному статскому совѣтнику забыть генеральскіе эполеты, а регистратору — усы и шпоры?

12-го я получилъ повелѣніе оставить прикомандированный ко мнѣ 11-й егерскій полкъ на переправѣ при Копысѣ; я только изъ этой бумаги узналъ, что, вслѣдствіе моей просьбы, полкъ этотъ былъ прикомандированъ къ моей партіи. Я съ сожалѣніемъ передалъ ему полученное мною повелѣніе. Мы подходили къ лѣсистымъ берегамъ Березины, гдѣ пѣхота была необходима, но ее у меня отняли; что было дѣлать? Я прибѣгнулъ къ прибывшему въ городъ генералу Милорадовичу, который снабдилъ меня на время двумя орудіями конной артиллеріи, чѣмъ мое положеніе нѣсколько поправилось. Съ вышеупомянутой бумагой получилъ я другую слѣдующаго содержанія: «Полагая генералъ-адъютанта Ожаровскаго весьма слабымъ, чтобы одному предпринять поиски на Могилевъ безъ генералъ-лейтенанта Шепелева, имѣете, ваше высокоблагородіе, немедленно присоединиться къ

нему и состоять въ командѣ его до овладѣнія Могилевымъ. По овладѣніи же имъ, отдѣлясь отъ него, идти форсированными маршами къ мѣстечку Березинѣ, гдѣ остановиться, ибо, вѣроятно, около этого мѣста удастся вамъ многое перехватить и для того, прибывъ туда, отрядить партію въ сторону Бобра и Игумна. Генералъ-лейтенантъ Коновницынъ. 11 ноября. На маршѣ къ деревнѣ Лещи». Эта бумага была мнѣ въ высшей степени непріятна. Я всегда былъ готовъ поступить подъ начальство всякаго, кого высшее начальство опредѣлило бы мнѣ въ начальники; скажу болѣе: подъ Ляховымъ и Мирлиномъ я самъ добровольно поступилъ въ команду къ графу Орлову-Денисову, ибо я видѣлъ въ томъ пользу службы, но тутъ обстоятельства были другого рода: отрядъ графа Ожаровскаго былъ довольно силенъ для овладѣнія Могилевымъ, еслибы даже этотъ городъ и не былъ оставленъ 9-го числа непріятельскимъ отрядомъ, состоявшимъ лишь изъ 1.200 человѣкъ польскихъ войскъ. Я ясно видѣлъ, что направленіе, данное мнѣ къ мѣстечку Нижнему Березину, и предписаніе наблюдать за непріятельскою арміею къ Бобру и Игумнамъ основывались на предположеніи, что она двинется къ Нижнему Березину, и чрезъ это совершенно прекратится наше фланговое преслѣдованіе, принесшее намъ столько пользы; я, конечно, не въ состояніи былъ съ слабымъ моимъ отрядомъ преградить путь этой арміи. Рѣшась идти прямо на Шкловъ, Головино и Бѣлыничи, я объ этомъ заблаговременно извѣстилъ какъ графа Ожаровскаго, такъ и Коновницына, принявъ на себя отвѣтственность за ослушаніе.

13-го, къ ночи, партія моя прибыла въ Головнино, гдѣ мы узнали, что мѣстечко Бѣлыничи занято отрядомъ польскихъ войскъ, прикрывающимъ госпиталь, прибывшій туда изъ Нижняго Березина, по случаю появленія близъ этого мѣстечка отряда графа Орурка, отдѣленнаго отъ арміи Чичагова.

Мы 14-го, рано утромъ, выступили къ Бѣлыничамъ. На походѣ встрѣтили мы Ахтырскаго гусарскаго полка поручика Казановича, который, полагая край сей очищеннымъ отъ непріятеля, ѣздилъ изъ полка къ родителямъ своимъ для свиданія съ ними и во время двухдневнаго пребыванія своего у нихъ видѣлъ, какъ въ домъ родительскій являлся нѣсколько разъ непріятель изъ Бѣлыничъ. Узнавъ о моемъ приближеніи къ этому мѣстечку, онъ сѣлъ на коня и поскакалъ ко мнѣ навстрѣчу, чтобы извѣстить о пребываніи непріятеля въ мѣстечкѣ. Мѣстечко Бѣлыничи, принадлежащее князю Ксаверію Огинскому, лежитъ на возвышенномъ берегу Друцы, протекающей съ сѣвера къ югу. По дорогѣ отъ Шклова открывается плоское и обширное поле. За мѣстечкомъ существуетъ чрезъ Друцу одинъ довольно длинный мостъ по той причинѣ, что берега ея болотисты. За мостомъ, на пути къ мѣстечку Есмонамъ, частые холмы, покрытые лѣсомъ; отъ Есмоновъ до Березины почти непрерывный лѣсъ. Мы подвигались рысью; непріятельская кавалерія, выѣхавшая изъ Бѣлыничъ, была немедленно опрокинута подполковникомъ Храповицкимъ и маіоромъ Чеченскимъ, вогнавшими ее въ мѣстечко, занятое двумя сильными баталіонами пѣхоты. Увлекшись преслѣдованіемъ, они доскакали до мѣстечка, гдѣ ихъ встрѣтили, какъ слѣдуетъ встрѣчать враговъ, когда имѣешь намѣреніе честно исполнить свой долгъ. Видя невозможность пробиться сквозь мѣстечко, я думалъ, что можно обойти его

справа со стороны фольварка Фойны, но вскорѣ убѣдился, что, по причинѣ оттепели и болотистыхъ береговъ рѣки, мы встрѣтимъ здѣсь еще болѣе препятствій. Это побудило меня ворваться въ главную улицу. Чтобы облегчить это предпріятіе, я приказалъ открыть огонь изъ орудій вдоль по главной улицѣ. Непріятельская колонна разступилась направо и налѣво, но, пользуясь искусно мѣстностью, она не переставала преграждать намъ путь частымъ ружейнымъ огнемъ, направленнымъ изъ-за избъ, плетней и заборовъ. Я, хотя и не легко прихожу въ отчаяніе, но тутъ не могъ не упасть духомъ. Тщетно старался я вытѣснить непріятеля изъ избранной имъ засады; люди и лошади наши, не будучи въ состояніи подвигаться, падали подъ смертоноснымъ огнемъ непріятеля. Я увидалъ предъ собой свой собственный аркольскій мостъ! Однако медлить было некогда; съ часу на часъ графъ Ожаровскій могъ прибыть изъ Могилева, и, при помощи своей пѣхоты, похитить у меня лавровый листокъ, за который уже я хватался рукой! Братъ мой Левъ, будучи моложе всѣхъ, былъ менѣе другихъ способенъ покориться необходимости. Онъ съ отборными казаками пустился вдоль улицы и, невзирая на градъ пуль, осыпавшихъ его и казаковъ, съ нимъ скакавшихъ, ударилъ на резервъ, показавшійся въ срединѣ улицы, и погналъ его къ мосту. Но и это ни къ чему не послужило! Такъ какъ лошадь его была ранена двумя пулями, онъ нашелся вынужденнымъ возвратиться къ партіи, которой я съ трудомъ удерживалъ стремленіе, ибо ея обязанность состояла въ томъ, чтобы вытѣснить непріятеля изъ мѣстечка, а не проскакивать чрезъ село, сильно занятое непріятельскою пѣхотою.

Между тѣмъ подполковникъ Храповицкій съ отрядомъ гусаръ и казаковъ, занявъ съ боя госпиталь и магазинъ, ожидалъ дальнѣйшаго приказанія. Я, къ счастію, по исполненіи даннаго ему порученія, не отозвалъ его назадъ, ибо прибывшій изъ отряда графа Ожаровскаго казачій полковникъ Шамшевъ, желая участвовать въ дѣлѣ, сталъ было уже занимать госпиталь и магазинъ отъ имени своего начальника. Храповицкій прогналъ его, какъ похитителя чужой добычи; покинувъ ихъ, Шамшевъ расположился съ своимъ полкомъ въ полѣ, не желая нисколько помогать намъ и содѣйствовать къ овладѣнію мѣстечкомъ. Непріятель продолжалъ упорно защищаться въ главной улицѣ; я не могъ не отдать должной справедливости храбрости его. Горя желаніемъ истребить его до прибытія всего отряда графа Ожаровскаго, — полкъ Шамшева былъ его авангардомъ,—я рѣшился зажечь избы брандкугелями. Въ это время непріятель началъ собирать стрѣлковъ своихъ и выстраиваться въ колонну на улицѣ, чтобы начать отступленіе. Отказавшись отъ намѣренія зажечь избы, я немедленно приказалъ осыпать его картечью, что побудило его поспѣшить отступленіемъ изъ мѣстечка; онъ направился чрезъ мостъ по дорогѣ къ Эсмонамъ. Давъ этой колоннѣ выйти въ поле, мы открыли по ней пальбу изъ орудій и обскакали ее со всѣхъ сторонъ. Командующій артиллеріею моею поручикъ Павловъ стрѣлялъ изъ одного орудія картечью, а изъ другого—ядрами и гранатами. Хвостъ непріятельской колонны сильно страдалъ отъ этой пальбы, но она, смыкаясь и отстрѣливаясь, мужественно продолжала свое отступленіе. Наконецъ, желая воспользоваться пересѣченнымъ мѣстоположеніемъ и отдѣлаться навсегда отъ насъ, хотя бы съ большимъ пожертвова-

ніемъ, начальникъ колонны вывелъ въ цѣпь половину ея. Едва успѣли новые застрѣльщики выйти въ цѣпь, какъ командовавшій отборными казаками братъ мой Левъ ударилъ на нихъ изъ-за лѣса и, обративъ ихъ въ бѣгство, взялъ въ плѣнъ подполковника, двухъ капитановъ и 96 рядовыхъ, остальныхъ же частью пocoлoлъ, а частью вогналъ обратно въ колонну, при чемъ запечатлѣлъ кровью своею этотъ отважный подвигъ. Какъ ни прискорбно было мнѣ видѣть брата моего жестоко раненымъ на полѣ битвы, но, побѣдивъ въ себѣ чувство родства и дружбы болѣе возвышеннымъ чувствомъ, я продолжалъ преслѣдованіе. Еще изъ села Мокровичей я отрядилъ сотню казаковъ къ Эсмонамъ съ повелѣніемъ разобрать мостъ на рѣкѣ Осминѣ, сколько дозволитъ время, и потомъ, увидавъ приближеніе непріятеля, скрыться въ засадѣ, близъ самой переправы. Я намѣревался сдѣлать рѣшительный натискъ у этого пункта и тѣмъ окончить бой, стоившій уже мнѣ весьма дорого. И подлинно, непріятель, подойдя къ Эсмонамъ, встрѣтилъ неожиданное для себя препятствіе; ружейный огонь засѣвшихъ у моста казаковъ послужилъ сигналомъ для нашего нападенія: мы со всѣхъ сторонъ атаковали непріятельскую колонну, изъ которой одна половина стала бросать оружіе, другая же, отстрѣливаясь изъ-за перилъ моста и изъ-за ивъ, растущихъ вокругъ него, успѣла перебросить нѣсколько досокъ и, быстро переправившись чрезъ рѣку, отступила лѣсами къ Нижней Березинѣ.

М. Ѳ. Орловъ.

Въ этомъ дѣлѣ мы овладѣли магазиномъ и госпиталемъ въ Бѣлыничахъ; въ первомъ найдено 400 четвертей ржи, 40 четвертей пшеницы, 200 четвертей гречи и 50 четвертей коноплянника, а въ послѣднемъ взяли 290 человѣкъ больныхъ и 15 лѣкарей. Взятъ былъ и подполковникъ, четыре капитана и 192 рядовыхъ, весь обозъ и 180 ружей. Я отдаю полную справедливость брату моему Льву, который былъ истиннымъ героемъ этого дѣла. Возвратясь въ село Мокровичи, я немедленно послалъ выбрать лучшихъ двухъ хирурговъ изъ 15 плѣненныхъ лѣкарей и, приставивъ одного изъ нихъ къ брату, другого—къ раненымъ казакамъ, отправилъ 15-го весь этотъ караванъ въ Шкловъ. Грустно было мнѣ разставаться съ страдавшимъ бра-

томъ и отпускать его въ край, разоренный и населенный поляками, никогда не питавшими сожалѣнія ко всему тому, что носило имя русское! Къ тому же, еслибъ урядникъ Крючковъ не одолжилъ меня заимообразно 25 червонными, я былъ бы вынужденъ отказать брату и въ денежномъ пособіи, ибо казна моя и Храповицкаго никогда не превышала двухъ червонныхъ во все время нашихъ разбоевъ, потому что вся захваченная добыча обыкновенно дѣлилась между нижними чинами. Я велѣлъ въ тотъ же день сдать подъ расписку пана Лепинскаго, управлявшаго имѣніемъ графа Огинскаго, отбитые нами у непріятеля магазинъ, госпиталь, ружья, обозъ и плѣнныхъ, и, пославъ рапортъ объ этомъ дѣлѣ въ главную квартиру, находившуюся въ Кругломъ, я выступилъ самъ по указанному мнѣ направленію.

Между тѣмъ на берегахъ Березины совершались громадныя событія. Наполеону, въ первый разъ испытавшему неудачу, угрожала здѣсь, повидимому, неизбѣжная гибель. Въ то время, какъ обломки нѣкогда грозной его арміи быстро слѣдовали къ Березинѣ, чрезъ которую имъ надлежало переправиться, сюда стремились съ разныхъ сторонъ три русскія арміи и многіе отдѣльные отряды. Казалось, конечная гибель французовъ была неминуема; казалось, Наполеону суждено было здѣсь либо погибнуть съ своею арміею, либо попасться въ плѣнъ. Но судьбѣ угодно было здѣсь еще разъ улыбнуться своему прежнему баловню, котораго присутствіе духа и рѣшительность возрастали по мѣрѣ увеличенія опасности. Съ трехъ сторонъ спѣшили къ Березинѣ Чичаговъ, Витгенштейнъ, Кутузовъ и отряды Платова, Ермолова, Милорадовича, Розена и другіе. Армія Чичагова, которую Кутузовъ полагалъ силою въ 60.000 человѣкъ, заключала въ себѣ лишь 31.000 человѣкъ, изъ которыхъ около 7.000 кавалеріи; она была ослаблена отдѣленіемъ Сакена съ 27.000 человѣкъ противъ Шварцинберга и неприбытіемъ Эртеля съ 15.000 человѣкъ, отговаривавшагося незнаніемъ, слѣдовать ли ему съ одной пѣхотой или вмѣстѣ съ кавалеріею. Грустно думать, что въ столь тяжкое для Россіи время могли въ ней встрѣчаться генералы, столь легко забывающіе священныя обязанности свои относительно отечества. Чичаговъ, занимая правый берегъ Березины, господствующій надъ лѣвымъ, долженъ былъ наблюдать большое пространство по теченію рѣки, близъ которой мѣстность была весьма пересѣчена и болотиста. Армія Витгенштейна слѣдовала также по направленію къ Березинѣ; утомленная, повидимому, одержанными успѣхами, она подвигалась медленно и нерѣшительно. Мужественный, но недальновидный защитникъ Петрополя, гордившійся одержаніемъ побѣды въ какихъ-то десяти генеральныхъ сраженіяхъ, былъ совершенно обманутъ французскимъ генераломъ Legrand. Въ одномъ изъ донесеній Витгенштейна сказано, что противъ него находилась дивизія стрѣлковъ; это были лишь стрѣлки, вызванные изъ пѣхотной дивизіи. Генералъ Legrand, ослабленный отдѣленіемъ значительныхъ силъ, соединившихся съ Наполеономъ, отступилъ весьма искусно отъ Чашниковъ и Череи. Еслибы Витгенштейнъ преслѣдовалъ его дѣятельно и тѣснилъ бы французовъ не ощупью и не такъ слабо, Legrand, имѣя лишь весьма мало пѣхоты, могъ бы быть совершенно истребленъ или, по крайней мѣрѣ, значительно ослабленъ. Витгенштейнъ долженъ былъ по-

нять, что развязка кровавой драмы должна была воспослѣдовать на берегахъ Березины, а потому онъ долженъ былъ, уничтоживъ или, по крайней мѣрѣ, значительно ослабивъ войска Legrand, быстро двинуться къ этой рѣкѣ. Впослѣдствіи Витгенштейнъ увѣрялъ, что онъ лишь потому не соединился съ войсками адмирала, что ему надлежало преслѣдовать баварцевъ, которые, какъ извѣстно, выступили изъ окрестностей Полоцка. Прибывъ весьма поздно съ однимъ своимъ штабомъ въ Борисовъ, Витгенштейнъ обнаружилъ впослѣдствіи большую нерѣшительность относительно войскъ Виктора, которыя, послѣ переправы Наполеона чрезъ Березину, могли быть легко уничтожены. Между тѣмъ князь Кутузовъ писалъ адмиралу изъ Копыса отъ 13 ноября за № 562: «Если Борисовъ занятъ непріятелемъ, то вѣроятно, что оный, переправясь чрезъ Березину, пойдетъ прямѣйшимъ путемъ къ Вильнѣ, идущимъ чрезъ Зембино, Плещеницы и Вилейку. Для предупрежденія сего необходимо, чтобы ваше высокопревосходительство заняли отрядомъ дефилею при Зембинѣ, въ коей удобно удержать можно гораздо превосходнѣйшаго непріятеля. Главная наша армія отъ Копыса пойдетъ чрезъ Староселье, Цегержинъ къ мѣстечку Березинѣ, во-первыхъ, для того, чтобы найти лучшее для себя продовольствіе, а, во-вторыхъ, чтобы упредить онаго, еслибы пошелъ отъ Бобра чрезъ Березино на Игуменъ, чему многія извѣстія даютъ поводъ къ заключеніямъ». Кутузовъ съ своей стороны, избѣгая встрѣчи съ Наполеономъ и его гвардіей, не только не преслѣдовалъ настойчиво непріятеля, но, оставаясь почти на мѣстѣ, находился во все время значительно позади. Это не помѣшало ему, однако, извѣщать Чичагова о появленіи своемъ на хвостѣ непріятельскихъ войскъ. Предписанія его, означенныя задними числами, были потому поздно доставляемы адмиралу; Чичаговъ дѣлалъ не разъ весьма строгіе выговоры курьерамъ, отвѣчавшимъ ему, что они, будучи посланы изъ главной квартиры гораздо позднѣе чиселъ, выставленныхъ въ предписаніяхъ, прибывали къ нему въ свое время. Пока князь Кутузовъ оставался въ Копысѣ и его окрестностяхъ, Наполеонъ, усиленный войсками Виктора, Удино и остатками отряда Домбровскаго, подошелъ къ Березинѣ. Множество примѣровъ изъ исторіи убѣждаютъ насъ въ невозможности силою воспрепятствовать непріятелю совершить переправу чрезъ рѣку, но затруднить ее по возможности всегда во власти военачальника противной арміи. Чичаговъ, которому приходилось наблюдать по теченію Березины на разстояніи восьмидесяти верстъ отъ Веселова до Нижней Березины, былъ введенъ въ заблужденіе слѣдующими обстоятельствами: дѣйствіемъ Удино, расположившаго свои посты на 30-верстномъ пространствѣ выше и ниже Борисова и занявшаго отрядомъ Ухолоды, гдѣ дѣлались приготовленія для переправы, извѣстіями о приближеніи австрійцевъ со стороны Сморгони и, наконецъ, намеками Кутузова, убѣжденнаго, что Наполеонъ направится къ Нижней Березинѣ. Все это побудило Чичагова двинуться къ Шабашевичамъ. Между тѣмъ Наполеонъ подъ прикрытіемъ 40-пушечной батареи, устроенной близъ Студенокъ въ узкомъ мѣстѣ рѣки, благополучно переправился чрезъ нее. Слабый авангардъ Чаплица, не будучи въ состояніи оказать сопротивленія непріятелю, отступилъ къ Стахову; двинувшись одинъ къ Зембину, этотъ аван-

агрдъ отдѣлился бы отъ прочихъ частей арміи и былъ бы неминуемо истребленъ. Удино, переправившись во главѣ французской арміи и расположившись между Брилемъ и Стаховымъ, занялъ небольшимъ отрядомъ Зембинское дефиле. Чаплицъ, слабо подкрѣпленный Чичаговымъ, котораго шесть гренадерскихъ баталіоновъ остались далеко назади, не могъ даже развернуть всѣхъ силъ своихъ, такъ что одна артиллерійская рота стрѣляла чрезъ головы другихъ. Чичаговъ, выславъ Сабанѣева съ войсками къ Стахову, приказалъ изнуреннымъ отрядамъ Ермолова и Платова стать тамъ же въ резервѣ. Завязался въ лѣсу кровопролитный, но безполезный бой; французская кавалерія яростно атаковала нашу пѣхоту, при чемъ мужественный князь Щербатовъ едва не былъ взятъ въ плѣнъ. Вмѣсто ошибочнаго движенія на Игуменъ, Чичагову надлежало, занявъ центральный пунктъ, выслать вверхъ и внизъ по рѣкѣ отряды для открытія непріятеля; движенія на Игуменъ ничѣмъ не можетъ быть оправдано. Что касается другихъ обвиненій, такъ, напримѣръ, относительно порчи частей въ Зембинскомъ дефиле, Чичаговъ въ этомъ мало виноватъ; имъ былъ посланъ съ атаманскимъ казачьимъ полкомъ Кайсаровъ, которому было строго предписано испортить всѣ гати этого дефиле. Кайсаровъ поднялся вверхъ по рѣкѣ Гайнѣ на разстояніи около двадцати верстъ, съ намѣреніемъ приступить къ порчѣ гатей съ тыла; глубокія и топкія мѣста, окружающія Гайну, никогда въ самую суровую зиму не замерзающія, не дозволили ему привести это предпріятіе въ исполненіе. Еслибы оно удалось, Наполеонъ нашелся бы вынужденнымъ обратиться на Минскъ, которымъ бы вскорѣ неминуемо овладѣлъ. Обладаніе этимъ городомъ было для насъ и для французовъ дѣломъ первостепенной важности; здѣсь были найдены нами богатые магазины съ запасами, привезенными изъ Франціи, которыми наша армія воспользовалась. Наполеонъ, овладѣвъ Минскомъ, могъ бы здѣсь остановиться и дать время своимъ войскамъ сосредоточиться и отдохнуть. Князь Кутузовъ, не желая, вѣроятно, подвергать случайностямъ исходъ кампаніи, принявшей для насъ столь благопріятный оборотъ, и постоянно опасавшійся даже близкаго сосѣдства съ Наполеономъ и его гвардіею, не рѣшился бы, безъ сомнѣнія, его здѣсь атаковать. Неизвѣстно, какой бы въ этомъ случаѣ оборотъ приняли дѣла? Хотя я врагъ правила, предписывающаго строить золотой мостъ отступающему непріятелю, но здѣсь обстоятельства вынуждали насъ не затруднять Наполеону движенія чрезъ Зембинское дефиле по слѣдующимъ причинамъ: во-первыхъ, арміи, которымъ надлежало соединиться на Березинѣ для совокупной атаки, были весьма разобщены, и притомъ онѣ не были, повидимому, расположены оказать дѣятельное содѣйствіе одна другой, вслѣдствіе непріязни и зависти, существовавшей между военачальниками; Витгенштейнъ не хотѣлъ подчиниться Чичигову, котораго, въ свою очередь, ненавидѣлъ Кутузовъ за то, что адмиралъ обнаружилъ злоупотребленія князя во время его командованія молдавской арміей. Во-вторыхъ, Наполеонъ, занимая центральный пунктъ относительно нашихъ армій, имѣлъ подъ руками 80.000 человѣкъ; онъ могъ легко раздавить любую армію, которая, не будучи поддержана другими, рѣшилась бы преградить ему дорогу. Наконецъ, французы, сознавая вполнѣ свое гибельное положеніе и невзирая на понесенныя страшныя

Императоръ Александръ I.

потери, обнаружили здѣсь отчаянное мужество. Отрядъ Ермолова перешелъ, вопреки приказанію Кутузова, Днѣпръ близъ Дубровны, по сожженному мосту, на полуобгорѣвшія сваи котораго были набросаны доски, которыя были перевязаны веревками. Спутанныя лошади перетаскивались съ величайшимъ затрудненіемъ по этому мосту съ помощью веревокъ, привязанныхъ за хвосты. Переправившись чрезъ Днѣпръ, Ермоловъ встрѣтилъ жида съ донесеніемъ Витгенштейна свѣтлѣйшему; прочитавъ его, Ермоловъ писалъ отсюда Кутузову: «Я изъ этого донесенія заключаю, что непріятель кругомъ обманулъ графа Витгенштейна, который потому отстанетъ отъ него, по крайней мѣрѣ, на полтора марша». Прибывъ въ Лошницы, Ермоловъ чрезъ адъютанта Чичагова Лисаневича получилъ приказаніе поспѣшить къ Березинѣ. Совершивъ почти два перехода въ однѣ сутки, онъ прибылъ въ Борисовъ, гдѣ представлялся графу Витгенштейну, который съ гордостью говорилъ ему о выигранныхъ имъ десяти сраженіяхъ. Этотъ разсказъ мужественнаго защитника Петрополя былъ прерванъ неумѣстными аплодисментами гвардіи поручика О.,

извѣстнаго впослѣдствiи по своимъ военнымъ сочиненiямъ [1]). Это можетъ служить мѣриломъ той дисциплины, которая господствовала въ войскахъ этого генерала. Умный, благородный и почтенный генералъ И. М. Бѣгичевъ, бывшiй начальникомъ артиллерiи при взятiи Праги въ 1794 году и называвшiй графа Аракчеева въ эпоху его могущества графомъ Огорчеевымъ, увидавъ здѣсь Ермолова, закричалъ ему, невзирая на присутствiе Витгенштейна и его штаба: «Мы ведемъ себя, какъ дѣти, которыхъ надлежитъ сѣчь; мы со штабомъ здѣсь, и то гораздо позднѣе, чѣмъ слѣдовало, а армiя наша двигается, Богъ знаетъ гдѣ, какими-то линiями». Ермоловъ, явившись къ Чичагову, рѣшился подать ему совѣтъ не портить Зембинскаго дефиле; онъ говорилъ, что по свойству мѣстности, ему смолоду хорошо извѣстной, это почти неудобоисполнимо по причинѣ болотъ и топей, окружающихъ рѣчку Гайну, но, еслибъ и удалось испортить нѣкоторыя, болѣе доступныя гати, то онѣ отъ дѣйствiя мороза не могли бы затруднить движенiе непрiятеля, который, не будучи обремененъ тяжестями, могъ легко по нимъ слѣдовать; во-вторыхъ, адмиралу, котораго армiя была вдвое слабѣе того, чѣмъ ее полагалъ князь Кутузовъ, невозможно было одному, безъ содѣйствiя армiи князя и Витгенштейна, бывшихъ еще далеко позади, преградить путь Наполеону. Чичагову пришлось бы выдержать напоръ 86-тысячной непрiятельской армiи на мѣстности лѣсистой, болотистой и весьма невыгодной для принятiя боя. На этой мѣстности, въ особенности совершенно неудобной для дѣйствiя кавалерiи, онъ могъ противопоставить Наполеону лишь 20.000 человѣкъ пѣхоты; французы же, понимая, что залогъ спасенiя заключался для нихъ лишь въ отчаянномъ мужествѣ, стали бы сражаться, какъ львы. Наконецъ, присовокупилъ онъ, если даже удастся испортить дефиле, Наполеонъ будетъ вынужденъ обратиться на Минскъ, магазины котораго были для нашей армiи необходимы. Наполеону, сохранявшему присутствiе духа въ самыхъ трудныхъ случаяхъ, удалось, послѣ переправы чрезъ Березину, благополучно пройти чрезъ дефиле; лишь слѣдовавшiя позади французскiя войска были застигнуты нашими. Взятiе этихъ войскъ, входившихъ въ составъ Полоцкаго корпуса, свидѣтельствовало не въ пользу графа Витгенштейна; это ясно доказывало, что они своимъ присутствiемъ здѣсь обязаны лишь слабому преслѣдованiю этого генерала. Еслибъ Витгенштейнъ былъ проницательнѣе и преслѣдовалъ непрiятеля съ большею настойчивостью; еслибы Кутузовъ обнаружилъ болѣе предпрiимчивости и рѣшительности, и оба они, соображаясь съ присланнымъ изъ Петербурга планомъ, направили поспѣшнѣе свои войска къ Березинѣ; еслибъ Чичаговъ не совершилъ своего движенiя на Игуменъ, былъ въ свое время усиленъ войсками Эртеля и поспѣшилъ къ Студенцу, не ожидая дальнѣйшихъ извѣстiй со стороны Нижней Березины,—количество плѣнныхъ могло быть несравненно значительнѣе; быть-можетъ, берега Березины содѣлались бы гробницей Наполеоновой армады, быть-можетъ, въ числѣ плѣнныхъ находился бы онъ самъ. Какая слава озарила бы насъ, русскихъ? Она была бы достоянiемъ одной Россiи, но уже не цѣлой Европы. Впрочемъ, хвала Провидѣнiю и за то, что оно, благо-

---

1) Окунева. *В. К.*

словивъ усилія наши, видимо, содѣйствовало намъ въ изгнаніи изъ нѣдръ Россіи новѣйшихъ Ксерксовыхъ полчищъ, предводимыхъ величайшимъ полководцемъ всѣхъ временъ. Мы, современники этихъ великихъ событій, справедливо гордящіеся своимъ участіемъ въ оныхъ, мы, болѣе чѣмъ кто-либо, должны воскликнуть: «Не намъ, не намъ, а имени Твоему!» Ермоловъ, очевидецъ Березинскихъ событій, представилъ свѣтлѣйшему записку, въ которой имъ были рѣзко изложены истинныя, по его мнѣнію, причины благополучнаго отступленія Наполеона. Онъ поднесъ ее во время пріѣзда въ Вильну князя, сказавшаго ему при этомъ случаѣ: «Голубчикъ, подай мнѣ ее, когда у меня никого не будетъ». Эта записка, переданная князю вскорѣ послѣ того и значительно оправдывавшая Чичагова, была, вѣроятно, умышленно затеряна свѣтлѣйшимъ. Всѣ въ арміи и въ Россіи порицали и порицаютъ Чичагова, обвиняя его одного въ чудесномъ спасеніи Наполеона. Онъ, безспорно, сдѣлалъ непростительную ошибку, двинувшись на Игуменъ; но здѣсь его оправдываетъ: во-первыхъ, отчасти предписаніе Кутузова, указавшаго на Игуменъ, какъ на пунктъ, чрезъ который Наполеонъ будто бы намѣревался непремѣнно слѣдовать; во-вторыхъ, еслибы даже его армія не покидала позиціи, на которой оставался Чаплицъ, несоразмѣрность его силъ относительно французовъ не позволяла ему рѣшительно хотя нѣсколько задержать превосходнаго во всѣхъ отношеніяхъ непріятеля, покровительствуемаго огнемъ сильныхъ батарей, устроенныхъ на лѣвомъ берегу рѣки; къ тому же, въ составъ арміи Чичагова, ослабленной отдѣленіемъ наблюдательныхъ отрядовъ по теченію Березины, входили 7.000 человѣкъ кавалеріи, по свойству мѣстности ему совершенно здѣсь безполезной; въ-третьихъ, если Чаплицъ, не будучи въ состояніи развернуть всѣхъ своихъ силъ, не могъ извлечь пользы изъ своей артиллеріи, то тѣмъ болѣе армія Чичагова не могла, при этихъ мѣстныхъ условіяхъ, помышлять о серьезномъ сопротивленіи Наполеону, одно имя котораго, производившее обаятельное на всѣхъ его современниковъ дѣйствіе, стоило цѣлой арміи. Относительно порчи гати въ Зембинскомъ дефиле онъ виноватъ тѣмъ, что поручилъ это дѣло Кайсарову, а не офицеру болѣе предпріимчивому и болѣе знакомому съ свойствами мѣстности; но, такъ какъ это предпріятіе могло имѣть невыгодныя для насъ послѣдствія, оно потому не можетъ служить къ обвиненію адмирала, который, будучи морякомъ, не имѣлъ достаточной опытности для командованія сухопутными войсками. Изъ всего этого я вывожу слѣдующее заключеніе: еслибъ Чичаговъ, испортивъ гати Зембинскаго дефиле, остался съ главною массою своихъ войскъ на позиціи, насупротивъ которой Наполеонъ совершилъ свою переправу, онъ не возбудилъ бы противу себя незаслуженныхъ нареканій и неосновательныхъ воплей своихъ соратниковъ, соотчичей и потомковъ, незнакомыхъ съ сущностью дѣла; но присутствіе его здѣсь не могло принести никакой пользы общему дѣлу, ибо, по всѣмъ вышеизложеннымъ причинамъ, Чичагову невозможно было избѣжать полнаго пораженія или совершеннаго истребленія своей арміи, что было бы для насъ, по обстоятельствамъ того времени, вполнѣ невыгодно и весьма опасно. Наполеонъ понесъ бы, безъ сомнѣнія, въ этомъ случаѣ несравненно бо́льшую потерю; но она была бы, во всякомъ случаѣ, ничтожна въ сравненіи съ

тою, которой Россія была въ правѣ ожидать отъ своевременнаго прибытія трехъ армій къ берегамъ Березины. Хотя Наполеонъ, съ остатками своего нѣкогда грознаго полчища, поспѣшно отступалъ предъ нашими войсками, однако могущество этого гиганта было далеко еще не потрясено. Вѣра въ его непобѣдимость, слегка поколебленная описанными событіями, существовала еще во всей Западной Европѣ, не дерзавшей еще возстать противъ него. Наша армія, послѣ понесенныхъ ею трудовъ и потерь, была весьма изнурена и слаба; ей были необходимы сильныя подкрѣпленія для того, чтобы съ успѣхомъ предпринять великое дѣло освобожденія Европы, главное бремя котораго должно было пасть на Россію. Намъ потому ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало жертвовать арміею Чичагова для цѣли гадательной и, по стеченію обстоятельствъ, не обѣщавшей даже никакой пользы. Въ то время и даже донынѣ всѣ и во всемъ безусловно обвиняли злополучнаго Чичагова, который, будучи весьма умнымъ человѣкомъ, никогда не обнаруживалъ большихъ военныхъ способностей; одинъ Ермоловъ съ свойственною ему рѣшительностью, къ крайнему неудовольствію всемогущаго въ то время Кутузова и графа Витгенштейна, смѣло оправдывалъ его, говоря, что отвѣтственность за чудное спасеніе Наполеона должна пасть не на одного Чичагова, а и на прочихъ главныхъ вождей, коихъ дѣйствія далеко не безупречны. Чичаговъ поручилъ генералу Чаплицу благодарить Ермолова за то, что онъ, вопреки общему мнѣнію, рѣшился его оправдывать. Хотя Наполеонъ, благодаря своему необыкновенному присутствію духа и стеченію многихъ благопріятныхъ обстоятельствъ, избѣжалъ окончательнаго пораженія, а, можетъ-быть, и плѣна, но, тѣмъ не менѣе, нельзя не удивляться превосходно соображенному плану, на основаніи котораго три арміи должны были, соединившись одновременно на Березинѣ, довершить здѣсь гибель непріятеля. Хотя успѣхъ и не увѣнчалъ этого достойнаго удивленія плана, однакожъ не увѣнчалъ по обстоятельствамъ, совершенно не зависѣвшимъ отъ сочинителей, которые, при составленіи его, обнаружили необыкновенную дальновидность и прозорливость. Они могли утѣшить себя мыслію, что исторія представляетъ не мало примѣровъ тому, что самыя превосходныя предначертанія не были приведены въ исполненіе лишь вслѣдствіе ничтожнѣйшихъ обстоятельствъ.

16 числа дошелъ до меня первый слухъ о переходѣ непріятеля чрезъ Березину, и я, извѣстивъ немедленно о томъ фельдмаршала, остановился въ ожиданіи дальнѣйшихъ отъ него повелѣній. Я полагалъ, что хотя бы дошедшее до меня извѣстіе о переправѣ и было несправедливо, это, по крайней мѣрѣ, ясно доказывало, что непріятель обратился уже не на Нижнее Березино, чего сначала ожидали, а прямо на Борисовъ, потому направленіе мое къ Нижнему Березину ни къ чему болѣе служить не могло. Расчетъ мой былъ вѣренъ, ибо 16-го, къ вечеру, я получилъ отъ генералъ-квартирмейстера полковника Толя письмо слѣдующаго содержанія:

«Нужно увѣдомить васъ о взаимномъ положеніи обѣихъ армій: Чичаговъ 9 числа въ Борисовѣ, авангардъ его подъ командою графа Ламберта разбилъ на голову Домбровскаго. Витгенштейнъ послѣ пораженія Виктора, который шелъ на соединеніе съ Бонапартомъ, находится въ Баранахъ, что на до-

Императрица Марія Өеодоровна.

рогѣ отъ Лепеля къ Баркову, авангардъ нашъ подъ командою Милорадовича—въ Бобрахъ, а Платовъ—въ Крупкахъ. Главная наша армія сегодня выступаетъ въ Сомры (на картѣ Хомры), малый авангардъ оной подъ командою Васильчикова въ Ухвалы. Съ своей стороны вся французская армія на походѣ къ Борисову. Вы очень хорошо сдѣлаете, если немедленно, какъ можно поспѣшнѣе, займете Озятичи и откроете лѣсную дорогу отъ сего селенія къ Борисову. Желательно, чтобы сей пунктъ былъ занятъ тщательнѣе такъ, какъ и селеніе Чернявка, изъ коей пошлите разъѣздъ на большую Борисовскую дорогу. Орловъ посланъ со 150 казаками къ Чичагову; постарайтесь открыть съ нимъ сообщеніе; вы тѣмъ угодите фельдмаршалу. Всѣ ваши храбрые будутъ награждены. Карлъ Толь. На походѣ въ Сомры 16 ноября».

Я увидѣлъ изъ этого письма, какъ разобщены были Витгенштейнъ и Чичаговъ, между коими протекала Березина и нахо-

дилась непріятельская армія, простиравшаяся, по крайней мѣрѣ, до 80.000 человѣкъ. Хотя я не совсѣмъ вѣрилъ извѣстію о переправѣ, однако не сомнѣвался болѣе въ томъ, ибо Наполеонъ, пользуясь малочисленностью войскъ Чичагова, могъ перейти рѣку въ какомъ-нибудь пунктѣ либо открытой силой, либо тайно; по переходѣ же Березины, я предполагалъ, что непріятель направится изъ Борисова къ Минску, потому что путь этотъ былъ самый кратчайшій изъ всѣхъ, идущихъ къ Варшавѣ; слѣдуя по нему, Наполеонъ могъ соединиться съ корпусомъ Шварценберга и Ренье, отчего армія его могла снова возвыситься до 130.000 человѣкъ. Двигаясь этимъ путемъ, непріятель могъ избѣжать фланговаго преслѣдованія нашего, столь для него пагубнаго до самой Березины, и продолжать свой маршъ чрезъ край, несравненно менѣе опустошенный, чѣмъ Виленскій, гдѣ проходили обѣ воюющія арміи и ихъ обозы. Вслѣдствіе этого я рѣшился, невзирая на предложенія полковника Толя, переправиться немедленно чрезъ Березину и идти на Смолевичи, что между Игумномъ и Минскомъ. За таковое ослушаніе я былъ достоинъ весьма строгаго наказанія. Партизанъ необходимо долженъ умствовать, но не перепускать, какъ говорится, умъ за разумъ. Событія доказали, что мнѣ ни къ чему не послужило преждевременное и отдаленное движеніе мое къ Смолевичамъ, гдѣ я всегда бы успѣлъ предупредить непріятеля; въ случаѣ переправы Наполеона при Борисовѣ, я бы могъ сдѣлать то же самое, двинувшись изъ Озятичей; стоило только внимательнѣе прочесть письмо полковника Толя и взглянуть на карту, чтобы оцѣнить благоразумное его распоряженіе. Полагая непріятеля между селеніемъ Начею и Борисовымъ, извѣщенный о прибытіи Витгенштейна въ Бараны, а Чичагова къ мостовому Борисовскому укрѣпленію, онъ предполагалъ, что непріятелю оставалось поступить слѣдующимъ образомъ: прикрываясь со стороны главной арміи рѣчкой Начей и, спустившись вдоль по ней къ Озятичамъ, совершить переправу въ углу, описываемомъ означенной рѣчкой и Березиной. Вотъ почему Толь посылалъ меня въ Озятичи. При всемъ томъ, я пошелъ на Смолевичи, какъ будто бы для дѣйствія не въ тылъ непріятелю, а арміи Чичагова!! Однако, достигнувъ Козлова Берега, я получилъ изъ главной квартиры увѣдомленіе, что такъ какъ французская армія не имѣетъ никакого средства переправиться чрезъ эту рѣку при Борисовѣ, то чтобы я спѣшилъ исполненіемъ даннаго мнѣ Толемъ предписанія. Эта бумага, равно и письмо послѣдняго, были отъ 16-го поутру. Такъ какъ мнѣ во второй разъ предписывалось то же самое, я рѣшился отказаться отъ своего безразсуднаго предпріятія, которое я считалъ столь выгоднымъ, что не могъ не увѣдомить генералъ-квартирмейстера, что, исполняя его предписаніе, я почитаю, однако, невыгоднымъ данное мнѣ направленіе. Съ кѣмъ не случается грѣха или бѣды? Право, я до сихъ поръ не нашелъ еще достойнаго себѣ укора за столь глупое съ моей стороны упрямство. Мы были уже на половинѣ дороги къ Озятичамъ, какъ нагнали насъ посланные ко мнѣ въ Козловъ Берегъ курьеры съ другими письмами отъ полковника Толя, по которымъ онъ, извѣщая меня о переправѣ французской арміи чрезъ Березину, увѣдомлялъ, что главная армія идетъ на Жуковецъ, Жодинъ и Логойскъ, все на лѣвой сторонѣ непріятеля; онъ совершенно соглашался со мною въ выборѣ

направленія партіи моей на Смолевичи. Да проститъ мнѣ генералъ-квартирмейстеръ! Въ этомъ случаѣ ошибка уже не съ моей стороны: важность Смолевичевскаго пункта обнаружилась бы лишь въ случаѣ движенія непріятеля на Минскъ, при слѣдованіи же его къ Вильнѣ этотъ пунктъ терялъ уже все свое значеніе и годился лишь для ночлега или привала. Я долженъ былъ направиться на Борисовское мостовое укрѣпленіе, Логойскъ и Молодечну; но такъ какъ поворотъ непріятеля съ Минской дороги на Виленскую удалялъ меня отъ него на 130 верстъ, то и по означенному направленію я не могъ уже догнать его прежде Ковно или, по крайней мѣрѣ, прежде Вильны. Чтобы удостовѣриться въ томъ, надо знать, что 20 ноября, когда, послѣ переправы моей чрезъ Березину, я ночевалъ въ Ушѣ, французская армія находилась уже въ Илѣ. Кто взглянетъ на карту, тотъ увидитъ пространство, раздѣлявшее меня отъ непріятеля; несмотря на то, я рѣшился дѣйствовать на основаніи предписанія. Не доходя пятнадцати верстъ до Шеверницъ, я узналъ, что туда прибыла главная квартира. Оставивъ партію на маршѣ, я поскакалъ одинъ прямою дорогою въ Шеверницы. Свѣтлѣйшій въ то время обѣдалъ. Входя въ ворота, я встрѣтилъ англійской службы полковника сэръ Роберта Вильсона, бродившаго около двора; онъ не смѣлъ войти въ квартиру свѣтлѣйшаго, вслѣдствіе какого-то между ними взаимнаго дипломатическаго неудовольствія. Будучи коротко знакомъ съ нимъ съ самой 1807 года кампаніи, я спросилъ его, что онъ тутъ дѣлаетъ. «Любезный другъ! — отвѣчалъ онъ мнѣ, — жду извѣстія о рѣшительномъ направленіи арміи послѣ того несчастія, которое я давно предвидѣлъ, но которое при всемъ томъ не можетъ не терзать каждое истинно англійское и русское сердце!» Я вошелъ въ сѣни и велѣлъ вызвать полковника Толя, чтобы лично отъ него удостовѣриться въ извѣстіи о переправѣ непріятельской арміи чрезъ Березину и узнать, не будетъ ли мнѣ дано другого направленія. Толь и князь Кудашевъ вышли ко мнѣ въ сѣни и звали меня въ избу, но я, не любя никогда бросаться въ глаза начальникамъ, отказался; тогда они объявили самому свѣтлѣйшему о моемъ прибытіи. Онъ велѣлъ меня позвать, чрезвычайно обласкалъ и, посадивъ за столъ, угощалъ, какъ сына. Послѣ обѣда свѣтлѣйшій разспрашивалъ меня о дѣлахъ при Копысѣ и при Бѣлыничахъ, хвалилъ осторожность мою предъ нападеніемъ на депо и мою настойчивость при овладѣніи Бѣлыничами, но, выговаривая мнѣ за излюшнюю строгость съ Поповымъ (котораго я принялъ за мера Копыса), прибавилъ въ видѣ шутки: «Какъ у тебя духа стало пугать такъ его? У него такая хорошенькая жена!» Я отвѣчалъ ему: «Полагаю, что у Могилевскаго . . . . [1]) еще болѣе женъ, которыя, можетъ-быть, еще красивѣе жены Попова, но я желалъ бы, чтобы сія неоцѣненная особа попалась мнѣ въ руки, я бы съ нею разсчитался по-пріятельски».— «За что?» спросилъ свѣтлѣйшій. «За присягу французамъ, — отвѣчалъ я,—къ которой онъ приводилъ могилевскихъ жителей и за поминанія на ектеньяхъ Наполеона. Чтобы въ томъ удостовѣриться,—продолжалъ я,—прикажите нарядить слѣдствіе. Ваша свѣтлость, не награждайте почестями истинныхъ сыновъ Россіи,

[1]) Архіерея (Варлаама Шишатскаго). Позднѣе онъ былъ разстриженъ. *В. К.*

ибо какая награда можетъ сравниться съ спокойной совѣстью послѣ исполненія своего долга? Но щадить измѣнниковъ столько же опасно и вредно, какъ истреблять карантины въ чумное время». Съ этимъ словомъ я подалъ ему списокъ чиновниковъ, кои присягали и помогали непріятелю. Свѣтлѣйшій, взявъ его, прочиталъ и сказалъ: «Погодимъ до поры, до времени». Я узналъ послѣ, что архіерей Могилевскій былъ разжалованъ въ монахи, но не знаю, по моему ли представленію или по представленію другого. Насчетъ направленія моей партіи я получилъ лишь повелѣніе догонять французовъ чрезъ Ушу, Борисовское мостовое укрѣпленіе, Логойскъ, Илію и Молодечно; а такъ какъ партія моя, обремененная двумя орудіями, не могла слѣдовать за мною прямою дорогою къ Шеверницамъ, то я нашелся вынужденнымъ ожидать здѣсь до полуночи ея прибытія. Между тѣмъ флигель-адъютантъ Мишо (что нынѣ генералъ-адъютантъ и графъ) просилъ меня дозволить ему, пристроившись къ моей партіи, догнать Чичагова, къ арміи котораго онъ былъ командированъ. Оставивъ орудія наши, какъ обузу, слишкомъ тягостную для усиленныхъ переходовъ, мы выступили къ Жуковцу въ четыре часа пополуночи. Переправа совершилась по тонкому льду; мы прибыли въ Ушу къ ночи.

20-го партія выступила въ походъ и ночевала у Борисовскаго мостового укрѣпленія. Въ эту ночь полковникъ князь Кудашевъ, проѣздомъ къ Чичагову, пробылъ у меня два часа; онъ взялъ съ собою Мишо и въ проводники одного урядника и двухъ казаковъ; изъ числа проводниковъ одинъ только возвратился, прочіе два были убиты поселянами. Это служило лучшимъ доказательствомъ того, что мы находились на истинномъ рубежѣ Россіи съ Польшею, и совѣтомъ быть намъ осторожнѣе и бдительнѣе.

Около этого времени морозы, послѣ временной оттепели, усилились и продолжались уже непрерывно. 20-го я получилъ повелѣніе слѣдовать прямо на Ковно, чтобы истребить здѣсь всѣ непріятельскіе запасы. Такое же приказаніе было послано и Сеславину; но ни онъ, ни я не могли исполнить означеннаго предписанія: я, по причинѣ движенія моего къ Нижнему Березину, отчего отсталъ отъ непріятеля на 130 верстъ; а Сеславинъ, будучи удаленъ отъ главной квартиры, могъ получить это повелѣніе лишь по занятіи Вильны, гдѣ былъ раненъ.

Пока я шелъ отъ Днѣпра къ Березинѣ, всѣ отряды, кромѣ графа Ожаровскаго, и всѣ партизаны, кромѣ меня, слѣдовали за главною непріятельскою арміею.

15-го подъ Кричею Сеславинъ напалъ съ успѣхомъ на польскія войска графа Тышкевича, изъ которыхъ многія были побиты, другія взяты въ плѣнъ; продолжая свое движеніе къ Лошницѣ, онъ снова имѣлъ здѣсь жаркую схватку съ непріятелемъ.

16-го сей отважный и неутомимый партизанъ, открывъ сообщеніе съ графомъ Витгенштейномъ, получилъ отъ него повелѣніе, во что бы то ни стало, открыть сообщеніе съ адмираломъ Чичаговымъ чрезъ Борисовъ. Исполненіе послѣдовало немедленно по полученіи повелѣнія. Борисовъ былъ занятъ Сеславинымъ, при чемъ имъ было взято 3.000 человѣкъ въ плѣнъ, и сообщеніе съ Чичаговымъ открыто. 17-го французская армія двинулась къ Зембину, Наполеонъ же прибылъ въ Камень. Ге-

нералъ Ланской, занимавшій Бѣлорусскимъ гусарскимъ полкомъ и казаками село Юрово на рѣкѣ Гайнѣ, выступилъ 16 числа чрезъ Антополье и Словогощь къ Плещеницѣ, куда прибылъ 17-го въ полдень. Онъ имѣлъ прекрасное намѣреніе слѣдовать впереди непріятеля къ Вильнѣ и затруднять, по возможности, движеніе головныхъ его колоннъ, что могъ исполнить безпрепятственно, ибо въ этотъ день Плещеницы были заняты одною только придворною свитою Наполеона и конвоемъ раненаго

Генералъ П. А. Тучковъ.

маршала Удино. Но въ то время еще такъ мало понимали истинныя обязанности партизана, что этотъ, извѣстный по своей неустрашимости и отважности, генералъ, бывъ атакованъ подходившими со стороны Камени войсками, вмѣсто того, чтобы, обратясь на Молодечну, истреблять магазины и заваливать дорогу, отступилъ обратно къ авангарду арміи Чичагова, слѣдовавшей на Зембинъ по пятамъ непріятельской арміи; онъ удовольствовался взятіемъ генерала Каминскаго, 30 штабъ- и оберъ-офицеровъ и 300 рядовыхъ... Партизанъ Сеславинъ шелъ на мѣстечко Забрежъ, которое было имъ занято съ боя 22 ноября; на другой день самъ Наполеонъ едва не попался ему

въ руки. Во второй разъ въ теченіе настоящей кампаніи судьба спасла его отъ покушенія казаковъ, которые вездѣ и повсюду его преслѣдовали, какъ неотразимые вампиры.

20-го партія моя обошла отрядъ графа Ожаровскаго около Антополья, 23-го обошла кавалерію Уварова въ Логойскѣ, 22-го прибыла въ Гайну, 23-го въ Илію и 24-го въ Молодечну, гдѣ догнала хвостъ арміи Чичагова, т.-е. часть Павлоградскихъ гусаръ и казаковъ подъ командою полковника Сталя. Вслѣдствіе повелѣніи идти прямо на Ковно, мы свернули 25-го на Лебеду, 26-го пришли въ Лоскъ, 27-го въ Ольшаны, 28-го въ Малыя Солешки, 29-го въ Парадоминъ и 30-го въ Новыя Троки. Тамъ я получилъ повелѣніе остановиться и ожидать новаго приказанія. Во время этого долговременнаго странствованія отряды и партіи наши ворвались въ Вильну, заваленную несмѣтнымъ числомъ обозовъ, артиллеріи, больныхъ, раненыхъ, усталыхъ и лѣнивыхъ. Впослѣдствіи каждый отрядный начальникъ приписалъ себѣ честь занятія сей столицы Литовскаго государства; но вотъ истина: пока Чаплицъ жевалъ и прибиралъ періоды воинственной рѣчи своей къ жителямъ; пока Бенкендорфъ франтилъ и холился съ намѣреніемъ нравиться женщинамъ, Кайсаровъ оставался близъ непріятельскихъ обозовъ, Тетенборнъ съ обнаженной саблею приказалъ редактору виленскихъ газетъ объявить свѣту, что онъ первый покорилъ городъ, и впослѣдствіи отвѣчалъ смѣхомъ на возраженія своихъ соперниковъ.

Сеславинъ поступилъ иначе. Чтобы изобразить, какъ слѣдуетъ, геройскій его подвигъ, я представляю на судъ читателямъ его донесеніе, и пусть всякій благомыслящій, видя самохвальство иноземца, отдастъ должную справедливость высокой душѣ сего истиннаго и вполнѣ знаменитаго россіянина, который въ описаніи дѣяній своихъ сотрудниковъ едва упомянулъ о жестокой ранѣ, имъ полученной. Вотъ его донесеніе:

«Генералу Коновницыну. Съ Божіею помощью я хотѣлъ атаковать Вильну, но встрѣтилъ на дорогѣ идущаго туда непріятеля. Орудія мои разсѣяли толпившуюся колонну близъ воротъ города. Въ сію минуту непріятель выставилъ противъ меня нѣсколько эскадроновъ; мы предупредили атаку сію своею и вогнали кавалерію его въ улицы; пѣхота поддержала конницу и посунула насъ назадъ; тогда я послалъ парламентера съ предложеніемъ о сдачѣ Вильны и, по полученіи отрицательнаго отвѣта, предпринялъ вторичный натискъ, который доставилъ мнѣ шесть орудій и одного орла. Между тѣмъ подошелъ ко мнѣ генералъ-маіоръ Ланской, съ коимъ мы тѣснили непріятеля до самыхъ городскихъ стѣнъ. Пѣхота французская, засѣвшая въ домахъ, стрѣляла изъ оконъ и дверей и удерживала насъ на каждомъ шагу. Я отважился на послѣднюю атаку, кою не могъ привести къ окончанію, бывъ жестоко раненъ въ лѣвую руку; пуля раздробила кость и прошла на вылетъ. Сумскаго гусарскаго полка поручикъ Орловъ также раненъ въ руку на вылетъ. Генералъ Ланской былъ свидѣтелемъ сего дѣла. Спросите у него, самъ боюсь расхвастаться, но вамъ и его свѣтлости рекомендую весь мой отрядъ, который во всѣхъ дѣлахъ отъ Москвы до Вильны окрылялся рвеніемъ къ общей пользѣ и не жалѣлъ крови за отечество. Полковникъ Сеславинъ. Ноября 27-го».

По прибытіи моемъ въ Новыя Троки, я получилъ повелѣніе генерала Коновницына слѣдовать на Олиту и Меречь къ Гроднѣ,

рапорты же мои продолжать писать въ главную квартиру, а между тѣмъ постоянно увѣдомлять обо всемъ адмирала Чичагова, двигающагося въ Гёзну, и генерала Тормасова, слѣдующаго къ Новому Свержену, что на Нѣманѣ. Съ симъ повелѣніемъ получилъ я письмо отъ генералъ-квартирмейстера, въ которомъ онъ объявлялъ о желаніи свѣтлѣйшаго, дабы войска наши всегда дружелюбно встрѣчали австрійцевъ; эти бумаги были отъ 30 ноября. Мы уже были на коняхъ, какъ вслѣдъ за этими повелѣніями получилъ я другое, по которому я долженъ былъ, не оставляя Новыхъ Трокъ, прибыть своею особою въ Вильну для свиданія съ свѣтлѣйшимъ. Я потому тотчасъ туда отправился. Отъ Новыхъ Трокъ до села Понари мы слѣдовали весьма покойно. У послѣдняго селенія, тамъ, гдѣ дорога раздѣляется на двѣ, идущія одна на Новыя Троки, другая на Ковно, груды труповъ человѣческихъ и лошадиныхъ, множество повозокъ, лафетовъ и палубовъ едва давали мнѣ возможность слѣдовать по этому пути; множество раненыхъ непріятелей валялось на снѣгу или, спрятавшись въ повозкахъ, ожидало смерти отъ дѣйствія холода и голода. Путь мой былъ освѣщенъ заревомъ пылавшихъ двухъ корчемъ, въ которыхъ горѣло много несчастныхъ. Сани мои ударялись объ головы, руки и ноги замерзшихъ или почти замерзающихъ; это продолжалось во все время движенія нашего отъ Понарей до Вильны. Сердце мое разрывалось отъ стоновъ, воплей разнородныхъ страдальцевъ. То былъ страшный гимнъ избавленія моей родины!

1 декабря явился я къ свѣтлѣйшему. Какъ главная квартира, видимо, измѣнилась! Вмѣсто разоренной деревушки и курной избы, окруженной караульными, выходившими и входившими въ нее должностными людьми и проходившими мимо войсками, вмѣсто тѣсной горницы, куда прямо входили изъ сѣней и гдѣ видали мы свѣтлѣйшаго на складныхъ креслахъ, разсматривавшаго планы во время борьбы своей съ геніемъ величайшаго завоевателя всѣхъ вѣковъ, я увидалъ улицу и дворъ, уставленные великолѣпными каретами, колясками и санями. Толпы подобострастныхъ польскихъ вельможъ въ русскихъ мундирахъ, множество нашихъ и непріятельскихъ плѣнныхъ генераловъ, штабъ- и оберъ-офицеровъ, изъ которыхъ многіе съ костылями, изувѣченные, другіе же бодрые и веселые, — все, тѣснясь, стремилось къ крыльцу, въ переднюю и въ залы человѣка, за два года предъ этимъ въ этомъ же городѣ завѣдывавшаго лишь однимъ гарнизоннымъ полкомъ, нѣсколькими гражданскими чиновниками, а нынѣ предводительствующаго всѣми русскими силами и спасителя своего отечества! Когда я вошелъ къ нему, одежда моя обратила на меня всеобщее вниманіе. Среди облитыхъ золотомъ генераловъ, красиво одѣтыхъ офицеровъ и литовскихъ гражданъ я явился въ черномъ чекменѣ, красныхъ шароварахъ, съ круглою курчавою бородою и черкесскою шапкою. Поляки шопотомъ разспрашивали обо мнѣ; нѣкоторые изъ нашихъ отвѣчали: «Партизанъ Давыдовъ»; самолюбіе мое было живо затронуто, когда я услыхалъ нѣсколько прилагательныхъ, обратившихъ вниманіе этой толпы. Чрезъ двѣ минуты я былъ позванъ въ кабинетъ свѣтлѣйшаго, который сказалъ мнѣ, что графъ Ожаровскій идетъ на Лиду, австрійцы прикрываютъ Гродно, и что онъ весьма доволенъ мирнымъ поведеніемъ Ожаровскаго относительно ихъ; желая

совершенно изгнать непріятеля изъ предѣловъ Россіи, онъ посылаетъ меня на Меречь и Слиту, прямо къ Гродно, для занятія этого города и очищенія окрестностей его отъ непріятелей; онъ при этомъ приказалъ дѣйствовать болѣе дружелюбными переговорами, чѣмъ оружіемъ. Если же найду первый способъ недостаточнымъ, то онъ позволилъ мнѣ прибѣгнуть къ оружію, съ тѣмъ только, чтобы отсылать плѣнныхъ немедленно въ непріятельскій корпусъ, не только не обижая, но стараясь обласкать и удовлетворять всѣмъ возможнымъ. Свѣтлѣйшій окончилъ тѣмъ, что сказалъ слѣдующее: «Я ожидаю рапорта отъ графа Ожаровскаго о дальнѣйшемъ его движеніи и полагаю нужнымъ, чтобы ты дождался этого рапорта въ Вильнѣ, дабы не предпринимать напрасно движенія къ Гродно. Въ случаѣ же, если графъ Ожаровскій не двинется по какимъ-либо причинамъ изъ Лиды, тогда только ты долженъ поспѣшнѣе слѣдовать къ назначенному тебѣ пункту». Ожидаемый рапортъ былъ полученъ 3-го вечеромъ. Графъ Ожаровскій писалъ, что, занявъ 2-го числа Лиду, онъ послалъ немедленно два полка для занятія Бѣлицы, самъ же остановился въ Лидахъ. Прочитавъ донесеніе, я поскакалъ въ Новыя Троки. Сборы мои никогда не были продолжительны: взнуздай, садись, пошелъ, и на разсвѣтѣ партія моя была уже на половинѣ дороги къ Меречу. Въ этомъ мѣстечкѣ мы успѣли захватить огромный магазинъ съ съѣстными припасами, который я сдалъ подъ расписку прибывшему туда мужественному командиру Московскаго драгунскаго полка полковнику Давыдову, и продолжалъ путь вдоль Нѣмана, поручивъ авангардъ мой маіору Чеченскому.

8 числа Чеченскій, столкнувшись съ аванпостами австрійскими, подъ Гродно, взялъ въ плѣнъ двухъ гусаръ и, вслѣдствіе даннаго приказанія, немедленно отослалъ ихъ къ генералу Фрейлиху, командовавшему въ Гродно отрядомъ, состоявшимъ изъ четырехъ тысячъ человѣкъ конницы и пѣхоты при тридцати орудіяхъ. Фрейлихъ прислалъ чрезъ парламентера благодарить Чеченскаго за его любезный поступокъ, а Чеченскій, воспользовавшись этимъ, вступилъ съ нимъ въ переговоры. Австрійскій генералъ объявилъ сперва, что онъ не иначе сдастъ городъ, какъ предавъ огню всѣ провіантскіе и комиссаріатскіе магазины, въ которыхъ было запасовъ на цѣну, превышавшую милліонъ рублей. На это Чеченскій отвѣчалъ, что доставка ляжетъ на жителей этой губерніи и чрезъ это онъ докажетъ лишь свое недоброжелательство къ русскимъ въ такое время, когда каждое дружеское изъявленіе австрійцевъ къ намъ есть смертельная рана бичу всѣхъ народовъ. Послѣ нѣсколькихъ преній, Фрейлихъ рѣшился оставить городъ со всѣми запасами, въ немъ находившимися, и отступилъ съ отрядомъ своимъ за границу. Вслѣдъ за нимъ Чеченскій вступилъ въ Гродно и, остановившись на площади, занялъ своими постами улицы, къ ней прилегающія, и поставилъ караулы при магазинахъ и госпиталяхъ. Онъ не преминулъ также увѣдомить меня о духѣ польскихъ жителей города, весьма для насъ неблагопріятномъ. Иначе и быть не могло: городъ Гродно ближе всѣхъ большихъ литовскихъ городовъ граничилъ съ Варшавскимъ герцогствомъ, и потому въ немъ было болѣе враждебныхъ намъ лицъ: связи родства и дружбы, удобство въ сношеніяхъ съ обывателями лѣваго берега Нѣмана и города Варшавы, съ этимъ горниломъ козней,

вражды и ненависти противъ Россіи,—все подстрекало гродненскихъ поляковъ стараться наносить намъ наибольшое зло. Напротивъ того, всѣ вообще евреи, обитавшіе въ Польшѣ, были столь преданы намъ, что при всей своей алчности къ пріобрѣтенію во все время не хотѣли служить непріятелю въ качествѣ лазутчиковъ и весьма часто сообщали намъ важнѣйшія свѣдѣнія о немъ. Надо было наказать первыхъ и поблагодарить послѣднихъ.

9 числа я со всей моей партіей вступилъ въ городъ, у въѣздовъ котораго меня ожидалъ весь кагалъ. Желая изъявить евреямъ мою благодарность за преданность ихъ русскимъ, я, не улыбаясь, выслушавъ рѣчь главнаго изъ нихъ, сказалъ ему нѣсколько благосклонныхъ привѣтствій; увлекшись веселымъ расположеніемъ духа, я не могъ отказать себѣ въ удовольствіи сыграть фарсъ на манеръ извѣстнаго балагура и милаго друга моего Кульнева: я въѣхалъ въ Гродно подъ жидовскимъ балдахиномъ. Я знаю, что многіе не рѣшились бы на это изъ опасенія насмѣшекъ поляковъ, но я ихъ вовсе не боялся. Изступленная отъ радости толпа евреевъ съ визгами и непрерывными «ура!» провожала меня до площади; между нами не было ни одного поляка, не по причинѣ особой твердости ихъ духа и національной гордости, ибо къ вечеру они всѣ явились ко мнѣ, но по совершенному невѣдѣнію о событіяхъ того времени, хотя

извѣстія о выступленіи французовъ изъ Москвы дошли до нихъ нѣсколькими днями прежде занятія мною Гродно. При всемъ томъ, они все еще полагали, что армія наша въ окрестностяхъ Смоленска, а партію мою считали отрядомъ корпуса Сакена. Остановившись на площади и сойдя съ лошади, я велѣлъ ударить въ барабанъ городской полиціи. Когда стеченіе народа сдѣлалось довольно значительно, я приказалъ барабанамъ умолкнуть и велѣлъ читать заранѣе приготовленную мною бумагу, съ коей копіи, переведенныя на польскій языкъ, были немедленно распространены по городу.

«По пріему, сдѣланному русскому войску польскими жителями Гродно, я вижу, что до нихъ не дошелъ еще слухъ о совершившихся великихъ событіяхъ; вотъ онѣ: Россія побѣдила Наполеона. Всѣ наши силы вступили въ Вильну 1 декабря. Теперь онѣ за Нѣманомъ. Изъ 400-тысячной непріятельской арміи и при ней тысячи орудій лишь пятнадцать тысячъ человѣкъ съ четырьмя пушками перешли обратно за Нѣманъ. Господа поляки, облекитесь въ черное платье! Рѣдкій изъ васъ не имѣлъ ближняго, родственника или друга: изъ восьмидесяти тысячъ вашихъ войскъ, дерзнувшихъ вступить въ наши предѣлы, лишь пятьсотъ явятся къ вамъ; прочіе же, обезображенные холодомъ, голодомъ, засыпаны снѣгомъ по большой дорогѣ. Я вошелъ въ городъ на основаніи мирнаго договора, хотя я бы могъ сдѣлать то же самое оружіемъ, но я пожертвовалъ военной славою отряда моего для спасенія города, принадлежащаго Россіи, ибо вамъ извѣстно, что бой въ улицахъ кончится грабежомъ въ домахъ, а грабежъ — пожарами и всеобщимъ разореніемъ. И что же? я хочу васъ спасать, а вы сами себя губите. Я читаю на лицахъ собравшихся здѣсь поляковъ коварные противу насъ замыслы. Я вижу наглую надменность въ осанкѣ и взглядахъ вашихъ; ружья и сабли у васъ еще въ рукахъ, а пистолеты и кинжалы за поясами. Зачѣмъ все это? Вы бы должны, напротивъ, со всею искренностью вспомнить тѣ обязанности, которыхъ вамъ никогда не надлежало бы забывать. Итакъ, вопреки вашего собственнаго побужденія, я вынужденъ взять необходимыя для вашего спасенія мѣры, ибо однимъ выстрѣломъ вы накликните бѣдствія на весь городъ! Невинные пострадали бы вмѣстѣ съ виноватыми, и тогда все будетъ обращено въ прахъ и пепелъ! Дабы охранить васъ отъ разныхъ бѣдствій и имѣя въ виду лишь пользу города, я измѣняю управленіе онаго. Подполковникъ Храповицкій назначается начальникомъ города. На полицеймейстера и подчиненныхъ его, которые всѣ поляки, я положиться не могу, и потому приказываю всѣмъ и во всемъ относиться къ еврейскому кагалу. Зная преданность евреевъ къ русскимъ, я избираю кагальнаго въ начальники высшей полиціи и возлагаю на него отвѣтственность за всякаго рода безпорядки, могущіе возникнуть въ городѣ, такъ, какъ и за всѣ тайныя совѣщанія, о коихъ начальникъ города не будетъ извѣщенъ; дѣло кагальнаго выбрать себѣ изъ евреевъ помощниковъ для надзора какъ за полиціею, такъ и за всѣми польскими обывателями города. Кагальный долженъ помнить и гордиться властью, которою я облекаю его и евреевъ, и знать, что ревность и усердіе ихъ будутъ извѣстны высшему начальству. Предписывается жителямъ города, чтобы чрезъ два часа все огнестрѣльное оружіе, имъ принадлежащее, было снесено на квартиру под-

полковника Храповицкаго. У кого отыщется таковое пять минутъ послѣ истеченія назначеннаго мною срока, тотъ будетъ разстрѣлянъ на площади. Увѣряю, что я шутить не люблю и слово свое умѣю держать, награждая и наказывая».

— Это что за столбъ?—спросилъ я, увидя высокій столбъ посреди площади.

Кагальный объявилъ, что этотъ столбъ поставленъ польскими обывателями въ честь взятія Москвы. Въ это время господинъ Андржейковичъ (шуринъ генерала Беннигсена) подошелъ ко мнѣ и, унизительно кланяясь, сказалъ: «Cela se nomme mat de cocagne,

Гр. Аракчеевъ.

mon colonel, les circonstances...»; бросивъ на него взглядъ презрительный, я заставилъ его отступить въ толпу, изъ которой онъ только что выступилъ.

— Кагальный, топоры! и долой столбъ!—Столбъ мгновенно рухнулъ на землю.

— Что за картины вижу я на балконахъ и окнахъ каждаго дома?

— Это прозрачныя картины, — отвѣчалъ кагальный: — выставлены, какъ и столбъ, для празднованія взятія Москвы.

— Долой и въ огонь на площади!

Когда нѣкоторыя изъ картинъ пронесли мимо меня, я примѣтилъ разныя аллегорическія ругательства насчетъ Россіи. Самая замѣчательная находилась на балконѣ аптекаря; на ней изображались орелъ французскій и бѣлый орелъ польскій, раздирающіе на части двуглаваго орла Россіи. Я велѣлъ позвать къ себѣ аптекаря и приказалъ ему къ 12 числу написать картину

совершенно противоположнаго содержанія, присовокупивъ къ орламъ Франціи и Польши еще двухъ особыхъ орловъ, улетающихъ отъ одного орла русскаго.

Между тѣмъ я не забылъ жителей, съ домовъ которыхъ сорваны были эти аллегорическія изображенія. Имъ было велѣно къ 12 же числу выставить изображенія, соотвѣтствующія настоящимъ обстоятельствамъ и прославляющія Россію за освобожденіе отъ нашествія просвѣщенныхъ варваровъ. Всѣ безпрекословно повиновались; одинъ лишь аптекарь не хотѣлъ повиноваться, отговариваясь многосложнымъ содержаніемъ заказанной ему картины; онъ утверждалъ, что не успѣетъ исполнить приказанія въ столь короткій срокъ. Этого было довольно. До сей поры на лицѣ и въ словахъ моихъ изображалась одна холодная строгость; я искалъ лишь повода, чтобы притти въ ярость, и тѣмъ окончательно сразить надменность польскую; этотъ случай представился, и, по словамъ моихъ товарищей, гнѣвъ мой казался ужаснымъ. Я крикнулъ, и электрическая искра пробѣжала по всей толпѣ поляковъ; аптекарь, вытянувшись, страшно поблѣднѣлъ. Я приказалъ приставить караулъ къ дому его, съ тѣмъ, чтобы во весь день, назначенный для торжества, не было у него огня не только въ домѣ, но даже и на кухнѣ, а 13, вечеромъ, когда нигдѣ уже не будетъ видна иллюминація, велѣлъ ему освѣтить всѣ окна, выставивъ на балконѣ означенную прозрачную картину. Это было исполнено. Къ довершенію всѣхъ неистовствъ, какъ называли поляки мои дѣйствія, я отыскалъ ксендза, говорившаго похвальное слово Наполеону при вступленіи непріятеля въ предѣлы Россіи, и приказалъ ему сочинить и говорить въ россійской церкви слово, въ которомъ онъ долженъ былъ предать проклятію Наполеона съ его войскомъ и союзниками и восхвалять нашего императора, Кутузова, нашъ народъ и войско; но такъ какъ я не зналъ польскаго языка, то ему было велѣно 11 числа, вечеромъ, представить рукопись свою на разсмотрѣніе Храповицкому. Сверхъ этого я назначилъ сотню казаковъ, всегда готовыхъ для Храповицкаго, когда нужно было бы ему прибѣгнуть къ силѣ для исполненія данныхъ ему повелѣній. Эти казаки были также посылаемы денно и нощно патрулями по городу и разгоняли сборища свыше пяти человѣкъ. Я предписалъ запечатать магазины и оставить при нихъ поставленные маіоромъ Чеченскимъ караулы. Я также приказалъ открыть грекороссійскую церковь и возстановить въ ней богослуженіе; 12 числа, въ день рожденія государя императора, я приказалъ, чтобы всѣ городскіе чиновники явились ко мнѣ съ поздравленіемъ, чтобы городъ былъ освѣщенъ и чтобы во весь день звонили во всѣ колокола. Я, наконецъ, приказалъ кагалу подать списокъ всѣмъ чиновникамъ и обывателямъ, записавшимся въ службу Варшавскаго герцогства. Такимъ образомъ, окончивъ, такъ сказать, площадныя дѣла мои, я пошелъ на квартиру, откуда немедленно отправилъ курьера въ главную квартиру съ донесеніемъ о благополучномъ исполненіи возложеннаго на меня порученія. Чрезъ часъ всѣ важнѣйшія лица города явились ко мнѣ съ почтительными визитами. Всѣмъ произнесенъ былъ швейцаромъ моимъ, казакомъ моимъ, вооруженнымъ пикой, отрывистый отказъ. Нѣкоторые, однакожъ, были приняты: Андржейковичъ, о которомъ я выше упомянулъ и съ которымъ Храповицкій долженъ былъ имѣть сношенія относи-

тельно продовольствія партіи, старикъ графъ В., который отъ старости и трусости не принималъ участія въ военныхъ предпріятіяхъ, а отъ скупости не помогалъ деньгами, и господинъ Ротъ, венгерскій выходецъ, почтенный старецъ, издавна въ городѣ поселившійся, чуждый всѣхъ политическихъ переворотовъ и имѣющій въ нашей службѣ пять сыновей, всегда храбро служившихъ. Первому было однажды отказано Храповицкимъ, вслѣдствіе возникшаго между ними спора насчетъ фуража и провіанта, необходимыхъ для партіи; а когда же впустили второго, онъ въ голубой польской лентѣ, въ башмачкахъ и со шляпою подъ мышкой, самымъ смиреннымъ образомъ явился предо мною въ комнатѣ. Причина посѣщенія его состояла не въ безплодномъ униженіи, подобно нѣкоторымъ его соотечественникамъ; онъ пріѣхалъ съ тѣмъ, чтобы умолять меня о помилованіи, дабы казаки не разоряли его, въ чемъ онъ не сомнѣвался, услыша, что я ношу бороду и командую казаками; два эти обстоятельства были, повидимому, вовсе неутѣшительны для него. Владѣя большимъ движимымъ имѣніемъ, пріобрѣтеннымъ имъ въ теченіе сорокалѣтняго, достохвальнаго упражненія на зеленой равнинѣ ломбернаго стола, онъ дрожалъ при мысли, что его мгновенно могутъ лишить всего того, что онъ пріобрѣлъ долговременными и искусными подвигами. Я втайнѣ смѣялся надъ нимъ, видя его извороты, которыми онъ желалъ убѣдить меня въ понесенныхъ имъ убыткахъ. Я, признаюсь, довольно долго наслаждался его страхомъ и послѣ всякаго разсказа отвѣчалъ ему: «Однако, графъ, еслибы можно было пошарить у васъ, то, вѣрно, еще можно кое-что найти!» и онъ на всякій такой отвѣтъ повторялъ: «Дали Бугъ! ницъ не ма!» [1]) Онъ крестился и подымалъ глаза къ небу. А такъ какъ онъ крестился по-католически, то каждый разъ я заставлялъ его снова креститься по-нашему, что онъ даже, повидимому, съ радостью самъ собою уже дѣлалъ. Измучивъ его болѣе часу, я заключилъ наше свиданіе просьбою, чтобы онъ ничего не опасался, что хотя я въ бородѣ и командую казаками, но что ни я, ни они не грабители. Безъ сомнѣнія, слова мои мало его успокоили; но безукоризненное поведеніе партіи моей въ теченіе сутокъ удостовѣрило его въ истинѣ словъ моихъ.

Такъ какъ во время проѣзда моего въ 1807 году изъ Тильзита я провелъ нѣсколько дней въ Гродно, то многіе изъ жителей сего города меня знали и потому немедленно осыпали меня приглашеніями всякаго рода: одни звали меня на чай, другіе на ужинъ, нѣкоторые разобрали между собою слѣдующіе дни для угощенія меня и моихъ товарищей; но мы рѣшительно отъ всего отказались и раздѣляли время между собою и обязанностями службы.

12 числа, поутру, господинъ Ротъ, войдя ко мнѣ, объявилъ о пріѣздѣ чиновниковъ и всѣхъ почетныхъ особъ города для поздравленія. Занимаемый мною домъ былъ на городской площади противъ ратуши; я и Храповицкій жили въ двухъ маленькихъ горницахъ, примыкавшихъ къ обширной, сырой залѣ, не топленной съ самаго начала зимы. Тамъ, для приданія себѣ важности, что было необходимо относительно поляковъ, я заставилъ ждать цѣлый часъ всѣхъ моихъ посѣтителей, одѣтыхъ

[1]) Ей Богу! Ничего нѣтъ! *В. К.*

уже въ губернскіе мундиры, явившихся съ повинными головами и дрожавшихъ отъ страха и холода. Наконецъ, я предсталъ предъ ними въ моей наѣздническої одеждѣ. Я говорилъ имъ рѣзко, хотя весьма вѣжливо, и заключилъ монологъ свой приказаніемъ слѣдовать за мною въ церковь, дабы молиться за русскаго царя и благодарить Бога за избавленіе Россіи. Все, что я приказалъ Храповицкому, онъ передалъ кагалу, а кагалъ—обывателямъ, и все было въ точности приведено въ исполненіе; это весьма не нравилось полякамъ, принужденнымъ противъ воли прославлять и царя, и народъ русскій. Они быстро перешли отъ надменной походки вооруженныхъ рыцарей къ національному ихъ паденію въ ноги и вмѣсто владычества надъ Россіею были принуждены исполнять предписанія жидовскаго кагала.

13-го, вечеромъ, я получилъ повелѣніе идти на Ганьондзъ. Партія моя немедленно туда выступила; но я по болѣзни нашелся вынужденнымъ остаться лишнихъ пять дней въ Гродно. Сего числа прибыла въ Гродно кавалерія генералъ-лейтенанта Корфа, а на другой день и пѣхота генерала-отъ-инфантеріи Милорадовича. Первому изъ нихъ я сдалъ магазины и госпитали, находившіеся въ этомъ городѣ, и, переѣхавъ къ нему на квартиру, остался въ ней до моего выздоровленія.

Не могу умолчать о генералѣ Милорадовичѣ. По пріѣздѣ его въ Гродно, всѣ поляки, оставивъ меня, пали къ его стопамъ; но онъ былъ занятъ другимъ, ибо въ то время онъ получилъ письмо съ драгоцѣнною саблей отъ графини Орловой - Чесменской. Письмо это заключало въ себѣ нѣкоторыя выраженія, дававшія ему надежду на руку этой богатой женщины. Милорадовичъ запылалъ восторгомъ неодолимой страсти! Онъ не находилъ словъ къ изъявленію благодарности своей, писалъ ей цѣлые дни отвѣты, покрылъ стопы бумагъ своими іероглифами: каждое письмо, имъ самимъ вчернѣ написанное, было крайне смѣшно и глупо! Никому не позволено было входить въ его кабинетъ, кромѣ его адъютанта Киселева, меня и взятаго въ плѣнъ доктора Бартелеми. Мы одни были его совѣтниками: Киселевъ, какъ умный человѣкъ, отлично знавшій большой свѣтъ, я въ качествѣ литератора, Бартелеми, какъ французъ, ибо письма были сочиняемы на французскомъ языкѣ. Давній пріятель Милорадовича, генералъ-маіоръ П. жаловался на него всякому, подходившему къ запертой для всѣхъ двери его, близъ которой онъ расположился подобно легавой собакѣ въ своемъ логовищѣ. Комендантъ города и чиновники корпуса также подходили къ ней по нѣскольку разъ въ сутки и уходили домой, не получивъ никакого отвѣта. Отъ этого корпусное и городское управленіе пришли въ хаотическое состояніе, госпиталь обратился въ складъ, наполненный хлѣбомъ, сукномъ и кожами, магазины упразднились,—словомъ, безпорядокъ дошелъ до крайняго предѣла. Наконецъ, Милорадовичъ, подписавъ свою эпистолу, отверзъ двери, и всѣ въ нихъ устремились. Но—увы!—кабинетъ былъ уже пустъ: великій полководецъ ускользнулъ въ потаенныя двери и ускакалъ на балъ плясать мазурку; я же сѣлъ въ сани и явился 18 числа въ Тикочинъ, гдѣ ожидала меня моя партія.

Переступивъ за границу Россіи и видя каждаго подчиненнаго моего украшеннаго тремя награжденіями, а себя всѣми забытаго, по той лишь причинѣ, что, относясь во всю кампанію прямо къ свѣтлѣйшему либо къ Коновницыну, я не имѣлъ ни

одного посредника, который могъ бы представлять меня къ какому-либо награжденію; а потому я не счелъ за преступленіе напомнить о себѣ свѣтлѣйшему, которому написалъ письмо въ слѣдующихъ словахъ:

«Ваша свѣтлость! Во все время Отечественной войны я почиталъ грѣхомъ думать о томъ, что не относилось къ истребленію враговъ отечества; нынѣ мы переступили рубежъ дорогого отечества и, желая имѣть какое-нибудь вещественное воспоминаніе о великомъ минувшемъ годѣ, я осмѣливаюсь просить вашу свѣтлость удостоить меня знаками св. Георгія 4 класса, къ которому я не разъ былъ представленъ, что, впрочемъ, можетъ быть лучше оцѣнено вашею свѣтлостью, удостоившею меня не разъ въ теченіе кампаніи знаками своего благоволенія и поздравленіями съ полученіемъ военнаго ордена».

Въ отвѣтъ я получилъ (въ селѣ Соколахъ, 22 числа) пакетъ съ обоими крестами и съ слѣдующимъ письмомъ отъ Коновницына: «Получа письмо ваше къ его свѣтлости, я имѣлъ счастіе всеподданнѣйше докладывать государю императору объ оказанныхъ вами подвигахъ и трудахъ въ теченіе нынѣшней кампаніи. Его императорское величество соизволилъ повелѣть наградить васъ орденами: 4 класса св. Георгія и 3 степени св. Владиміра. Съ пріятностью увѣдомляю васъ о семъ и проч. Декабря 20 дня 1812 года. Вильна».

Меня увѣряли, что еслибы я тогда сказалъ хотя два слова о Георгіи 3 класса, то, безъ сомнѣнія, получилъ бы его весьма легко; но я былъ слишкомъ высокаго мнѣнія объ этомъ орденѣ и притомъ слишкомъ убѣжденъ, что далеко его не заслужилъ.

Въ Соколахъ я принужденъ былъ остановиться вслѣдствіе повелѣнія генералъ-адъютанта Васильчикова. Вскорѣ послѣ того получилъ я повелѣніе генерала Коновницына слѣдовать въ Ганьондзъ, для соединенія съ корпусомъ генерала-отъ-инфантеріи Дохтурова и поступить въ команду принца Евгенія Виртембергскаго. Вскорѣ потомъ дошло до меня повелѣніе отъ новаго дежурнаго генерала князя Волконскаго относительно того же предмета.

24-го вслѣдствіе новаго распредѣленія, партія моя поступила въ составъ главнаго авангарда арміи, порученнаго генералу Винценгероде.

Такимъ образомъ, поступивъ въ начальники передового отдѣленія главнаго авангарда арміи, я сошелъ съ партизанскаго поприща.

Письмо къ вдовствующей императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, писанное послѣ нашествія французовъ аптекаремъ Шереметевскаго страннопріимнаго дома.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Ваше Императорское Величество!

Щедроты и благодѣянія Вашего Императорскаго Величества, изливаемыя на вѣрноподданныхъ Вашихъ, подали мнѣ смѣлость повергнуть себя къ стопамъ Величества Вашего со всеподданнѣйшею моею просьбою.

Находясь въ службѣ въ столичномъ городѣ Москвѣ при страннопріимномъ домѣ графа Шереметева, подъ покровительствомъ Вашимъ существующемъ, въ тамошней аптекѣ въ должности аптекаря, которую исправлялъ годъ и три мѣсяца со всѣмъ прилежаніемъ, знаніемъ и расторопностью, соблюдая всѣ выгоды по части экономической въ пользу дома, что могутъ засвидѣтельствовать тамошнія начальства; во время же нашествія непріятельскаго въ Москву, когда начальники мои изъ оной выѣхали, я не дерзнулъ оставить моего мѣста, гдѣ и оставался безотлучно во все время непріятельскаго тамъ пребыванія, имѣя притомъ попеченіе по долгу и состраданію моему о оставшихся россійскихъ раненыхъ офицерахъ и о 32 бѣдныхъ въ богадѣльнѣ находившихся безъ всякаго призрѣнія; а когда служители, имѣвшіе въ смотрѣніи провизію, отказались выдавать и малѣйшую пропорцію для подкрѣпленія раненыхъ и бѣдныхъ (хотя еще достаточный запасъ находился), то я принужденъ былъ подѣлиться съ ними своимъ содержаніемъ стола. Но, къ крайнему соболѣзнованію, хотя успѣшнымъ лѣченіемъ нашихъ раненыхъ трудъ мой и попеченіе о нихъ и вознаграждался, но по причинѣ непріятельскихъ распредѣленій не могъ я имѣть удовольствія увидѣть ихъ совершенно здоровыми. Во время бывшаго въ нашъ домъ набѣга французскихъ солдатъ, которые приняли нашъ домъ за домъ частнаго человѣка, я имъ объяснилъ, какому заведенію оный принадлежитъ, и тѣмъ отвлекъ ихъ отъ дальнѣйшаго буйства и при расхищеніи нѣкоторыхъ вещей успѣлъ спасти столовые часы, стоящіе въ Совѣтѣ [1]), и электрическую машину.

Съ 3 на 4-е сентября, находясь мы въ чрезвычайной опасности, видя себя окруженными пламенемъ, угрожавшимъ своею яростію нашему дому, я тотчасъ же рѣшился вывести нашихъ больныхъ въ садъ. Когда я симъ занимался, непріятели насъ оставили, ограбя 291 р. казенныхъ денегъ, золотые часы и деньги мои 168 р. Въ сію ночь, т.-е. 4 числа, загорѣлся правый флигель, докторское жилище и экономическое строеніе. Я, сколько возможно было, старался потушить пожаръ на нашемъ дворѣ, прося и принуждая къ тому находящихся тутъ людей, что съ Божіею помощью и исполнили, потушивъ огонь въ другомъ флигелѣ и въ главномъ корпусѣ. Потомъ всякой день были мы обезпокоиваемы непріятельскими набѣгами, кои хотѣли дѣлать распредѣленіе для своихъ раненыхъ въ нашей больницѣ; но стараніемъ моимъ были они въ первыхъ дняхъ въ томъ безуспѣшны. Но когда невозможно было удержать, чтобъ оные не поселились въ нашей больницѣ, я и тутъ еще успѣлъ у баварскихъ начальниковъ въ томъ, чтобы помѣщались изъ ихъ больныхъ одни токмо офицеры, кои на слѣдующее утро съ довольнымъ запасомъ къ намъ и вступили. Между тѣмъ какъ баварцы занимались у насъ своими распоряженіями, вдругъ пріѣхали французскіе военные комиссары и выслали баварцевъ, подъ предлогомъ, что тѣ палаты уже распредѣлили для себя; и тутъ же явился французскій главный аптекарь и требовалъ немедленно осмотрѣть врачебную мастерскую, принуждавъ меня отдать ему ключи отъ принадлежавшихъ къ аптекѣ комнатъ. Я ему нѣсколько разъ въ томъ отказывалъ, говоря, что оные развѣ однимъ токмо воен-

---

[1]) Шереметевскаго дома.

Александръ I съ братьями и сестрами (въ дѣтствѣ).
(Рисунокъ импер. Маріи Ѳеодоровны).

нымъ комиссарамъ отдать буду согласенъ. Сей дерзновенный человѣкъ, разрушивъ дверь аптеки, ворвался въ оную, но я безпрестанно надзиралъ въ аптекѣ за тѣмъ, чтобъ они чего тамъ не расхитили и все бы осталось въ прежнемъ порядкѣ, что и соблюдено (хотя съ нѣкоторымъ, впрочемъ, ущербомъ) до послѣдняго дня ихъ выѣзда изъ нашей больницы; а, сверхъ того, удержалъ у нихъ нѣсколько матеріаловъ для вознагражденія убытковъ нашихъ. 7 октября готовился непріятель къ выѣзду изъ нашей больницы. На вопросъ мой о причинѣ сего движенія они мнѣ отвѣчали, что полевой дворъ будетъ взорванъ, а наша больница подвергнется той же участи. Первое случилось, а нашъ домъ, благодаря Всевышнему, уцѣлѣлъ, и выбывшіе изъ него французы вступили паки въ свои мѣста. Но предъ послѣднимъ днемъ ихъ выѣзда я пораженъ былъ новымъ ихъ буйствомъ и вѣроломствомъ, когда увидѣлъ разставленныхъ по коридорамъ лошадей, и даже въ церковь намѣревались ихъ ввести, но по просьбѣ моей оную пощадили. На утро 11 октября, къ крайней нашей радости, непріятели готовились съ чрезвычайною поспѣшностью къ выступленію. А какъ узнали они, что наши войска вступили уже въ городъ, то нѣкоторые изъ нихъ, опасаясь подвергнуться дальнѣйшей опасности, укрывались еще въ нашемъ домѣ; но я, наскучивъ ихъ неудовольствіями и наглостью, выгналъ до послѣдняго, и домъ нашъ явился въ прежней тишинѣ. Но, къ несчастію, новой, неожидаемой и непріятной случай на-

рушилъ оную, а именно: за нѣсколько дней предъ выступленіемъ непріятеля примѣтилъ я, что арапъ нашъ, находившійся при домѣ нашемъ, ходилъ нѣсколько разъ въ сосѣдствѣ нашемъ по разнымъ домамъ; послѣ же, когда непріятель оставилъ нашу больницу, увидѣли мы домъ нашъ окруженнымъ ранеными солдатами, мужиками и разнаго рода людьми, которые требовали нашего арапа, а между тѣмъ начали они таскать тюфяки, перины и прочія вещи. Увидя грабежъ и шумъ на нашемъ дворѣ, скорѣе старался я запереть всѣ двери; но лишь только я сіе исправилъ, вдругъ тотъ самый арапъ началъ разламывать двери у лабораторіи, куда онъ вошелъ съ чужими людьми, кои недавно предъ тѣмъ его спрашивали. Въ лабораторіи находилось еще 19 ведръ вина, пять пудъ меду, нѣсколько ведръ спирту, мази и прочихъ изготовленныхъ лѣкарствъ. Наши смѣлые и усердные служители сдѣлали было нѣсколько выстрѣловъ въ народъ, грабившій на нашемъ дворѣ, чѣмъ приведенъ онъ былъ въ большую ярость и озлобленіе. Я всячески старался успокоить ихъ, и послалъ своего подмастерья увѣщевать и усовѣстить грабителей въ лабораторіи; но и тотъ оказалъ противное сему. И грабители начали даже обращать остальные наши тюфяки на мѣшки для поклажи награбленной ими добычи. Послѣ сего въ 3-мъ часу послѣ полудня, когда они скрылись, я пересмотрѣлъ все и нашелъ разломанныя двери у запасной комнаты, гдѣ не оказалось уже боченка меду, спирту, прованскаго масла и около 46 фунтовъ нашей собственной хины. Наконецъ въ толь опасное и смутное время, когда я лишился всѣхъ средствъ привесть что-либо въ порядокъ и усмирить буйство народа, а болѣе, какъ иностранецъ, находился самъ въ неизбѣжной опасности и самой смерти, оказавшійся совершенный недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, внезапная разстройка въ моихъ дѣлахъ и отсутствіе всѣхъ нашихъ врачей отвлекли меня, къ крайнему моему сожалѣнію, противъ воли моей, отъ обыкновенной дѣятельности и принудили меня, починя всѣ разломанныя двери, исправя, приложа къ нимъ замки и закрѣпя гвоздями, удалиться на нѣсколько дней къ своимъ пріятелямъ, о чемъ тогда же довелъ я до свѣдѣнія тогдашняго г-на городового полицеймейстеръ-полковника и кавалера Гельмана. А по прошествіи всякой опасности 22 числа октября я паки вступилъ къ ревностному исправленію моей должности. Впослѣдствіи же времени, хотя я всячески старался для пользъ нашего дома, но невозможно было все обозрѣть, не имѣя къ тому довольное время по разстроенности нашего дома, ни способовъ, ни должной помощи; но при всемъ томъ взыскали еще съ меня за расхищенную разную посуду, за которую долженъ отвѣчать г-нъ экономъ, 400 рублей. А потому, изнуривъ себя въ здоровьѣ отъ безчисленныхъ заботъ и стараній въ пользу страннопріимнаго дома, я рѣшился, для успокоенія себя и поправленія моего здоровья, на нѣкоторое время просить себѣ увольненія отъ настоящей моей должности, которымъ и воспользовался. Всѣ вышеписанныя происшествія можетъ засвидѣтельствовать г-нъ попечитель страннопріимнаго дома его превосходительство Василій Сергѣевичъ Шереметевъ, яко главный тамошній начальникъ.

Всемилостивѣйшая Государыня! Не интересовъ осмѣливаюсь ожидать я отъ щедротъ Вашего Императорскаго Величества, но единственно дерзаю испрашивать милосердія Вашего.

Разсказъ дворовой женщины о двѣнадцатомъ годѣ [1]).

Ужъ давно толковали въ народѣ, что идетъ на насъ Наполеонъ, и какъ бы въ Москву не забрался, а господа все не вѣрили,—пусть, молъ, народъ болтаетъ! да и не позаботились, чтобъ на досугѣ-то добро свое отъ француза спасти. А какъ прошли Госпожинки, стали больше поговаривать; потомъ господа, знать, смекнули дѣло, да уже не до того было, чтобъ добро спасать, а скорѣе самимъ выбираться пришлось. Баринъ [2]) отправилъ во Владимиръ старую барыню [3]) да молодую жену [4]) съ ребенкомъ, да еще кто при нихъ въ домѣ былъ, въ двухъ каретахъ да въ двухъ повозкахъ съ кухнею да постелями. Сколько лошадей было въ домѣ, всѣхъ запрягли; баринъ себѣ только одну лошадь оставилъ на всякій случай; а имѣніе вывозить было не на чемъ, а добра-то было много, и что годами накоплено, и приданое молодой барыни!

Жили мы тогда въ своемъ домѣ, на Вшивой Горкѣ, и кладовая была у насъ большая, отдѣльнымъ строеніемъ стояла, и придумали кладовую раздѣлить каменною стѣною, благо печники свои, да кирпичъ на перестройку лежитъ на дворѣ. И заложили стѣну, да и перетащили туда всѣ барскіе сундуки, ящики съ посудой, бѣлье, вещи разныя—чего, чего тамъ не было! Посверхъ и наше имущество все поклали, а стѣна все выше да выше поднимается. Стали туда бросать, уже сверху, перины, пуховики, подушки со всего дома. На аршинъ стѣна была не доложена; вдругъ изъ сосѣдняго двора знакомый человѣкъ заглянулъ въ кладовую и сталъ упрашивать, чтобъ мы и его добро туда запрятали. Натаскали всякаго хламу; не стоило бы прятать, да вѣдь всякому своего жалко, какъ не помочь въ бѣдѣ, вѣдь и намъ самимъ добрые люди помогали; мы на него понадѣялись, что онъ останется благодаренъ. Стѣну заложили доверху, немного позамазали, а то всякому въ глаза бросится, что новая; въ переднюю кладовую натаскали всего, что было похуже и набили биткомъ—пожалуй, молъ, ломай да таскай; немного разживешься, французъ окаянный!

Ну, вотъ господа наши уѣхали по-добру, по-здорову во Владимиръ—тамъ у нихъ была какая-то родня, и они тамъ барина поджидали. А ему-то ѣхать нельзя было; оставался онъ по дѣламъ, что ли, или по службѣ, уже этого не умѣю сказать—только помню, что онъ всякій день съ утра надѣвалъ мундиръ и ѣздилъ, куда всѣ господа другіе сбирались, думу вмѣстѣ подумать, какъ лучше французу насолить да въ Москву не допустить.

Да, видно, они ничего не придумали. Прошелъ Александровъ день—вдругъ баринъ пріѣзжаетъ домой, велитъ запрячь дрожки въ одну лошадь; видитъ, лошадь одна не свезетъ, скорѣе другую лошаденку купили, гдѣ-то отыскали, да и припрягли верев-

---

[1]) Разсказчица, изъ дома кн. Лобанова, была женою крѣпостного человѣка Александра Николаевича Соймонова. Разсказъ былъ записанъ его дочерью.

[2]) Александръ Николаевичъ Соймоновъ.

[3]) Сусанну Даниловну Соймонову, мать Александра Николаевича.

[4]) Марью Александровну Соймонову, рожденную Левашеву.

ками. Баринъ, какъ былъ въ мундирѣ поутру, такъ и сѣлъ въ дрожки одинъ съ кучеромъ. Я помню, какъ онъ съ нами прощался, вынулъ послѣднія деньги, велѣлъ купить лошадь да выѣзжать въ Тверскую заставу къ нашей подмосковной, а кто не боится—оставаться при домѣ, пожалуй, оставайся. Мы съ нимъ тутъ распростились, и онъ поѣхалъ. Наши всѣ стали думать—куда кто пойдетъ; человѣкъ съ шесть остались при домѣ, другіе отправились въ подмосковную за 80 верстъ. Меня матушка-свекровь съ ними въ такую даль не пустила и въ Москвѣ не оставила. Сестра ея родная за Москвой-рѣкой у господъ Арсеньевыхъ жила, и они сбирались въ орловскую деревню; а туда говорили, что французъ не дойдетъ. Матушка-свекровь за меня боялась—я была молоденькая да хорошенькая. Она меня поскорѣе собрала, навязала узелки и благословила: «Ступай, Дуняша, къ тетушкѣ да поклонись ей въ ножки, чтобъ она тебя съ собой захватила, а то долго ли до грѣха». Потомъ снарядила въ дорогу меньшого моего деверя Андрея; я было его и брать не хотѣла: «онъ меня, молъ, матушка, свяжетъ, я сама еще глупая, онъ еще глупѣе меня»; а ему былъ только осьмой годокъ. А что я тамъ ни говорила, матушка-свекровь собрала насъ и отправила за Москву-рѣку къ Арсеньевымъ.

Приходимъ къ нимъ на дворъ, а уже у нихъ лошадей запрягаютъ въ повозку. Господа только что сами уѣхали, и кого нужно изъ людей съ собой взяли, а другіе собираются въ подмосковную. Повозка биткомъ набита—вѣстимо дѣло, и то жаль оставить и другое бросить не хочется. Тетушку больную коекакъ въ повозку уложили, а всѣмъ-то ужъ и мѣста нѣтъ. Кто помоложе, пѣшкомъ за повозкой побрелъ, тутъ же и я съ Андрюшей.

У нихъ подмосковная, Щербинки, въ 25 верстахъ отъ заставы: мы кое-какъ туда доплелись благополучно. По дорогѣ, кабы не такая бѣда, было бы весело, просто гулянье! Кто ѣдетъ въ каретѣ, кто верхомъ, кто ребятишекъ въ телѣжкѣ за собою тащитъ. Тутъ корову ведутъ, тутъ козелъ рвется изъ рукъ, клѣтки съ курами привязаны на повозкахъ. Везутъ большой чанъ на тройкѣ, и въ чану-то народъ сидитъ, оттуда выглядываетъ; кто одинъ пробирается, кто цѣлой семьей идетъ, ребятишки за мать держатся, сами ревутъ, что не поспѣваютъ, али проголодались и ѣсть просятъ. Крики, шумъ, перекличка, просто веселье! Только мы доѣхали до Щербинокъ, остались тамъ отдыхать въ своемъ имѣніи, а другіе пошли мимо. Насъ тутъ домашніе встрѣтили, угостили. Не успѣли мы отдохнуть, какъ вдругъ «бухъ» изъ большой пушки—такъ и раздалось, что земля подъ нами задрожала. Ну, пропали наши головушки, пропала наша матушка-Москва, ахнули, испужались. Да что же дѣлать, аханьемъ бѣдѣ не поможешь! И теперь какъ вспомнишь, такъ словно опять вздрогнешь...

Въ Щербинкахъ все барское добро было зарыто въ землѣ около прудовъ: вода стояла не высоко, около воды къ берегамъ и подкопали да и попрятали всѣ труды, а сверху признаковъ нѣтъ, трава растетъ, и кропива и кусточки: мы ходили смотрѣть, просто диковинка, какъ ухитрились. Тутъ были зарыты и сундуки съ добромъ, и ящики съ провизіей, чаю одного что было! Цѣлые цыбики, зашитые въ кожу, головы сахару въ ящикахъ; и гдѣ рыли къ водѣ, тутъ дерномъ обложили, и отъ сы-

рости и дернъ-то обросъ—зато хватились во-время. Коли бы свои не доказали, никогда бы французы не догадались. Эки окаянные! Хватило у нихъ духу барское добро французамъ даромъ отдать!!! Вытаскали бы да сами бы взяли себѣ—а послѣ бы на французовъ сказали, вотъ и концы въ воду... А то сами руками отдали, и кому? точно на нихъ креста не было—лучше бы своихъ угостили.

Почти вездѣ въ землю зарывали и деньги, и всякое имущество, зарывали въ оврагахъ да на пашнѣ. Такъ ухитрились, что кто зарывалъ, самъ мѣста признать не могъ. Ужъ вотъ на какую хитрость поднялись: пойдутъ поутру да поглядываютъ—гдѣ увидятъ, что легкій паръ подымается, тутъ и копаютъ, потому что земля взрыта была да еще съ другой землей не сравнялась, а все какъ будто бы паръ отъ нея легенькій идетъ; а днемъ ни за что уже не примѣтишь.

Вел. кн. Екатерина Павловна.

Вотъ и живемъ мы въ Щербинкахъ, да сгрустнулась я по мужѣ, думаю: куда мой Иванъ Өедоровичъ дѣвался, успѣлъ ли онъ, сердечный, куда уйти, либо при нашемъ домѣ остался? А спросить не у кого. Думала, думала, да и придумала—пойду его отыскивать; коли въ московскомъ домѣ нѣтъ его, проберусь въ деревню въ подмосковную. Меня уговаривали остаться, да ужъ я и слышать не хотѣла, очень объ немъ стосковалась. Распростилась я со всѣми, кое-что собрала, положила въ котомочку и привязала за плеча—мнѣ хотѣлось добраться до нашего дома

и узнать, живы ли всѣ и здоровы; а одной идти съ парнишкою страшно: всякій день разъѣзжали французы за фуражемъ. Щербинки только 25 верстъ отъ Москвы, близко; бывало, такъ опрометью и скачутъ всякій день, да еще по нѣскольку разъ.

И взяла я съ собой своего парня Андрея, да еще подговорила двухъ мужичковъ, такихъ старенькихъ. Они было не брались меня провожать, да я имъ поклонилась въ ноги: «Батюшки-кормильцы, не покидайте меня горькую, не давайте меня, молоденькую, въ обиду вражьимъ дѣтямъ, нехристямъ окаяннымъ. Въ Москвѣ всего много, пойдете съ одной палочкой, а принесете домой всякаго добра, лишь бы силы хватило до двора дотащить».—«Ладно,—говорятъ мужички,—собирайся, молодая». Легли мы, отдохнули, а лишь только стала заря заниматься, мы и поднялись въ дорогу. Не помню, сколько верстъ мы отошли; вдругъ цѣлый отрядъ скачетъ намъ навстрѣчу—видимъ, что французы. Сперва было мы испугались; да я говорю: «Пойдемъ сторонкой, дадимъ имъ дорогу, авось, не тронутъ». Французы настоящіе добрые, вѣдь ихъ по мундиру и по разговору узнаешь, рѣдко кого обидятъ; зато ужъ эти новобранцы всякіе у нихъ да нѣмчура никуда не годились. И не нужно имъ, да они грабятъ да крещеный народъ обижаютъ.

Ну, вотъ они скачутъ верхами, за ними подводъ таково много; они проскакали, и подводъ съ десять проѣхало мимо, мы и радехоньки. Вдругъ, отъѣхавши съ версту, мы видимъ, одинъ лошадь свою отпрягаетъ и садится на нее. Одинъ изъ мужичковъ, что со мной шли, и говоритъ: «Петровна, вѣдь это за тобою онъ гонится, увидалъ у тебя за плечами котомочку». Я такъ и ахнула. Скачетъ за нами, я скорѣе котомочку отвязала и бросила наземь. «Сама пойду,—думаю,—съ парнемъ своимъ да съ старичкомъ, авось, за мною не погонятся», а другого старичка попросила: «ты, батюшка, поглядывай на котомочку, коли онъ ее броситъ, то захвати ее съ собой, а мы тебя подождемъ». Соскочилъ солдатъ съ лошади, схватилъ котомочку, пошарилъ въ ней и потомъ бросилъ и опять ускакалъ. Старичокъ поднялъ котомочку и догналъ насъ.

— Что, батюшка, скажи, не взялъ ли онъ чего изъ нея?

— Вынулъ онъ кусокъ пирога, да лепешки, да еще крошечный мѣшочекъ, развязалъ его да сунулъ въ карманъ—сказалъ «добре», да и поскакалъ.

— Ахъ, я дура этакая! вѣдь мѣшочекъ-то дорого стоитъ; ахъ, я недогадливая! Мнѣ бы его сунуть за пазуху или на крестъ привязать... Шутъ меня дернулъ его въ котомочку сунуть; а въ мѣшечкѣ-то у меня были серьги да три кольца золотыхъ. Что дѣлать?—Поговорила, поплакала, да себя сама поругала—да не воротишь, сама сглуповала.

Пошли мы опять помаленьку, дошли до Арсеньевскаго загороднаго двора, что былъ недалече отъ Данилова монастыря. Тутъ я распростилась съ своими старичками; они пошли въ Москву на добычу, а я взошла на загородный дворъ. Глядь—и тутъ стоятъ французы. Я было испугалась, да тутъ оставалась работница Настасья, да еще кое-кто изъ дворовыхъ людей. Настасья мнѣ сказала, что тутъ стоитъ самъ начальникъ или генералъ, что ли, и что солдаты не смѣютъ никого обидѣть, даже словомъ.

Вижу, что все спокойно; я тутъ съ Андреемъ отдохнула двое сутокъ, меня унимали и дольше пожить, да я спѣшила въ Москву—такъ у меня сердце не терпитъ, хочется мнѣ зайти въ свой домъ да развѣдать, тамъ ли все мой Иванъ Ѳедоровичъ да матушка-свекровь. А Андрея-то я ужъ боялась съ собою брать, благо было на кого оставить, а одна все-таки какъ-нибудь проберусь. «Ты, матушка Настасья, побереги моего парня, а я схожу про мужа провѣдаю».

Встала ранехонько, помолилась и пустилась въ путь. Какъ я вошла въ Москву, такой ужасъ! По улицамъ валяются мертвыя тѣла, такія уже черныя, что просто страшно на нихъ глядѣть, да тутъ же валяются мертвыя лошади, не прибираютъ ихъ, смрадъ такой распустили по улицѣ.

До своего дома добралась я хорошохонько, прошла набережной да Каменнымъ мостомъ, вхожу на дворъ... вижу, ни живой души: домъ обгорѣлъ, нашихъ тамъ никого нѣтъ. Должно-быть, всѣ уже перебрались въ подмосковную. Вспомнила я про кладовую въ подвалѣ, хотѣлось мнѣ посмотрѣть, цѣло ли наше добро—дверь выломана; думаю: «ничего, у насъ стѣна тамъ выложена да замазана, хоть и взошли—авось, не догадались». Какъ я спустилась по ступенькамъ, мнѣ пухъ въ лицо!.. Ничего не видать, утерлась; вижу, вся въ пуху и попала въ пухъ по колѣни, а стѣна новая, вижу, разломана. Они, должно-быть, пухъ и перья высыпали, а въ пустыя наволочки набили всякаго добра, да и вытаскали. Не осталось ничего, ни барскаго, ни нашего. Я всплеснула руками, да какъ взвою; стала припоминать, что я туда сама запрятала и французовъ-то принялась честить посвоему.

А какъ я послѣ узнала, вытаскали не французы, а наши русскіе. Пока нашъ домъ не горѣлъ, въ немъ стоялъ какой-то начальникъ; наши домашніе тамъ оставались и разсказывали, что съ французами жить было очень хорошо; они жили тихо, смирно, никого не обижали, только иногда пошлютъ что-нибудь имъ принести, и мальчишки наши тоже были у нихъ на посылкахъ. А коли добудутъ чего много, сами подѣлятся и ребятишекъ чѣмъ-нибудь приласкаютъ за то, что въ посылки ходятъ.

Да еще кто укралъ-то! Нашъ знакомый сосѣдъ, про кого я разсказывала, что онъ просилъ къ намъ его добро спрятать. Онъ былъ отъ Шульгиныхъ, его Ѳедотомъ звали. Такъ приставалъ, что мы его пожалѣли; кирпичей двадцать скинули, потому что стѣна была почти докладена, а его сундукъ не проходилъ. Онъ-то намъ за наше доброе дѣло и заплатилъ зломъ. А что онъ укралъ, это вѣрно, потому что послѣ разоренія видѣли у него и наши платья, и наши одѣяла, и кое-что другое. Матушка-свекровь пыталась съ нимъ ругаться, кое-что изъ рукъ сама вырвала, а всего не воротишь. Постояла я тутъ, погоревала. Какъ быть—ночевать одной страшно, и спѣшила выйти, пока еще не смеркалось. Дни-то ужъ коротки были, того и гляди, что будетъ смеркаться, а мнѣ надобно было пробираться къ загородному двору. Мы жили долго въ подмосковной, и когда пріѣдешь въ Москву, никуда не выходишь, дворня большая, не скучно, да и заведенья-то не было, чтобы мы по улицамъ таскались. Теперь всякая дѣвочка въ ученіи живетъ, и куда хочешь пошла, всѣ дороги знаетъ, хоть ночью пошли ее, такія безстрашныя—а въ наше время мы и дорогъ-то не знали, пой-

дешь либо съ мужемъ, либо съ свекровью, дороги не примѣчаешь, знаешь, что доведутъ. Я только и знала, что гдѣ тетушка живетъ, отъ того и дошла одна, когда меня матушка-свекровь къ ней отправила. Изъ загороднаго двора не дошла бы одна, мнѣ старушка дорогу указала, и я примѣтила, чтобъ не сбиться съ дороги. Прошла я хорошо по Каменному мосту да по набережной; по той же дорогѣ назадъ пошла, нельзя: на Каменномъ мосту стоитъ бикетъ [1])—все французы, и никого не пропускаютъ ни взадъ, ни впередъ. Утромъ ходи сколько хочешь, а около вечеренъ разставляли вездѣ бикеты. Я поторопилась дойти до Москворѣцкаго моста. Москворѣцкій мостъ былъ снесенъ. Я пошла плутать по улицамъ; я улицъ и такъ не знала, а тутъ ужъ ихъ никакъ не узнаешь и примѣтъ не найдешь. Вездѣ все голо, вездѣ все черно, только торчатъ трубы да печи обгорѣлыя, да виднѣются своды да подвалы, а жилье все сгорѣло.

Плутала я долго, и зашла, сама не знаю куда; поутру и къ мосту дороги не найду. Опять цѣлый день ходила, все дороги не найду, и устала, и проголодалась, другія сутки не ѣмши, насилу ноги таскаю; опять смерклось, ночлега себѣ не придумаю—стоитъ пень обгорѣлый, я на него сѣла; думаю, вотъ тебѣ, Дуняша, и ночлегъ—воздушнымъ плетнемъ обнесу да небомъ покроюсь. Мнѣ кажется, я весь этотъ пенушекъ облила своими слезами.

Стало уже совсѣмъ темно; слышу, идутъ двое; я испугалась и прижалась—авось, меня не разглядятъ. Идутъ прямо ко мнѣ и увидали. Одинъ спрашиваетъ: «Кто ты?»—«Я, батюшка».—«Да кто ты такая?»—«Соймоновыхъ господъ, говорю, батюшка, вотъ другія сутки плутаю не ѣмши: маковаго зерна въ ротъ не пропустила».—«Поди за мною». Я встала и пошла; ихъ не знала, хорошіе ли они люди или нѣтъ; да вѣдь голодъ не тетка, много толковать не станешь.

Повели меня они какимъ-то пустыремъ—все голо, все темно. Я думаю, куда это они меня ведутъ, и пикнуть не смѣю, сама вся дрожу—и холодно и страшно.

Вдругъ одинъ изъ нихъ топнулъ ногой и закричалъ: «подымай!..» Я такъ и обмерла, не знаю, что со мною будетъ. Поднялась дверь, какъ западня—вижу лѣстница; мы по ней спустились, дверь за нами захлопнулась. Мы, я вижу, въ просторномъ подвалѣ, горитъ огонь; встрѣчаетъ насъ старуха, за нею женщины и двое дѣтокъ, и, видно, добра всякаго накладено много. «Не бойся, моя милая, ты видишь, я старушка старая, со мною дочери да внучата дѣти малыя, а тотъ кто тебя привезъ, это мой сынокъ, купецъ».

Она меня чаемъ напоила, накормила такой славной рыбой да икрой, всѣмъ подчевала—да я ужъ ничего не видала, у меня глаза слипались. «Пора тебѣ отдохнуть, моя красавица, помолись, да и ложись скорѣе». Перина такая славная; помню, какъ я до нея дошла, а послѣ ужъ ничего не помню, словно умерла; проспала долго, пока меня хозяйка сама не разбудила.

Проснулась, не знаю: день ли, ночь ли; у насъ все огонь горитъ. Старуха подняла немного западню, сына выпустила и сама немного поглядѣла. «Готовьте самоваръ, заря занимается, чайку напьемся; а немного погодя позавтракаемъ, а то сыну пора бу-

---

[1]) Пикетъ.

детъ по своимъ дѣламъ идти». У нихъ славный былъ подвалъ, и печь топилась, и всякое кушанье тутъ стряпали; а сверху никто не догадывался, что печка топится, потому что кругомъ дымилось отъ погорѣлыхъ домовъ.

Вдругъ слышимъ опять, топнулъ кто-то ногой и закричалъ: «Подымай. Готовъ, что ли, самоваръ, матушка? А я добылъ бѣлаго хлѣба къ чаю».

Хлѣбъ такой былъ славный, мягкій. Онѣ сами никуда не ходили, а только сынъ приносилъ имъ все, что было нужно. «Что у тебя, матушка, самоваръ еще не кипитъ?»—«Мы все тебя, батюшка, поджидали».—«Ну, ладно, сестры, поворачивайтесь скорѣе, напьемся чаю, да молодку-то накормите, мнѣ надобно ее проводить домой».

Накормили меня опять, все кушанье у нихъ было такое славное, а сами такіе ласковые. Чего-чего они мнѣ не навязали въ платокъ! Потомъ онъ сталъ меня разспрашивать. «Что ты, дѣвушка, что ли?»—«Нѣтъ, батюшка, я женщина».—«Да гдѣ же твой мужъ?»—«Не знаю, батюшка, видно, ушелъ изъ Москвы и меня не дождался».—«Тѣмъ лучше, я вдовецъ, ты мнѣ по душѣ пришлась, выходи за меня замужъ».—«А какъ же, батюшка, какъ Иванъ Ѳедоровичъ придетъ—вѣдь онъ меня у тебя отнимаетъ, все-таки твоей не останусь».—«А можетъ-быть, его убили, и онъ не вернется. Такъ слушай же, голубушка, вотъ тебѣ записка, какъ меня зовутъ и гдѣ меня можно отыскать. Если мужъ твой не отыщется, приди въ городъ и спроси меня; тебя всякій меня укажетъ, гдѣ я буду жить». Я его поблагодарила и записочку все-таки засунула за пазуху. Долго я ее берегла и послѣ, а теперь не упомню, какъ его звали. Мы разъ повздорили съ Иваномъ Ѳедоровичемъ, я ему и похвасталась, что вотъ какой хорошій человѣкъ, почище его за меня сватался, да и показала записочку. А онъ ничего не сказалъ (онъ все, бывало, молчитъ), а записку-то разорвалъ въ мелкіе кусочки, да и выбросилъ. А то бы я теперь могла кому-нибудь показать, мнѣ бы прочитали, какъ его звали, и я бы вспомнила.

Онъ меня проводилъ и довелъ до самой калитки загороднаго двора; мы съ нимъ дорогой разговорились; онъ былъ купецъ богатый—у него одинъ домъ сгорѣлъ, а въ другомъ домѣ стоялъ французскій генералъ; отъ того-то онъ ничего не боялся.

Ну, пришла я на загородный дворъ, сказала Настасьѣ, что своихъ никого не нашла, а про подвалъ ни гугу—зачѣмъ пустяки разсказывать, пошло бы все по дому: слово не воробей, вылетитъ, не поймаешь. Я и промолчала про купца, ничего ей не сказала; погостила у ней немного, а потомъ и стала сбираться съ Андреемъ въ наше Теплое [1]), всего 80 верстъ отъ Москвы. Дорогу-то я знала, и прежніе-то мои господа по той же дорогѣ, на Воскресенскъ, тоже ѣздили въ свою подмосковную; да хоть и знала дорогу, а все-таки одной идти не хотѣлось. Тутъ была старушка старенькая-старенькая; вижу, она сбирается въ дорогу—я къ ней. «По какой дорогѣ ты пойдешь?»—«Въ Тверскую заставу прямо на Воскресенскъ».—«Мнѣ тоже въ Воскресенскъ, и потомъ своротить въ сторону, зайти къ своимъ роднымъ, узнать, всѣ ли живы да здоровы. Хоть половину

---

[1]) Имѣніе Соймоновыхъ около Воскресенска.

дороги пойду не одна, а оттуда меня родные къ мужу проводятъ».

Только у меня не было ни гроша денегъ на дорогу, а у старухи было 25 рублей, все мѣдными въ мѣшкѣ; гдѣ-то она ихъ набрала. «Слушай, голубушка, — говоритъ мнѣ старушка,—ты помоложе меня; пособи мнѣ деньги нести, зато я тебя буду дорогой поить да кормить, да за ночлегъ платить». Мѣшокъ тяжелый такой, что дѣлать, пришлось на себѣ нести.

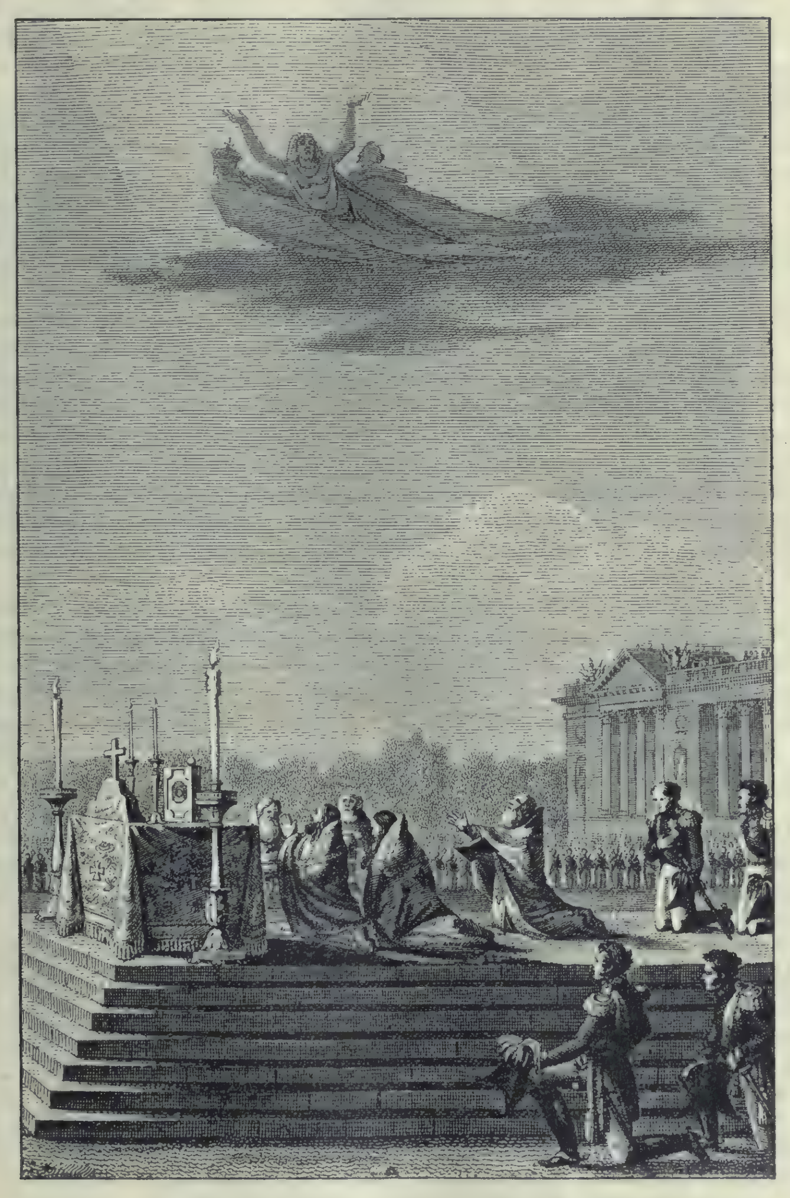
Вышли мы раненько изъ Москвы въ самый Покровъ день. Слышимъ, ударяютъ къ заутрени. Перекрестились и пошли. Заутрени уже служили, и часы, и вечерни—а обѣдни еще нигдѣ не служили, затѣмъ что антиминсовъ не было: всѣ были отобраны и увезены, чтобы не хватали ихъ нечистыми руками. Бонапарту хотѣлось, чтобы въ церквахъ служба была, въ тѣхъ, которыя еще остались чисты; а то въ другихъ стояли лошади, какъ въ конюшняхъ. Ну, такъ и велѣлъ Бонапартъ всѣхъ поповъ ловить, гдѣ не попадутся: поймаютъ дьякона на мѣсто попа—все равно и тотъ годится, и велятъ ему обѣдню служить. А вѣдь французу все равно, ничего не понимаетъ! Такъ и начали служить въ церквахъ гдѣ заутреню, гдѣ часы. Бонапартъ былъ всѣмъ доволенъ, лишь бы только была служба, а намъ какъ было отрадно, когда стали благовѣстить и по церквамъ службу справлять. Подошли мы къ Каменному мосту еще рано, только что бикетъ сняли. (А бикетъ ставили только въ вечерню на ночь, чтобы въ Кремль никого не пропускать). Идутъ къ намъ навстрѣчу такіе все молодцы, все французы, такіе бравые, такъ одѣты хорошо—на шапкахъ у нихъ хвосты изъ гривы, длинные, распредлинные!.. А изъ себя-то какіе молодцы, весело смотрѣть, даромъ, что французы. А ужъ эти новобранцы ихъ! Бывало, норовятъ ограбить да отколотить. Они спросили, куда мы. «Домой».—«Карашо, аленъ»—да еще и поклонились намъ, такіе славные, а «аленъ» по-ихнему значитъ: проходите домой (мы уже понимали). Дошли мы до Тверской заставы, старушка, я да Андрюша-деверь, да за нами еще шли человѣкъ 70 все по одной дорогѣ. У заставы караулъ, французы спрашиваютъ, куда мы. Мы опять говоримъ: домой. Пропустили было совсѣмъ, да солдатъ увидалъ у меня полхлѣба, не то что бѣлый, а просто ржаной (они и ржаному-то рады были). Онъ у меня хлѣбъ отнимаетъ; я ему показываю на Андрея и говорю, что это мальчику на дорогу, и что мальчикъ мой. А онъ-то мнѣ: «ты нѣтъ мадамъ, а мамзель». А я спорю: «мадамъ и мальчикъ мой». Эти французы такіе добрые! Самъ голоденъ, отломилъ себѣ только кусочекъ, а хлѣбъ отдалъ Андрею.

Вышли мы изъ Тверской заставы—тутъ всѣ разсыпались, кто пошелъ вправо, кто влѣво. Во всѣхъ деревняхъ все солдаты, ужъ мужиковъ нѣтъ, выбрались по-добру, по-здорову. Шли мы своей дорогой, насъ не трогали; дошли до Нахабина, и тутъ избы брошенныя, рамы выставлены, стоятъ солдаты, а мужиковъ тоже нѣтъ. Кое-гдѣ оставлена старушонка старая, чтобы за дворомъ присмотрѣть насчетъ пожара.

Намъ попалась одна старушка; мы проголодались дорогою, хлѣбъ свой весь съѣли. «Бабушка, накорми насъ чѣмъ-нибудь, меня да малое дѣтище, у тебя, вѣрно, есть какая-нибудь корочка въ запасѣ». Она посмотрѣла на всѣ стороны, чтобы ни-

кто не видалъ, а то отнимутъ, говоритъ. Дала намъ по кусочку и послала насъ въ сарай ночевать.

Она намъ разсказала, какъ незадолго передъ нами мужичка зажиточнаго разстрѣляли, а мужикъ-то ей былъ сродни. Это было

„Осанна Александръ, благословенный царь!"
(Со старинной гравюры).

еще сперва-наперво—онъ не успѣлъ еще изъ амбара весь свой хлѣбъ вывезти. Пришли солдаты съ переводчикомъ, говорятъ: отпирай амбаръ. Онъ взялъ ключи и пошелъ съ другимъ мужикомъ. Да вотъ бѣда, онъ былъ косъ и не видалъ, что переводчикъ за нимъ вошелъ. Онъ и говоритъ другому мужику: погоди, мы ихъ въ амбаръ впустимъ да тамъ съ ними и распра-

вимся; другой замѣтилъ переводчика и молчалъ. А переводчикъ перевелъ солдатамъ, что онъ говоритъ. Солдаты только спросили: «Который говорилъ?»—«Косой говорилъ, а тотъ все молчалъ». Они другого не тронули и выпустили, а косого-то взяли, привязали къ столбу, да въ него и выпалили изъ ружей. Всю головушку насквозь прострѣляли, и въ грудь-то и въ бока, а изъ спины пули выскочили; просто, какъ рѣшето, изъ него сдѣлали.

Отдохнули мы, опять пустились въ путь; по всѣмъ деревнямъ солдаты. Въ Песочну пришли—слышенъ въ Воскресенскомъ за рѣкой шумъ, крикъ. «Что это такое?» думаемъ. Подошли къ строенію, увидѣли женщину: «Скажи намъ, голубушка, что это такое за шумъ?»—«Это наши мужички съ французами воюютъ; что тамъ у нихъ дѣлается, не знаю». А вотъ что вышло. Пришли въ Воскресенскъ человѣкъ пятьсотъ непріятелей—жители всѣ разбѣжались изъ домовъ. Французамъ хотѣлось соборъ ограбить; мужички воротились, кто съ топоромъ, кто съ пикой, кто съ вилой, да давай французовъ катать, а французы-то въ нихъ стрѣляютъ. Такая пошла война, но Господь помогъ: видно, Онъ не захотѣлъ, чтобы нехристи монастырь ограбили. Французовъ-то было пятьсотъ человѣкъ, а нашихъ немного, да нашихъ-то все прибавлялось, изъ разныхъ деревень сбѣгались на шумъ. Однихъ убьютъ, другіе готовы, колотятъ да катаютъ французовъ, кто чѣмъ попалъ. Всѣхъ положили на мѣстѣ, ни одинъ не ушелъ.

Ужъ мы не пошли прямо на Воскресенскъ, страшно было, а перешли Истру въ Сычахъ. За Воскресенскомъ французовъ больше не было. Старушка моя пошла по Волоколамской дорогѣ, а я захотѣла побывать къ своимъ роднымъ и своротила въ сторону. Село Глѣбово-Лобановское, откуда я была взята, всего 9 верстъ отъ Воскресенска. Я въ Зенькино наняла лошадь за двадцать пять копеекъ мѣдью; у меня денегъ своихъ ничего не было, да мнѣ старушка дала полтинникъ за труды, что я ей мѣшокъ съ деньгами несла изъ Москвы. И пріѣхала я въ Глѣбово на лошади. Какъ всѣ тамъ удивились! «Откуда тебя Господь принесъ, Дуняша!» У меня въ Глѣбовѣ было два дяди; они меня такъ обласкали и сказали, что всѣ наши пробрались въ Теплое.

Пока я тутъ была, вдругъ приходятъ двое солдатъ: не французы, а новобранцы какіе-то, такіе оборванные, общипанные, голодные, просятъ поѣсть. А деревня-то была не тронутая, все цѣло, ничего не вывезено. Мужики скорѣй за пики: говорятъ, коли мы этихъ выпустимъ, они сотню наведутъ, другимъ укажутъ дорогу. Стали съ старостой спорить. Староста ихъ взялъ въ избу, посадилъ за столъ, поставилъ молока, хлѣба, а мужики-то съ пиками подъ окошкомъ шумятъ и пиками въ окно солдатамъ чуть не въ спину. Староста туда-сюда; не хотѣлось ему этихъ двухъ губить, да вѣдь онъ одинъ, а мужиковъ-то много. Какъ онъ ихъ накормилъ, тутъ мужики ихъ, сытыхъ-то, сердечныхъ, и потащили въ лѣсъ, да въ лѣсу и убили.

Куда на такія страсти смотрѣть — мы подальше спрятались. А вѣдь какіе они догадливые! Какъ ихъ въ лѣсу-то убили и раздѣли, у нихъ чего-чего не было навьючено кругъ тѣла, сколько однихъ платковъ! Шинели были всѣ въ заплатахъ, мужики ихъ и брать не хотѣли; да одинъ мужичокъ увидалъ, что изъ заплатки что-то свѣтится. Глядь, золотой! Пошарили:

что жъ! въ каждой заплаткѣ все золотые зашиты. Много ихъ тогда вынули этихъ золотыхъ.

А до меня что еще было въ Глѣбовѣ! Тамъ жилъ управляющій, французъ тоже, Егоръ Ивановичъ, пожилыхъ лѣтъ, и жилъ у нихъ очень давно; покойница княгиня его очень любила, и мы тоже. Онъ смотрѣлъ за скопами, продавалъ скопы, еще кой за чѣмъ присматривалъ, и весь домъ былъ у него на рукахъ. Вдругъ мужики взвозились! Онъ французъ, онъ насъ продастъ— давай его бить! Егоръ Ивановичъ никому зла не дѣлалъ, жилъ себѣ преспокойно и въ головѣ не держалъ, что на него мужички замышляютъ. Мужики уже собрались, да у него была кухарка, Марья; она провѣдала да шепнула ему: спасайся, молъ, Егоръ Ивановичъ, тебя хотятъ убить. Онъ было не вѣрилъ, да какъ увидалъ, что идетъ куча мужиковъ къ нему, выпрыгнулъ на задній дворъ и пустился въ бѣгъ. Тутъ былъ мой дядя Никита, такой добрый, царствіе ему небесное — онъ не пошелъ съ мужиками, а другой дядя былъ съ ними вмѣстѣ. Ну, вотъ Егоръ Ивановичъ пустился въ бѣгъ. Да куда бѣжать? Мужики близко, онъ бросился въ ригу—соломы было много, онъ въ солому. Мужики давай искать въ соломѣ-то; рылись, рылись, а его не нашли. Куда это онъ пропалъ, точно сквозь землю провалился. Они обступили весь дворъ, не вѣкъ же ему тутъ сидѣть—какъ выйдетъ, мы его тутъ и схватимъ. Прождали они цѣлый день, а онъ ни гугу. Соскучились молодцы: видно, мы его упустили; онъ, должно-быть, теперь далеко убѣжалъ. Мой дядя Никита, какъ увидалъ, что всѣ по домамъ разошлись да улеглись, запрягъ лошадь да задворками и пробрался къ ригѣ. «Егоръ Иванычъ! гдѣ вы?»—«Это я, Никита».—«Вылѣзайте скорѣй». Посадилъ его на телѣгу, ударилъ кнутомъ и проскакалъ прямо въ Теплое. Никита сдалъ Егора Ивановича съ рукъ на руки Василью Семеновичу [1]) и воротился домой, какъ ни въ чемъ не бывало. Егоръ Ивановичъ далъ ему 25 рублевъ и обѣщалъ, что послѣ никогда своего спасителя не забудетъ.

А кухарка Марья хотѣла Егора Ивановича имѣніе собрать и привезти къ нему въ Теплое; да мужики ничего не выдавали. «Это все, говорятъ, господское, а не его, онъ у насъ нажилъ». Она пошла въ Теплое, разсказала ему, что ничего не отдаютъ. Какъ быть? Василій Семеновичъ нарядилъ кума Константина Ивановича садовника солдатомъ, а повара Марѣича офицеромъ, заложилъ тройку да посадилъ съ ними Марью кухарку, чтобы она имъ показала все имѣніе. Пріѣхали въ Глѣбово. Марѣичъ такой бравый, шпорами постукиваетъ, саблей помахиваетъ, приказалъ сейчасъ всѣхъ мужиковъ собрать. Какъ онъ на нихъ вскрикнетъ: «Гей вы, разбойники, душегубцы, сукины дѣти этакія, подавай скорѣе все имѣніе приказчика! Французы грабятъ, и вы тоже вздумали сами расправляться!» Они было зашевелились, а онъ крикнулъ: «Молчать! Тащите все скорѣе сюда, поворачивайтесь! Ахъ вы, разбойники, вотъ я васъ, сейчасъ первому голову снесу». Какъ онъ замахнулся саблею, мужики и струсили, имѣніе принесли. Наши удальцы возъ увязали, посадили Марью съ собою и ускакали въ Теплое. Они у насъ долго жили. Егоръ Иванычъ жилъ у Василья Семеновича, а для кухарки и

[1]) Управляющій Соймонова.

сундуковъ онъ нанималъ избушку у Лонгиновыхъ на Марьинѣ. Они тутъ жили, пока все утихло.

Я въ Глѣбовѣ погостила недолго. Потомъ собралась ѣхать къ своимъ въ Теплое. Меня дядя Никита не пустилъ пѣшкомъ, заложилъ лошадь да повезъ самъ. Подъѣзжаю къ скотному двору; тутъ первая мнѣ попалась старуха карелка, идетъ за водой. Какъ она всплеснетъ руками, бросила коромысло да ведро. «Откуда тебя Господь принесъ! Мы уже думали, что тебя и въ живыхъ-то нѣтъ». Гляжу, ужъ всѣ меня обступили: разспросовъ-то, разспросовъ что было! И все объ Москвѣ горевали. А тутъ ужъ прослышали, что французъ ее оставилъ. То-то ужъ обрадовались! И разорилъ, да оставилъ. Мы на радости молебенъ отслужили.

Письмо приказчика Максима Сокова И. Р. Баташову [1]).

Милостивый государь Иванъ Родіоновичъ!

2 сентября въ 5-мъ часу вечера вступили въ Москву французскія войска. Король Неапольскій, ведя авангардъ на Коломенскую дорогу, остановился у вашего дома, будучи верхомъ; увѣрялъ всѣхъ насъ, чтобъ мы ни малѣйшихъ обидъ не страшились. Назначилъ своею квартирою вашъ домъ, поставилъ большой караулъ и, проводя за заставу многочисленную кавалерію, составляющую страшной авангардъ, въ 7-мъ часу вечера возвратился въ домъ вашъ съ 30 генералами и множествомъ чиновниковъ [2]). Для всѣхъ приготовили мы ужинъ, нарочито сытный; только бѣлаго хлѣба и калачей найти было не можно, ибо калашни и хлѣбни во всей Москвѣ были разбиты и хозяевами оставлены, почему и былъ только черный ржаной хлѣбъ. Королю же нашелъ четверть сайки у дворовыхъ дѣтей. Генералы сперва гнѣвались и говорили, что свиньи только кушаютъ такой хлѣбъ; однакожъ, бывъ голодны, принялись и за него. Король, войдя въ домъ, потребовалъ меня, какъ вашего прикащика. Явясь я со свѣчей въ рукахъ, провожалъ его по парадному этажу черезъ всѣ покои; онъ пожималъ плечами, и казалось, что все ему нравилось. Возвратясь въ желтую гостиную, спросилъ: «Гдѣ жъ твой господинъ и кто онъ таковъ?» Я объявилъ, что вы заводчикъ и всегда на лѣто уѣзжали въ свои заводы, уѣхали также и нынѣ съ начала лѣта. Онъ чрезъ переводчика промолвилъ (ибо по-русски ни слова не говоритъ), чтобъ я къ вамъ написалъ, дабы вы возвратились въ Москву съ тѣмъ, что онъ возьметъ васъ въ свое покровительство; но я, благодаря за милостивый отзывъ, промолвилъ, что этого сдѣлать невозможно, ибо трактъ арміями пресѣченъ, и писать къ вамъ не могу. И такъ отпустилъ меня, увѣря, чтобъ я съ домашними ничего не

---

[1]) Московскій заводчикъ.

[2]) Росту онъ высокаго, довольно стройный, волосы свѣтло-русые, локонами по плечамъ, четверти на двѣ разложенные, въ зеленой коротенькой матеревой туникѣ; брусничные панталоны, синіе чулки и коротенькіе сапожки съ шпорами, шляпа трехугольная съ плюмажемъ, и тоненькое, бѣлое въ три четверти вышиною, перо; тихъ, и глаза ласковые; но, говорятъ, что онъ генералъ неустрашимѣйшій и первый всегда въ огнѣ.

опасался. Ему подали кушать въ красную гостиную одному, а генераламъ и прочимъ въ столовой и залѣ. Свита безчисленная. Ужинъ кончился. Всякій генералъ требовалъ пышной постели, всякій—особый покой; покоевъ много, но постелей набрать было негдѣ, ибо на холопской постели спать никто не хотѣлъ, а потому съ угрозами всякій требовалъ такой, какой кому хотѣлось. Всю ночь насъ, какъ кошекъ за хвостъ, то туда, то сюда таскали. Свѣчи горѣли всю ночь и въ люстрахъ, и въ лампахъ. Оставить было опасно, а гасить не посмѣли, потому всю ночь бродили мы, какъ тѣни. Король спалъ въ спальнѣ, дежурные генералы въ диванныхъ и гостиныхъ, и верхній этажъ былъ полонъ чиновниковъ свиты королевской. Въ 9-мъ часу вечера загорѣлись скобяные и москательные ряды и новой Гостиный дворъ; за Яузскимъ мостомъ домъ Лапина и подлѣ его другой, деревянный. Къ утру 3 сентября у насъ на горѣ подлѣ Кирпичова и внизъ къ Яузѣ деревянные домы занялись также, и Сикеринская фабрика близка была къ пожару, Архидіаконскія богадѣльни и поповскіе домы; но наши люди, защищая конюшни свои и магазины, не допустили загорѣться ни богадѣльнямъ, ни поповскимъ домамъ, и пожаръ 3 числа поутру тѣмъ кончился. Домы до Яузы съ горы всѣ сгорѣли, а Гостиный дворъ все еще дышалъ пламенемъ. Мы вторникъ, то-есть 3 число, провели въ величайшихъ суетахъ, ибо какъ проснулись чиновники, то требовалъ всякой того, чего кто хотѣлъ: иной чаю, иной кофе, иной бѣлаго вина, шампанскаго, бургонскаго, водки, рейнвейна и бѣлаго хлѣба. Словомъ, каждый съ величайшими угрозами требовалъ, чтобъ его прихоти и требованія тотчасъ были выполнены; всѣхъ насъ измучили и съ ногъ сбили, такъ что пришло бѣжать и скрыться хотя въ воду. Многіе изъ служителей, утомясь, для отдыха скрылись; я и Николай Григорьевъ оставались, изнуренные усталостію, свидѣтелями непрерывной суматохи. Тамъ кричатъ бабы, что солдаты отняли и печеной и сырой хлѣбъ, въ другихъ покояхъ солдаты разбиваютъ сундуки и грабятъ все, что ни попало. Ко всѣмъ тѣмъ мѣстамъ ограбленнымъ приставлены караулы, а тамъ опять грабятъ, гдѣ ихъ нѣтъ. И такъ 3 число прошло въ такой суматохѣ. Пожаръ сильный свирѣпствовалъ на Покровкѣ, опустошалъ Нѣмецкую слободу и около Ильи пророка. Ночь была тожъ страшная отъ пожаровъ и войскъ французскихъ. Въ среду 4 сентября король, пообѣдавъ, поѣхалъ въ поле верхомъ къ арміи. Вѣтеръ подулъ съ запада самый жесточайшій, съ сильными и необыкновенными порывами; загорѣлись домы за Москвой-рѣкой отъ Каменнаго моста, и пожаръ столь сдѣлался ужасенъ, что никакъ описать невозможно. Все Замоскворѣчье безъ изъятія занялось, а потомъ и у насъ Никитскаго попа и причетниковъ домы, Безбородковъ, Кирпичовъ и всѣ тутъ на горѣ деревянные и каменные домы были объяты, Сахарова и Соймонова домы тожъ, потомъ попа Архидіаконскаго съ причетниками; наша конюшня и магазины. Искры, какъ градъ, сыпались на главный корпусъ и прочія части. Я, видя, что спасенія нѣтъ ниоткуда, собравъ свои оставшіяся бумаги, отнесъ подъ контору въ чаяніи, что пожаръ тамъ не проникнетъ ихъ, и прочее нужное туда убравъ, гдѣ многихъ семействъ были сундуки и крохи, прибѣжалъ къ трепещущимъ моимъ сотоварищамъ дворовымъ, кои, собравшись въ саду, какъ устрашенные агнцы, въ кучкѣ ожидали съ сухарями на плечахъ моего

прибытія; не знали, гдѣ мы можемъ не сгорѣть, рѣшились и пошли всѣ; кто былъ обремененъ дѣтями, кто хлѣбами и сухарями, кто лоскутьями и одежонкою, ибо не могли знать, куда мы должны будемъ прибѣгнуть по разрушеніи дома. Пошли чрезъ Яузу на Хованскую гору; тутъ на переходахъ солдаты французскіе начали проходящихъ грабить, у кого что было, остановили и меня. Я рвался и думалъ броситься съ переходовъ въ воду, ибо у меня было въ карманахъ 1.200 руб. ассигнацій; но явился въ рѣкѣ верховой солдатъ, вынулъ пистолетъ, прицѣлился стрѣлять въ меня; товарищи мои, глядя съ другого берега на мое положеніе, трепетали. Стоящій солдатъ на переходахъ вынулъ изъ кармана моего свертокъ ассигнацій отъ 4 до 500, развернулъ, въ то жъ время сильный вѣтеръ вырвалъ изъ рукъ его ассигнаціи и разсѣялъ въ грязь и воду Яузы. Верховой кричалъ, чтобы съ переходовъ сошелъ и, ему ихъ собравъ, подалъ. На переходахъ стоящій держалъ меня и не пускалъ, однакожъ я вырвался, спрыгнулъ къ разсыпаннымъ ассигнаціямъ и вмѣсто, чтобъ сбирать ихъ, побѣжалъ съ остальными чрезъ воду къ кучкѣ нашихъ странниковъ; солдаты за мною не погнались и, видно, потому, что не хотѣли одинъ другому оставить разсѣянныхъ ассигнацій, а потому мы спокойно достигли на гору въ кусты. Здѣсь къ ужасу усмотрѣли бѣглыхъ и раненыхъ русскихъ солдатъ или мародеровъ и послѣ узнали, что они жили грабежомъ проходящихъ; однакожъ какъ насъ было много, то и не смѣли насъ до ночи грабить. Бывъ въ такомъ положеніи, смотрѣли мы съ ужасомъ, какъ загорѣлся Шурлина домъ, нашъ корпусъ противъ стараго дома, флигель, гдѣ жилъ Иванъ Ѳедоровичъ, и старый домъ весь занялся, потомъ и домъ Осипа Яковлевича. Къ довершенію нашего бѣдствія увидѣли и то, что и большого нашего дома главной корпусъ загорѣлся, церкви Симеоновская и Архидіаконская тожъ горѣли, и всѣ домы занялися, и такъ необозримое пламя все пожирало, и все Заяузье безъ остатка занялося, Замоскворѣчье тожъ безъ остатку все горѣло, ряды остальные занялися; на той сторонѣ Яузы, гдѣ мы укрывались, тожъ все занялося, и пламя объяло всю Москву, слилось, клубилось и все пожирало безъ изъятія; воздухъ наполнился несноснымъ смрадомъ, и атмосфера, какъ мутная вода, летающею золою, отъ чего у всѣхъ насъ глаза налилися кровію, и мы едва другъ друга узнавали, несмотря что ночь отъ пламени была свѣтла, какъ мрачный день. Размысля и смотря на страшную картину бѣдствій человѣческихъ, въ такомъ положеніи прошла половина ночи, и жителей обгорѣвшихъ на гору стеклося тысячи. Мы, отдѣлясь отъ всѣхъ и посадя въ гряды капусты дѣтей и женщинъ, стояли вокругъ ихъ на караулѣ и чрезъ четверть часа услыхали стенящаго человѣка за сто отъ насъ шаговъ; ребятъ нашихъ часть туда побѣжали и увидали, что русскіе раненые и бѣглые солдаты не только ограбили бѣднаго обывателя, руки и ноги переломали, но и старались убить до смерти. Усмотря оное, отрядъ ко мнѣ нашихъ возвратился съ симъ извѣстіемъ и требовалъ позволенія отмстить убійцамъ. Я, прибавя команды, съ нею отправился съ дубьемъ въ рукахъ къ укрывшимся разбойникамъ, нашли 12 человѣкъ, лежащихъ по травѣ и кустамъ съ подвязанными руками и съ связанными головами; тутъ же и тѣ самые, кои только что ограбили и убили обывателя; ребята мои, озлобясь,

Наполеонъ I.

ударили въ дубье, и мнимо-раненые вскоча хотѣли бѣжать, но были въ атакѣ и прибиты жестоко. Подлѣ поля сраженія нашли въ водѣ, обросшей осокою, разнаго платья и прочихъ вещей, награбленныхъ ранеными, воза два, изъ числа коей добычи капоты и сюртуки достались и нашимъ побѣдителямъ. Послѣ сего начало свѣтать, и пламя казалось утомленнымъ. Домы наши и прочіе жалкую изображали картину разрушенія. 5 числа утромъ въ 5 часовъ прибрели мы всѣ къ своему дому, расположились всѣ въ саду, тутъ же нѣсколько десятковъ постороннихъ столь же несчастныхъ упросили со слезами принять ихъ въ наше бѣдное общество, что съ общаго согласія и было принято. И насъ по саду и по бесѣдкамъ собралось до 150 человѣкъ. Съ трудомъ можно было пробраться на большой дворъ, ибо нагорѣлыя стѣны дышали несноснымъ жаромъ, однакожъ по улицѣ въ большія ворота достигъ я большого двора. Тутъ увидѣлъ, что главнаго корпуса верхній и парадный этажи превращены въ груды камней, нижній же этажъ весь уцѣлѣлъ; мы сердечно тому были обрадованы въ чаяніи, что можемъ укрыться отъ стужи и непогоды; но войти въ покои было невозможно, ибо каменные своды и на нихъ кирпичъ и щебень наваленные составляли въ покояхъ нижняго этажа смертельный жаръ. Главный магазинъ остался цѣлъ и не сгорѣлъ, покой же надъ нимъ сгорѣлъ [1]), сгорѣла и подъ конторой кладовая съ товарами, людскимъ багажомъ и бумагами, и думаю потому, что подлѣ дверей ея была большая деревянная ванна, наполненная лубками и бочками. Покои же надъ нею, какъ нижніе, такъ и верхніе, цѣлы. Музыкантскаго флигеля нижній этажъ сгорѣлъ, а верхній цѣлъ; погреба, конюшни, платныя, хлѣбныя и людская кухня сгорѣли. Подъ оранжереею осталась цѣла какими-то судьбами одна только господская кухня съ приспѣшною; оранжереи, какъ верхнія, такъ и всѣ нижнія, сгорѣли; осталась одна только на Яузѣ; ворота, кромѣ большихъ желѣзныхъ, всѣ сгорѣли. Гдѣ дьяконъ Симеоновской и дьячокъ жили, тутъ строенія и заборы всѣ сгорѣли, а потому окружены мы стали полемъ. Королевская кухня не успѣла вся выбраться, потому осталось много кастрюль и котловъ, и нѣсколько повозокъ погорѣло. Въ нижнемъ каретномъ сараѣ все погорѣло, а изъ верхняго остальныя двѣ кареты были вывезены; но одну изъ нихъ увезли французы. Хлѣбъ весь сгорѣлъ, дрова тоже, осталось только въ одномъ погребѣ часть огурцовъ; но мы хлѣбомъ кой-какъ перебивались. И такъ въ сей же день 5 сентября начался всеобщій грабежъ. Съ разсвѣтомъ дня, я первый, будучи у большихъ воротъ, взятъ четверыми солдатами, кои сняли сапоги, камзолъ и штаны, и съ ними остальныхъ лишился ассигнацій. Потомъ на всю нашу бѣдную артель солдаты, какъ саранча, напали и каждаго обнажили и грабили. Въ покояхъ тоже, что отъ пламени уцѣлѣло, грабили и били. Кладовыя всѣ и сундуки разбили и все пограбили, что ни было, укладывали иные въ фуры и увозили. Въ магазинѣ не только двери разбиты, но и стѣны въ двухъ мѣстахъ проломаны, и тутъ было нѣкоторыхъ знакомыхъ обывателей, на случай пожарной, наставлено много сундуковъ, комодъ и шкафовъ; всѣ они разбиты и разграблены; бочки съ косами, серпами, проволокою и жестью всѣ разбиты, и товары разбросаны, кои, ста-

[1]) Прочіе три придѣла деревянные съ товарами сгорѣли.

раясь спасти, много разъ мы собирали и запирали для того, чтобъ обыватели не тащили; но французы новые, видя запертой амбаръ, всегда замки сбивали въ чаяніи найти добычу; но, не найдя, бросали распертой амбаръ, изъ коего жители тащили вязанками, что ни попало. Караулить было не можно, ибо французы брали, кто ни попалъ, и накладывали свои добычи для отнесенія въ лагерь; а потому и оставался уцѣлѣлый отъ пожара амбаръ нашъ на расхищеніе. О баркѣ нашей, гдѣ она, и слуху не имѣю, да и узнать не можно. Въ сей день 5 сентября непрестанно всѣхъ насъ грабили и раздѣвали каждаго по 10 и болѣе разъ. Я и многіе къ ночи остались безъ рубашекъ и босые; я провелъ ночь въ одной худой шубенкѣ, впрочемъ, нагъ и босъ. 6 сентября день тожъ начался грабежомъ одинакимъ, отнимали даже изъ рукъ куски хлѣба, ибо уже одежды ни на комъ, кромѣ лохмотьевъ и рогожъ, на насъ не было. Въ сей день разбили погребъ, заложенный бѣлымъ камнемъ, въ коемъ уложены были господскія бронзы и лучшіе фарфоры и людское лучшее платьице и деньжонки, все это разграбили и частію увезли или унесли. Амбаръ нашъ опять мы заперли, и опять французы замки сбили и проломы разваляли и дали способъ опять тащить наброду. 7, 8, 9 и 10 поступали съ нами одинаково и раздѣвать лохмотья наши не переставали; и день, и ночь отдыху не было, одни только уходятъ, другіе являются. 11 пошелъ я къ королю просить защиты, онъ отъ насъ переѣхалъ квартировать въ домъ Разумовскаго, что на Гороховомъ полѣ у Вознесенья; по приказу его написанъ мнѣ аттестатъ и рекомендація коменданту защищать домъ вашъ, меня и людей при мнѣ. Комендантъ на томъ же аттестатѣ подписалъ, чтобъ вездѣ меня не обижали и домъ и домашнихъ нашихъ не грабили. На офицеровъ билетъ сей дѣйствовалъ, но солдаты, не смотря, грабить продолжали съ одинаковымъ звѣрствомъ. Потомъ 13 всѣ ваши дворы и сады наполнились обозами съ больными и ранеными, всѣхъ насъ почти вытѣснили изъ нашихъ убѣжищъ, и мы переколачивались гдѣ день, гдѣ ночь, въ ожиданіи къ лучшему перемѣны. Сказали, что и полиція учреждена, но грабежи не переставались. Оставалась одна надежда на миръ; но о немъ и слуху нѣтъ. Хлѣба нигдѣ достать не можно, да и впредь надежды не видать, ибо иной пожженъ, иной забранъ войсками, а съ полей возятъ отъ всѣхъ сторонъ снопами для лошадей. Капуста, рѣдька и картофель—все солдатами истреблено. Въ такомъ бывъ положеніи, я уговаривалъ какъ съ дѣтями, такъ и одинокихъ нашихъ дворовыхъ пробираться на фабрику бумажную съ тѣмъ, чтобъ дальше оттолѣ пробираться, то-есть на заводы. Знаю и то, что въ заводахъ вашихъ хлѣба мало, но что дѣлать? Здѣсь же неизбѣжно голодная и холодная смерть должна всѣхъ насъ истребить. Въ сихъ мысляхъ три четверти народу перевелъ на фабрику. А 23 сентября и самъ рѣшился и пришелъ на фабрику, спася остальныя ваши деньги, на кои купя лошадей съ повозками и снабдя дорожныхъ на расходы, остальныя при семъ въ заводскую вашу контору посылаю съ Дмитріемъ Тимоѳеевымъ, предполагая, что и у васъ во всемъ величайшій недостатокъ, и думаю, что и вы, милостивый государь, въ величайшемъ затрудненіи. Я же остался пока на фабрикѣ, въ ожиданіи, не будетъ ли какого отъ васъ повелѣнія, а между тѣмъ и не случится ль какой къ лучшему въ войнѣ перемѣны,

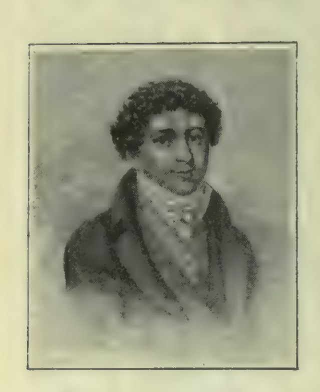
и о важнѣйшемъ буду вамъ доносить съ нарочными. Буде же ни того, ни другого дождаться не могу, то и самъ принужденъ буду брести по стопамъ отправленной братіи. Москва представляетъ жалостную картину превратности жребія: большія улицы наполнены солдаты, и на каждыхъ десяти шагахъ лежитъ издохшая лошадь, да и людей валяется безъ погребенія множество. Жители, страшась своихъ побѣдителей, скрываются или въ погребахъ, или въ развалинахъ, а въ нѣкоторыхъ садахъ построены многочисленные шалаши слободами, гдѣ жители питаются остальными крошками и зернами, но и то, видно, изсякаетъ, ибо неисчетное множество бѣгутъ и Москву оставляютъ. На заставахъ не останавливаютъ, а только остальныя крошки и лоскутья грабятъ и отнимаютъ.

Сейчасъ явились съ Москвы ѣздоки, Тихонъ-кучеръ съ товарищи, и всѣхъ насъ отчаянныхъ обрадовали несказанно, что вы, милостивый государь, съ вашими родными здоровы. Иванъ Максимовичъ Горностаевъ письмомъ, писаннымъ по приказу вашему, восхитилъ, извѣщая, что вы, какъ отецъ о чадахъ своихъ, печетеся о насъ и о спасеніи жизни нашей заботитесь больше, чѣмъ о погибшихъ вашихъ сокровищахъ. Да сохранитъ Создатель васъ, отца нашего! Съ чувствомъ истинной признательности, есмь и до гроба пребуду, милостивый государь, вашъ всенижайшій слуга Максимъ Соковъ.

Бумажная фабрика.

Сентября дня
1812 года.

Изъ переписки К. Н. Батюшкова.

К. Н. Батюшковъ.

Болѣзненный, нервный, съ тяжелой психической наслѣдственностью, Батюшковъ очень остро реагировалъ на впечатлѣнія Отечественной войны. Особенно потрясла его гибель Москвы, съ которою у поэта было связано много личныхъ дорогихъ воспоминаній. Въ 1812 году онъ писалъ своему другу Дашкову:

Мой другъ! Я видѣлъ море зла
И неба мстительнаго кары,
Враговъ неистовыхъ дѣла,
Войну и гибельны пожары;
Я видѣлъ сонмы богачей,
Бѣгущихъ въ рубищахъ издранныхъ;
Я видѣлъ блѣдныхъ матерей,
Изъ милой родины изгнанныхъ!
Я на распутьяхъ видѣлъ ихъ,
Какъ, къ персямъ чадъ прижавъ грудныхъ,
Онѣ въ отчаяньи рыдали
И съ новымъ трепетомъ взирали
На небо рдяное кругомъ.
Трикраты съ ужасомъ потомъ
Бродилъ въ Москвѣ опустошенной
Среди развалинъ и могилъ;
Трикраты прахъ ея священный
Слезами скорби омочилъ;
И тамъ, гдѣ зданья величавы

К. Н. Батюшковъ.

И башни древнія царей,
Свидѣтели протекшей славы
И новой славы нашихъ дней;
И тамъ, гдѣ съ миромъ почивали
Останки иноковъ святыхъ,
И мимо вѣки протекали,
Святыни не касаясь ихъ;
И тамъ, гдѣ роскоши рукою,
Дней мира и трудовъ плоды,
Предъ златоглавою Москвою
Воздвиглись храмы и сады —
Лишь угли, прахъ и камней горы,
Лишь груды тѣлъ кругомъ рѣки,
Лишь нищихъ блѣдные полки
Вездѣ мои встрѣчали взоры!..

1.

Кн. П. А. Вяземскому.

Нижній-Новгородъ, 3 октября 1812 г.

... Я рѣшился, и твердо рѣшился, отправиться въ армію, куда и долгъ призываетъ, и разсудокъ, и сердце, — сердце, лишенное покоя ужасными происшествіями нашего времени. Воен-

ная жизнь и биваки меня вылѣчатъ отъ грусти. Москвы нѣтъ! Потери невозвратныя! Гибель друзей, святыня, мирное убѣжище наукъ—все осквернено шайкою варваровъ. Вотъ плоды просвѣщенія или, лучше сказать, разврата остроумнѣйшаго народа, который гордился именами Генриха и Фенелона. Сколько зла! Когда будетъ ему конецъ? На чемъ основаны надежды? Чѣмъ наслаждаться? А жизнь безъ надежды, безъ наслажденій — не жизнь, а мученіе. Вотъ что меня влечетъ въ армію, гдѣ я буду жить физически и забуду на время собственныя горести и горести моихъ друзей.

Здѣсь [1]) я нашелъ всю Москву... Василій Пушкинъ [2]) забылъ въ Москвѣ книги и сына: книги сожжены, а сына вынесъ на рукахъ его слуга. Отъ печали Пушкинъ лишился памяти и насилу вчера могъ прочитать Архаровымъ басню о соловьѣ [3]). Вотъ до чего онъ и мы дожили! У Архаровыхъ сбирается вся Москва или, лучше сказать, всѣ бѣдняки: кто безъ дома, кто безъ деревни, кто безъ куска хлѣба, а я хожу къ нимъ учиться физіономіямъ и терпѣнію. Вездѣ слышу вздохи, вижу слезы — и вездѣ глупость. Всѣ жалуются и бранятъ французовъ по-французски, а патріотизмъ заключается въ словахъ: point de paix! [4]) Истинно много, слишкомъ много зла подъ луною; я въ этомъ всегда былъ увѣренъ, а нынѣ сдѣлалъ новое замѣчаніе. Человѣкъ такъ сотворенъ, что ничего вполнѣ чувствовать не въ силахъ, даже самаго зла: потерю Москвы немногіе постигаютъ. Она, какъ солнце, ослѣпляетъ. Мы всѣ въ чаду. Какъ бы то ни было, мой милый, любезный другъ, такъ было угодно Провидѣнію!.. Я не пишу о подробностяхъ взятія Москвы варварами: слухи не всѣ вѣрны, да и къ чему растравлять ужасныя раны?

2.

Н. И. Гнѣдичу.

Нижній-Новгородъ. Октябрь 1812 г.

... Ужасныя происшествія нашего времени,—происшествія, случившіяся какъ нарочно передъ моими глазами, зло, разлившееся по лицу земли во всѣхъ видахъ, на всѣхъ людей, такъ меня поразило, что я насилу могу собраться съ мыслями и часто спрашиваю себя: гдѣ я? что я?.. Отъ Твери до Москвы и отъ Москвы до Нижняго я видѣлъ, видѣлъ цѣлыя семейства всѣхъ состояній, всѣхъ возрастовъ, въ самомъ жалкомъ положеніи; я видѣлъ то, чего ни въ Пруссіи, ни въ Швеціи видѣть не могъ: переселеніе цѣлыхъ губерній! Видѣлъ нищету, отчаяніе, пожары, голодъ, всѣ ужасы войны и съ трепетомъ взиралъ

---

1) Въ Нижнемъ-Новгородѣ.
2) Вас. Львовичъ, дядя поэта.
3) Пушкинъ отличался болѣзненною страстью всюду читать свои стихи.
4) Мира не должно быть.

на землю, на небо и на себя. Нѣтъ, я слишкомъ живо чувствую раны, нанесенныя любезному нашему отечеству, чтобъ минуту быть покойнымъ. Ужасные поступки вандаловъ или французовъ въ Москвѣ и въ ея окрестностяхъ, поступки, безпримѣрные и въ самой исторіи, вовсе разстроили мою маленькую философію

К. Н. Батюшковъ, раненый (автопортретъ).

и поссорили меня съ человѣчествомъ. Ахъ, мой милый, любезный другъ, зачѣмъ мы не живемъ въ счастливѣйшія времена! Зачѣмъ мы не отжили прежде общей погибели!..

... При имени Москвы, при одномъ названіи нашей доброй гостепріимной, бѣлокаменной Москвы, сердце мое трепещетъ, и тысяча воспоминаній, одно другого горестнѣе, волнуются въ моей головѣ. Мщенія, мщенія! Варвары, вандалы! И этотъ на-

родъ изверговъ осмѣлился говорить о свободѣ, о философіи, о человѣколюбіи! И мы до того были ослѣплены, что подражали имъ, какъ обезьяны! Хорошо и они намъ заплатили! Можно умереть съ досады при одномъ разсказѣ о ихъ неистовыхъ поступкахъ. Но я еще не хочу умирать—итакъ, ни слова. Но скажу тебѣ мимоходомъ, что Алексѣй Николаевичъ [1]) совершенно правъ: онъ говорилъ назадъ тому три года, что нѣтъ народа, нѣтъ людей, подобныхъ этимъ уродамъ, что всѣ ихъ книги достойны костра, а я прибавлю: ихъ головы—гильотины...

К. Н. Батюшковъ на конѣ (автопортретъ).

3.

Отцу.

Нижній-Новгородъ, 27 октября 1812 г.

... Печальныя времена! Но мы, любезный батюшка, какъ граждане и какъ люди, вѣрующіе въ Бога, надежды не должны терять. Зла много, потеря частныхъ людей несчетна, цѣлыя семейства разорены, но все еще не потеряно: у насъ есть милліоны людей и желѣзо. Никто не желаетъ мира. Всѣ желаютъ не мира, истребленія враговъ.

---

[1]) Оленинъ, директоръ Публичной библіотеки.

Г. Р. Державинъ.

Изъ переписки Г. Р. Державина.

1.

В. С. Попову [1]).

Званка [2]), 7 іюля 1812 г.

Я изъ Пскова 5 числа сего мѣсяца возвратился. Тамъ наѣхалъ довольно суматохи отъ близкаго военнаго театра, какъ разными непріятными вѣстями, такъ и страшнымъ выгономъ лошадей. Приказано было поставить на каждую станцію по 5.000, что было привело жителей въ нѣкоторое смущеніе и уныніе, но послѣ нѣсколько облегчены, и не знаютъ, что далѣе будетъ. По дружескому Вашему благорасположенію, желалъ бы что-нибудь слышать отъ Васъ и основательнѣе, и пріятнѣе. Въ Псковѣ было меня перепугали, но что дѣлать! Узнавъ, что въ тамошнемъ соборѣ почиваютъ мощи россійскаго героя, великаго князя Гавріила, и находится страшный его мечъ, пошелъ полюбопытствовать и велѣлъ отъ искренняго сердца отпѣть молебенъ за успѣхъ нашего оружія...

2.

Ему же.

Званка, 16 іюля 1812 г.

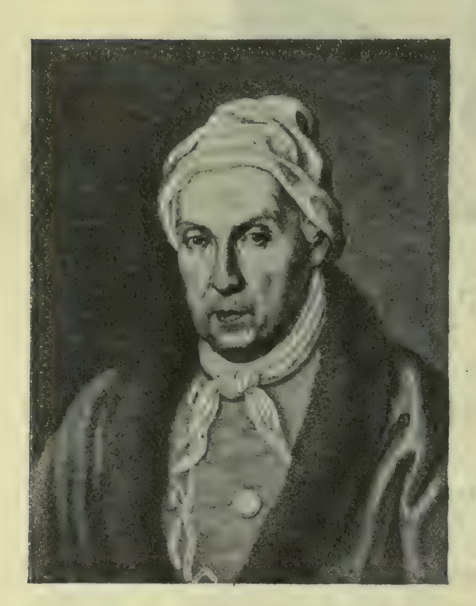
... По усердію моему къ отечеству и по пылкому моему нраву, что я написалъ и отдалъ принцу [3]) для представленія

---

[1]) Членъ Государственнаго Совѣта.
[2]) Деревня Державина.
[3]) Ольденбургскій, мужъ великой княгини Екатерины Павловны.

Государю Императору, при семъ къ дружескому единственно Вашему свѣдѣнію въ копіи сообщаю. Но я уже не писалъ того (дабы не огорчать), что я ему еще въ исходѣ 1806 года и въ началѣ 1807 письменно и словесно представлялъ, дабы быть осторожну отъ Наполеона и принять заблаговременно мѣры къ защитѣ отечества, увѣряя, что онъ въ покоѣ его не оставитъ. Меня обѣщали призвать и выслушать мой планъ, но послѣ пренебрегли и презрѣли, какъ стихотворческую горячую голову; но теперь, къ несчастію, все, что я говорилъ, сбывается. Такъ и быть! Задернемъ сію мрачную картину и, предавшись Провидѣнію, возложимъ все на Него упованіе наше.

Изъ воспоминаній А. С. Норова.

Г. Р. Державинъ.

А. С. Норовъ, одно время бывшій министромъ народнаго просвѣщенія, участвовалъ въ Бородинскомъ сраженіи, былъ тяжело раненъ (ему была ампутирована нога) и попалъ въ плѣнъ къ французамъ. Въ 1868 г., въ видѣ возраженія Л. Н. Толстому, онъ написалъ свои воспоминанія: «Война и миръ (1805 — 1812)», очень субъективныя, проникнутыя полемическимъ задоромъ. Мы беремъ изъ нихъ только описаніе Москвы послѣ оставленія ея французами.

... Нельзя вообразить себѣ тѣ ужасныя картины, которыя развертывались передъ нами по мѣрѣ того, какъ мы подвигались отъ Калужскихъ воротъ къ Москвѣ-рѣкѣ. Одинъ только нашъ кварталъ отъ Калужской заставы до Калужскихъ воротъ уцѣлѣлъ отъ пожара (но не совсѣмъ отъ грабежа)... Такимъ образомъ былъ пощаженъ Донской монастырь. Все, что видно было передъ нами, сколько могъ обнять глазъ, было черно; высокія трубы домовъ торчали изъ грудъ развалинъ; пожранные пожаромъ дома, закопченныя снизу доверху высокія церкви были какъ бы подернуты крепомъ, и лики святыхъ, написанные на ихъ стѣнахъ, поглядывали съ своими золотыми вѣнцами изъза черныхъ полосъ дыма; нѣсколько труповъ людскихъ и лошадиныхъ были разбросаны по сторонамъ. Замоскворѣчье было намъ мало знакомо, но тяжкое впечатлѣніе такого зрѣлища навело на всѣхъ насъ глубокое молчаніе, и, проѣзжая мимо поруганныхъ святыхъ церквей, мы творили крестное знаменіе. Въ нѣкоторыхъ церквахъ, нѣсколько уцѣлѣвшихъ, двери были раскрыты настежь, и грхлуды ама и разныхъ снадобій и мебели

наполняли ихъ. Но какъ выразить то чувство, которое объяло насъ при видѣ Кремля! Когда мы въѣхали на Каменный мостъ, картина разрушенія представилась намъ во всемъ ужасѣ... Мы всплеснули руками: Иванъ Великій безъ креста, какъ бы съ размозженною золотою главою, стоялъ одинокъ не какъ храмъ, а какъ столбъ, потому что вся его великолѣпная боковая пристройка, съ двумя куполами и съ огромными колоколами, была взорвана и лежала въ грудѣ. Когда мы проѣзжали ближе, то видѣли съ набережной, у подошвы его, тамъ, гдѣ онъ соединялся съ пристройкою, глубокую продольную трещину. Башня съ Боровицкими воротами была взорвана; средина Кремлевской стѣны также; и мы едва могли пробраться среди груды развалинъ. Грановитая палата, пожранная пламенемъ, стояла безъ крыши, съ закоптѣлыми стѣнами и съ полосами дыма, выходящими изъ оконъ. На куполахъ соборовъ многіе листы были оторваны. Огибая Кремль по дорогѣ къ Василію Блаженному, мы увидѣли, что угловая башня со стѣною была взорвана. Спасскія ворота съ башнею уцѣлѣли. Башня Никольскихъ воротъ, отъ верха вплоть до образного кіота, была обрушена, но самый кіотъ съ образомъ Николая чудотворца и даже со стекломъ—что мы ясно видѣли—остались невредимы. Угловая стѣна, примыкавшая къ этой башнѣ, и арсеналъ, обращенный къ бульвару (что теперь Кремлевскій садъ), были взорваны... Съ тѣми чувствами, какъ Неемія, послѣ плѣна Вавилонскаго, объѣзжалъ вокругъ обрушенныхъ стѣнъ Іерусалима, мы обозрѣвали обрушенныя стѣны Кремля.

Наполеонъ хотѣлъ бы всю мѣстность ненавистной ему Москвы, сдѣлавшуюся гробницею его славы, вспахать и посыпать солью, какъ сдѣлалъ Адріанъ съ Іерусалимомъ, и изгладить ея имя съ лица земли, но Іерусалимъ остался святынею міра, а обновленная новымъ блескомъ Москва осталась святынею Россіи.

Отечественная война въ воспоминаніяхъ и письмахъ декабристовъ.

1.

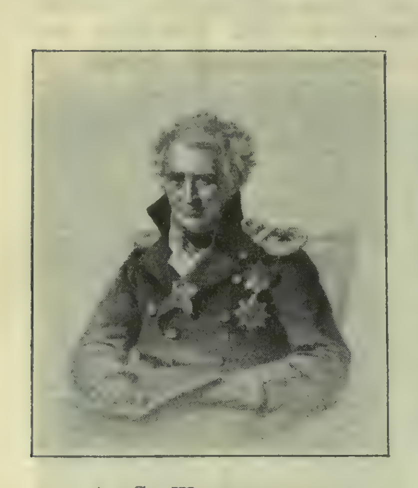
И. Д. Якушкинъ, „Записки“.

Война 1812 года пробудила народъ русскій къ жизни и составляетъ важный періодъ въ его политическомъ существованіи. Всѣ распоряженія и усилія правительства были бы недостаточны, чтобы изгнать вторгшихся въ Россію галловъ и съ ними двунадесять языцы, еслибы народъ попрежнему остался въ оцѣпенѣніи. Не по распоряженію начальства жители при приближеніи французовъ удалялись въ лѣса и болота, оставляя свои жилища на сожженіе. Не по распоряженію начальства выступило все народонаселеніе Москвы вмѣстѣ съ арміей изъ древней столицы. По рязанской дорогѣ, направо и налѣво, поле было покрыто пестрой толпой, и мнѣ теперь еще помнится слово шедшаго около меня солдата: «Ну, слава Богу, вся Россія въ походъ пошла!» Въ рядахъ даже между солдатами не было уже

безсмысленныхъ орудій, каждый чувствовалъ, что онъ призванъ содѣйствовать въ великомъ дѣлѣ...

Пребываніе цѣлый годъ въ Германіи и потомъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Парижѣ не могло не измѣнить воззрѣнія хоть сколько-нибудь мыслящей русской молодежи: при такой огромной обстановкѣ каждый изъ насъ сколько-нибудь выросъ.

Изъ Франціи въ 14 году мы возвратились моремъ въ Россію. Первая гвардейская дивизія была высажена у Ораніенбаума и слушала благодарственный молебенъ, который служилъ оберъ-священникъ Державинъ. Во время молебствія полиція нещадно била народъ, пытавшійся приблизиться къ выстроенному войску. Это произвело на насъ первое неблагопріятное впечатлѣніе по возвращеніи въ отечество. Я получилъ позволеніе уѣхать въ Петербургъ и ожидать тамъ полкъ. Остановившись у однополчанина Толстого (теперь сенатора), мы отправились вмѣстѣ съ нимъ во фракахъ взглянуть на первую гвардейскую дивизію, вступающую въ столицу. Для ознаменованія великаго этого дня были выстроены на скорую руку у петергофскаго въѣзда ворота и на нихъ поставлены шесть алебастровыхъ лошадей, знаменующихъ шесть гвардейскихъ полковъ первой дивизіи. Толстой и я, мы стояли недалеко отъ золотой кареты, въ которой сидѣла императрица Марія Ѳеодоровна съ великой княжной Анной Павловной. Наконецъ, показался императоръ, предводительствующій гвардейской дивизіей, на славномъ рыжемъ конѣ, съ обнаженной шпагой, которую онъ уже готовъ былъ опустить передъ императрицей. Мы имъ любовались; но въ самую ту минуту, почти передъ его лошадью, перебѣжалъ черезъ улицу мужикъ. Императоръ далъ шпоры своей лошади и бросился на бѣгущаго съ обнаженной шпагой. Полиція приняла мужика въ палки. Мы не вѣрили собственнымъ глазамъ и отвернулись, стыдясь за любимаго нами царя...' Въ 14 году существованіе молодежи въ Петербургѣ было томительно. Въ продолженіе двухъ лѣтъ мы имѣли передъ глазами великія событія, рѣшившія судьбы народовъ, и нѣкоторымъ образомъ участвовали въ нихъ; теперь было невыносимо смотрѣть на пустую петербургскую жизнь и слушать болтовню стариковъ, выхваляющихъ все старое и порицающихъ всякое движеніе впередъ. Мы ушли отъ нихъ за 100 лѣтъ впередъ...

А. С. Шишковъ.

2.

Н. И. Тургеневъ, „Россія и русскіе“.

Во время войны 1812 года произошло одно обстоятельство, которое всячески старались замять. Вотъ оно. При появленіи врага деревни поднимались добровольно, и крестьяне повсюду

вели партизанскую войну, сражаясь съ удивительной храбростью. Послѣ бѣгства врага они вполнѣ справедливо думали, что заслужили себѣ свободу геройскимъ сопротивленіемъ, опасностями, которымъ подвергались, и перенесенными лишеніями для общаго избавленія. Поэтому во многихъ мѣстахъ они не хотѣли больше признавать власти своихъ господъ... Правительство, мѣстныя власти и помѣщики вели себя при этомъ очень осторожно; вмѣсто того, чтобы прибѣгать къ насилію, этому единственному аргументу крѣпостниковъ, они воздерживались, откладывая до болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ возвращеніе своихъ правъ. Можетъ-быть, отчасти имъ мѣшала совѣсть поступать сурово съ людьми, принесшими такія великія жертвы своей родинѣ. Спустя долгое время, когда первое волненіе крестьянъ улеглось само собой и когда административная машина заработала правильно, все вернулось къ обычному порядку... Еслибы русская армія глубже пропиталась элементами прогресса, зачатки которыхъ она проявила, то, быть-можетъ, попытки освобожденія послѣдовали бы не только со стороны однихъ крестьянъ—такъ русскій народъ былъ проникнутъ чувствомъ своей силы и достоинства.

3.

А. П. Бѣляевъ, „Воспоминанія декабриста“.

Извѣстія, приходившія съ театра войны, были самыя неутѣшительныя. Наконецъ, Москву заняли французы, и когда показывалось гдѣ-нибудь зарево, то народъ выбѣгалъ на улицу и въ мрачномъ настроеніи толковалъ о томъ, что это французы жгутъ наши города и села и что, вѣрно, и здѣсь придется встрѣчать незваныхъ. Крестьяне приготовляли рогатины. Выкованы были острея копій, которыя крестьяне насаживали на древки...

Когда французовъ погнали изъ Россіи, тогда ходили всѣ смотрѣть на партіи плѣнныхъ, какъ прежде на проходившія войска, стягивавшіяся къ театру военныхъ дѣйствій. Плѣнныхъ пригоняли во множествѣ. И что за жалкіе, изможденные, оборванные бѣдняки были эти грозные побѣдители! Къ чести нашего добраго народа надо сказать, что онъ принималъ ихъ съ состраданіемъ, кормилъ ихъ и прикрывалъ, чѣмъ могъ, наготу ихъ. Я уже не говорю о благородныхъ семействахъ, которыя теперь оказывали имъ помощь во всемъ, но и простой народъ, съ яростью ожидавшій врага, съ сожалѣніемъ смотрѣлъ на побѣжденныхъ, конечно, когда этотъ врагъ уже бѣжалъ безъ оглядки.

4.

П. Г. Каховскій, „Письмо Николаю I“.

Въ 1812 году нужны были неимовѣрныя усилія; народъ радостно все несъ въ жертву для спасенія отечества. Война кончена благополучно; монархъ, украшенный славою, возвратился, Европа склонила передъ нимъ колѣна; но народъ, давшій возможность къ славѣ, получилъ ли какую льготу? Нѣтъ! Въ мирное время налоги еще увеличились...

5.

А. А. Бестужевъ, „Письмо Николаю I“.

Неудачная война 1807 г. и другія много стоящія разстроили финансы... Наконецъ, Наполеонъ вторгся въ Россію, и тогда-то народъ русскій впервые ощутилъ свою силу; тогда-то пробудилось во всѣхъ сердцахъ чувство независимости, сперва политической, а впослѣдствіи и народной. Вотъ начало свободомыслія въ Россіи. Правительство само произнесло слова: «свобода, освобожденіе!» Само разсѣвало сочиненія о злоупотребленіяхъ власти Наполеона, и кликъ русскаго монарха огласилъ берега Рейна и Сены. Еще война длилась, когда ратники, возвратясь въ домы, первые разнесли ропотъ въ классѣ народа. «Мы проливали кровь,—говорили они,—а насъ опять заставляютъ потѣть на барщинѣ! Мы избавили родину отъ тирана, а насъ опять тиранятъ господа!» Войска отъ генераловъ до солдатъ, пришедши назадъ, только и толковали, какъ хорошо въ чужихъ земляхъ. Сравненіе со своимъ естественно произвело вопросъ: почему же не такъ у насъ?..

6.

Кн. С. Г. Волконскій, „Записки“.

... Вопль чиновниковъ, которымъ препятствовалъ Винценгероде [1]) дѣлать закупы по фабричнымъ цѣнамъ, и таковой же вопль господъ помѣщиковъ, которые, какъ тогда, такъ и теперь, и всегда будутъ это дѣлать, кричать объ ихъ патріотизмѣ, но изъ того, что можетъ поступить въ ихъ кошелекъ, не дадутъ ни алтына,—этотъ вопль нашелъ пріюта въ Питерѣ...

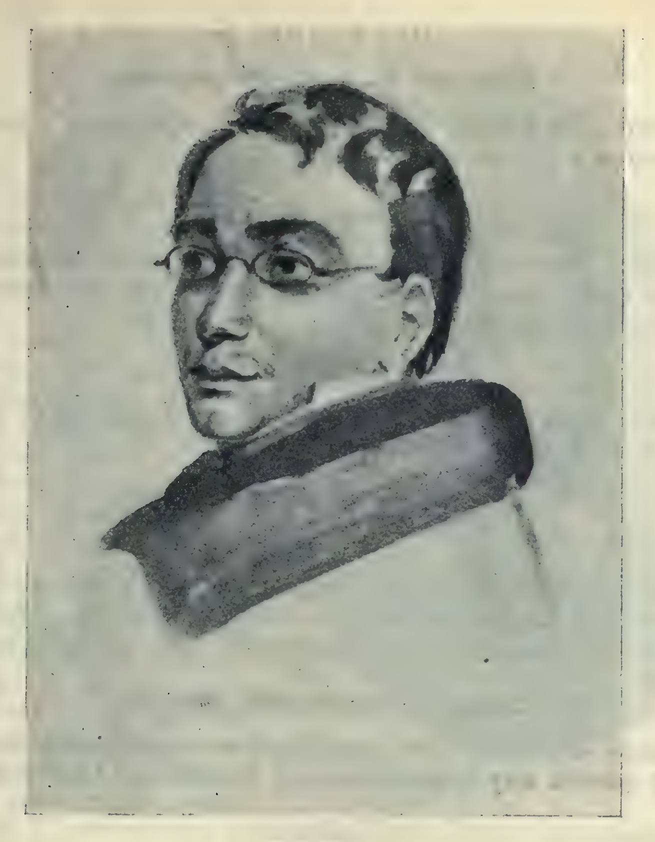
Графъ Аракчеевъ повезъ меня во дворецъ, и я лично и безъ него былъ допущенъ къ государю. Подавъ ему депешу, доложилъ, что имѣю записку о личномъ докладѣ ему содержанія оной [2]). Онъ и ту взялъ и, переговоривъ со мною о содержаніи всего врученнаго, сказалъ мнѣ: «Ты немного отдохнешь, а потомъ получишь отправленіе отъ графа» [3]). Тутъ онъ мнѣ сдѣлалъ слѣдующіе вопросы: 1) каковъ духъ арміи? — Я ему отвѣчалъ: «Государь! Отъ главнокомандующаго до всякаго солдата всѣ готовы положить свою жизнь къ защитѣ отечества и Вашего Императорскаго Величества». 2) А духъ народный?—На это я ему отвѣчалъ: «Государь! Вы должны гордиться имъ: каждый крестьянинъ — герой, преданный отечеству и Вамъ». 3) А дворянство?—«Государь! — сказалъ я ему: — стыжусь, что принадлежу къ нему,—было много словъ, а на дѣлѣ ничего»...

---

[1]) Генералъ, командовавшій въ 1812 г. отрядомъ, прикрывавшимъ петербургскій трактъ.

[2]) Депеша и порученіе Винценгероде.

[3]) Аракчеевъ, военный министръ.

А. С. Грибоѣдовъ.

А. С. Грибоѣдовъ. 1812 годъ.

Отдѣленіе I[1]).

Красная площадь.

Исторія начала войны, взятіе Смоленска, народныя черты, пріѣздъ государя, обозъ раненыхъ, разсказъ о битвѣ Бородинской. М* [2]) съ перваго стиха до послѣдняго на сценѣ. Очертаніе его характера...

Теремъ царей въ Кремлѣ.

Наполеонъ съ сподвижниками. Картина взятія Москвы. Н* [3]) одинъ. Высокія воспоминанія. Открываетъ окно, лунная ночь. Видѣніе—или нѣтъ, какъ случится. Размышленіе о юномъ, первообразномъ семъ народѣ, объ особенностяхъ его одежды, зданій, вѣры, нравовъ. Себѣ самъ преданный,—что бы онъ могъ произвести?

---

[1]) Планъ драмы.
[2]) Герой драмы, крѣпостной.
[3]) Наполеонъ.

Отдѣленіе II.

Галлерея въ домѣ Позднякова.

...Улицы, пылающіе дома. Ночь. Сцены звѣрскаго распутства, святотатства и всѣхъ пороковъ...

Село подъ Москвой.

Сельская картина. Является М*. Всеобщее ополченіе безъ дворянъ. (Трусость служителей правительства—выставлена или нѣтъ, какъ случится).

Отдѣленіе III.

Зимнія сцены преслѣдованія непріятеля и ужасныхъ смертей... Истязаніе Р. и посѣдѣлаго воина. Подвиги М*...

Эпилогъ.

Вильна.

Отличія, искательства; вся поэзія великихъ подвиговъ исчезаетъ. М* въ пренебреженіи у военачальниковъ. Отпускается во-свояси съ отеческими наставленіями къ покорности и послушанію.

Село, или развалины Москвы.

Прежнія мерзости. М* возвращается подъ палку господина, который хочетъ ему сбрить бороду. Отчаяніе... Самоубійство.

Изъ писемъ Н. М. Карамзина И. И. Дмитріеву.

1.

Москва, 20 августа 1812 года.

...Живу у графа Ѳ. В. Ростопчина и готовъ умереть за Москву, если такъ угодно Богу. Наши стѣны ежедневно болѣе и болѣе пустѣютъ; уѣзжаетъ множество. Хорошо, что имѣемъ градоначальника [1]) умнаго и добраго, котораго люблю искренно, какъ патріотъ патріота. Я радъ сѣсть на своего сѣраго коня и вмѣстѣ съ московскою удалою дружиною примкнуть къ нашей арміи... Въ первый разъ завидую тебѣ: ты не мужъ и не отецъ!..

2.

Нижній, 11 октября 1812 года.

...Мнѣ больно *издали* смотрѣть на происшествія рѣшительныя для нашего отечества... Жаль многаго, а Москвы всего болѣе: она возрастала семь вѣковъ! Въ какое время живемъ! Все кажется сновидѣніемъ...

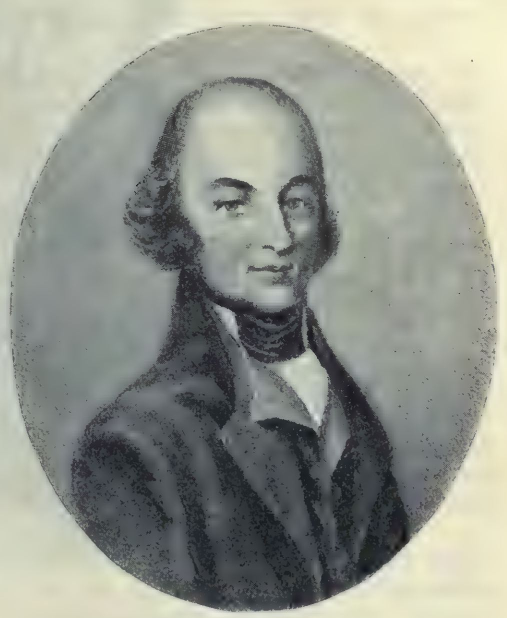
---

[1]) Графъ Ростопчинъ.

3.

Нижній, 26 ноября 1812 года.

...Какъ ни жаль Москвы, какъ ни жаль нашихъ мирныхъ жилищъ и книгъ, обращенныхъ въ пепелъ [1]), но слава Богу, что отечество уцѣлѣло и что Наполеонъ бѣжитъ зайцемъ, пришедши тигромъ. Ты, любезнѣйшій, удивляешься неосторожности москвитянъ; но отцы и дѣды наши умерли, а мы дожили почти до старости безъ помышленія о томъ, чтобы непріятель могъ добраться до святыни кремлевской: не хотѣлось думать, не хотѣлось вѣрить, не хотѣлось трусить въ собственныхъ глазахъ своихъ. Всѣ же увѣряли, ободряли, клялись сѣдыми волосами и пр... Съ нетерпѣніемъ жду, чѣмъ закончится эта удивительная кампанія. Есть Богъ! Онъ наказываетъ и милуетъ Россію.

Н. М. Карамзинъ.

4.

Нижній, 17 февраля 1813 года.

...Состояніе крестьянъ жалкое: у меня нѣтъ духа требовать съ нихъ полнаго оброка, хотя и весьма умѣреннаго... Будущее также неясно. Долго ли станемъ воевать? Чего еще потребуется отъ насъ и крестьянъ для славы и безопасности Россіи?..

5.

Москва, 15 іюня 1813 года.

...Я плакалъ дорогою, плакалъ и здѣсь, смотря на развалины. Москвы нѣтъ: остался только уголокъ ея. Не одни дома сгорѣли: самая нравственность людей измѣнилась въ худое, какъ увѣряютъ. Замѣтно ожесточеніе; видна и дерзость, какой прежде не бывало. Правительство имѣетъ нужду въ мѣрахъ чрезвычайнаго благоразумія. Впрочемъ, это не мое дѣло: есть Богъ; Онъ все знаетъ лучше нашего...

---

[1]) Въ московскомъ пожарѣ сгорѣла драгоцѣнная библіотека Карамзина.

Н. М. Карамзинъ.

М. А. Дмитріевъ, „Смерть Верещагина".

(«Мелочи изъ запаса моей памяти».)

Извѣстная исторія Верещагина, убитаго въ Москвѣ народомъ, вѣроятно, теперь забыта. Я разскажу, что знаю.

Это было въ Москвѣ въ 1812 году. Я былъ еще въ Университетскомъ благородномъ пансіонѣ и только что былъ произведенъ по экзамену 12 іюня въ студенты университета, но въ то же время, будучи давно уже записанъ въ Архивъ иностранной коллегіи, по понедѣльникамъ я ѣздилъ въ архивъ на службу. Однажды въ архивѣ показываютъ мнѣ въ рукописи, въ переводѣ на русскій языкъ, прокламацію Наполеона, и мы всѣ принялись читатѣ ее. Въ ней были обѣщанія русскому народу свободы и проч. Въ это время пріѣзжаетъ нашъ начальникъ (второй по Бантышѣ-Каменскомъ), Алексѣй Өедоровичъ Малиновскій. Увидя насъ, читающихъ бумагу, онъ спросилъ: «Что вы, господа, читаете? Вѣрно, эту прокламацію? Не вѣрьте ничему этому. Совѣтую вамъ не читать ее и не переписывать: вы увидите, что изъ этого выйдетъ что-нибудь нехорошее и опасное».

Послѣ 12 іюня, получивши званіе студента, я уѣхалъ на вакацію въ Симбирскую губернію. Вотъ что происходило безъ меня, предъ самымъ уже приближеніемъ французовъ къ Москвѣ.

Гр. Ростопчинъ велѣлъ сдѣлать объ этой прокламаціи розысканіе, тѣмъ болѣе, что такого рода бумага, напечатанная въ

иностранной газетѣ, не могла пройти черезъ газетную цензуру: этотъ нумеръ былъ бы запрещенъ.

Оказалось, что эту бумагу переводилъ купеческій сынъ Верещагинъ, и что онъ получилъ эти газеты отъ сына московскаго почтъ-директора Ѳедора Петровича Ключарева. Когда надобно было взять Верещагина къ допросу, оказалось, что онъ укрывается въ домѣ почтамта, на Мясницкой.

Гр. Ростопчинъ послалъ туда полицейскаго чиновника, но почтъ-директоръ Верещагина не выдалъ, отвѣчая, что полиція не имѣетъ права входить въ вѣдомство почтамта и что у нихъ есть своя полиція. Гр. Растопчинъ на это послалъ сказать почтъ-директору: «а ежели бы мнѣ надобно было взять подъ стражу самого васъ, ваше превосходительство, кого бы я послалъ съ этимъ порученіемъ, когда я не имѣю права послать къ вамъ полицію?» (Послѣдствія доказали, что эти слова были пророческія; можетъ-быть, гр. Ростопчинъ зналъ уже кое-что и пророчествовалъ навѣрное. Объ этомъ я упомяну послѣ).

Какъ бы то ни было, но Верещагина взяли. Извѣстно, что гр. Ростопчинъ, передъ самымъ выѣздомъ своимъ изъ Москвы, отдалъ его народу и что народъ растерзалъ его. Но какъ это было, и Ростопчинъ ли его предалъ, или самъ народъ отбилъ его и замучилъ, это оставалось тайною; мнѣнія и слухи были разные, а теперь и совсѣмъ это забыто: прошло почти уже полвѣка.

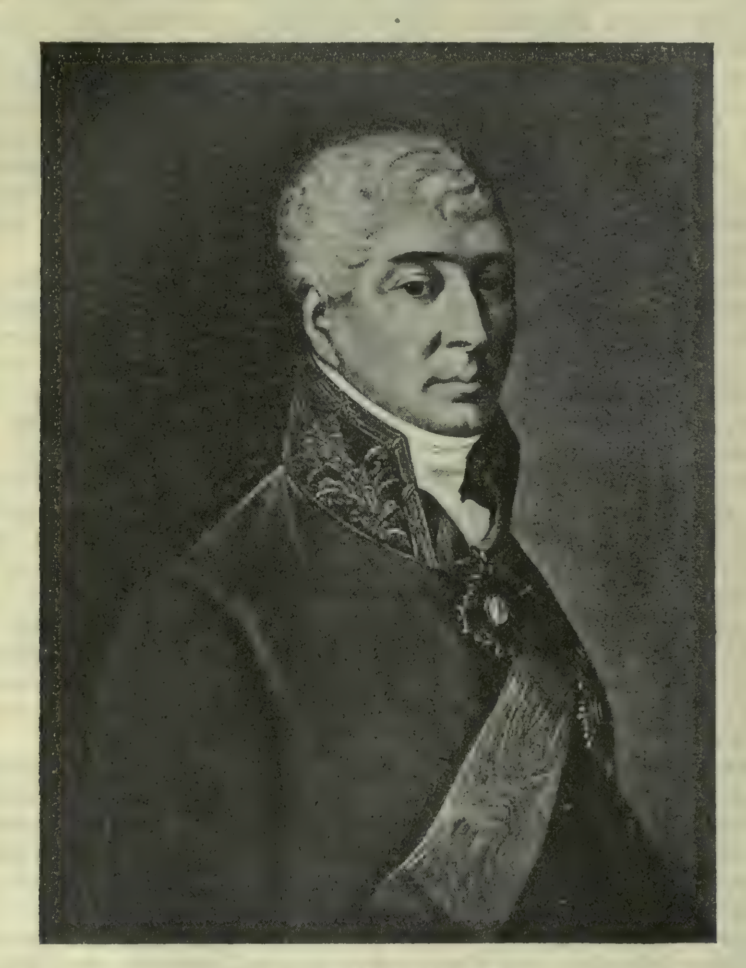
Вскорѣ послѣ французовъ (1813) я ѣхалъ на извозчикѣ мимо дома гр. Ростопчина, бывшаго на Лубянкѣ, почти противъ церкви Введенія. Домъ этотъ принадлежитъ нынѣ (1853) графу Орлову-Денисову. Извозчикъ, указывая кнутомъ на домъ, сказалъ мнѣ: «Вотъ здѣсь, баринъ, убили Верещагина!» Я спросилъ: «Развѣ ты знаешь?» Онъ отвѣчалъ мнѣ: «Какъ же! При мнѣ и было! Графъ вывелъ его на крыльцо и самъ вышелъ. Народу было на дворѣ видимо-невидимо! Вотъ онъ и сказалъ народу: «Народъ православный! Вотъ вамъ измѣнникъ; дѣлайте съ нимъ, что хотите!»

«Сказавши это, онъ далъ знакъ рукой казаку. Казакъ ударилъ его саблей, по головѣ ли, по плечу ли, и разрубилъ, а потомъ его и бросили съ крыльца народу. Графъ ушелъ, и двери за нимъ затворились; а народъ бросился на Верещагина и тутъ же разорвалъ его живого на части. Я самъ это видѣлъ!» Вотъ свидѣтельство очевидца.

Другое свидѣтельство, тоже очевидца, разсказанное не мнѣ, а Дмитрію Николаевичу Свербееву, родственникомъ его Васильемъ Николаевичемъ Обрѣзковымъ, который былъ впослѣдствіи въ концѣ царствованія Александра и въ началѣ царствованія Николая московскимъ полицеймейстеромъ. Въ 1812 году онъ былъ адъютантомъ гр. Ростопчина. Онъ разсказывалъ то же: гр. Ростопчинъ вышелъ на крыльцо, въ сопровожденіи своихъ адъютантовъ, въ числѣ которыхъ былъ и самъ Обрѣзковъ. Верещагинъ былъ заранѣе истребованъ изъ острога; передъ домомъ было скопище народа. Гр. Ростопчинъ, указавъ народу на Верещагина и сказавъ, что онъ измѣнникъ, велѣлъ полицейскому драгуну (а не казаку, какъ говорилъ извозчикъ) рубить его; драгунъ не скоро повиновался, но, по второму строгому приказанію, вынулъ саблю и началъ. Прочее—то же, что мнѣ разсказывалъ извозчикъ. Какъ скоро бросили Верещагина народу,

гр. Ростопчинъ ушелъ; двери за нимъ затворились, а онъ тотчасъ же сѣлъ на дрожки, и съ задняго крыльца уѣхалъ изъ Москвы вслѣдъ за арміей. Это было 2 сентября, утромъ.

Но я имѣю въ рукахъ подлинное отношеніе графа Ростопчина къ моему дядѣ, который былъ тогда министромъ юстиціи [1]). Это отношеніе отъ 13 октября 1812 года, за № 5 изъ Владимира. Изъ него видно, что дядя мой спрашивалъ гр. Ростопчина, во-

И. И. Дмитріевъ.

первыхъ, куда и какъ размѣщены присутственныя мѣста послѣ разоренія Москвы непріятелемъ, а, во-вторыхъ, о судимости Верещагина.

Гр. Ростопчинъ увѣдомляетъ его о присутственныхъ мѣстахъ, что они находятся частію въ Нижнемъ-Новгородѣ, частью въ Муромѣ; что въ самый этотъ день (13 октября) получено во Владимирѣ первое извѣстіе *о опорожненіи* Москвы непріятелемъ, а въ концѣ отношенія своего пишетъ слово въ слово такъ: «Что жъ касается до Верещагина, то измѣнникъ сей и государственный

---

[1]) И. И. Дмитріевъ.

преступникъ былъ предъ самымъ вшествіемъ злодѣевъ нашихъ въ Москву преданъ мною столпившемуся предъ нимъ народу, который, видя въ немъ гласъ Наполеона и предсказателя своихъ несчастій, сдѣлалъ изъ него жертву справедливой своей ярости».— Это есть уже свидѣтельство исторіи, основанное на подлинномъ документѣ того времени.

Что касается до почтъ-директора, тайнаго совѣтника Ѳедора Петровича Ключарева, и до его сына, то обоихъ ихъ, по повелѣнію государя, отослали на жительство, кажется, въ Вологду. Я видѣлъ ихъ въ Москвѣ, по возвращеніи ихъ оттуда. Старикъ не роптал; а на вопросъ объ этомъ моего дяди съ слезами взглянулъ на небо: въ этомъ взглядѣ ясно была видна покорность волѣ Божіей.

Изъ „Записокъ" полк. А. К. Карпова.

Наша исторія полна красивыми легендами. Подъ безстрастнымъ скальпелемъ исторической науки всѣ онѣ постепенно разлетаются и изъ красочной поэзіи обращаются въ сѣрую прозу. «Мечты поэта, историкъ строгій гонитъ васъ! Увы!—его раздался гласъ, и гдѣ жъ очарованье свѣта?»., Такъ, въ значительной степени развѣнчана и сведена на землю исторія декабристовъ; теперь наступаетъ моментъ такого же анализа и для Отечественной войны. Ему помогутъ такіе безхитростные, бьющіе живою дѣйствительностью, чуждые позднѣйшей идеализаціи матеріалы, какъ «Записки» полковника А. К. Карпова (1807—1837), изданныя въ прошломъ году въ Витебскѣ. Малообразованный, наивный, но умный отъ природы, Карповъ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, для себя, заноситъ въ свои безграмотныя тетрадки всѣ свои наблюденія и размышленія. Онъ не одобряетъ декабристовъ и бунтующихъ поляковъ, но самъ въ значительной степени охваченъ тѣми же настроеніями, которыя вызвали движенія 1825 и 1831 годовъ. Съ горечью отмѣчаетъ онъ, напримѣръ, хроническое голоданіе солдатъ, которое приводило къ массовымъ заболѣваніямъ и ужасающей смертности, грубый произволъ и лихоимство высшей военной администраціи и пр.

«Записки» Карпова, какъ свидѣтельство очевидца, вскрываютъ передъ нами закулисную исторію эпохи, давно уже окутанной легендарнымъ туманомъ. Онѣ освѣщаютъ одну сторону событій—военную жизнь. Другіе источники такъ же безжалостно вскроютъ и остальныя—положеніе крѣпостного народа и тогдашнюю роль привилегированнаго дворянства. Пора уже подвести болѣе близкіе къ истинѣ итоги этихъ изукрашенныхъ фантазіей событій...

1807—1808 г.

... Съ прибытіемъ въ Кронштадтъ [1]) поставили насъ въ старыя каменныя казармы, съ краю отъ Петербурга, во второй флигель. Поутру же всѣ роты вышли на работу возить на крѣпость къ

---

[1]) Отрывки изъ «Записокъ» приводятся безъ сохраненія орѳографіи подлинника.

себѣ чугунныя пушки, и все сіе время находились на работѣ для вооруженія на водѣ построенныхъ батарей, цитадели, рызбанка, кегель-батарей, новаго рызбанка, новой батареи и другихъ многихъ [1]).

Чрезъ вышесказанную работу народъ чрезвычайно изнурился силами по трудности работъ, недоставало положеннаго провіанта въ каждый мѣсяцъ на 10 или на 8 дней продовольствія; исключая 2 четвериковъ муки и полутора гарнца крупъ, ничего не производилось, приварокъ покупался изъ артельныхъ солдатскихъ денегъ, не болѣе въ треть года могъ каждый солдатъ издерживать, какъ по 1 руб. 50 коп. ассигн., дороговизна же была чрезвычайно дорога (sic!), 9-пудового вѣсу куль муки покупали 25 руб. ассигн.: слѣдовательно, можно судить, какое солдаты въ то время имѣли содержаніе къ поддержанію своего здоровья пищею, по изъясненнымъ выше издержкамъ.

Доведенные вышеописаннымъ содержаніемъ до крайности и отъ трудности работъ, возникли болѣзни такъ, что изъ 200 человѣкъ людей умирало въ мѣсяцъ въ госпиталяхъ по 7 и 8 человѣкъ... Я это пишу не для того, чтобы говорить, что прежде солдатамъ была лучше и легче служба, а для того, чтобы показать, что и прежде было не лучше, а, можетъ-быть, еще и хуже, ежели начальство, назначая такія трудныя работы во время расположенія войскъ въ казармахъ, и назначило бы какую-нибудь порцію деньгами или изъ мяса, никогда бы людей столько не погибло преждевременно, какъ это случалось до 1808 года, и умѣренная порція освобождала бы солдата такого отъ нужды, да и алчная смерть не истребляла бы такого множества людей изъ войскъ, ежели бы заботились объ истинѣ и пользѣ солдата.

До марта мѣсяца 1808 г. продолжалось это несчастье, но въ мартѣ положено было каждому солдату, бывшему на работѣ, выдавать на пищу по 5 коп. ассигн. На эти деньги покупали горохъ или другую какую пищу. По сему случаю люди стали нѣсколько поправляться здоровьемъ, и стало уменьшаться больныхъ. Лѣтомъ же вмѣсто 5 коп. стали производить по полфунту мяса и по чаркѣ водки. Такое содержаніе стало поправлять солдатъ здоровье, и этимъ небольшимъ улучшеніемъ совершенно люди поправились, тогда и начальство увидѣло отъ сего пользу, а до сего времени многіе не имѣли точнаго образа мыслей и думали, какъ велитъ случай, или такое имѣли о болѣзняхъ солдатъ понятіе, какъ кроты имѣютъ о солнечномъ свѣтѣ...

Въ 1808 году въ Кронштадтѣ было войскъ до 60 тысячъ. Въ сухопутныхъ войскахъ была чрезвычайная смертность, и они собою составили превеликое кладбище, матросы же, напротивъ, имѣли меньше умершихъ по той причинѣ, что ихъ морское содержаніе, бывши на рейдѣ, гораздо лучше было, нежели пѣхотнаго солдата, а, сверхъ того, имѣли и больше времени и на отдохновеніе, сухопутныя войска, подобно грѣшникамъ въ аду, безпрестанно были заняты работами, ученіемъ и караулами...

---

[1]) Фортификаціонныя укрѣпленія.

1809 г.

...При отправленіи изъ г. Выборга, пройдя одинъ переходъ, отправлено было назадъ въ Выборгъ отморозившихъ на переходѣ ноги и руки, кои изъ нихъ померли, и нѣкоторымъ отрѣзали ноги. Эта была причина бережливости казны, потому что мы въ томъ году не получали амуниціи, а за оную выдавали за переноску [1]) деньгами, шинели же были самаго негоднаго крестьянскаго сукна, ветхія, наше же начальство тому не было причиною, потому что это зависитъ не отъ его воли, а отъ правительства...

Вел. кн. Константинъ Павловичъ.

1810 г.

...Всѣ войска, бывшія въ Кронштадтѣ, были подобны нищимъ, особенно пѣхотные солдаты, которые даже къ намъ въ казармы приходили просить милостыни...

1811 г.

...Въ ноябрѣ мѣсяцѣ пріѣзжалъ въ мѣстечко Мосты генералъ Левештернъ, осматривалъ роту и остался доволенъ всѣмъ, потому что его желудокъ остался сытъ.

1812 г.

...По причинѣ больныхъ главнокомандующій предписалъ по арміи приказомъ, чтобы была солдатамъ производима винная и мясная порція на артельныя деньги, и сколько оныхъ издержано будетъ, то таковыя суммы будутъ возвращены отъ казны, однако издержанныя деньги казна не возвратила подъ разными

---

[1]) Ношеніе сверхъ срока.

предлогами, и потому многіе командиры пополнили своими собственными.

Еще приказомъ главнокомандующаго предписано было, ежели на продовольствіе не будетъ выслана сумма, то чтобы въ такомъ случаѣ произвели покупку на артельныя солдатскія деньги, которыя по полученіи отчетныхъ вѣдомостей отъ войскъ въ провіантской комиссіи тотчасъ будутъ высланы, однако на дополненіе артельныхъ денегъ комиссіи войскъ не удовлетворили, и остались въ претензіи за казной...

Въ одну ночь ночевали мы бивуаками на одной горѣ, не скоро могли набрать дровъ, чтобы развести огонь... Въ эту ночь у насъ въ ротѣ замерзло 3 человѣка.

Такихъ ночей было много, въ которой спавши солдаты замерзали, особенно въ пѣхотѣ. Посему нечего было удивляться, что французы мерзли въ 1812 г. Особенно была зима весьма холодная, отчего у насъ очень много было больныхъ.

Въ нашей арміи во время преслѣдованія французовъ было больныхъ, какъ сказывали, половина арміи, что справедливо потому, что въ нашей ротѣ не было здоровыхъ и третьей части того, сколько состояло по списку...

Мы 31 декабря пришли на границу польскую въ мѣстечко Ганензы, расположились ночевать въ ономъ довольно тѣсно, вмѣстѣ съ пѣхотными полками 2-го корпуса, и поступили подъ команду генералъ-адъютанта Винценгероде. У насъ въ ротѣ тогда было менѣе 100 человѣкъ всѣхъ людей, оборвавшихся подобно нищимъ, въ рубищахъ и изнуренныхъ отъ усталости и болѣзней, и съ этимъ, можно сказать, лазаретомъ мы готовы были бить французовъ, чѣмъ и на самомъ дѣлѣ доказали во многихъ случаяхъ, что русскіе могутъ все перенести...

1813 г.

...За границею поступило къ намъ на укомплектованіе изъ бывшихъ въ плѣну нашихъ егерей и пѣхоты въ разное время до 60 человѣкъ. Народъ во время похода сталъ поправляться примѣтно здоровьемъ, такъ что у насъ мало было больныхъ. Причина сему была та, что войска, идя по квартирамъ, имѣли хорошую и здоровую пищу отъ жителей. Во время квартированія войскъ въ мирное время въ Россіи много бываетъ солдатъ пьяницъ, воровъ, буяновъ и разныхъ шалуновъ, даже часто бывало много бѣглыхъ. За границей все прекратилось безъ всякаго наказанія. Солдатъ знаетъ, что придетъ на квартиру, будетъ имѣть хорошее себѣ кушанье и рюмку водки,—слѣдовательно, на худые поступки при хорошихъ средствахъ онъ не имѣетъ охоты, дѣлать непозволительныя шалости, а это самое есть непреложенное [1]) доказательство весьма скуднаго содержанія въ Россіи солдатъ, чрезъ что рождаются въ солдатѣ всѣ пороки...

Союзныя войска, бывшія у Дрездена, всѣ вообще были прогнаны непріятелемъ назадъ, съ значительной потерей съ нашей стороны, и при ретирадѣ чрезъ горы множество лошадей бросили отъ того, что были не кованы. Скупость нашего правительства сему была причиною, потому что не давали ника-

---

[1]) Непреложное.

кихъ средствъ къ содержанію лошадей, а предписывалось имѣть собственное стараніе самимъ командирамъ, притомъ не имѣя кузнецовъ и другихъ мастеровыхъ, отчего и послѣдовалъ весьма значительный уронъ въ лошадяхъ, о чемъ въ нашихъ русскихъ журналахъ нигдѣ не упоминается, и часто свою неудачу не совсѣмъ описываютъ, какъ дѣйствительно случилось...

1814 г.

... Много безъ оружія бывшихъ французовъ изрубили или переранили...

... За сіе сраженіе («фершампенуазское») я получилъ отъ прусскаго короля крестъ пурлемеритъ [1]), а отъ своего государя ничего...

Безполезную атаку, въ которую государь бросился, послѣ кампаніи чрезвычайно льстецы прославляли, но ни одинъ изъ нихъ не написалъ правды—можетъ-быть, потому, (что) въ нынѣшнемъ вѣкѣ дѣйствительно нельзя сказать правды, а тѣмъ болѣе притомъ же всѣхъ почти льстецовъ весьма щедро награждаютъ, а за правду отсылаютъ въ Сибирь, въ вѣчную работу и въ другія мѣста, гдѣ только можно притѣснить человѣчество, и гораздо строже поступаютъ, нежели съ преступниками государя. А такъ, передъ моими глазами было такъ (sic!). Государь, видя 2 карре непріятельской пѣхоты и 100 человѣкъ кирасиръ, остановившихся на мѣстѣ и колеблющихся, не зная, что имъ дѣлать, приказалъ своему конвою, изъ 100 черноморскихъ и 100 гвардейскихъ донскихъ казаковъ, атаковать карре. Казаки бросились, и находившіеся при государѣ болѣе сотни разныхъ офицеровъ, смотря на казаковъ, также поскакали впередъ, въ числѣ офицеровъ и государь по правую сторону поскакалъ впередъ, скача самымъ маленькимъ галопомъ почти на мѣстѣ и осматриваясь назадъ, чтобы кто ни есть его удержалъ отъ сей чрезвычайной храбрости. Въ то же время одинъ штабъ-офицеръ, ѣхавшій немного сзади его, удержалъ за руку, сказавъ: «Государь, твоя жизнь дорога и нужна». Государь поворотилъ скоро лошадь назадъ и скорѣе отъѣхалъ на прежнее мѣсто, нежели впередъ подавалъ . . . . [2]). Вотъ вся храбрость, которую такъ прославляютъ...

Я вышелъ изъ деревни, встрѣтилъ великаго князя Константина Павловича, который велъ русскихъ волонтеровъ на то мѣсто, гдѣ стоялъ, до 2.000, и самымъ неприличнымъ образомъ ругалъ русскаго полковника...

Наше все войско приблизилось къ самому городу (Парижу), и мы остановились по лѣвую сторону дороги близъ горы въ самомъ негодномъ мѣстѣ, гдѣ всѣ нечистоты изъ Парижа вывозили. Тутъ ночевали...

Во время войны мы довольствовались большею частью отъ фуражировки, т.-е. брали тамъ овесъ, сѣно, хлѣбъ и разные продукты, гдѣ только нашли. Не заботились о жителяхъ, что имъ нечего будетъ ѣсть, брали до послѣдняго куска хлѣба, также и скотъ...

Во время нашей стоянки биваками за Парижемъ, такъ какъ война кончилась,—слѣдовательно, и фуражировка запретилась,

---

[1]) За заслуги, почетный.

[2]) Точки въ подлинникѣ.

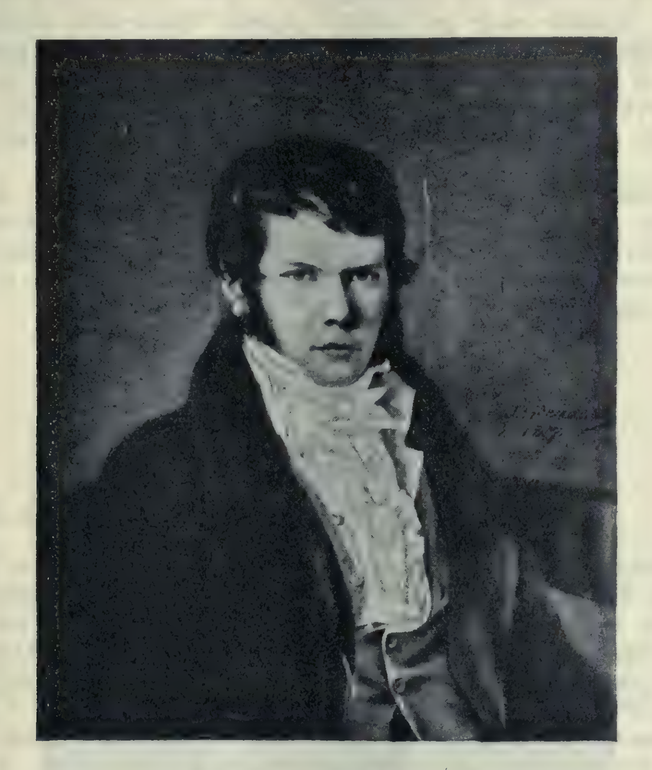
или, хотя и было позволено ѣздить за фуражемъ, то назначались уже совсѣмъ голыя деревни, разоренныя, а потому явился у насъ въ корпусѣ во всемъ недостатокъ, какъ-то: въ фуражѣ, провіантѣ, даже и въ дровахъ—все запрещалось, а доставленія ниоткуда не было. Тутъ мы узнали всю тяжесть войны. Главное же начальство собралось все въ Парижъ, пировало все отъ радости вмѣстѣ съ государемъ, а войско терпѣло во всемъ недостатокъ, и никто о немъ не думалъ, ни одинъ генералъ, ни полковой командиръ не находились при своемъ мѣстѣ, все пресмыкалось въ Пале-Роялѣ, и къ счастью, что стояли на бивакахъ до апрѣля мѣсяца: ежели бы Наполеонъ зналъ наше положеніе и такую безпечность, то могъ симъ воспользоваться и не лишился бы трона...

Когда мы проходили съ бивака чрезъ Версаль со всѣмъ народомъ, какъ только можно чище и опрятнѣй одѣться могли,—войдя въ Версаль въ улицу, то народъ французскій съ удивленіемъ сказалъ, видя нашу самую негодную одежду на солдатахъ, и притомъ большая половина босыхъ, разныхъ цвѣтовъ крестьянскаго сукна мундиры и ранцы, и при семъ люди изнурены до чрезвычайности, говоря: «Эти насъ побили!» Нашей роты занимавшій офицеръ Хилькинъ для ночлегу биваки въ отвѣтъ сказалъ имъ: «Еслибы эти люди не были столько добродушны и послушны своему начальству, то они не были бы такъ голы, да (и) вы не смотрѣли бы на нихъ теперь съ такимъ презрѣніемъ»...

Съ перваго ночлега у насъ бѣжало лучшихъ солдатъ 12 человѣкъ, со второго еще болѣе, такъ что въ три похода ушло изъ роты 50 человѣкъ и очень много осталось изъ всѣхъ полковъ, почему для собранія ихъ и поимки весь корпусъ остановился на квартирахъ и посылалъ офицеровъ отыскивать; многихъ привели, а нѣкоторые остались тамъ навсегда не отысканными. Вотъ, какъ рады были идти въ свое отечество, въ которомъ знали, что по приходѣ найдутъ все возможное притѣсненіе. Такъ и случилось при вступленіи въ Россію. Государь объявилъ войскамъ, что дастъ въ своемъ отечествѣ осѣдлость—право, онъ сдержалъ свое слово, какъ увидали впослѣдствіи, о чемъ сказано будетъ въ другомъ мѣстѣ...

Когда стали подходить ближе къ Россіи, то насъ принимать стали на квартирахъ весьма недружелюбно, и уже увидѣли отъ своихъ начальниковъ вводимую строгость со всѣми (по) прусскому обычаю притѣсненіями. Наконецъ, вступили въ свою границу въ городъ Ковно. Тутъ увидѣли, что уже отошло наше хорошее заграничное содержаніе, но даже квартиръ порядочныхъ не отводятъ и не даютъ дровъ сварить себѣ пищи. До вступленія въ свои границы во время бивакъ хотя и былъ недостатокъ въ продовольствіи, довольно ощутительный, зато, когда стояли по квартирамъ, тогда всегда имѣли безъ недостатка продовольствіе изрядное, иногда весьма хорошее. Между нашими солдатами не было за границею вовсе пьянства, также и воровства. Даже жители удивлялись и хвалили русскихъ нравственность. Напротивъ, когда вступили въ свои границы, то открылось между солдатъ воровство и пьянство, драки съ мужиками, чего за границей вовсе не было слышно. Причина тому есть то, что солдатъ, бывши за границей, гораздо лучше былъ содержанъ, нежели въ своемъ отечествѣ, отчего открылись побѣги; притомъ

по вступленіи въ Россію взялись за строгость болѣе, нежели за границей. Во время заграничныхъ походовъ, притомъ самое изнурительное для людей ежедневное ученье и нерѣдко съ жестокимъ наказаніемъ, отчего много стало больныхъ и была смертность—вотъ причина изнуренія людей въ русской арміи и истребленія преждевременно большей части солдатъ...

Кн. Т. А. Вяземскій.

Изъ переписки кн. П. А. Вяземскаго и А. И. Тургенева.

1.

Кн. Вяземскій Тургеневу.

Вологда. 16 октября 1812 г.

... Я былъ въ арміи и въ чудесномъ дѣлѣ 26 августа [1]), казавшемся намъ всѣмъ столь выгоднымъ, но котораго послѣдствіе обременили имя русскаго вѣчнымъ стыдомъ — сдачею Москвы...

Давно ли бесѣдовали мы съ тобою на Кисловкѣ, глазѣли на красоту, богатство и пышность въ стѣнахъ Благороднаго Собранія, ѣздили на Басманную [2]) наслаждаться сладостнымъ удо-

[1]) Бородинскій бой.
[2]) Къ В. Л. Пушкину.

вольствіемъ быть съ умнымъ и добрымъ человѣкомъ? Давно ли мечтали мы о славѣ, объ успѣхахъ? Давно ли? И гдѣ это все, и когда это возвратится? Ночь ужасная окружаетъ насъ; мы бредемъ, и сами не знаемъ, куда. Гдѣ освѣтятъ насъ лучи наступающаго утра, и когда наступитъ оно? Признаюсь, надеждѣ заперто мое сердце: оно столько было ею обмануто; но и самъ разсудокъ не былъ ли принужденъ часто признаваться, что онъ строилъ планы свои на пескѣ? Взятіе Смоленска обмануло не одну надежду и самый разсудокъ оставило въ дуракахъ. О Москвѣ и говорить нечего. Сердце кровью обливается, и клянусь тебѣ честью, что я еще не привыкаю къ этой мысли. Каждое утро мнѣ кажется, что я впервой еще узнаю объ горестной ея участи...

Не завидна судьба тѣхъ, которые теперь въ арміи: я немного по опыту узналъ объ этомъ. Ты не можешь вообразить, какъ мнѣ грустно было смотрѣть на нѣсколькіе десятки тысячей нашихъ соотечественниковъ, жертвъ прусской тактики и проклятыхъ позицій...

2.

Тургеневъ кн. Вяземскому.

С.-Петербургъ, 27 октября 1812 г.

... Зная твое сердце, я увѣренъ, что ты не о томъ, что потерялъ въ Москвѣ, но о самой Москвѣ тужишь и о славѣ имени русскаго: но Москва снова возникнетъ изъ пепла, а въ чувствѣ мщенія найдемъ мы источникъ славы и будущаго нашего величія. Ея развалины будутъ для насъ залогомъ нашего искупленія, нравственнаго и политическаго, и зарево Москвы, Смоленска и пр. рано или поздно освѣтитъ намъ путь къ Парижу. Это не пустыя слова, но я въ этомъ совершенно увѣренъ, и событія оправдаютъ мою надежду. Война, сдѣлавшись національною, приняла теперь такой оборотъ, который долженъ кончиться торжествомъ сѣвера и блистательнымъ отомщеніемъ за безполезныя злодѣйства и преступленія южныхъ варваровъ. Ошибки генераловъ нашихъ и неопытность наша вести войну въ нѣдрахъ Россіи, безъ истощенія средствъ ея, могутъ болѣе или менѣе отдалить минуту избавленія и отраженія удара на главу виновнаго; но постоянство и рѣшительность правительства, готовность и благоразуміе народа и патріотизмъ его, въ которомъ онъ превзошелъ самихъ испанцевъ, ибо тамъ многіе покорялись Наполеону и составились партіи въ пользу его, а наши гибнутъ, гибнутъ часто въ безызвѣстности, для чего нужно болѣе геройства, нежели на самомъ полѣ сраженія; наконецъ, примѣръ народовъ, уже покоренныхъ, которые, покрывшись стыдомъ и безславіемъ, не только не отразили удара, но даже и не отсрочили бѣдствій своихъ (ибо конскрипціи съѣдаютъ ихъ, и они, участвуя во всѣхъ ужасахъ войны, не раздѣляютъ съ французами славы завоевателей-разбойниковъ). Все сіе успокоиваетъ насъ насчетъ будущаго, и если мы совершенно откажемся отъ эгоизма и рѣшимся дѣйствовать для младшихъ братьевъ и дѣтей нашихъ и въ собственныхъ настоящихъ дѣлахъ видѣть только одно

отдаленное счастье грядущаго поколѣнія, то частныя неудачи не остановятъ насъ на нашемъ поприщѣ. Безпрестанныя лишенія и несчастія милыхъ близкихъ не погрузятъ насъ въ совершенное отчаяніе, и мы преднасладимся будущимъ и, по моему увѣренію, весьма близкимъ воскресеніемъ нашего отечества. Близкимъ почитаю я его потому, что намъ досталось играть послѣдній актъ въ европейской трагедіи, послѣ которой авторъ ея долженъ быть непремѣнно освистанъ. Онъ лопнетъ или съ досады, или отъ бѣшенства зрителей, а за нимъ послѣдуетъ и

Кн. П. А. Вяземскій.

вся труппа его. Сильное сіе потрясеніе Россіи освѣжитъ и подкрѣпитъ силы наши и принесетъ намъ такую пользу, которой мы при началѣ войны совсѣмъ не ожидали. Напротивъ, мы страшились послѣдствій отъ сей войны, совершенно противныхъ тѣмъ, какія мы теперь видимъ. Отношенія помѣщиковъ и крестьянъ (необходимое условіе нашего теперешняго гражданскаго благоустройства) не только не разорваны, но еще болѣе утвердились. Покушеніе съ сей стороны нашихъ враговъ [1]) совершенно не удалось имъ, и мы должны неудачу ихъ понимать блистательнѣйшею побѣдою, не войсками нашими, но самимъ народомъ

[1]) Прокламаціи Наполеона объ освобожденіи крестьянъ.

одержанною. Послѣдствія сей побѣды невозможно исчислить. Они обратятся въ пользу обоихъ состояній. Связи ихъ утвердятся благодарностью и уваженіемъ, съ одной стороны, и увѣренностью въ собственной пользѣ—съ другой. Политическая система наша должна принять послѣ сей войны также постоянный характеръ, и мы будемъ осторожнѣе въ перемѣнѣ оной. Мы избѣжали еще другого зла, которымъ намъ угрожали [1]), но объ этомъ я и намекать не хочу. Будетъ время, мы свидимся, любезный другъ, и на развалинахъ Москвы будемъ бесѣдовать и вспоминать прошедшее; но, конечно, прежде должно пріучить себя къ мысли, что Москвы у насъ почти нѣтъ, что сія святыня наша обругана, что она богата теперь одними историческими воспоминаніями. Но есть еще остатки древняго ея величія: мы будемъ съ благоговѣніемъ хранить ихъ. Я также потерялъ много съ Москвою; потерялъ невозвратное, напр., всѣ акты [2]), граматы, библіотеку; но еще, право, ни разу не жалѣлъ объ этомъ, еще менѣе—о другомъ движимомъ имуществѣ и о большой подмосковной. Нажитое опять нажить можно. Лишь бы омыть стыдъ нашествія иноплеменниковъ въ крови ихъ...

Какой народъ! Какой патріотизмъ и какое благоразуміе! Сколько примѣровъ высокаго чувства своего достоинства и неограниченной преданности и любви къ отечеству...

3.

Кн. Вяземскій Тургеневу.

Вологда, 7 ноября 1812 г.

... Завидую отцу и сестрѣ, лежащимъ мирно въ гробахъ своихъ: они не имѣли стыда предать прахъ близкихъ своихъ на поруганіе. Сажень земли, въ которой они лежатъ, составляетъ все мое богатство въ стѣнахъ московскихъ; я надѣюсь еще прійти разъ поклониться священному ихъ жилищу и проститься навсегда съ оскверненною святынею Москвы, и оскверненною въ глазахъ моихъ, признаюсь тебѣ, не столько неистовыми врагами, какъ нашею гнусностью...

Князь П. А. Вяземскій.

Воспоминанія о 1812 годѣ.

Пріѣздъ императора Александра I въ Москву изъ арміи 12 іюля 1812 года былъ событіемъ незабвеннымъ и принадлежитъ исторіи. До сего война, хотя и ворвавшаяся въ нѣдра Россіи, казалась вообще войною обыкновенною, похожею на прежнія войны, къ которымъ вынуждало насъ честолюбіе Наполеона. Никто въ московскомъ обществѣ порядочно не изъяснялъ себѣ причины и необходимости этой войны; тѣмъ болѣе никто

---

[1]) Конституціи.
[2]) У Тургенева было большое собраніе матеріаловъ по русской исторіи.

не могъ предвидѣть ея исхода. Только позднѣе мысль о мирѣ сдѣлалась недоступною русскому народному чувству. Въ началѣ войны встрѣчались въ обществѣ ея сторонники, но встрѣчались и противники. Можно сказать вообще, что мнѣніе большинства не было ни сильно потрясено, ни напугано этою войною, которая таинственно скрывала въ себѣ и тѣ событія, и тѣ историческія судьбы, которыми послѣ ознаменовала она себя. Въ обществахъ и въ Англійскомъ клубѣ (говорю только о Москвѣ, въ которой я жилъ) были, разумѣется, разсужденія, пренія, толки, споры о томъ, что происходило, о нашихъ стычкахъ съ непріятелемъ, о постоянномъ отступленіи нашихъ войскъ во внутрь Россіи. Но все это не выходило изъ круга обыкновенныхъ разговоровъ, въ виду подобныхъ же обстоятельствъ. Встрѣчались даже и такіе люди, которые не хотѣли и не умѣли признавать важность того, что совершалось почти въ ихъ глазахъ. Помнится мнѣ, что на успокоительныя рѣчи такихъ господъ одинъ молодой человѣкъ—кажется, Мацневъ — забавно отвѣчалъ обыкновенно стихомъ Дмитріева:

„Но какъ ни разсуждай, а Миловзоръ ужъ тамъ“ [1]).

Но никто, и, вѣроятно, самъ Мацневъ не предвидѣлъ, что этотъ Миловзоръ-Наполеонъ скоро будетъ *тутъ*, то-есть въ Москвѣ. Мысль о сдачѣ Москвы не входила тогда никому въ голову, никому въ сердце. Ясное понятіе о настоящемъ рѣдко бываетъ удѣломъ нашимъ: тутъ ясновидѣнью много препятствуютъ чувства, привычки, то излишнія опасенія, то непомѣрная самонадѣянность. Не одинъ русскій, но вообще и каждый человѣкъ крѣпокъ заднимъ умомъ. Пора дѣйствія и волненій не есть пора суда. Въ то время равно могли быть правы и тѣ, которые желали войны, и тѣ, которые ея опасались. Окончательный исходъ и опытъ утвердили торжество за первыми. Но можно ли было, по здравому разсудку и по строгому исчисленію вѣроятностей, положительно предвидѣть подобное торжество?—это другой вопросъ.

Кн. П. А. Вяземскій.

Съ пріѣзда государя въ Москву война приняла характеръ войны народной. Всѣ колебанія, всѣ недоумѣнія исчезли; все, такъ сказать, отвердѣло, закалилось и одушевилось въ одномъ убѣжденіи, въ одномъ святомъ чувствѣ, что надобно защищать Россію и спасти ее отъ вторженія непріятеля. Уже до появленія государя въ собраніе дворянства и купечества, созванное въ Слободскомъ дворцѣ, все было рѣшено, все было готово, чтобы на дѣлѣ оправдать вѣру царя въ великодушное и неограниченное самопожертвованіе народа въ день опасности. На вызовъ его единогласнымъ и великодушнымъ отвѣтомъ было—принести на пользу отечества поголовно имущество свое и себя. Настала торжественная минута. Государь явился въ Слободскій дворецъ

[1]) Изъ „Модной жены“. (Ив. Ив. Дмитріевъ).

предъ собраніемъ. Наружность его была всегда обаятельна. Тутъ онъ былъ величаво-спокоенъ, но, видимо, озабоченъ. Въ выраженіи лица его обыкновенно было замѣтно, и при улыбкѣ, что-то задумчивое на челѣ. Это отличительное выраженіе мѣтко схвачено Торвальдсеномъ въ извѣстномъ бюстѣ государя. Но на сей разъ сочувственная и всегда привѣтливая улыбка не озаряла лица его: только на челѣ его темнѣлось привычное облачко. Въ краткихъ и ясныхъ словахъ государь опредѣлилъ положеніе Россіи, опасность, ей угрожающую, и надежду на содѣйствіе и бодрое мужество своего народа. Послѣдствія и приведеніе въ дѣйствіе мѣръ, утвержденныхъ въ этотъ день, достаточно извѣстны, и мы на нихъ не остановимся. Главное вниманіе наше обращается на духовную и народную сторону этого событія, а не на вещественную. Оно было не мимолетной вспышкой возбужденнаго патріотизма, не всеподданнѣйшимъ угожденіемъ волѣ и требованіямъ государя. Нѣтъ, это было проявленіе сознательнаго сочувствія между государемъ и народомъ. Оно во всей своей силѣ и развитости продолжалось не только до изгнанія непріятеля изъ Россіи, но и до самаго окончанія войны, уже перенесенной далеко за родной рубежъ. Съ каждымъ шагомъ впередъ яснѣе обозначалась необходимость разсчесться и покончить съ Наполеономъ не только въ Россіи, но и гдѣ бы онъ ни былъ. Первый шагъ на этомъ пути было вступленіе Александра въ Слободскій дворецъ. Тутъ, невидимо, невѣдомо для самихъ дѣйствующихъ, Провидѣніе начертало свой планъ: начало его было въ Слободскомъ дворцѣ, а окончаніе—въ Тюильерійскомъ.

Самое назначеніе предъ тѣмъ графа Ростопчина главнокомандующимъ въ Москву на мѣсто фельдмаршала гр. Гудовича, который былъ изнуренъ годами и, слѣдовательно, недостаточно бдителенъ и дѣятеленъ, было уже предвѣстникомъ новаго настроенія, новаго порядка. Ростопчинъ могъ быть иногда увлекаемъ страстною натурою своею, но на ту пору онъ былъ именно человѣкъ, соотвѣтствующій обстоятельствамъ. Наполеонъ это понялъ и почтилъ его личной ненавистью. Карамзинъ, поздравляя гр. Ростопчина съ назначеніемъ его, говорилъ, что едва ли не поздравляетъ онъ *Калифа на часъ*, потому что онъ одинъ изъ немногихъ предвидѣлъ паденіе Москвы, если война продолжится. Какъ бы то ни было, но на этотъ *часъ* лучшаго калифа избрать было невозможно. Такъ называемыя «афиши» гр. Ростопчина были новымъ и довольно знаменательнымъ явленіемъ въ нашей гражданской жизни и гражданской литературѣ. Знакомый намъ «Сила Андреевичъ» 1807 года нынѣ повышенъ чиномъ. Въ 1812 году онъ уже не частно и не съ Краснаго крыльца, а словомъ властнымъ и воеводскимъ разглашаетъ свои *Мысли вслухъ* изъ своего генералъ-губернаторскаго дома, на Лубянкѣ. Карамзину, который въ предсмертные дни Москвы жилъ у графа, разумѣется, не могли нравиться ни слогъ, ни нѣкоторые пріемы этихъ летучихъ листковъ. Подъ прикрытіемъ оговорки, что Ростопчину, уже и такъ обремененному дѣлами и заботами первой важности, нѣтъ времени заниматься еще сочиненіями, онъ предлагалъ ему писать эти листки за него, говоря въ шутку, что тѣмъ заплатитъ ему за его гостепріимство и хлѣбъ-соль. Разумѣется, Ростопчинъ, по авторскому самолюбію, тоже вѣжливо отклонилъ это предложеніе. И признаюсь, по мнѣ, поступилъ очень хорошо. Нечего и говорить, что подъ перомъ Карамзина

эти листки, эти бесѣды съ народомъ были бы лучше писаны, сдержаннѣе, и вообще имѣли бы болѣе правительственнаго достоинства. Но зато лишились бы они этой электрической, скажу, грубой, воспламенительной силы, которая въ это время именно возбуждала и потрясала народъ. Русскій народъ—не аѳиняне: онъ, вѣроятно, мало былъ бы чувствителенъ къ плавной и звучной рѣчи Демосѳена и даже худо понялъ бы его...

Императоръ Александръ I.

Постараюсь припомнить частные случаи и личныя впечатлѣнія, собственно до меня касающіяся. Гр. Канкринъ говорилъ мнѣ однажды, что въ обществѣ гражданскомъ и въ совокупности государственнаго устройства всѣ люди песчинки, изъ коихъ образуется и возвышается гора: разница только въ томъ, что одна песчинка выше, другая ниже. Вотъ и я, незамѣтная и очень нижняя песчинка, заявляю существованіе свое въ эпохѣ 1812 года.

Въ самый день состоявшагося собранія, и когда положено было образовать народное ополченіе, гр. Мамоновъ подалъ чрезъ

гр. Ростопчина государю письмо, въ которомъ онъ всеподданнѣйше предлагалъ вносить, во все продолженіе войны, на военныя издержки весь свой доходъ, оставляя себѣ 10.000 руб. ежегодно на прожитіе. Мамоновъ былъ богатый помѣщикъ нѣсколькихъ тысячъ крестьянъ. Государь, приказавъ поблагодарить графа за усердіе его и значительное пожертвованіе, призналъ полезнѣе предложить ему составить конный полкъ. Такъ и было сдѣлано. Дѣло закипѣло. Вызвалъ онъ изъ деревень своихъ нѣсколько сотъ крестьянъ, началъ вербовать за деньги охотниковъ, всѣхъ ихъ обмундировывалъ, посадилъ на коней, вооружилъ: исправно и скоро полкъ началъ приходить въ надлежащее устройство. Были и другія отъ частныхъ лицъ предложенія и попытки ставить полки на собственныя издержки; но, кажется, одинъ полкъ Мамонова окончательно достигъ предназначенной цѣли. Мамоновъ, хотя и въ молодыхъ лѣтахъ, былъ тогда оберъ-прокуроромъ въ одномъ изъ московскихъ департаментовъ Сената. Военное дѣло было ему совершенно неизвѣстно. Онъ надѣлъ генеральскій мундиръ, но, чувствуя, что одного мундира не довольно для устройства дѣла, предложилъ мѣсто полкового командира князю Четвертинскому—тогда въ отставкѣ, но извѣстному блестящему кавалерійскому офицеру въ прежнихъ войнахъ. За нимъ послѣдовали многіе молодые люди, въ томъ числѣ и я. Я никогда не готовился къ военной службѣ. Ни здоровье мое, ни воспитаніе, ни наклонности мои не располагали меня къ этому званію. Я былъ посредственнымъ ѣздокомъ на лошади, никогда не бралъ въ руки огнестрѣльнаго оружія. Въ пансіонѣ учился я фехтованію, но послѣ того раззнакомился и съ рапирою. Однимъ словомъ, ничего не было во мнѣ воинственнаго. Смолоду былъ я довольно старообразенъ, и казацкій мундиръ и военная выправка были, вѣроятно, очень мнѣ не къ лицу. Когда гр. Левъ Кирилловичъ Разумовскій, пріятель отца моего, и послѣ всегда оказывавшій мнѣ дружеское расположеніе, въ первый разъ встрѣтилъ меня въ моемъ новомъ нарядѣ, онъ говорилъ, что я напоминаю ему старыхъ казаковъ, которыхъ онъ у гетмана, отца своего, видѣлъ въ Батуринѣ. Къ тому же, я только что предъ тѣмъ женился и только что начиналъ оправляться отъ болѣзни въ легкихъ, которая угрожала мнѣ чахоткою. Но все это было отложено въ сторону предъ общимъ движеніемъ и важностью обстоятельствъ. Полкъ нашъ или зародыши нашего полка стояли тогда около Петровскаго дворца. Туда былъ наряжаемъ и я на дежурства, дѣлалъ смотры, переклички и самъ себѣ не вѣрилъ, глядя на себя.

Между тѣмъ Милорадовичъ былъ проѣздомъ въ Москвѣ и обѣдалъ у пріятеля своего и моего свояка князя Четвертинскаго. Я также былъ на этомъ обѣдѣ. Милорадовичъ предложилъ мнѣ принять меня къ себѣ въ должности адъютанта. Разумѣется, съ охотою и признательностью принялъ я это предложеніе. Онъ тогда долженъ еще былъ ѣхать въ Калугу для устройства войскъ, но вскорѣ затѣмъ, пріѣхавъ въ дѣйствующую армію, вызвалъ меня изъ Москвы. Первыя мои военныя впечатлѣнія встрѣтили меня въ Можайскѣ. Тамъ былъ я свидѣтелемъ зрѣлища печальнаго и совершенно для меня новаго. Я засталъ тутъ многихъ изъ своихъ знакомыхъ по московскимъ баламъ и собраніямъ, и всѣ они, болѣе или менѣе, были изувѣчены послѣ битвы, предшествовавшей Бородинской,—24 августа. Между прочими былъ

гр. Андрей Ивановичъ Гудовичъ, коего полкъ въ этотъ день мужественно и блистательно дрался и крѣпко пострадалъ.

По пріѣздѣ своемъ на мѣсто, гдѣ расположена была армія, долго искалъ я Милорадовича. Въ этомъ исканіи проходилъ я мимо избы, которая, кажется, была занята Кутузовымъ. Много военныхъ и много движенія было около нея. Я разслышалъ, что нѣкоторые изъ офицеровъ давали кому-то разныя порученія, вѣроятно, для закупки у маркитанта. Когда я поравнялся съ ними, одинъ изъ нихъ громко сказалъ: «Да не забудь принести вяземскихъ пряниковъ!» На мое ли имя отпущено было это порученіе, можетъ-быть, шуткою кѣмъ-нибудь изъ знавшихъ меня, или было оно сказано случайно—не знаю. Но помню еще и теперь, что это меня--новичка въ военномъ званіи—нѣсколько смутило и озадачило. Благоразуміе, однако, взяло верхъ, и, не доискиваясь прямого объясненія этихъ словъ, пошелъ я далѣе. Наконецъ, нашелъ я Милорадовича и засталъ его на бивуакѣ, предъ разведеннымъ огнемъ. Принялъ онъ меня очень благосклонно и ласково: много разспрашивалъ о Москвѣ, о нравственномъ и духовномъ расположеніи ея жителей и о гр. Ростопчинѣ, который, хотя и заочно, распоряженіями своими и воинственнымъ перомъ, воюющимъ противъ Наполеона, такъ сказать, принадлежалъ дѣйствующей арміи. Поздравивъ меня съ пріѣздомъ совершенно кстати, потому что битва на другой день была почти несомнѣнна, онъ отпустилъ меня и предложилъ мнѣ для отдыха переночевать въ его избѣ, ему не нужной, потому что онъ всю ночь намѣревался оставаться въ своей палаткѣ. На другое утро, съ разсвѣтомъ, разбудила меня вѣстовая пушка, или, говоря правдивѣе, разбудила она не меня, заснувшаго богатырскимъ сномъ, а вѣрнаго камердинера моего, болѣе меня чуткаго. Наскоро одѣлся я и пошелъ къ Милорадовичу. Всѣ были уже на коняхъ. Но, на бѣду мою, верховая лошадь моя, которую отправилъ я изъ Москвы, не дошла еще до меня. Всѣ отправились къ назначеннымъ мѣстамъ. Я остался одинъ. Минута была ужасная. Меня обдало холодомъ и уныніемъ. Мнѣ живо представились вся несообразность, вся комическо-трагическая неловкость моего положенія. Пріѣхать въ армію, какъ нарочно, ко дню сраженія, и въ немъ не участвовать! Мысль объ ожидавшихъ меня насмѣшкахъ, подозрѣніяхъ, толкахъ меня преслѣдовала и удручала. Невольно говорилъ я себѣ: «Къ чему было выскочкой изъ ополченія кидаться въ воинственные, дѣйствующіе ряды?» Мнѣ тогда казалось, что если до конца сраженія не добуду себѣ лошади, то непремѣнно застрѣлюсь. Не знаю, исполнилъ ли бы я свое намѣреніе, но, по крайней мѣрѣ, на ту пору крѣпко засѣло оно у меня въ головѣ. По счастью, незнакомый мнѣ адъютантъ Милорадовича, Юнкеръ, случайно подъѣхалъ и, видя мое отчаяніе, предложилъ мнѣ свою запасную лошадь. Обрадовавшись и какъ будто спасенный отъ смерти, выѣхалъ я въ поле и присоединился къ свитѣ Милорадовича. Я такъ былъ неопытенъ въ дѣлѣ военномъ и такой мирный московскій баричъ, что свистъ первой пули, пролетѣвшей надо мной, принялъ я за свистъ хлыстика. Обернулся назадъ и, видя, что никто за мной не ѣдетъ, догадался я объ истинномъ значеніи этого свиста.

Вскорѣ потомъ ядро упало къ ногамъ Милорадовича. Онъ сказалъ: «Богъ мой! видите, непріятель отдаетъ намъ честь». Но, для сохраненія исторической истины, долженъ я признаться,

что это было сказано на французскомъ языкѣ, на которомъ говорилъ онъ охотно, хотя часто весьма забавно неправильно.

На полѣ сраженія встрѣчался я также со многими своими городскими знакомыми и, между прочими, съ генераломъ Капцевичемъ, который такъ же, какъ Милорадовичъ, враждебно, но охотно обращался съ французскимъ языкомъ. Помню, что онъ привѣтствовалъ меня смѣшною французскою фразою, отъ которой я невольно и внутренно улыбнулся.

Хотя здѣсь и не у мѣста, но не могу не замѣтить нашимъ непреклоннымъ *языколюбцамъ*, что привычка говорить по-французски не мѣшала генераламъ нашимъ драться совершенно по-русски. Не думаю, чтобы они были храбрѣе, болѣе любили Россію, вѣрнѣе и пламеннѣе ей служили, еслибъ не причастны были этой маленькой слабости.

Странны были мнѣ эти встрѣчи на полѣ сраженія. Впрочемъ, всѣ эти господа были, болѣе или менѣе, какъ у себя или въ знакомомъ домѣ. Я одинъ былъ тутъ новичкомъ и неловкимъ провинціаломъ въ блестящемъ и многолюдномъ столичномъ обществѣ. Къ сожалѣнію, не встрѣтился я на полѣ сраженія съ Жуковскимъ, который такъ же, какъ и я, былъ на скорую руку посвященъ въ воины. Онъ съ московскою дружиною стоялъ въ резервѣ, нѣсколько поодаль. Но былъ и онъ подъ ядрами, потому что бородинскія ядра всюду долетали. Кажется, вскорѣ послѣ сдачи Москвы онъ причисленъ былъ къ штабу Кутузова, по приглашенію пріятеля своего, дежурнаго генерала Кайсарова. Едва ли даже не написано было имъ нѣсколько приказовъ и реляцій. Въ Вильнѣ схватилъ онъ тифозную горячку и долго пролежалъ въ больницѣ. Но лучшимъ и незабвеннымъ участіемъ его въ Отечественной войнѣ остался «Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ».

Мой казацкій мундиръ Мамоновскаго полка, впрочемъ, не совсѣмъ казацкій, былъ неизвѣстенъ въ арміи. Онъ состоялъ изъ синяго чекменя съ голубыми обшлагами. На головѣ былъ большой киверъ съ высокимъ султаномъ, обтянутымъ медвѣжьимъ мѣхомъ. Не умѣю сказать, на какой, но были мы съ Милорадовичемъ на батареѣ, дѣйствовавшей въ полномъ разгарѣ. Тутъ подъѣхалъ ко мнѣ незнакомый офицеръ и сказалъ, что киверъ мой можетъ сыграть надо мной плохую шутку. «Сейчасъ,—продолжалъ онъ,—остановилъ я летѣвшаго на васъ казака, который говорилъ мнѣ: «посмотрите, ваше благородіе, куда врѣзался проклятый французъ!» Поблагодарилъ я незнакомца за доброе предостереженіе, но сказалъ, что нельзя же мнѣ бросить киверъ и разъѣзжать съ обнаженной головой. Тутъ вмѣшался въ нашъ разговоръ молодой Петръ Петровичъ Валуевъ, блестящій кавалергардскій офицеръ и, узнавъ, въ чемъ дѣло, любезно предложилъ мнѣ фуражку, которая была у него въ запасѣ. Киверъ мой былъ сброшенъ и остался на полѣ сраженія. Можетъ-быть, послѣ попалъ онъ въ число принадлежностей убитыхъ и въ общій ихъ итогъ внесъ свою единицу. Но бѣдный Валуевъ вскорѣ потомъ былъ въ самомъ дѣлѣ убитъ. Видно, въ Бородинскомъ дѣлѣ суждено мнѣ было быть принятымъ за француза. Во время сраженія разнесся слухъ у насъ, что взятъ былъ въ плѣнъ Мюратъ, но послѣ оказалось, что принятъ былъ за него генералъ Бонами. Не помню, съ кѣмъ ѣхалъ я рядомъ: мой спутникъ спросилъ ѣхавшаго къ намъ навстрѣчу офицера,

знаетъ ли онъ, что Мюратъ взятъ въ плѣнъ. «Знаю,—отвѣчалъ тотъ.—А это кого ты ведешь?» спросилъ онъ про меня.

Данная мнѣ адъютантомъ Юнкеромъ лошадь была пулею прострѣлена въ ногу и такъ захромала, что не могла уже мнѣ служить. И вотъ я опять сталъ втупикъ, по образу пѣшаго хожденія. А за Милорадовичемъ, на полѣ сраженія, пѣшкомъ угнаться было невозможно: онъ такъ и леталъ во всѣ стороны. Когда ранили лошадь подо мною, неизъяснимое чувство то радости, то самодовольствія пробудилось во мнѣ и меня воодушевило. Мнѣ въ эту минуту сдалось, что я не даромъ облачился въ казацкій чекмень. Я понялъ значеніе французскаго выра-

В. А. Жуковскій.

женія: «le baptême de feu» [1]. Хотя собственно былъ раненъ не я, а только неповинная моя лошадь, но все же былъ я въ опасности и также могъ быть раненъ. Я даже жалѣлъ, что эта пуля не попала мнѣ въ руку или ногу, хотя—каюсь—и не желалъ бы глубокой раны, а только, чтобъ закалилась на мнѣ память о Бородинской битвѣ. Когда былъ я въ недоумѣніи, что дѣлать, опять явился ко мнѣ добрый человѣкъ и выручилъ меня изъ бѣды. Адъютантъ Милорадовича, Д. Г. Бибиковъ, сжалился надо мной и далъ мнѣ свою запасную лошадь. Но и ему за оказанное одолженіе не посчастливилось: вскорѣ затѣмъ ядромъ оторвало у него руку. Спустя немного времени послѣ сдѣланной ему операціи видѣлъ я его: онъ былъ спокоенъ духомъ и даже шутилъ.

Милорадовичъ велъ въ дѣло дивизію Алексѣя Николаевича Бахметева, находившуюся подъ его командою. Подъ Бахметевымъ была убита лошадь. Онъ сѣлъ на другую. Спустя нѣсколько времени, ядро раздробило ногу ему. Мы остановились.

---

[1]) Крещеніе огнемъ.

Ядро, упавъ на землю, зашипѣло, завертѣлось, взвилось и разорвало мою лошадь. Я остался при Бахметевѣ. Съ трудомъ уложили мы его на мой плащъ и съ нѣсколькими рядовыми понесли его подалѣе отъ огня. Но и тутъ, путемъ, сопровождали насъ ядра, которыя падали направо и налѣво, предъ нами и позади насъ. Жестоко страдая отъ раны, генералъ изъявилъ желаніе, чтобы мѣткое ядро окончательно добило его. Но мы благополучно донесли его до мѣста перевязки. Это—тотъ самый Бахметевъ, при которомъ позднѣе Батюшковъ находился адъютантомъ. Но, кажется, Бахметевъ, лишившись ноги, уже не возвращался въ армію: онъ изъ Нижняго-Новгорода, гдѣ лежалъ больной и гдѣ также находился Батюшковъ, отправилъ его къ генералу Раевскому, при которомъ Батюшковъ былъ въ походѣ до самаго Парижа.

Не помню, по какому случаю, уже позднимъ вечеромъ, попалъ я въ избу, гдѣ лежалъ тяжело раненый князь Багратіонъ. Шуринъ мой, князь Ѳ. Гагаринъ, былъ при немъ адъютантомъ. Онъ меня, голоднаго и усталаго, накормилъ, напоилъ и уложилъ спать. Не только мое частное, неопытное впечатлѣніе, но и общее между военными, тутъ находившимися, мнѣніе было, что Бородинское дѣло нами не проиграно. Всѣ еще были въ такомъ восторженномъ настроеніи духа, всѣ были такими живыми свидѣтелями отчаянной храбрости нашихъ войскъ, что мысль о неудачѣ или даже полуудачѣ не могла никому приходить въ голову. Къ утру эта пріятная самоувѣренность нѣсколько ослабѣла и остыла. Мы узнали, что дано было приказаніе къ отступленію. Помню, какая была тутъ давка; кажется, даже и не обошлось безъ нѣкотораго безпорядка. Артиллерія, пѣхота, кавалерія, обозы—все это стѣснилось на узкой дорогѣ. Начальники кричали и распоряжались; кажется, дѣйствовали и нагайки. Между рядовыми и офицерами отступленіе никому не было по вкусу.

Когда мы пришли въ Можайскъ, городъ казался уже опустѣвшимъ. Нѣкоторые дома были разорены; выбиты и вынесены были окна и двери. Милорадовичъ увидѣлъ солдата, выходящаго изъ одного дома съ разными пожитками. Онъ его остановилъ и далъ приказаніе его разстрѣлять. Но, кажется, это было болѣе для острастки, и казнь не была совершена. Мы расположились въ какомъ-то домѣ, оказавшемся нѣсколько болѣе удобнымъ. Генералъ продиктовалъ мнѣ приказы по отдѣленію войскъ, находившихся подъ его начальствомъ и остававшихся еще въ Подольскѣ. Тутъ же пригласилъ онъ меня съ нимъ отобѣдать, извиняясь, что худо меня накормитъ, когда могли бы мы хорошо пообѣдать у графа Маркова, начальника московскихъ дружинъ, который звалъ его и перенесъ на поле сраженія свое московское хлѣбосольство и гостепріимство. Милорадовичъ былъ обыкновенно невзыскателенъ въ своихъ житейскихъ потребностяхъ. Да къ тому же, щедрый и расточительный на деньги, иногда оставался онъ безъ гроша въ карманѣ. Разсказывали, что во время походовъ, бывало, воротится онъ въ свою палатку послѣ сраженія и говоритъ своему слугѣ: «Дай-ка мнѣ пообѣдать!»—«Да у насъ ничего нѣтъ», отвѣчаетъ тотъ. «Ну, такъ дай чаю!»—«И чаю нѣтъ».—«Такъ трубку дай!»—«Табакъ весь вышелъ».—«Ну, такъ дай мнѣ бурку!» скажетъ онъ, завернется въ нее и тутъ же заснетъ богатырскимъ сномъ. Онъ былъ весьма пріятнаго и плѣ-

Императрица Марія Өеодоровна.

нительнаго обхожденія, внимателенъ и привѣтливъ къ своимъ подчиненнымъ.

Многимъ уже извѣстно было на другой день, что я лишился двухъ лошадей, и меня поздравляли съ этимъ починомъ. Дѣло въ томъ, что Милорадовичъ самъ разсказывалъ объ этомъ въ главной квартирѣ Кутузова. Послѣ этого минутнаго знакомства мы всегда съ нимъ оставались въ хорошихъ отношеніяхъ.

Вотъ и вся моя Иліада! Разумѣется, могъ бы я, не хуже другихъ справляясь съ реляціями и описаніями войны, войти въ болѣе подробный разсказъ о положеніи разныхъ отрядовъ войска и о движеніи ихъ на Бородинскомъ полѣ. Но я никогда и ни въ чемъ не любилъ шарлатанить. Да кажется, еслибъ и захотѣлъ, не сумѣлъ бы. Во время сраженія я былъ, какъ въ темномъ или, пожалуй, воспламененномъ лѣсу. По природной близорукости своей худо видѣлъ я, что было предъ глазами моими. По отсутствію не только всѣхъ военныхъ способностей, но и простого навыка, ничего не могъ я понять изъ того, что дѣлалось. Разсказывали про какого-то воеводу, что, при докладѣ ему служебныхъ бумагъ онъ иногда спрашивалъ своего секретаря: «а это мы пишемъ, или къ намъ пишутъ?» Такъ и я могъ бы спрашивать въ сраженіи: «а это мы бьемъ, или насъ бьютъ?» Благодаря генерала Богдановича, узналъ я изъ книги

его, что генералъ Бахметевъ потерялъ ногу (а, слѣдовательно, я лошадь свою) въ 2 часа пополудни, когда «Коленкуръ повелъ въ атаку дивизію Ватье, между тѣмъ какъ продолжалась усиленная канонада, что заставило нашу пѣхоту перестроиться въ карре подъ жесточайшимъ огнемъ непріятельскихъ батарей».

Жуковскій вынесъ изъ Бородинской битвы «Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ». Какой же будетъ мой итогъ за этотъ день? Самый прозаическій. На повѣрку выходитъ, что поплатился я одною кошкою и двумя лошадьми. Въ избѣ, которую уступилъ мнѣ Милорадовичъ, нашелъ я кошку. Я къ этому животному имѣю неодолимое отвращеніе. Предъ тѣмъ, чтобы лечь спать, загналъ я ее въ печь и крѣпко-накрѣпко закрылъ заслонку. Не знаю, что съ нею послѣ было: выскочила ли она въ трубу, или тутъ скончалась. Нерѣдко послѣ совѣсть моя напоминала мнѣ это звѣрское малодушіе. Тогда еще не былъ я членомъ Общества покровительства животныхъ, и объ этомъ покровительствѣ мало кто думалъ. Что касается до лошадей, то разскажу слѣдующее. Однажды пріѣхалъ ко мнѣ изъ внутренней губерніи сосѣдъ мой по деревнѣ. Я не зналъ, о чемъ вести съ нимъ разговоръ. Благо была предъ тѣмъ холера въ этой сторонѣ, и я спросилъ его, не много ли пострадала деревня его. «Нѣтъ,— отвѣчалъ онъ мнѣ:—благодаря Бога, пожертвовалъ я только одной старухой». А мнѣ нельзя даже похвалиться и такимъ пожертвованіемъ, потому что павшія подо мной лошади не мнѣ принадлежали. Стало-быть, въ эти достопамятные дни самоотверженія, частныхъ и общихъ жертвъ, я ни собою, ни крѣпостною собственностью моею не пожертвовалъ.

Въ дополненіе ко всему сказанному считаю не лишнимъ прибавить нѣсколько словъ о гр. Ростопчинѣ.

Въ исторической или гражданской жизни его есть одна темная страница: темная и по печальному событію, которымъ ознаменована, темная и по сбивчивымъ свѣдѣніямъ, сохранившимся о ходѣ и подробностяхъ сего событія. Каждому ясно, что мы говоримъ о смерти Верещагина.

Вотъ, что сохранилось въ памяти моей изъ этого эпизода 1812 года, и что разсказывалось о немъ въ Москвѣ. Купеческій сынъ Верещагинъ знакомъ былъ съ сыномъ московскаго почтъ-директора Ключарева. Вслѣдствіе этого знакомства имѣлъ онъ возможность читать запрещенные цензурою нумера иностранныхъ газетъ. Онъ переводилъ изъ нихъ на русскій языкъ то, что касалось до Россіи и до намѣреній Наполеона. Можетъ-быть, иное и самъ сочинялъ въ этомъ смыслѣ; но положительно извѣстно то, что предосудительные, особенно по важности и смутности тогдашнихъ обстоятельствъ, листки были перехвачены полиціей. Графъ Ростопчинъ не могъ не обратить на это дѣло бдительнаго и строгаго вниманія. По легкомыслію ли поступалъ Верещагинъ, по злому ли умыслу—онъ все же былъ виновенъ передъ закономъ. Графъ Ростопчинъ приказалъ задержать его и предалъ суду. Соучастіе въ этомъ сына Ключарева—также легкомысленное или задуманное—было, во всякомъ случаѣ, не менѣе предосудительно, особенно же не должно терять это изъ виду въ тогдашнихъ обстоятельствахъ. Подозрѣнія, павшія на почтовое вѣдомство, должны были быть разъяснены, ибо тайныя и неблагонамѣренныя дѣйствія его могли имѣть вредныя послѣдствія для безопасности государства. Москва не находилась дѣй-

ствительно и законно въ осадномъ и военномъ положенiи; но нравственно не была она въ мирныхъ условiяхъ обыкновеннаго порядка. Почтъ-директоръ Ключаревъ, допустившiй по малой мѣрѣ, недостаточною бдительностью, нарушенiе закона, по которому запрещенные нумера газетъ должны оставаться тайными, былъ удаленъ отъ своего мѣста и отправленъ въ Воронежъ. Нѣкоторые полагали, что принадлежность его къ масонству была одна изъ причинъ неблаговоленiя къ нему Ростопчина. Едва ли можно согласиться съ этимъ предположенiемъ. Тутъ дѣло шло не о масонствѣ. Къ тому же, другiе масоны не были потревожены. Для пылкаго и властолюбиваго графа Ростопчина достаточно было, что Ключаревъ, вѣдомо или невѣдомо, допустилъ злоупотребленiе въ своемъ вѣдомствѣ, и къ тому же совершонное сыномъ его; а еще болѣе, что присланный для производства первоначальнаго слѣдствiя полицеймейстеръ Дурасовъ встрѣтилъ сопротивленiе въ почтамтѣ и былъ допущенъ не иначе, какъ съ особаго разрѣшенiя почтъ-директора. Въ то же время выраженiе Ростопчина въ одной изъ его афишъ, что у него болѣлъ глазъ, а теперь смотритъ онъ въ *оба*, относилось, по общему отзыву, къ удаленiю Ключарева.

Самая смерть Верещагина могла пасть скорбнымъ и тягостнымъ воспоминанiемъ на Ростопчина. Не нужно еще отъ себя прибавлять къ тому малодушное, позорное и даже преступное побужденiе. Многiе въ то время, и—откровенно сознаюсь—въ числѣ не послѣднихъ и я, осуждали сей поступокъ Ростопчина. Но никому изъ насъ не приходило въ мысль отнести сей поступокъ къ его трусости или чувству самохраненiя. Мы всѣ знали, что московскiй главнокомандующiй могъ 20 разъ въ день выѣхать изъ города, не подвергая себя нареканiю или насильственнымъ нападенiямъ черни, которая, впрочемъ, никогда и не помыслила бы напасть на него. Ростопчинъ въ афишахъ своихъ увѣрялъ народъ, что *злодѣй въ Москвѣ не будетъ*, но онъ тутъ только подтверждалъ завѣренiя самого Кутузова. Во всякомъ случаѣ ни тотъ, ни другой не обманывали народъ умышленно, а развѣ обманывали они сами себя.

По моимъ личнымъ воспоминанiямъ и внутреннему убѣжденiю, прихожу къ слѣдующему заключенiю. Графъ Ростопчинъ виновенъ тѣмъ, что онъ превысилъ и во зло употребилъ власть свою и поступилъ внѣ закона, предавъ Верещагина расправѣ черни, а не окончательному приговору законнаго суда. Законность—такое святое дѣло, что ни въ какомъ случаѣ нарушать ея не слѣдуетъ. Законъ долженъ быть охраной частной личности и общества—равно въ мирное, какъ и въ смутное время. Чрезвычайныя обстоятельства могутъ вынудить потребность временныхъ и чрезвычайныхъ законовъ, провозглашаемыхъ государственною властью. Въ настоящемъ случаѣ этого не было. Но въ поступкѣ Ростопчина ничего не было преднамѣреннаго, обдуманнаго и тѣмъ болѣе—не было удовлетворенiя личныхъ выгодъ. Нисколько не сравнивая одного поступка съ другимъ, скажу, что Ростопчинъ въ минуту великой скорби, великаго раздраженiя, предалъ Верещагина на жертву народа, какъ послѣ предалъ онъ огню свой домъ въ селѣ Вороновѣ. Ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ онъ не приносилъ никакой пользы общественному дѣлу. Существеннаго вреда непрiятелю онъ также этимъ не наносилъ. Но въ нравственномъ или полити-

ческомъ отношенiи могло побудить его желанiе тѣмъ и другимъ дѣйствiемъ озадачить и напугать непрiятеля. Въ этомъ соображенiи можно согласиться съ Фарнгагеномъ, что графъ Ростопчинъ принесъ Верещагина въ жертву для *усиленiя народнаго негодованiя*. А вмѣстѣ съ тѣмъ онъ давалъ Наполеону и французамъ какъ будто предчувствiе того ожесточенiя, съ которымъ будутъ встрѣчены они въ *гостепрiимной* Москвѣ. Когда одно подозрѣнiе въ измѣнѣ законному государю и отечеству и въ сочувствiи къ непрiятелю могли побудить народъ на такое дѣло, то непрiятель могъ ясно постигнуть народное чувство и дальнѣйшiя послѣдствiя его. Такое предположенiе подкрѣпляется и тѣмъ, что Ростопчинъ избавилъ отъ казни француза Mouton, который могъ ожидать той же участи. Если предполагать, что Ростопчинъ приготовилъ эту трагическую сцену *ради личнаго спасенiя своего*, то, разумѣется, для выигрыванiя времени и большого развлеченiя народа онъ долженъ былъ бы и другую жертву предать черни. Но вмѣсто того онъ отпустилъ его, говоря ему: «Поди, разскажи твоему царю, какъ наказываютъ у насъ измѣнниковъ».

Въ этихъ словахъ едва ли не заключается разгадка и объясненiе поступка Ростопчина.

Письма М. А. Волковой.

Письма М. А. Волковой В. И. Ланской [1]) давно уже пользуются почетной извѣстностью въ нашей исторической литературѣ, какъ яркая картина «Грибоѣдовской Москвы». Дочь дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Аполлона Андреевича Волкова и Маргариты Александровны, урожденной Кошелевой, Марiя Аполлоновна для своего времени была исключительно образованнымъ человѣкомъ. Она близко знала тогдашнее московское общество и нарисовала его во весь ростъ — въ моментъ тяжелаго нацiональнаго кризиса. Письма ея вводятъ въ обыденную, будничную жизнь осужденной на гибель и разоренной столицы и рельефно показываютъ всѣ переливы тогдашнихъ общественныхъ настроенiй.

Частныя письма

1812 года

отъ Марiи Аполлоновны Волковой къ Варварѣ Ивановнѣ Ланской.

1.

11 апрѣля 1812 г. Москва.

Вчера мы снова появились въ свѣтѣ, на ужинѣ у графини Разумовской: это былъ день ея рожденiя. Я слышала у нея Штейбельта, который, однако, отнюдь не привелъ меня въ восторгъ. Что касается игры, то онъ Фильдова мизинца не стоитъ.

---

[1]) Мать А. С. Перфильевой и бабка моск. губернатора В. С. Перфильева и почетнаго опекуна С. С. Перфильева.

При этомъ хвастунъ, всѣхъ презираетъ, лицо у него препротивное и окончательно не понравилось мнѣ. Вотъ какое впечатлѣніе сдѣлалъ на меня вашъ лучшій петербургскій артистъ.

Гр. Ѳ. В. Ростопчинъ.

Кромѣ его, я слышала братьевъ Бауеръ, изъ которыхъ одинъ играетъ на віолончели, а другой—на скрипкѣ. У перваго дѣйствительно премилый талантъ. Я слушала его съ большимъ удовольствіемъ, несмотря на то, что другъ Ромбергъ избаловалъ

мой слухъ. Вечеръ закончили длиннымъ и вовсе неинтереснымъ макао. Нынче я ѣду ужинать въ небольшомъ обществѣ у гр. Соллогубъ, которая сидитъ постоянно дома, такъ какъ собирается родить. Мама отправляется на ужинъ къ Апраксиной, и я очень рада, что могу провести вечеръ у Соллогубъ, которая жалуется, что я совсѣмъ у нея не бываю. Мнѣ очень весело въ ея обществѣ.

Говорятъ, что на Пасхѣ въ собраніи будетъ большой праздникъ въ честь статуи императрицы Екатерины. Если это правда, то я буду имѣть случай обновить мой шифръ.

2.

22 апрѣля.

Христосъ воскресе, мой милый другъ! Вчера былъ праздникъ въ собраніи и весьма неудачный. Графъ Мишо очень дурно распорядился, такъ что празднество это своею нелѣпостію вполнѣ соотвѣтствовало уродливымъ украшеніямъ залы. Вообрази себѣ тысячу особъ, разряженныхъ, какъ куклы, которыя ходятъ изъ одного угла въ другой, наподобіе тѣней, не имѣя другого развлеченія, кромѣ заунывнаго пѣнія хора, состоящаго изъ 30 человѣкъ. Не было ни ужина, ни танцевъ, словомъ, ничего. Двѣнадцать болвановъ, стоящіе во главѣ нашего бѣднаго собранія, вчера вполнѣ выказали свою глупость. Надѣюсь, что нынѣшній годъ будетъ послѣднимъ годомъ ихъ царствованія. Четырехъ уже смѣнили, и поступившіе на ихъ мѣсто хотятъ начать съ того, что велятъ нынѣшнимъ лѣтомъ уничтожить страшныхъ чудовищъ, поставленныхъ въ видѣ украшенія ихъ предшественниками.

Какъ видишь, я весьма неудачно дебютировала съ моимъ шифромъ.

Вотъ тебѣ новость. Камеръ-юнкеръ Мухановъ женится на маленькой княжнѣ Мещерской, племянницѣ графини Головкиной, которая, слѣдовательно, приходится тебѣ сродни.

3.

29 апрѣля.

Нынче вечеромъ Пушкина выходитъ замужъ за Гагарина [1]. Мама, въ качествѣ тетки жениха, будетъ присутствовать на свадьбѣ, которая будетъ пышная и великолѣпная, наподобіе свадебъ, которыя праздновали 50 лѣтъ тому назадъ. Пушкина [2] непремѣнно хочетъ показать всѣ кружева, купленныя ею въ приданое дочери, и ради этого наши маменьки должны подчиняться несносному этикету. Къ счастію моему, я исключена изъ этого праздника, чѣмъ и воспользуюсь, чтобы провести вечеръ у гр. Соллогубъ, которая еле двигается; она жестоко обсчиталась, предполагая, что родитъ въ концѣ марта.

Графиня Сенъ-При, пріѣхавшая изъ Каменецъ-Подольска, распустила слухъ о моей свадьбѣ съ герцогомъ де-Граммонъ, отцомъ г-жи Давыдовой. Когда это извѣстіе, облетѣвъ всю Москву, дошло до меня, я отъ души посмѣялась. Впрочемъ, я

---

[1] Варвара Михайловна за кн. Сергѣя Ивановича.
[2] Наталья Абрамовна, ур. кн. Волконская, мать невѣсты.

понимаю, въ чемъ дѣло. Герцогъ въ родствѣ съ семействомъ Полиньякъ. Фамиліи перепутали и произвели меня въ герцогини. Что за страсть пріискивать мнѣ жениховъ!

4.

6 мая.

У насъ нѣтъ другихъ новостей, кромѣ дуэли Мордвинова съ Шатиловымъ[1]) (въ которой первый велъ себя прескверно, а послѣдній былъ раненъ) и еще свадьбы Даши Нащокиной съ Бахметьевымъ, котораго здѣсь мало знаютъ, но извѣстно, что у него прекрасное состояніе.

У Гудовичъ родился сынъ. Всѣ наши дамы беременны. Нынѣшнее лѣто акушерки заработаютъ много денегъ.

5.

9 мая.

Меня очень разсмѣшило все, что ты писала про Марію Гагарину. Родные ея говорятъ, что она скоро вернется сюда. Будь увѣрена, что мы ее проучимъ; она должна будетъ измѣнить свое обращеніе: иначе ей придется всюду быть одной или сидѣть дома. Она принуждена будетъ сдѣлаться обходительнѣе, чтобы ей не приходилось на балѣ весь вечеръ не покидать своего кресла. Впрочемъ, мнѣ бы хотѣлось, чтобы она на первыхъ порахъ выказала свою спесь; мнѣ желательно видѣть, какой она придастъ ей видъ. Она и безъ того далеко не красива собой.

6.

13 мая.

Я вовсе не знаю молодую Мещерскую, женихъ же ея совершенный олухъ. Въ началѣ зимы мы имѣли удовольствіе видѣть его почти на всѣхъ нашихъ вечерахъ, и онъ постоянно служилъ предметомъ насмѣшекъ. Особенно потѣшались надъ нимъ братъ мой Николай и Олсуфьевъ; однако, несмотря на свою глупость, онъ дѣлаетъ прекрасную партію. Истинная правда, что дураки— самые счастливые люди на свѣтѣ.

Отправляюсь на балъ къ г. Архарову; онъ нынче именинникъ. Много будетъ народу, много шуму и, по всей вѣроятности, мало удовольствія.

Пренія въ собраніи окончились смѣною всѣхъ прежнихъ старшинъ. Новыхъ выбрали изъ числа самыхъ почтенныхъ, уважаемыхъ и извѣстныхъ въ городѣ лицъ. Толстый графъ Мишо пришелъ въ такую ярость, что даже жаловался брату своему. Послѣдній похорохорился, надѣясь этимъ помѣшать высказаться всеобщему неудовольствію; но, по своей неловкости, навлекъ лишь себѣ непріятности и рѣшился сидѣть смирно, предоставляя дворянству дѣйствовать, какъ ему вздумается.

7.

18 мая.

Если ты хочешь знать московскія новости, скажу тебѣ, что сосѣдка наша Соковнина при смерти вслѣдствіе родовъ. Солло-

---

[1]) Прототипъ Грибоѣдовскаго Репетилова.

губъ родила сына. Вотъ недѣля, какъ я не видала Вяземскихъ. И мужъ, и жена оба больны. На нашихъ вечерахъ постоянно бывало много гостей, такъ какъ изъ всѣхъ знакомыхъ домовъ только въ одномъ нашемъ аккуратно принимаютъ каждый день. Нынѣшній годъ мы первые уѣзжаемъ въ деревню, къ великому неудовольствію нашихъ ежедневныхъ посѣтителей. Даже Апраксина, несмотря на свою гордость и богатство, сознается, что не знаетъ, куда ей дѣться на будущей недѣлѣ, такъ какъ она привыкла ужинать у насъ каждый Божій день.

Изъ этого ты можешь заключить, дружокъ, что мы играемъ маленькую роль и кое-что значимъ для нѣкоторой частицы московскихъ жителей.

8.

Высокое, 26 мая.

Мы уже повидались со всѣми сосѣдями. Нынче ждемъ къ ужину Соймоновыхъ, Соловую и Левашеву. Въ концѣ недѣли пріѣдетъ дядя Кошелевъ. Тогда я не вѣдаю, что съ нами станется, такъ какъ при немъ все и всѣ подчиняются его волѣ. Мать моя съ дѣтства воспитывалась въ его домѣ и почитаетъ его, какъ отца; потому, когда онъ бываетъ у насъ, то его воля служитъ закономъ для всѣхъ. Со смерти отца онъ всегда былъ защитникомъ и благодѣтелемъ нашей семьи.

9.

1 іюня.

Соллогубъ родила въ день нашего отъѣзда изъ Москвы. Желая имѣть извѣстія о ея здоровьи, я писала ей послѣ девяти дней. Сегодня получила отъ нея письмо, въ которомъ она говоритъ мнѣ, что она и сынокъ ея здоровы, и что московскіе обитатели ломаютъ себѣ голову, стараясь отгадать, кого назначатъ на мѣсто друга твоего Гудовича [1]), который, получивъ отставку, отправляется въ имѣніе свое въ Малороссію, гдѣ и намѣренъ поселиться.

Ты, вѣрно, уже слышала, что сосѣдка наша Соковнина умерла отъ послѣдствій апоплексическаго удара. Мужъ ея въ отчаяніи. Она оставила трехъ дочерей, изъ которыхъ старшей четыре года.

10.

7 іюня.

Вообрази, Ростопчинъ — нашъ московскій властелинъ! Мнѣ любопытно взглянуть на него, потому что я увѣрена, что онъ самъ не свой отъ радости. То-то онъ будетъ гордо выступать теперь! Куріозно бы мнѣ было знать, намѣренъ ли онъ сохранить нѣжныя расположенія, которыя онъ выказывалъ съ нѣкоторыхъ поръ. Вотъ почти десять лѣтъ, какъ его постоянно видятъ влюбленнымъ и, замѣть, глупо влюбленнымъ. Для меня всегда было непонятно твое высокое о немъ мнѣніе, котораго я вовсе не раздѣляю. Теперь всѣ его качества и достоинства об-

---

[1]) Московскій генералъ-губернаторъ, котораго смѣнилъ гр. Ростопчинъ.

наружатся. Но пока я не думаю, чтобы у него было много друзей въ Москвѣ. Надо признаться, что онъ и не искалъ ихъ, дѣлая видъ, что ему нѣтъ дѣла ни до кого на свѣтѣ. Извини, что я на него нападаю; но вѣдь тебѣ извѣстно, что онъ никогда для меня не былъ героемъ ни въ какомъ отношеніи. Я не признаю въ немъ даже и авторскаго таланта. Помнишь, какъ мы вмѣстѣ читали его знаменитыя творенія?

11.

14 іюня.

Пріѣздъ дяди разстроилъ порядокъ моихъ занятій. Знаешь ли, что я начинаю привыкать къ дядѣ; я даже не разъ пускалась съ нимъ спорить. Въ будущую среду мы должны быть въ Москвѣ, чтобы свидѣться съ семействомъ Віельгорскихъ.

Мнѣ интересно знать подробности перевода «Дмитрія Донского» [1]) на французскій языкъ. Признаюсь, я не высокаго мнѣнія объ этомъ произведеніи.

12.

Москва, 24 іюня.

Вотъ я снова въ Москвѣ, мой милый другъ. Я познакомилась съ моей невѣсткой [2]) и со всѣмъ ея семействомъ. Они всѣ очень пріятные люди. Жена Михаила Віельгорскаго [3]) болѣе дитя, нежели обыкновенно бываютъ въ ея годы; но она такъ мила, такъ старается всѣмъ угодить, что невольно находишь прелесть въ ея наивности. Пока я еще не могу произнести опредѣленнаго сужденія о моей будущей невѣсткѣ, Дашѣ. Она исключительно занята моимъ братомъ. Впрочемъ, изъ всего, что замѣчаю, я вывожу заключеніе, обѣщающее много хорошаго въ будущемъ. Надѣюсь, что я близко сойдусь съ нею.

Мы дожили до такой минуты, когда, исключая дѣтей, никто не знаетъ радости, даже самые веселые люди. Насъ, быть-можетъ, ожидаетъ страшная будущность, милый другъ! Безграничная покорность волѣ Господней, совершенное слѣпое подчиненіе Его неисповѣдимымъ приговорамъ—единственныя чувства, могущія успокоить насъ въ такое время, когда страхъ весьма основателенъ. Будемъ молиться, милый другъ! Предстоящая война причиняетъ мнѣ много безпокойствъ. Нынче писали къ Сенъ-При, прося его взять къ себѣ брата моего Николая въ адъютанты. Съ минуты пріѣзда моего сюда я не слышу другого разговора, какъ о войнѣ.

Я каждый день видаюсь съ семействомъ Віельгорскихъ, даже съ Іосифомъ, который пересталъ дичиться и рѣшился появляться въ обществѣ. Я также часто видала Софью Оболенскую, но теперь она на недѣлю уѣхала въ деревню. Третьяго дни вечеромъ у насъ былъ Ростопчинъ и просидѣлъ нѣсколько часовъ. Мундиръ его не украсилъ, и онъ ужасно уродливъ безъ пудры. Громадный лобъ его весь открытъ. До сихъ поръ имъ довольны, быть-можетъ, потому, что все новое нравится; впрочемъ, я ни-

---

[1]) Озерова.

[2]) Сестра гр. Віельгорскихъ, Дарья Юрьевна, вышла за Сергѣя Аполлоновича Волкова, брата писавшей эти письма.

[3]) Луиза Карловна, ур. принцесса Биронъ.

Отъ Главнокомандующаго въ Москвѣ.

Здѣсь мнѣ поручено отъ ГОСУДАРЯ было здѣлать большой шаръ, на которомъ 50 человѣкъ полетятъ, куда захотятъ и по вѣтру и противъ вѣтра; а что отъ него будетъ, узнаете и порадуетесь. Естьли погода будетъ хороша, то завтра, или послѣ завтра ко мнѣ будешъ маленькой шаръ для пробы. Я вамъ заявляю, что бъ вы, увидя его, не подумали, что это отъ злодѣя, а онъ здѣланъ къ его вреду и погибели.

Генералъ Платовъ, по приказанію ГОСУДАРЯ, и думая, что ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО уже въ Москвѣ пріѣхалъ сюда прямо ко мнѣ и ѣдетъ послѣ обѣда обратно въ армію и поспѣетъ къ баталій, чтобъ тамъ пѣть благодарной молебенъ и тебя Бога хвалимъ!

Афиша гр. Ростопчина.

когда не сомнѣвалась, что у него въ тысячу разъ болѣе ума и дѣятельности, чѣмъ у бывшаго нашего фельдмаршала [1]). Остается знать, какъ онъ будетъ дѣйствовать. Вчера я провела день въ Царицынѣ. Въ субботу я опять отправляюсь туда, такъ какъ это будетъ день именинъ дяди Валуева, и, по всей вѣроятности, тамъ соберется весь городъ. Мнѣ также предстоитъ ѣхать въ Петровское къ гр. Разумовскому, чтобы быть представленной сестрѣ его, г-жѣ Загряжской.

Дядя мой Кошелевъ не любитъ долго сидѣть по вечерамъ, и потому мы вечеромъ никого не принимаемъ, кромѣ Віельгорскихъ.

Поговорю съ тобой о трехъ жалкихъ парочкахъ: о Гагариныхъ и Соллогубъ. Князь N. [2]) въ то время, какъ мы были въ деревнѣ, давалъ ужины, на которые истратилъ 120 тысячъ рублей. Жена его ужасно безумствуетъ, но нельзя не пожалѣть о ней, видя, какъ мало мужъ обращаетъ на нее вниманія. Правда, что сама-то она мало это замѣчаетъ и совершенно бываетъ довольна, говоря о своей беременности и о 70 тысячахъ мужнина дохода. Но, ежели мужъ ея будетъ продолжать играть, то она лишится удовольствія хвастать своимъ богатствомъ. Гагарины тоже достойны сожалѣнія. Кн. Андрей рѣшается отправиться въ походъ и предоставляетъ женѣ справиться съ родами, какъ знаетъ. Онъ да П. развратили Соллогуба, который, будучи недальняго ума, быть-можетъ, не вдался бы въ излишества, еслибы эти господа не увлекли его. О женѣ его жалѣешь болѣе, чѣмъ о другихъ, такъ какъ съ ея умомъ, тактомъ и вообще умѣніемъ держать себя ей должно казаться невыносимымъ все, что ей приходится видѣть.

---

[1]) Гудовича.
[2]) Вяземскій?

Это общество мужей-холостяковъ устроило за городомъ пикники, на которые дамъ не приглашаютъ, а на мѣсто ихъ берутъ цыганокъ, карты и вообще не стѣсняются. Спрашиваю тебя, каково видѣть это женщинѣ, у которой есть хотя сколько-нибудь чувства? N. слишкомъ глупа и безалаберна, а Гагарина слишкомъ молода, чтобы видѣть вещи въ надлежащемъ свѣтѣ. Одна Соллогубъ все понимаетъ. Я ее застала съ опухшими глазами; она призналась мнѣ, что плакала, не говоря причины, но я готова пари держать, что толстый графъ—причина ея слезъ. Меня приводятъ въ негодованіе подобныя вещи. Спрашивается, какъ же не бояться замужества, имѣя подобные примѣры передъ глазами?

Свадьба моего брата назначена 5 іюля.

13.

1 іюля. Москва.

Ты, вѣроятно, тревожишься о своемъ братѣ и потому не пишешь мнѣ, милый другъ.

Мы здѣсь всѣ грустны и пріуныли. Я нахожусь въ постоянномъ страхѣ. До сихъ поръ до насъ доходятъ лишь ложные слухи. Въ Москвѣ говорятъ, что французовъ побили разъ пять или шесть. Хорошо бы, еслибы мы въ дѣйствительности одержали хотя одну побѣду, тогда бы мы скоро отдѣлались отъ жестокаго врага человѣчества. Слѣдуетъ желать, чтобы въ настоящемъ случаѣ оправдалась русская пословица: «Гласъ народа—гласъ Божій». Въ настоящее время я чувствую болѣе, чѣмъ когда-либо, какое счастіе не быть лишенною вѣры въ Провидѣніе: она не даетъ впадать въ отчаяніе, что непремѣнно случилось бы, еслибы полагались на силы и геній жалкаго человѣчества.

Въ пятницу вечеромъ мы были въ гостяхъ у гр. Ростопчиной, которая плѣнила меня. До сихъ поръ я видала ее лишь вскользь и потому не могла о ней судить. На этотъ разъ, заставъ ее одну, мы съ мама̀ просидѣли у нея довольно долго, и я была въ восторгѣ отъ ея бесѣды. Она мнѣ нравится въ милліонъ разъ болѣе мужа своего, который тоже выходилъ къ намъ; онъ ужасно теряетъ при сравненіи съ женою. Впрочемъ, до сихъ поръ имъ очень довольны въ нашей доброй Москвѣ. Онъ очень дѣятеленъ, справедливъ, и если не измѣнится, то его очень полюбятъ здѣсь.

Въ субботу, въ Петровъ день, дядя Валуевъ былъ именинникъ, и я обѣдала у него въ Царицынѣ. Было множество гостей. Вчера я ужинала въ Петровскомъ у Разумовскихъ. Кромѣ насъ, гостей никого не было, такъ что я свободно могла наблюдать за сестрой графа, г-жой Загряжской, о которой я постоянно слышала разговоры, съ тѣхъ поръ, какъ себя помню, и которую мнѣ вчера пришлось видѣть въ первый разъ. Недоставало четвертаго партнера, и меня усадили играть въ бостонъ съ ней, съ Апраксиной и съ самимъ графомъ Львомъ. Это три особы, нисколько не похожія другъ на друга, но всѣ они такъ любезны, что я съ удовольствіемъ играла съ ними въ скучнѣйшую игру, которую я очень плохо знаю.

14.

8 іюля.

Тебѣ интересно знать мое мнѣніе о семействѣ Віельгорскихъ. Вотъ три недѣли, какъ я вижусь съ ними съ утра до вечера и потому могу судить о нихъ. Жена В.—премилый ребенокъ, но не болѣе, какъ ребенокъ, котораго необходимо руководить; ей нужно давать совѣты, сдерживать ее подчасъ, такъ какъ у нея довольно упрямый характерецъ; я замѣчаю, что въ семействѣ о ней имѣютъ мнѣніе, одинаковое съ моимъ. Мужъ ея добрѣйшій изъ людей, но безхарактерный; ему не справиться съ ней, тѣмъ болѣе, что онъ даетъ вертѣть собой, какъ угодно, почти всегда исполняетъ волю Катиши, и я ему предсказываю, что черезъ два или три года онъ постоянно будетъ плясать по ея дудкѣ. Впрочемъ, она очень мила и въ обществѣ весьма пріятна. Что же касается до ея ребячества, не могу дать тебѣ лучшаго образчика его, какъ разсказавъ, что она понять не можетъ, почему настоящая война всѣхъ интересуетъ. Я изъ силъ бьюсь, объясняя ей, что отъ этого зависитъ общее спокойствіе; слова мои даромъ пропадаютъ: она гораздо болѣе думаетъ о кружевахъ и тряпкахъ, нежели о судьбѣ страны, въ которой живетъ. На первыхъ порахъ я примѣтила въ ней желаніе разыгрывать петербургскую барыню (впрочемъ, со мной она всегда очень вѣжлива) въ отношеніи нѣкоторыхъ особъ, которыхъ она даже оттолкнула своимъ обращеніемъ. Третьяго дня, оставшись одна съ ней и Дашей, я начала разговоръ о томъ, какое непріятное впечатлѣніе производитъ важничанье особъ, пріѣзжающихъ изъ Петербурга. Я говорила вообще, никого не называя, и потому свободно могла высказывать, до чего это кажется смѣшно намъ, москвичамъ. Я прибавила, что такія особы обыкновенно бываютъ всѣми покинуты, такъ какъ у насъ не любятъ тѣхъ, кто высоко задираетъ носъ. Мы очень хорошо знаемъ, что говорится про насъ въ Питерѣ; но такъ какъ это не мѣшаетъ ни нашему счастію, ни спокойствію, ни удовольствіямъ, то мы мало обращаемъ вниманія на то, что объ насъ говорятъ. Но, коль скоро попадаютъ въ наше общество, мы хотимъ, чтобы дѣйствовали по-нашему. Катиша раздѣлила мое мнѣніе, и до сихъ поръ мы съ ней большіе друзья. Что касается Даши, она такъ кротка, такъ добра, что такого рода мысли ей и въ голову не приходятъ. Изъ младшихъ братьевъ я больше всѣхъ люблю Матвѣя. Іосифъ слишкомъ дикъ. Впрочемъ, теперь онъ болѣе общителенъ; прежде, говорятъ, онъ, кромѣ какъ съ своей сестрой, ни съ одной женщиной не разговаривалъ. Самый младшій премилый. Вообще все семейство препріятное; они всѣ дружны между собою, что такъ рѣдко встрѣчаешь въ нашемъ вѣкѣ.

Мари Гагарина уже пріѣхала. Я не берусь ее вразумлять: пусть надъ этимъ потрудится ея мужъ. Онъ, говорятъ, собирается увезти ее на нѣкоторое время въ дальнее имѣніе къ матери своей. Сердца, умъ и глаза устремлены у всѣхъ на берега Двины. Только объ этомъ и говорятъ.

15.

15 іюля.

Въ теченіе прошлой недѣли я столько видѣла, слышала и перечувствовала, что при всемъ моемъ желаніи, милый другъ, я не могу передать тебѣ словами всего мной испытаннаго въ послѣднее время. Я всегда была того мнѣнія, что не должно слишкомъ заботиться о будущемъ; намъ сказано: довольно для каждаго дня своей заботы. Никогда я такъ живо не чувствовала справедливости сихъ словъ, какъ въ настоящее время. Что Богу угодно, то и случится, говорю я себѣ, не дѣлаю никакихъ предположеній и лишь стараюсь какъ можно полезнѣе проводить время, которымъ могу располагать. Въ понедѣльникъ была свадьба брата. Во вторникъ и среду у насъ были семейные обѣды, и въ среду же вечеромъ дядя и братъ Николай отправились въ имѣніе въ Смоленскую губернію. Черезъ два часа по ихъ отъѣздѣ, мы получили извѣстіе о прибытіи государя императора. Его ожидали въ четвергъ, вечеромъ, и все дворянство собралось въ Кремлѣ. Его величество прибылъ ночью. Его высочество, великій князь тоже здѣсь со вчерашняго дня. Никто навѣрное не знаетъ, сколько времени они пробудутъ и куда отправятся отсюда. Я ни разу не была ни при дворѣ, ни въ соборѣ, и никуда мнѣ не хочется. Много охотницъ и безъ меня. Соборъ всегда набитъ здѣшними барынями. Пусть такъ, а мнѣ дома покойнѣе. Государю я искренно, отъ души желаю всякаго счастія и молиться за него всегда и вездѣ готова, что и могу дѣлать въ другихъ церквахъ; но толкаться, лѣзть въ толпу и духоту не вижу никакой нужды. Матвѣй Віельгор. вступилъ въ казачій полкъ, сформированный кн. Оболенскимъ; туда, въ качествѣ офицеровъ, принимаютъ лишь молодыхъ людей, имѣющихъ какой-либо гражданскій чинъ. Все семейство Архаровыхъ здѣсь, но я еще съ ними не видалась. Не до визитовъ.

16.

22 іюля.

Спокойствіе покинуло нашъ милый городъ. Мы живемъ со дня на день, не зная, что ждетъ насъ впереди. Нынче мы здѣсь, а завтра будемъ, Богъ знаетъ, гдѣ. Я много ожидаю отъ враждебнаго настроенія умовъ. Третьяго дня чернь чуть не побила камнями одного нѣмца, принявъ его за француза. Здѣсь принимаютъ важныя мѣры для сопротивленія въ случаѣ необходимости; но до чего будемъ мы несчастны въ ту пору, когда намъ придется прибѣгнуть къ этимъ мѣрамъ! Все въ рукахъ Божіихъ, слѣдовательно, пока зло не совершилось, мы не должны отчаиваться и сомнѣваться въ Божіемъ милосердіи.

Въ Москвѣ не остается ни одного мужчины: старые и молодые, всѣ поступаютъ на службу. Видя все это, приходишь въ ужасъ. Сколько трауровъ, слезъ! Бѣдная Муханова, рожденная Олсуфьева, лишилась мужа. Несчастный молодой человѣкъ уцѣлѣлъ въ дѣлѣ Раевскаго, высказалъ храбрость, такъ что о немъ представляли кн. Багратіону; но въ тотъ же вечеръ онъ отправился на рекогносцировку, одѣтый въ французскій мун-

диръ и былъ смертельно раненъ казакомъ, принявшимъ его за непріятеля. Послѣ этого онъ прожилъ нѣсколько дней и скончался на рукахъ шурина своего, который прибылъ сюда два дня тому назадъ, чтобы сообщить грустное извѣстіе матери и сестрѣ. Послѣдняя лишилась также дочери, которую сама хоронила.

17.

29 іюля.

Мы все тревожимся. Лишь чуть оживитъ насъ пріятное извѣстіе, какъ снова услышимъ что-либо устрашающее. Признаюсь, что ежели въ нѣкоторомъ отношеніи безопаснѣе жить въ большомъ городѣ, зато нигдѣ не распускаютъ столько ложныхъ слуховъ, какъ въ большихъ городахъ. Дней пять тому назадъ разсказывали, что Остерманъ одержалъ большую побѣду. Оказалось, что это выдумка. Нынче утромъ дошла до насъ вѣсть о блестящей побѣдѣ, одержанной Витгенштейномъ. Извѣстіе это пришло изъ вѣрнаго источника, такъ какъ о побѣдѣ этой разсказываетъ гр. Ростопчинъ, и между тѣмъ никто не смѣетъ вѣрить. Къ тому же побѣда эта можетъ быть полезна вамъ, жителямъ Петербурга; мы же, москвичи, остаемся попрежнему въ невѣдѣніи касательно нашей участи. Что относится до выборовъ и приготовленій всякаго рода, скажу тебѣ, что здѣсь происходятъ такія же нелѣпости, какъ и у васъ. Я нахожу, что всѣхъ одолѣлъ духъ заблужденія. Все, что мы видимъ, что ежедневно происходитъ передъ нашими глазами, а также и положеніе, въ которомъ мы находимся, можетъ послужить намъ хорошимъ урокомъ, лишь бы мы захотѣли имъ воспользоваться. Но, къ несчастью, этого-то желанія я ни въ комъ не вижу, и признаюсь тебѣ, что расположеніе къ постоянному ослѣпленію устрашаетъ меня болѣе, нежели сами непріятели. Богу все возможно. Онъ можетъ сдѣлать, чтобы мы ясно видѣли; объ этомъ-то и должно молиться изъ глубины души, такъ какъ сумасбродство и развратъ, которые господствуютъ у насъ, сдѣлаютъ намъ въ тысячу разъ болѣе вреда, чѣмъ легіоны французовъ.

18.

5 августа.

Мы съ мама̀ пріобщались нынче. По моему мнѣнію, теперь самая пора для покаянія, потому что лишь искреннимъ раскаяніемъ въ грѣхахъ можемъ мы умилостивить Бога. Мнѣ вполнѣ понятно твое безпокойство о нашемъ родномъ городѣ. Будемъ надѣяться, что въ немъ есть люди, коихъ молитвы дойдутъ до Всевышняго и спасутъ всѣхъ насъ. Народъ ведетъ себя прекрасно. Увѣряю тебя, что недостало бы журналистовъ, еслибы описывать всѣ доказательства преданности отечеству и государю, о которыхъ безпрестанно слышишь и которыя повторяются не только въ самомъ городѣ, но и въ окрестностяхъ, и даже въ разныхъ губерніяхъ.

Узнавъ, что наше войско идетъ впередъ, а французы отступаютъ, москвичи поуспокоились. Теперь рѣже приходится слышать объ отъѣздахъ. А между тѣмъ вѣсти не слишкомъ утѣ-

шительны, особенно, какъ вспомнишь, что мы три недѣли жили среди волненій и въ постоянномъ страхѣ. Въ прошлый вторникъ пришло извѣстіе о побѣдѣ, одержанной Витгенштейномъ, и объ удачахъ, которыя имѣли Платовъ и графъ Паленъ. Мы отложили нашу поѣздку въ деревню, узнавъ, что тамъ происходитъ наборъ ратниковъ. Тяжелое время въ деревняхъ, даже когда на 100 человѣкъ одного берутъ въ солдаты и въ ту пору, когда окончены полевыя работы. Представь же, что это должно быть теперь, когда такое множество несчастныхъ отрывается отъ сохи! Мужики не ропщутъ, напротивъ, говорятъ, что они всѣ охотно пойдутъ на враговъ и что во время такой опасности всѣхъ ихъ слѣдовало бы брать въ солдаты. Но бабы въ отчаяніи, страшно стонутъ и вопятъ, такъ что многіе помѣщики уѣхали изъ деревень, чтобы не быть свидѣтелями сценъ, раздирающихъ душу. Мама получила отвѣтъ отъ Сенъ-При: онъ съ удовольствіемъ принимаетъ на службу брата моего Николая. Придется разстаться съ милымъ братомъ; еще прибавится горе и новое безпокойство!

Каждый день къ намъ привозятъ раненыхъ. Андрей Ефимòвичъ опасно раненъ, такъ что не будетъ владѣть одной рукой. У Татищева, который служитъ въ комиссаріатѣ и, слѣдовательно, находится во главѣ всѣхъ госпиталей, недостало корпіи, и онъ просилъ всѣхъ своихъ знакомыхъ наготовить ему корпію. Меня первую засадили за работу, такъ какъ я ближайшая его родственница, и я работаю цѣлые дни. Масловъ искалъ смерти [1]) и былъ убитъ въ одной изъ первыхъ стычекъ; люди его вернулись. Здѣсь также нѣсколько гусарскихъ офицеровъ, два или трехъ пѣхотныхъ полковника; всѣ они изуродованы. Сердце обливается кровью, когда только и видишь раненыхъ, только и слышишь, что объ нихъ. Какъ часто ни повторяются подобные слухи и сцены, а все нельзя съ ними свыкнуться!

Соллогубы совершенно разорены. Всѣ имѣнія графа находятся въ Бѣлоруссіи между Могилевомъ и Витебскомъ. Сама посуди, въ какомъ видѣ они должны быть теперь! Бѣдную Соллогубъ ужасно жалко. Она выдана замужъ въ расчетѣ что у мужа ея будетъ 6.000 душъ крестьянъ, и вотъ теперь у нихъ у обоихъ всего 6.000 рублей доходу; правда, ей еще кое-что достанется, но лишь по смерти матери. У Толстого, женатаго на Кутузовой, восемь человѣкъ дѣтей, и вообрази, что изъ 6.000 душъ у него осталось всего триста душъ въ Рязанской губерніи, такъ какъ его имѣнія тоже въ Бѣлоруссіи. Какъ ни вооружайся храбростью, а слыша съ утра до вечера лишь о траурахъ да разореніи, невозможно не огорчаться и не принимать къ сердцу всего, что видишь и слышишь.

19.

12 августа.

Душевно рада, милый другъ, что вы отчасти успокоились; что же касается до насъ, мы тревожимся болѣе, чѣмъ когда-либо, и готовы рѣшиться на все, лишь бы избѣжать ужасной участи, которую намъ готовятъ. Моли Бога, милый другъ, чтобы Онъ простилъ тѣхъ несчастныхъ, которые продаютъ свое отечество.

---

[1]) Вслѣдствіе неудачной любви.

Вотъ все, что могу сказать тебѣ касательно положенія, въ которомъ мы находимся. Я не смѣю сказать тебѣ, что мы предвидимъ въ будущемъ, ежели Господь не сжалится надъ нами и не пошлетъ намъ неожиданной помощи.

Нынче утромъ я пошла въ ту церковь, гдѣ мы были съ тобой въ прошломъ году; она была полна народу, хотя сегодня нѣтъ праздника. Всѣ молились съ усердіемъ, какого мнѣ не приходилось еще видѣть, почти всѣ обливались слезами. Не могу выразить тебѣ, до чего я радовалась этому усердію, потому что я твердо убѣждена, что лишь искренними молитвами можемъ мы снискать милосердіе Божіе. Послѣ обѣдни одна женщина съ мужемъ своимъ служила молебенъ Божіей Матери. Мужъ, одѣтый въ военный мундиръ, повидимому, готовится поступить на службу. Онъ и жена оба плакали. У меня болѣзненно сжалось сердце при видѣ горькихъ слезъ бѣдной женщины. Я сама теперь ежеминутно готова плакать, съ трудомъ удерживаю слезы и иногда поддаюсь этой слабости человѣческой. Если черезъ недѣлю ты не получишь отъ меня другого письма, значитъ, меня уже не будетъ въ Москвѣ. Куда мы поѣдемъ, не знаю, а равно не вѣдаю, какимъ образомъ буду получать твои письма и сама писать къ тебѣ.

Объявляю тебѣ, что я вполнѣ раздѣляю мнѣніе твоего мужа о г-жѣ Сталь. Она недѣлю пробыла въ Москвѣ, бывала въ знакомыхъ мнѣ домахъ, и я не имѣла ни малѣйшаго желанія видѣть ее и ничуть не искала встрѣтиться съ нею. Что же она сдѣлала такого прекраснаго, чтобы возбуждать восторгъ? Сочиненія ея безбожны и безнравственны или безалаберны (extravagantes); послѣднія, по-моему, лучше, по крайней мѣрѣ, они никого не совратятъ съ истиннаго пути. Свѣтъ погибъ именно потому, что люди думали и чувствовали такъ, какъ эта женщина. Я почти того же мнѣнія о Коцебу. Правда, они оба извѣстные писатели, но, признаюсь, не стоятъ того, чтобы ими восхищались.

Сію минуту узнала, что Кутузовъ назначенъ главнокомандующимъ. Поблагодаримъ Бога за Его милосердіе и будемъ усердно молиться о будущемъ.

20.

15 августа.

По всему видно, что намъ приходится поплатиться за безразсудство двухъ нашихъ главнокомандующихъ и за несогласіе, возникшее между ними вслѣдствіе новаго порядка, отмѣнившаго старшинство по службѣ и уничтожившаго всякое подчиненіе между генералами. Платовъ, старшій изъ нихъ по службѣ, находится подъ командою у двухъ главнокомандующихъ, а Барклай, который по службѣ моложе Платова, Багратіона и двѣнадцати генералъ - лейтенантовъ, которые у него подъ командою, завѣдуетъ всѣмъ войскомъ и такъ себя ведетъ, что возбудилъ къ себѣ общую ненависть. Если такъ легко было нашему доброму царю уничтожить порядокъ, существовавшій испоконъ вѣку, съ другой стороны, не легко будетъ нашимъ генераламъ свыкнуться съ порядкомъ, по которому вчерашній начальникъ сегодня поступаетъ подъ команду къ своему подчи-

ненному. Такія правила невыносимы для насъ, русскихъ, тѣмъ болѣе, что они взяты у французовъ. Негодяи, продавшіе себя Наполеону, не имѣютъ у насъ вліянія надъ войскомъ, и потому неудивительно, что оно отвергаетъ нововведенія тѣхъ злодѣевъ, которые исключительно овладѣли умомъ нашего бѣднаго монарха. Дѣло въ томъ, что такъ какъ отдѣльные корпуса дѣйствовали несогласно и каждый хотѣлъ дѣлать по-своему, то мы и потерпѣли страшное пораженіе подъ Смоленскомъ. Французы провели нашихъ, какъ простаковъ. Была бы возможность поправить дѣло, еслибы другъ другу помогали или бы нашелся человѣкъ, который, заботясь обо всѣхъ, никого не обрекалъ бы на неизбѣжную жертву. Но дѣло повели такимъ образомъ, что городъ, который въ состояніи былъ сопротивляться шесть мѣсяцевъ, взятъ въ три дня, и вотъ теперь наше войско и французы въ 300 верстахъ отъ Москвы, и оба войска на разстояніи 7 верстъ другъ отъ друга. Теперь тебѣ должно быть ясно, почему мы такъ радуемся назначенію Кутузова. Онъ одинъ будетъ начальствовать, и въ его интересѣ заставить всѣхъ одинаково хорошо дѣйствовать. Въ послѣднемъ дѣлѣ очень обвиняютъ Багратіона, который, желая присвоить себѣ славу освобожденія Могилева, отнялъ защиту у Смоленска съ одной стороны, а Барклай сдѣлалъ тоже съ другой стороны города, такъ какъ ему нужно было вести войско на Витебскъ. Французы воспользовались оплошностью и ударили въ центръ. Ихъ было 100.000 подъ начальствомъ Наполеона противъ 30.000 нашихъ, которые три дня сопротивлялись и разбили бы ихъ, еслибъ получили поддержку. Но, такъ какъ у насъ въ войскѣ принято дѣйствовать по русской пословицѣ: «Каждый за себя, а Богъ за всѣхъ», то этихъ несчастныхъ кинули на произволъ судьбы. Когда французы подожгли Смоленскъ, наши принуждены были удалиться; по крайней мѣрѣ, они могутъ смѣло сказать (таково общее мнѣніе), что заслужили безсмертную славу. И точно, они выказали геройскую храбрость. Грустнѣе всего для насъ убѣжденіе, что причиною несчастія была измѣна одного извѣстнаго бездѣльника, служащаго у Барклая. Отрядъ корпуса сего послѣдняго отбилъ багажъ маршала Нея, и въ его бумагахъ нашелся новый планъ, который уже былъ представленъ Наполеону. Еще никого не называютъ, но подозрѣніе падаетъ на адъютанта государева Вольцогена. Вотъ тебѣ всѣ новости изъ арміи. Ты можешь ихъ считать достовѣрными, такъ какъ я съ утра до вечера вижусь съ людьми, находящимися въ служебныхъ сношеніяхъ съ арміей. Къ тому же и главная квартира близко отъ насъ, въ Дорогобужѣ, въ 20 верстахъ отъ огромнаго имѣнія дяди Кошелева. Вчера утромъ пріѣхала прислуга дяди, а также и крестьяне этого имѣнія. Несчастные бросались къ нему въ ноги, прося о помощи. Какъ будто онъ можетъ помочь имъ и оградить ихъ отъ разоренія, въ случаѣ, ежели по глупости или вслѣдствіе измѣны ихъ предадутъ огню и мечу! Надо видѣть уваженіе этихъ бѣдныхъ людей къ верховной власти. Одинъ изъ мужичковъ объяснялъ мама, что они бы бѣжали, чтобы спастить, но указъ царскій не позволяетъ имъ бросать свои избы, пока французы не смѣнятъ нашихъ войскъ. Посуди, до чего больно видѣть, что злодѣи въ родѣ Балашова и Аракчеева продаютъ такой прекрасный народъ! Но увѣряю тебя, что ежели сихъ послѣднихъ ненавидятъ въ Петербургѣ такъ же, какъ и въ

Москвѣ, то имъ не сдобровать впослѣдствіи. Ростопчинъ очищаетъ Москву отъ подобныхъ исчадій. Онъ выслалъ отсюда Ключарева, почтъ-директора, и одного изъ его помощниковъ Дружинина, которые находились въ близкихъ сношеніяхъ съ Сперанскимъ. Ростопчинъ перехватилъ переписку Ключарева, весьма подозрительнаго свойства. Кромѣ того, ежедневно ловятъ французскихъ шпіоновъ. Народъ такъ раздраженъ, что мы не осмѣливаемся говорить по-французски на улицѣ. Двухъ офицеровъ арестовали: они на улицѣ вздумали говорить по-французски; народъ принялъ ихъ за переодѣтыхъ шпіоновъ и хотѣлъ поколотить, такъ какъ не разъ уже ловили французовъ, одѣтыхъ крестьянами или въ женскую одежду, снимавшихъ планы, занимавшихся поджогами и предрекавшихъ прибытіе Наполеона,—словомъ, смущавшихъ народъ.

Вчера мы простились съ братомъ и его женой. Они поспѣшили уѣхать, пока еще есть возможность достать лошадей, такъ какъ у нихъ нѣтъ своихъ. Чтобы проѣхать 30 верстъ до имѣнія Віельгорскихъ, имъ пришлось заплатить 450 рублей за девять лошадей. Въ городѣ почти не осталось лошадей, и окрестности Москвы могли бы послужить живописцу образцомъ для изображенія бѣгства Египетскаго. Ежедневно тысячи каретъ выѣзжаютъ во всѣ заставы и направляются однѣ въ Рязань, другія въ Нижній и Ярославль. Какъ мнѣ ни горько оставить Москву съ мыслью, что, быть-можетъ, никогда болѣе не увижу ея, но я рада буду уѣхать, чтобы не слыхать и не видать всего, что здѣсь происходитъ.

21.

Рязань, 20 августа.

Почти два часа, какъ мы пріѣхали въ Рязань. Я узнала, что завтра идетъ почта въ Москву, и пользуюсь случаемъ, чтобы написать тебѣ, дорогой другъ. Скрѣпя сердце, переѣзжаю я изъ одной губерніи въ другую, ничего не хочу ни видѣть, ни слышать. 16 числа нынѣшняго мѣсяца выѣхала я изъ родного, милаго города нашего. Сутки пробыли мы въ Коломнѣ, думаемъ пробыть здѣсь завтрашній день, а потомъ отправимся въ Тамбовъ, гдѣ поселимся въ ожиданіи исхода настоящихъ событій. Мы ѣдемъ благополучно, но ужасно медленно двигаемся, такъ какъ не перемѣняемъ лошадей. Вездѣ по дорогѣ встрѣчаемъ мы только что набранныхъ солдатъ, настоящихъ рекрутовъ, и города въ центрѣ страны имѣютъ совершенно военный видъ. Не могу выразить тебѣ, какое непріятное впечатлѣніе все это производитъ на меня. Въ особенности безпокоитъ насъ, что, отдаляясь отъ Москвы, мы лишаемся возможности получать извѣстія. Съ пятницы мы рѣшительно ничего не слыхали и не знаемъ, что дѣлаетъ армія. Намъ предстоитъ пробыть въ невѣдѣніи еще съ недѣлю. Хорошо бы было услышать добрыя вѣсти! Я смертельно тоскую, но здорова. Изъ четырехъ ночей я лишь одну спала, какъ слѣдуетъ, и, несмотря на то, не чувствую усталости. Не буду разсказывать тебѣ, какъ мы разставались съ матушкой-Москвой. Дай Богъ, чтобы никогда болѣе не пришлось мнѣ испытать что-либо подобное. Бываютъ до того горькія минуты, что о нихъ тяжело вспоминать. Прощай, мой милый другъ. Въ настоящее время я не желаю другого счастья, какъ только снова увидѣть московскія стѣны.

Наполеонъ диктуетъ свои записки.

22.

Тамбовъ, 27 августа.

Вотъ уже шесть часовъ, какъ я въ Тамбовѣ, милый другъ. Пятидневное путешествіе наше было весьма непріятное; наконецъ, мы дотащились сюда и намѣрены здѣсь ожидать рѣшенія нашей участи. Если матушка-Москва счастливо вырвется изъ когтей чудовища, мы вернемся, а ежели погибнетъ родимый городъ, то отправимся въ саратовское наше имѣніе. Не могу выразить тебѣ, до чего у меня сжимается сердце при этой мысли. Въ Рязани мы нашли семейство Кологривыхъ; они третью недѣлю живутъ тамъ по дѣламъ. Хотя мы никогда съ ними не были дружны, а въ нынѣшнемъ году у насъ даже много было причинъ для ссоры, но, узнавъ, что мы пріѣхали изъ Москвы, они явились узнать, что новаго, любопытство взяло верхъ; сами же они насказали намъ такое множество грустныхъ новостей, что у насъ чуть голова не закружилась. Подъ этимъ впечатлѣніемъ мы выѣхали изъ Рязани. Погода была дурная; ѣхавъ все на однѣхъ лошадяхъ, мы принуждены были останавливаться въ теченіе пяти съ половиной дней. Не можешь себѣ представить, чего мы натерпѣлись на грязныхъ станціяхъ. Самая плохая лачужка въ окрестностяхъ Москвы—дворецъ въ сравненіи съ здѣшними избами. Намъ приходилось сидѣть среди кошекъ, свиней, телятъ, куръ; мы задыхались отъ дыму; блохи, тараканы и всевозможныя насѣкомыя не давали намъ покою. Все это, конечно, не могло насъ развеселить. Мы только отдохнули въ Козловѣ, красивомъ городкѣ Тамбовской губерніи. Тутъ услыхали мы пріятныя вѣсти; впослѣдствіи онѣ оказались ложными, но на минуту онѣ насъ успокоили, и намъ даже захотѣлось осмотрѣть городокъ. Онъ наполненъ плѣнными турками, которые, завидѣвъ красивыя дорожныя кареты наши, пришли на нихъ полюбоваться и увѣряли, что они никогда не видывали такихъ экипажей. Въ четверть часа насъ окружило до 50 мусульманъ; всѣ они проклинали французовъ и съ разными возгласами повторяли, что теперь они наши друзья, такъ какъ миръ съ ними заключенъ. Двое изъ нихъ влюбились въ Полину Валуеву и въ меня и пришли предложить мама̀ обмѣнить насъ за двухъ полковниковъ. Матушка замѣтила, что дружба ихъ зашла слишкомъ далеко и отослала насъ.

Наконецъ, нынче утромъ мы пріѣхали сюда, гдѣ намъ подтвердили извѣстія, сообщенныя Кологривыми еще съ нѣкоторыми прибавленіями. Мама выбрала Тамбовъ для мѣстопребыванія потому, что здѣсь въ судѣ служитъ бывшій адъютантъ отца, преданный душой и сердцемъ всей нашей семьѣ. Этотъ добрый человѣкъ немедля посылаетъ намъ всѣ извѣстія, получаемыя по почтѣ изъ Москвы. Вѣсти не радостны; но можно надѣться, что, когда удалятъ подлыхъ начальниковъ, ходъ дѣлъ измѣнится. Впрочемъ, будетъ, что Богу угодно. Вся наша надежда на Его милосердіе. Ростопчинъ отлично дѣйствуетъ; за это я его полюбила болѣе, чѣмъ ты когда-либо любила его. Не можешь вообразить, какъ всѣ и вездѣ презираютъ Барклая. Да проститъ ему Богъ и дастъ ему сознать и раскаяться во всемъ злѣ, которое онъ сдѣлалъ. Вотъ три недѣли, что я не имѣю о

тебѣ извѣстій, жду будущей почты и пріѣзда Сержа; въ пятницу или субботу онъ долженъ быть здѣсь; авось, онъ привезетъ мнѣ отъ тебя вѣсточку.

23.

3 сентября.

Здѣсь мы узнали, что Кутузовъ засталъ нашу армію отступающую и остановилъ ее между Можайскомъ и Гжатскомъ, т.-е. во ста верстахъ отъ Москвы. Изъ этого прямо видно, что Барклай, ожидая отставки, поспѣшилъ сдать французамъ все, что могъ, и если имѣлъ время, то привелъ бы Наполеона прямо въ Москву. Да проститъ ему Богъ, а мы долго не забудемъ его измѣны. До сегодняшняго дня мы были въ постоянной тревогѣ, не имѣя вѣрныхъ извѣстій и не смѣя вѣрить слухамъ. У насъ дыбомъ встали волоса отъ вѣстей 26 и 27 августа. Прочитавъ ихъ, я не успѣла опомниться; выхожу изъ гостиной, мнѣ навстрѣчу попался человѣкъ, котораго мы посылали къ губернатору, чтобы узнать всѣ подробности. Первую вѣсть, которую я услыхала, была о смерти братца Петра Валуева, убитаго 26-го. У меня совсѣмъ закружилась голова; удивляюсь, какъ изъ сосѣдней комнаты не услыхали моихъ рыданій несчастныя двоюродныя сестры. Домъ нашъ не великъ; я выбѣжала во дворъ, у меня сдѣлался лихорадочный припадокъ, дрожь продолжалась съ полчаса. Наконецъ, совладавъ съ собой, я вернулась, жалуясь на головную боль, чтобы не поразить кузинъ своихъ грустнымъ лицомъ. У меня защемило сердце, когда я взглянула на несчастныхъ моихъ кузинъ. Онѣ не получали извѣстій отъ матери, ясно почему. Каждую минуту жду, что кто-нибудь изъ семьи пріѣдетъ съ горестнымъ извѣстіемъ; больно видѣть, какъ онѣ тревожатся о матери и поминутно молятся за брата. Я не умѣю притворяться. Для меня невыносимо казаться веселой, когда я смертельно тоскую.

Въ моемъ грустномъ настроеніи я далеко неблагосклонно встрѣтила твои размышленія о г-жѣ Сталь. Скажи, что сталось съ твоимъ умомъ, если можешь ты такъ интересоваться ею въ минуты, когда намъ грозитъ бѣдствіе! Вѣдь ежели Москва погибнетъ, все пропало! Бонапарту это хорошо извѣстно; онъ никогда не считалъ равными наши обѣ столицы. Онъ знаетъ, что въ Россіи огромное значеніе имѣетъ древній городъ Москва, а блестящій, нарядный Петербургъ почти то же, что всѣ другіе города въ государствѣ. Это неоспоримая истина. Во время всего путешествія нашего, даже здѣсь вдалекѣ отъ театра войны, насъ постоянно окружаютъ крестьяне, спрашивая извѣстій о матушкѣ-Москвѣ. Могу тебя увѣрить, что ни одинъ изъ нихъ не поминалъ о Питерѣ. Жители Петербурга, вмѣсто того, чтобы интересоваться общественными дѣлами, занимаются г-жою Сталь; имъ я извиняю это заблужденіе, они давнымъ-давно впадаютъ изъ одной ошибки въ другую; доказательство — приверженность вашихъ дамъ къ католицизму. Но вѣдь твоимъ, милый другъ, рѣдкимъ умомъ я всегда восхищалась, а ты поддаешься вліянію атмосферы, среди которой живешь! Это меня крайне огорчаетъ. Я этого отъ тебя не ожидала. Да что же такого сдѣлала эта дрянная Сталь, чтобы возбудить такой восторгъ? Коринна [1]) сума-

[1]) Героиня романа мадамъ де-Сталь.

спедшая, безнравственная, ее бы слѣдовало посадить въ домъ умалишенныхъ за ея сумасбродство и за бѣганіе по Европѣ пѣшкомъ съ капюшономъ на головѣ, въ намѣреніи отыскать своего дурака Освальда. Послѣдній—такая личность, которой я не могу себѣ вообразить; онъ меня бѣситъ, я не терплю этихъ нерѣшительныхъ характеровъ, которые вѣчно колеблются; въ мужчинѣ это болѣе чѣмъ нестерпимо. «Дельфина» [1]), по-моему, въ тысячу разъ хуже Коринны. Этотъ отвратительный романъ представляетъ смѣсь беззаконій и сумасбродства, его и нельзя читать хладнокровно. Можно ли восхищаться женщиной, осмѣлившейся изобразить такую скверную сцену въ церкви, а именно: женатый Леонсъ требуетъ отъ Дельфины клятвы передъ алтаремъ, что она будетъ принадлежать ему?—Развѣ это не отвратительно? И ты восторгаешься авторомъ такой гадости? Меня это крайне огорчаетъ; я понимаю, что мужъ твой долженъ радоваться, что ты противъ собственной воли излѣчилась отъ этого восторга! Если Богъ дастъ намъ встрѣтиться въ болѣе счастливую пору, я обѣщаю доказать тебѣ, что романъ этотъ съ начала до конца представляетъ собраніе самыхъ ужасныхъ идей; въ немъ все никуда не годится, даже слогъ, которымъ онъ написанъ. Сдѣлай милость, повѣрь мнѣ, что не обстоятельства мѣшаютъ мнѣ восторгаться госпожою Сталь. Во всякую другую пору я была бы настолько же справедлива въ отношеніи къ ней. Я не уподоблю ее Вольтеру. Какъ онъ ни былъ дуренъ, все же онъ геніаленъ, онъ гадости говорилъ и проповѣдывалъ прелестнымъ слогомъ; но и этого достоинства нѣтъ у г-жи Сталь. Я сдѣлала усиліе надъ собою, чтобы толковать съ тобой о постороннемъ предметѣ: лишь одно занимаетъ меня; я не знаю ни минуты покою, и еслибы не вѣра въ Божіе милосердіе и убѣжденіе, что Богу все возможно, я бы сошла съ ума, какъ Зинаида.

24.

17 сентября.

Что сказать тебѣ, съ чего начать? Надо придумать новыя выраженія, чтобы изобразить, что мы выстрадали въ послѣднія двѣ недѣли. Мнѣ извѣстны твои чувства, твой образъ мыслей; я убѣждена, что судьба Москвы произвела на тебя глубокое впечатлѣніе; но не могутъ твои чувства равняться съ чувствами лицъ, жившихъ въ нашемъ родномъ городѣ, въ послѣднее время передъ его паденіемъ, видѣвшихъ его постепенное разрушеніе и, наконецъ, гибель адскаго могущества чудовищъ, наполняющихъ наше несчастное отечество. Какъ я ни ободряла себя, какъ ни старалась сохранить твердость посреди несчастій, ища прибѣжища въ Богѣ, но горе взяло верхъ: узнавъ о судьбѣ Москвы, я пролежала три дня въ постели, не будучи въ состояніи ни о чемъ думать и ничѣмъ заниматься. Окружающіе не могли поддержать меня, какъ я предвидѣла: ударъ на всѣхъ одинаково подѣйствовалъ, на лица всѣхъ сословій, всѣхъ возрастовъ, всевозможныхъ губерній, произвелъ ужасное впечатлѣніе. Извѣстіе о битвѣ подъ Можайскомъ окончательно сразило насъ, и съ этихъ поръ ни одна радостная вѣсть не ожи-

---

[1]) Романъ де-Сталь.

вляла насъ. До сихъ поръ намъ еще неизвѣстны всѣ жертвы 26 августа. Намъ назвали Валуева, Корсакова старшаго и Кутайсова. Пока не предвижу возможности получать здѣсь новости и прошу тебя, если получишь мое письмо, сообщи мнѣ какъ можно болѣе свѣдѣній объ убитыхъ и раненыхъ. Сообщенія съ Москвой прерваны, не знаемъ, откуда получать извѣстія, къ кому обратиться; событія такъ быстро смѣняются, мы даже не знаемъ, что сталось съ лицами, которыхъ мы оставили въ Москвѣ. Надо полагать, что вамъ извѣстно болѣе, чѣмъ намъ; вы должны знать хотя число убитыхъ. Въ положеніи, въ которомъ мы находимся, смерть не есть большое зло, не должно желать ея ни себѣ, ни другимъ, по крайней мѣрѣ, не слѣдуетъ слишкомъ сожалѣть о тѣхъ, кого Богъ къ Себѣ призываетъ: они умираютъ, исполняя самый священный долгъ, защищая свое отечество и правое дѣло, чѣмъ заслуживаютъ благословеніе Божіе. Я стараюсь проникнуться этимъ чувствомъ, а равно и внушить его моимъ бѣднымъ кузинамъ Валуевымъ.

Тамбовъ биткомъ набитъ. Каждый день прибываютъ новыя лица. Несмотря на это, жизнь здѣсь очень дешева. Если не случится непредвидѣнныхъ событій и обстоятельства намъ позволятъ сидѣть спокойно, мы проведемъ зиму въ тепломъ и чистомъ домикѣ; въ прежнее время мы бы нашли его очень жалкимъ, а теперь довольствуемся имъ. Кромѣ нашего семейства, здѣсь находятся Разумовскіе, Щукины, кн. Меншикова и Каверины. Есть много другихъ москвичей, которыхъ мало или почти вовсе не знаемъ. Всѣ такіе грустные и убитые, что я стараюсь ни съ кѣмъ не видаться: съ меня достаточно и своего горя.

Меня тревожитъ участь прислуги, оставшейся въ домѣ нашемъ въ Москвѣ, дабы сберечь хотя что-нибудь изъ вещей, которыхъ тамъ тысячъ на тридцать. Никто изъ насъ не заботится о денежныхъ потеряхъ, какъ бы велики онѣ ни были; но мы не будемъ покойны, пока не узнаемъ, что люди наши, какъ въ Москвѣ, такъ и въ Высокомъ [1]), остались цѣлы и невредимы. Когда я думаю серьезно о бѣдствіяхъ, причиненныхъ намъ этой несчастной французской націей, я вижу во всемъ Божію справедливость. Французамъ обязаны мы развратомъ: подражая имъ, мы приняли ихъ пороки, заблужденія, въ скверныхъ книгахъ ихъ почерпнули мы все дурное. Они отвергли вѣру въ Бога, не признаютъ власти, и мы, рабски подражая имъ, приняли ихъ ужасныя правила, чванясь нашимъ сходствомъ съ ними, а они и себя, и всѣхъ своихъ послѣдователей влекутъ въ бездну. Не справедливо ли, что гдѣ нашли мы соблазнъ, тамъ претерпимъ и наказаніе? Одно пугаетъ меня—это то, что несчастья не служатъ намъ урокомъ: несмотря на все, что дѣлаетъ Господь, чтобы обратить насъ къ Себѣ, мы противимся и пребываемъ въ ожесточеніи сердечномъ.

25.

23 сентября.

Отъ времени до времени сюда пріѣзжаютъ курьеры изъ арміи, то за провіантомъ, то за лошадьми. Намъ отъ этого не легче, потому что они или ничего не говорятъ, или слова ихъ,

---

1) Подмосковная Волковыхъ.

повторяемыя однимъ лицомъ другому, доходятъ до насъ совершенно искаженными. Да и что могутъ знать провіантскіе или комиссаріатскіе офицерики? И такъ мы пробавляемся слухами, распускаемыми въ народѣ, которые большею частью не что иное, какъ выдумки. Судьба Москвы и арміи намъ одинаково невѣдома. Каждый день слышишь новый разсказъ.

Тамбовъ наполненъ московскими купцами; многихъ изъ нихъ я знаю, разговаривала съ ними, ни одинъ ничего не вѣдаетъ. Дня два повторяютъ, что слѣдуетъ ожидать чего-то важнаго. Да избавитъ насъ Богъ отъ извѣстій въ родѣ всѣхъ предыдущихъ.

Въ числѣ другихъ пріятностей мы имѣемъ удовольствіе жить подъ однимъ небомъ съ 3.000 французскихъ плѣнныхъ, съ которыми не знаютъ, что дѣлать: за ними некому смотрѣть. На-дняхъ ихъ отправятъ далѣе, чему я очень рада. Всѣ солдаты поляки, нѣмцы, итальянцы и испанцы. Больше всего поляковъ; они дерзки; многихъ побили за шалости. Офицеровъ человѣковъ 40 и одинъ генералъ. Послѣдній французъ, равно и человѣкъ 10 офицеровъ. Нельзя шагу сдѣлать на улицѣ, чтобы не встрѣтиться съ этими бѣшеными. Его высочество принцъ Гогенлоэ тоже здѣсь содержится. Нынче утромъ я его встрѣтила, бѣжитъ по улицѣ, а за нимъ гонится солдатъ. Впрочемъ, самые многочисленные отряды плѣнныхъ отправили въ Нижній, тамъ ихъ умираетъ по сотнѣ ежедневно; одѣтые кое-какъ, они не выносятъ нашего климата. Несмотря на все зло, которое они намъ сдѣлали, я не могу хладнокровно подумать, что этимъ несчастнымъ не оказываютъ никакой помощи, и они умираютъ на большихъ дорогахъ, какъ безсловесныя животныя.

Я совсѣмъ глупа стала. Умъ, понятіе—все, все на свѣтѣ въ милой Москвѣ оставила!

26.

30 сентября.

Нашъ милый, родимый городъ, нѣкогда пріютъ мира и счастья, представляетъ лишь груды пепла! Два или три купца, бѣжавшіе изъ Москвы 15, 17 и 19 чиселъ нынѣшняго мѣсяца, сообщили намъ подробности, способныя растрогать каменное сердце. Не успѣвшіе бѣжать изъ города до вступленія враговъ постоянно подвергаются ужаснымъ пыткамъ. Они лишены способовъ существованія, одежду у нихъ отобрали и безпрестанно заставляютъ ихъ трудиться, обращаясь съ ними варварски. Несчастные умираютъ отъ голода. Въ ихъ глазахъ жгутъ и разоряютъ дома ихъ господъ, для спасенія коихъ многіе изъ нихъ остались. Всѣ наши церкви обращены въ конюшни. Наполеонъ, иначе сатана, началъ съ того, что сжегъ дома съ ихъ службами, а лошадей поставилъ въ церкви. Знаешь ли, что, несмотря на отвращеніе, которое я чувствую къ нему, мнѣ становится страшно за него въ виду совершаемыхъ имъ святотатствъ. Нельзя было вообразить ничего подобнаго, нигдѣ въ исторіи не встрѣчаешь похожаго на то, что совершается въ наше время. Про армію мы ничего не знаемъ. Въ Тамбовѣ все тихо, и если-бы не вѣсти московскихъ бѣглецовъ да не французскіе плѣнные, мы бы забыли, что живемъ во время войны. До насъ доходитъ лишь шумъ, производимый рекрутами. Мы живемъ противъ рекрутскаго присутствія, каждое утро насъ будятъ тысячи кре-

стьянъ: они плачутъ, пока имъ не забреютъ лба, а сдѣлавшись рекрутами, начинаютъ пѣть и плясать, говоря, что не о чемъ горевать, видно, такова воля Божія. Чѣмъ ближе я знакомлюсь съ нашимъ народомъ, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что не существуетъ лучшаго, и отдаю ему полную справедливость. Здѣсь климатъ гораздо теплѣе московскаго. До сихъ поръ мы проводимъ полдня съ открытыми окнами. Каждое утро ходимъ пѣшкомъ къ обѣднѣ въ монастырь, который находится въ верстѣ отъ города; я ничего не беру съ собой, кромѣ шали, и той почти никогда не надѣваю.

Мы готовимъ корпію и повязки для раненыхъ; ихъ множество въ губерніяхъ Рязанской и Владимирской и даже здѣсь въ близкихъ городахъ. Губернаторъ посылаетъ наши запасы въ мѣста, гдѣ въ нихъ наиболѣе нуждаются. Такъ провожу я время, другъ мой; даю также уроки Мишелю. Признаюсь, въ состояніи, въ которомъ нахожусь, я неспособна къ большой умственной дѣятельности. Домъ нашихъ Пушкиныхъ былъ однимъ изъ первыхъ сгорѣвшихъ домовъ.

27.

7 октября.

Съ третьяго дня мы подверглись новаго рода мученію: намъ приходится смотрѣть на несчастныхъ разоренныхъ войной, которые ищутъ прибѣжища въ хлѣбородныхъ губерніяхъ, чтобы не умереть съ голоду. Вчера прибыло сюда изъ деревни, находившейся въ 50 верстахъ отъ Москвы (по Можайской дорогѣ) цѣлыхъ девять семействъ: тутъ и женщины, и дѣти, и старики, и молодые люди. Всѣ помѣщики, имѣвшіе земли въ этой сторонѣ, позаботились во-время о спасеніи своихъ крестьянъ, давъ имъ способы къ существованію. Государственные же крестьяне принуждены были дождаться, покуда у нихъ все отнимутъ, сожгутъ ихъ избы, и тогда уже отправились, по русской пословицѣ, куда глаза глядятъ. Крестьяне, видѣнные нами вчера, были разорены нашими же войсками; мнѣ ихъ стало еще жалче отъ того, что, разсказывая о всемъ съ ними случившемся, они не жаловались и не роптали. Въ такія минуты желала бы я владѣть милліонами, чтобы возвратить счастіе милліону людей; имъ же такъ мало нужно! Право, смотря на этихъ несчастныхъ, забываешь всѣ свои горести и потери и благодаришь Бога, давшаго намъ возможность жить въ довольствѣ посреди всѣхъ этихъ бѣдствій и даже думать объ излишнемъ, между тѣмъ какъ столько бѣдныхъ людей лишены насущнаго хлѣба. Пребываніе мое въ Тамбовѣ, при теперешнихъ обстоятельствахъ, открыло мнѣ глаза насчетъ многаго. Находись я здѣсь въ другомъ положеніи, думай лишь объ удовольствіяхъ и пріятностяхъ жизни, мнѣ здѣшніе добрые люди непремѣнно показались бы глупыми и очень смѣшными. Но, прибывъ сюда съ разбитымъ сердцемъ и съ душевнымъ горемъ, не могу тебѣ объяснить, какъ благодарны были мы имъ за ласковые къ намъ поступки. Всѣ наперерывъ стараются оказать намъ услуги, и намъ остается лишь благодарить этихъ добрыхъ соотечественниковъ, которыхъ мы такъ мало знаемъ. Правда, здѣсь не встрѣтишь молодыхъ людей, которыхъ все достоинство заключается въ изящной осанкѣ, которые украшаютъ своимъ присутствіемъ гостиныя, за-

нимаютъ общество остроумнымъ разговоромъ, но, послушавъ ихъ, черезъ пять минутъ забудешь объ ихъ существованіи. Вмѣсто нихъ сталкиваешься съ людьми, быть-можетъ, неуклюжими, рѣчи коихъ не цвѣтисты и не игривы, но которые умѣютъ управлять своимъ домомъ и состояніемъ, здраво судятъ о дѣлахъ и лучше знаютъ свое отечество, нежели многіе министры. Сначала, привыкшіе къ свѣтской болтовнѣ, мы ихъ не могли понять, но мало-по-малу мы свыклись съ ихъ разговоромъ, и теперь я съ удовольствіемъ слушаю ихъ разсужденія о самыхъ серьезныхъ предметахъ. Здѣсь есть одинъ дорогой въ этомъ отношеніи человѣкъ; какъ и мы, онъ несчастный эмигрантъ. Это г. Мертваго, нѣкогда занимавшій довольно значительные посты и вынужденный оставить службу. Я рѣдко встрѣчала такой возвышенный умъ и свѣтлый разумъ, бесѣда его пріятна и занимательна. Онъ часто насъ посѣщаетъ и вполнѣ очаровалъ меня. Разумовскіе тоже поселились здѣсь на всю зиму. Графъ премилый, жена далеко не стоитъ его. Каждый разъ, когда мы встрѣчаемся, она выводитъ меня изъ терпѣнія. Они занимаютъ самый большой домъ въ городѣ, и, несмотря на это, графиня вѣчно недовольна и все ворчитъ. Богатство избаловало голубушку.

28.

15 октября.

Ты и не подозрѣваешь, добрый другъ мой, что въ настоящую минуту я нахожусь подъ однимъ кровомъ съ Шаховскими. Признаюсь тебѣ, я не воображала, что меня можетъ ожидать что-либо пріятное, и потому вся эта недѣля исполнена радости для меня. Шесть недѣль не имѣли мы извѣстій отъ сестры, и, наконецъ, въ прошлый вторникъ я получила отъ нея длинное письмо, которому очень обрадовалась. Теперь мы убѣдились, что есть возможность переписываться съ близкими людьми, въ чемъ мы уже начинали отчаяваться. Въ среду мы получили письмо отъ нашего толстаго дворецкаго, о которомъ мы ужасно тревожились. Этотъ честный человѣкъ дождался послѣдней минуты, и 2 сентября въ 11 часовъ утра, когда войска наши, возвращаясь съ Бородинскаго поля, проходили черезъ Москву, въ которую должны были вступить французы, онъ оставилъ городъ и отправился вслѣдъ за войскомъ. На улицахъ была такая давка, тутъ шли полки, везли пушки, бѣжали жители, тащились раненые, такъ что отъ нашего дома до Владимирской заставы онъ пробирался цѣлыхъ шесть часовъ. Передъ выходомъ изъ города онъ услышалъ первый выстрѣлъ французской пушки на Кремлевской площади. Письмо его раздираетъ душу; онъ описываетъ чувства свои; въ эту минуту, вѣрно, у него совсѣмъ закружилась голова, потому что, находясь на Тамбовской дорогѣ, онъ сбился съ пути и попалъ во Владимиръ 10 сентября. Часть дороги прошелъ онъ пѣшкомъ, неся съ собой бумаги и деньги. Во Владимирѣ онъ заболѣлъ лихорадкой, и потому мы долго не имѣли о немъ извѣстій. Все-таки въ нашемъ домѣ еще остались двое или трое старыхъ служителей съ женами; они говорятъ, что слишкомъ стары, потому французы не возьмутъ ихъ въ солдаты, а они все же хотя что-нибудь да сберегутъ въ домѣ. Имѣніе наше, говорятъ, уцѣлѣло, а все находившееся въ Москвѣ

сожжено, потому я надѣюсь, что люди наши перебрались въ Высокое. Я въ жизнь свою не утѣшусь, ежели хотя одинъ изъ нихъ погибнетъ отъ руки бѣшеныхъ злодѣевъ. Съ Москвой же надо навѣки проститься, милый другъ. Не выскажешь всего, что тамъ творится. Ежедневно сюда являются бѣглецы; послѣдніе изъ нихъ оставили Москву 26 сентября. Своими глазами видѣли они, какъ французы обращали церкви въ кухни и конюшни, иконы употребляли на дрова или бросали въ ретирады, обобравъ всѣ украшенія. Они обѣдаютъ и ужинаютъ на престолахъ и всячески святотатствуютъ. Легко вообразить, чему подвергаются наши соотечественники, попавшіе въ руки этихъ злодѣевъ! Шаховскіе еще остаются здѣсь на сегодняшній день, слѣдовательно, мы все будемъ вмѣстѣ. Завтра они ѣдутъ къ сестрѣ во Владимирскую губернію, а зиму еще не знаютъ, гдѣ проведутъ. Валуевы все съ нами. Тетка пишетъ имъ изъ Владимира, но не говоритъ имъ о братѣ; по слогу я вижу, что она знаетъ о смерти сына, но дочерямъ желаетъ сообщить какъ можно позднѣе это грустное извѣстіе. Намъ говорятъ, что, между тѣмъ какъ вся Россія въ трaурѣ и слезахъ, у васъ даютъ представленія въ театрѣ и что въ Петербургѣ въ русскій театръ ѣздятъ болѣе, чѣмъ когда-либо. Нечего вамъ дѣлать! Не знаю, какъ русскій, гдѣ бы онъ ни былъ теперь, хоть въ Перу, можетъ потѣшаться театромъ! Не такъ смотрятъ на вещи въ другихъ мѣстахъ. Шаховскіе, прибывшіе издалека, разсказываютъ, что взятіе Москвы привело всѣхъ въ крайнее отчаяніе, въ самыхъ отдаленныхъ мѣстахъ. Говорятъ, что въ какой-то газетѣ пишутъ, что Москву сдали опустѣлую, увезя изъ нея все до послѣдней нитки. Видно, что, кто эти газеты пишетъ, у того въ Москвѣ волосу нѣтъ. Французы, несмотря на то, что они негодяи, не такъ судятъ. Поймали нѣсколькихъ курьеровъ, отправленныхъ во Францію, между прочимъ, одного, посланнаго до вступленія французовъ въ Москву. Онъ везъ письма, въ которыхъ эти подлецы обѣщали своимъ соотечественникамъ описать подробно всѣ удовольствія, ожидавшія ихъ въ столицѣ России, воображая, что они будутъ тамъ танцовать и веселиться. Они говорятъ о своемъ нетерпѣніи увидать самыхъ хорошенькихъ женщинъ. Другой же курьеръ, отправленный уже изъ Москвы, везъ извѣстія иного рода. Они писали, что не видывали болѣе варварскаго народа, что онъ все покидаетъ, лишь бы не преклонить колѣнъ передъ непріятелемъ, что легче покорить легіонъ демоновъ, чѣмъ русскихъ, еслибы даже вмѣсто одного было десять Бонапартовъ. Когда слышишь это и читаешь петербургскія вѣсти въ родѣ вышеупомянутой, руки упадаютъ. Но неугодно ли подивиться этимъ негодяямъ французамъ, называющимъ насъ варварами, потому что мы не принимаемъ ни ихъ любезностей, ни ихъ законовъ? Можно ли завираться до такой степени! Какъ осмѣливаются они называть варварами народъ, сидящій тихо и спокойно у своего очага, но который защищается отчаянно, когда на него нападаютъ, и скорѣе соглашается всего лишиться, чѣмъ быть въ порабощеніи! Образованными они зовутъ орду бродягъ, вырвавшихся изъ ада, чтобы все жечь, разорять и проливать кровь. Что они ни говори, а быть русскимъ или испанцемъ есть величайшее счастіе; хотя бы мнѣ пришлось остаться въ одной рубашкѣ, я бы ничѣмъ инымъ быть не желала, *вопреки всему*. Знаешь ли, что нашъ генералъ, у котораго въ турецкую кампа-

нію ноги были въ параличѣ, окончательно лишился одной изъ нихъ въ битвѣ 26 сентября? Братъ его, женатый на Нарышкиной, былъ контуженъ въ голову и оглохъ. Понемногу узнаемъ о судьбѣ знакомыхъ, но далеко не всѣхъ. Мы часто видимся съ Разумовскими. Графъ теперь неоцѣненный собесѣдникъ. Вездѣ ему рады, куда онъ ни придетъ. Двое или трое людей изъ его прислуги, оставившіе Москву по вступленіи французовъ, привезли извѣстіе, что дома его въ городѣ и Петровскомъ истреблены совсѣмъ, что въ нихъ находилось, т.-е. милліона на два вещей. Это нисколько не омрачило его. Онъ попрежнему всегда добродушно любезенъ, за что всѣ и любятъ его. Скажи мнѣ, видѣла ли ты Ростопчина? Каковъ онъ? Его потери тоже значительны.

29.

22 октября.

Французы оставили Москву. Ростопчинъ пишетъ изъ Владиміра, что вмѣсто того, чтобы ѣхать въ Петербургъ, онъ намѣренъ вернуться въ Москву. Хотя я убѣждена, что остался лишь пепелъ отъ дорогого города, но я дышу свободнѣе при мысли, что французы не ходятъ по милому праху и не оскверняютъ своимъ дыханіемъ воздуха, которымъ мы дышали. Единодушіе общее. Хотя и говорятъ, что французы ушли добровольно и что за ихъ удаленіемъ не послѣдовали ожидаемые успѣхи, все-таки съ этой поры всѣ мы ободрились, какъ будто тяжкое бремя свалилось съ плечъ. Намедни три бѣглыя крестьянки, разоренныя, какъ и мы, пристали ко мнѣ на улицѣ и не дали мнѣ покою, пока я не подтвердила имъ, что истинно въ Москвѣ не осталось ни одного француза. Въ церквахъ снова молятся усердно и произносятъ особыя молитвы за нашу милую Москву, которой участь заботитъ каждаго русскаго. Не выразишь чувства, испытаннаго нами нынче, когда послѣ обѣдни начали молиться о возстановленіи города, прося Бога ниспослать благословеніе на древнюю столицу нашего несчастнаго отечества. Купцы, бѣжавшіе изъ Москвы, собираются вернуться туда по первому санному пути, посмотрѣть, что съ ней сталось, и по мѣрѣ силъ возстановить потерянное. Можно надѣяться взглянуть на дорогія мѣста, о которыхъ я старалась не думать, полагая, что приходится навѣки отказаться отъ счастія вновь увидать ихъ. О! какъ дорога и священна родная земля! Какъ глубока и сильна наша привязанность къ ней! Какъ можетъ человѣкъ за горсть золота продать благосостояніе отечества, могилы предковъ, кровь братьевъ,—словомъ, все, что такъ дорого каждому существу, одаренному душой и разумомъ? Ростопчинъ пишетъ Разумовскому, что какимъ-то чудомъ домъ его уцѣлѣлъ, зато въ немъ все вдребезги разбито до послѣдняго стула. Письмо это привезъ Ипполитъ [1]), котораго ты, вѣрно, встрѣчала у графа Льва въ Москвѣ. Онъ сказалъ намъ также, что Наполеонъ обѣщаетъ три милліона тому, кто принесетъ ему голову Ростопчина. Это лучшая похвала, величайшая честь Ростопчину; не то, что отличіе, оказанное нѣкоторымъ личностямъ, которыхъ дома остались неприкосновенными, потому что у дверей разста-

[1]) Подчасскій.

влены были часовые, лишь только французы вступили въ Москву. Не знаю, извѣстна ли тебѣ прокламація Ростопчина, привѣшенная у его церкви въ Вороновѣ? Передъ тѣмъ, какъ удалиться нашимъ войскамъ, въ ожиданіи приближенія французовъ, графъ сжегъ все, что ему такъ дорого стоило, всѣ избы крестьянскія, отправилъ крестьянъ въ воронежское имѣніе и напечаталъ листъ, въ которомъ высказываетъ французамъ свое удивленіе тому, что они повинуются негодяю и насильнику, каковъ Наполеонъ, и что онъ самъ сжегъ все ему принадлежащее, чтобы этотъ ужасный человѣкъ не могъ похвастаться, что сидѣлъ на его стулѣ. Повидимому, Наполеону не по вкусу пришелся комплиментъ, и съ этой поры, надо полагать, ему захотѣлось достать голову человѣка, который такъ вѣрно его цѣнитъ. Шаховскіе уѣхали въ среду утромъ. Михайло Віельгорскій уже три дня какъ здѣсь, и нынче ѣдетъ въ пензенское свое имѣніе, гдѣ оставилъ жену и намѣренъ пробыть тамъ до зимы. Вѣроятно, по первому снѣжному пути вернется въ Тамбовъ. Катиша, Даша, Валуевы и я вздумали своими трудами обуться и прилежно вяжемъ. Въ нынѣшнее переходное время надо ко всему привыкать.

Теперь это служитъ намъ развлеченіемъ, а со временемъ, бытьможетъ, станетъ необходимостію. Вообрази, что домъ Разумовскихъ [1]) со всѣмъ, что въ немъ находилось, остался нетронутымъ; такъ какъ его начали разламывать для перестройки, то французы вообразили, что въ домѣ безъ оконъ вѣрно ничего нѣтъ, и не совали туда носу. Это удивительное счастіе, что онъ и не сгорѣлъ; все цѣло, даже вино въ погребахъ. Зато Петровское все разорено; шуточка эта стоитъ милліонъ. О нашемъ домѣ мы не вѣдаемъ: Богъ съ нимъ, лишь бы французовъ истребили.

30.

28 октября.

Ни отъ чего я такъ не страдаю, какъ отъ холода. Какъ нарочно я попала въ Тамбовъ въ такіе холода, которымъ сами старожилы дивятся. Всѣ дома насквозь проморожены. Нашъ—какъ погребъ. Мы всѣ спимъ въ одной комнатѣ и льнемъ къ печкамъ. Вотъ каково наше житье, дружокъ! Все это испытанія, ихъ надо переносить терпѣливо и покорно, ожидая лучшаго въ будущемъ. Наконецъ Валуевы узнали о смерти брата; ихъ такъ жалко, особенно потому, что онъ умеръ вдалекѣ отъ семьи.

Со времени сраженія подъ Малоярославцемъ мы ничего не слыхали о нашей арміи.

Нѣсколько дней тому назадъ я ужинала у губернаторши; тамъ я слышала прекрасную музыку, которая, напомнивъ мнѣ прошлое, причинила мнѣ страданіе. Наполеону мы обязаны тѣмъ, что страдаемъ отъ того, чѣмъ прежде наслаждались. Впрочемъ, все, что намъ суждено испытать, не отъ насъ зависитъ, а назначено свыше.

31.

11 ноября.

Я чувствую, что съ іюня мѣсяца состарѣлась на десять лѣтъ. Все, что вижу, до сихъ поръ не таково, чтобы мнѣ помолодѣть.

---

[1]) На Тверской, гдѣ помѣщается Англійскій клубъ.

Письма твои принесли мнѣ большую пользу: они вывели меня изъ глубокой грусти, въ которую я была погружена. Увы, милый другъ, какъ и ты, я въ постоянной сердечной тревогѣ! Брата Николая назначили адъютантомъ въ 6-й саперный баталіонъ, которымъ командуетъ храбрый Эммануилъ Сенъ-При. 29 октября получили мы извѣстіе объ этомъ назначеніи. Братъ наскоро экипировался, что стоило ему большого труда, ибо здѣсь въ степяхъ ничего нельзя достать, и уѣхалъ третьяго дня вечеромъ. Сначала онъ отправится въ Москву, оттуда на 3 или 4 часа съѣздить въ Высокое, потомъ поѣдетъ вслѣдъ за арміей, которая, вѣроятно, очень уже далеко ушла, потому что 26 октября она находилась въ окрестностяхъ Смоленска, а съ той поры она не переставала идти усиленнымъ шагомъ.

Двоюродные братья мои Валуевы теперь у родителей. Мы ежедневно ожидаемъ Александра, который долженъ пріѣхать за сестрами. Съ 30 октября тетка моя въ Москвѣ. Лишь по прибытіи ея въ разоренный городъ объявили ей о смерти сына, и впечатлѣніе, произведенное этимъ извѣстіемъ, было тѣмъ ужаснѣе, что она окружена была развалинами; письмо ея полно отчаянія. Отъ дома ея остались лишь стѣны, службы всѣ сгорѣли, и ей пришлось остановиться въ Запасномъ дворцѣ у Красныхъ Воротъ: это единственное казенное зданіе, оставшееся неповрежденнымъ. Поэтому всѣ городскія власти, какъ высшія, такъ и низшія, помѣстились въ этомъ дворцѣ; всѣхъ ихъ тамъ человѣкъ до 500. Теткѣ пришлось перейти въ домъ Яковлева, въ Леонтьевскій переулокъ. Сыновья ея должны будутъ отправиться въ окрестности Ярославля. Когда началось всеобщее вооруженіе, они поступили въ полкъ, который Мамоновъ началъ организовать на свой счетъ; тутъ случилась московская катастрофа, полкъ этотъ былъ отправленъ въ Ярославль, гдѣ долженъ былъ найти всѣ способы для окончательнаго сформированія.

При воззваніи Ростопчина двоюродные братья мои, равно Лунинъ и Барановъ, просили о переводѣ ихъ въ армію. Имъ было отказано, потому что, будучи придворными, они были не подвластны ни Ростопчину, ни кому другому. Тогда они поодиночкѣ вышли въ отставку, а потомъ снова вступили въ свой полкъ. Потому я и полагаю, что имъ придется тоже послѣдовать за арміей, что приводитъ сестеръ въ отчаяніе, т.-е. Анету и Полину, потому что Софи ничего не чувствуетъ: пока другіе плачутъ, она позвала къ себѣ парикмахера, бѣжавшаго изъ Москвы, какъ и мы, велѣла обрѣзать себѣ волосы и завивается. Мнѣ кажется, что она кончитъ тѣмъ, что сойдетъ съ ума, какъ ея старшая сестра. Что касается двухъ другихъ, на нихъ жалко смотрѣть. Онѣ такъ и убиваются, страшно исхудали. Кстати о полкѣ Мамонова: въ немъ находится большая часть извѣстной московской молодежи, тутъ Левашовъ, Гусятниковъ и кн. Вяземскій. Сей послѣдній возымѣлъ дерзкую отвагу участвовать въ качествѣ зрителя въ Бородинскомъ сраженіи [1]). Подъ нимъ убили двухъ лошадей, и самъ онъ не разъ рисковалъ быть убитымъ, потому что Валуевъ палъ возлѣ него. По окончаніи сраженія онъ вернулся въ Москву. Не слыхавъ никогда пистолетнаго выстрѣла, онъ затесался въ такое адское дѣло, которому, какъ всѣ гово-

---

1) A fait l'extravagance d'assister, comme simple spectateur, à l'affaire de Borodino.

рять, не было подобнаго. Не понимаю, какъ это несчастное сраженіе могло хотя на минуту обрадовать васъ. Хотя по словамъ лицъ, въ немъ участвовавшихъ (нѣкоторыхъ я встрѣчала), это не потерянное сраженіе, однако на другой же день всѣмъ ясны были его послѣдствія. Въ Москвѣ напечатали извѣстія, дошедшія до насъ, въ которыхъ говорилось, что, послѣ ужаснаго кровопролитія съ обѣихъ сторонъ, ослабѣвшій непріятель отступилъ на 8 верстъ, но что для окончательнаго рѣшенія битвы въ пользу русскихъ, на слѣдующій день, 27-го, сдѣлаютъ нападеніе на французовъ, дабы принудить ихъ къ окончательному отступленію. Таково было офиціальное письмо Кутузова къ Ростопчину, которое и помѣстили въ печатное извѣстіе. Вмѣсто всего этого, 27-го наши войска стали отступать, и доселѣ неизвѣстна причина этого неожиданнаго отступленія. Тутъ кроется тайна. Быть-можетъ, мы ее когда-нибудь узнаемъ, а, можетъ, и никогда; но что вѣрно и въ чемъ мы не можемъ сомнѣваться, это въ существованіи важной причины, по которой Кутузовъ измѣнилъ планъ касательно 27-го числа, торжественно имъ объявленный вечеромъ 26-го числа.

Какъ бы то ни было, мы не имѣли даже и тѣни надежды на блестящую побѣду; ибо три дня спустя по прочтеніи вышеупомянутаго извѣстія мы узнали, что войско находится въ 15 верстахъ отъ Москвы, а 7 сентября получили ужасное извѣстіе о гибели дорогого города. Въ теченіе шести недѣль мы постоянно находились въ тревогѣ и глубокой горести, не получая ни единой отрадной вѣсти.

Послѣ сраженія подъ Малымъ Ярославцемъ мы стали получать болѣе удовлетворительныя новости, непріятель не могъ идти на Калугу и долженъ былъ возвращаться по той же дорогѣ, по которой пришелъ, тѣснимый со всѣхъ сторонъ. Въ Бѣлоруссіи французовъ ожидаютъ наши войска, такъ что врядъ ли они ускользнутъ отъ насъ. Надо надѣяться, что они будутъ окончательно разбиты. Я не прихожу въ отчаяніе насчетъ нашей будущности, надѣясь на Божіе милосердіе. Не тревожься и ты о будущей веснѣ, милый другъ.

Я не сержусь на Ростопчина, хотя знаю, что многіе имъ недовольны. По-моему, Россія должна быть благодарна ему. Мы лишились мебели, вещей, зато сохранили нѣкотораго рода внутреннее спокойствіе. Ты не знаешь, что было въ Москвѣ съ конца іюля. Лишь человѣкъ, подобный Ростопчину, могъ разумно управлять умами, находившимися въ броженіи, и тѣмъ предупредить вредные и непоправимые поступки. Москва дѣйствовала на всю страну, и будь увѣрена, что, при малѣйшемъ безпорядкѣ между жителями ея, все бы всполошилось. Намъ всѣмъ извѣстно, съ какими вѣроломными намѣреніями явился Наполеонъ. Надо было ихъ уничтожить, возстановить умы противъ негодяя и тѣмъ охранить чернь, которая вездѣ легкомысленна. Ростопчинъ прекрасно распорядился. Чтобы успѣть въ необходимомъ, пришлось пожертвовать богатствами, потому что еслибы для сохраненія ихъ онъ напугалъ заранѣе толпу, Богъ знаетъ, что бы изъ этого вышло. Притомъ же, какъ ему было объявить о близкой опасности, когда Кутузовъ, едва прибывъ въ армію, писалъ къ жителямъ Москвы и клялся, что онъ не подпуститъ враговъ къ стѣнамъ древней столицы? Письмо это было напечатано, всѣми читалось и, безъ сомнѣнія, имѣло бо-

лѣе вѣсу, нежели могли имѣть слова Ростопчина, который, однако, никого не удерживалъ и радовался, видя, что господа и прислуга уѣзжаютъ изъ города. Онъ напечаталъ объявленіе, которое я читала и въ которомъ онъ говоритъ, что его удивляютъ слухи, будто онъ препятствуетъ выѣзду жителей изъ Москвы, что ему это и въ голову не приходило, напротивъ, онъ радъ былъ, что уѣзжаютъ люди, опасавшіеся остаться. Между тѣмъ онъ зналъ то, чего вы не вѣдали, а именно, что крестьяне во всей Московской губерніи, удивленные и испуганные множествомъ людей всѣхъ сословій, бѣгущихъ изъ Москвы, говорили дерзости проѣзжающимъ и могли бы зайти далѣе, еслибы за ними не было бдительнаго присмотра. Ты знаешь, что я никогда не была ослѣплена Ростопчинымъ, потому не можешь упрекать меня въ лицепріятіи. Но увѣряю тебя, что я чувствую къ нему величайшую благодарность и вижу Божіе милосердіе въ томъ, что во главѣ Москвы въ тяжелыя минуты находился Ростопчинъ. Будь у насъ прежній начальникъ, Богъ знаетъ, что бы съ нами было теперь: всѣхъ бы пугала не столько гибель Москвы, сколько ея послѣдствія. Наполеонъ это хорошо зналъ и обратился не къ Петербургу, а ударилъ въ сердце Россіи.

Я бы желала, чтобы ты послушала, какъ говорятъ здѣсь о Москвѣ, здѣсь, т.-е. въ губерніяхъ, составляющихъ коренную Россію, гдѣ почти не подозрѣваютъ о существованіи иной столицы, кромѣ Москвы, къ которой питаютъ какое-то священное благоговѣніе. Что касается недовольства Ростопчинымъ, оно меня нисколько не удивляетъ; къ несчастію, люди никогда не видятъ вещи въ настоящемъ ихъ свѣтѣ. Мы досадуемъ на свои потери и ищемъ, кого бы за это обвинить, нисколько не руководствуясь справедливостью въ обвиненіяхъ нашихъ.

Нашъ московскій домъ сгорѣлъ въ ночь съ 4 на 5 сентября, сгорѣлъ также домъ Шаховскихъ и всѣ смежные дома. 2-го числа вечеромъ нѣсколько голодныхъ негодяевъ пришли просить хлѣба у нашихъ людей и у дворецкаго. Утоливъ голодъ, они ушли. Точно та же исторія повторилась на другой день, при чемъ они украли вещи дворецкаго, который имѣлъ глупость разложить ихъ передъ ихъ глазами. День прошелъ довольно спокойно. Ночью подожгли Нѣмецкую слободу и лавки. 4-го числа пришли требовать вина; у насъ въ погребахъ было много винъ и варенья, потому угощеніе долго продолжалось, и гостей было много. Потомъ они все обобрали у людей и велѣли открыть кладовыя; не найдя въ нихъ ничего съѣдобнаго, они ничего не взяли, хотя тутъ находилось тысячъ на тридцать вещей. Въ этотъ вечеръ подожгли Большую Никитскую, Арбатъ, Пречистенку, Остоженку и всѣ смежные кварталы. Нашъ домъ все держался. Наконецъ, въ часъ, толпа негодяевъ ворвалась въ домъ; сломавъ двери, они поднялись въ мои комнаты, гдѣ я оставила книги, фарфоръ и множество другихъ вещей. Они начали все рвать, ломать, люди внизу слышали адскій шумъ, потомъ эти каннибалы подожгли мои комнаты и ушли, ничего не взявъ. Такъ какъ сосѣднія зданія уже были въ огнѣ, то нашъ домъ вскорѣ сгорѣлъ со всѣмъ въ немъ заключавшимся (чему я очень рада, ибо, по-моему, лучше, что все наше добро сгорѣло, нежели сдѣлалось бы добычею адскихъ чудовищъ). Тогда люди наши, полунагіе, отправились въ Высокое, куда, однако, прибыли здоровыми. Это милое убѣжище, благодаря

Бога, осталось въ цѣлости, хотя его положеніе было небезопасно, такъ какъ оно находится между Клиномъ, гдѣ расположены наши войска, селомъ Пятницей, наполненнымъ казаками, порядочными грабителями, Волоколамскомъ, Рузой, городами, разоренными французами, и, наконецъ, вблизи Можайска, такъ что пушечные выстрѣлы 26-го числа слышны были въ Высокомъ. Мы полагали, что имѣніе это погибнетъ ранѣе Москвы, и потому я велѣла перевезти множество вещей въ Москву. Ты видишь, какъ ошибочны человѣческія предположенія! Москва почти не существуетъ, а Высокое цѣлехонько. Въ деревняхъ, находящихся верстахъ въ 13 и 14 отъ Высокаго, ежедневно убивали сотни мародеровъ, а въ Высокомъ не видали ни одного солдата, какъ будто война велась въ Америкѣ. Урожай былъ прекрасный, хлѣбъ убрали, какъ по обыкновенію, скотъ процвѣтаетъ, такъ что люди наши нашли и убѣжище, и обильное пропитаніе въ нашемъ миломъ имѣніи, которымъ мы всѣ дорожимъ, потому что батюшка самъ занимался его устройствомъ. Мы многимъ обязаны нашему управляющему. Будучи вполнѣ свободенъ, онъ добровольно остался на мѣстѣ и своею твердостью и присутствіемъ духа сберегъ намъ все до послѣдней нитки. Во всей Московской губерніи врядъ ли найдется два имѣнія, уцѣлѣвшія подобно нашему.

Съ Божіею помощію, на будущее лѣто мы намѣрены посѣтить эти милыя мѣста, бывшія нѣкогда свидѣтелями нашего благоденствія. Зиму мы проведемъ здѣсь. Квартира наша невыносима, печи дымятъ, и я, по крайней мѣрѣ, два дня въ недѣлю лежу съ головной болью. Собираемся искать другую квартиру. Віельгорскіе и не думаютъ ѣхать въ Петербургъ. Очень можетъ быть, что Катиша сюда пріѣдетъ родить, такъ какъ вскорѣ здѣсь соберется вся ихъ семья. Пребываніе здѣсь не представляетъ ровно никакихъ пріятностей, да кто о нихъ и думаетъ въ настоящее время! Я желала бы побывать въ Петербургѣ, чтобы повидаться съ тобой, вообще же я предпочитаю мѣста, самыя удаленныя отъ шума.

Всѣ наши московскіе знакомые въ Нижнемъ, исключая Пушкиныхъ и г-жи Лобковой съ матерью, живущихъ въ Ярославлѣ. Никто не думаетъ ѣхать въ Питеръ. Въ началѣ волненія всѣ бросились въ Нижній, считая его безопаснымъ убѣжищемъ, а теперь, поуспокоившись, стараются забраться въ отдаленныя мѣста, гдѣ можно жить съ маленькими средствами, не дѣлая долговъ и стараясь поправить свои финансы. На прошлой недѣлѣ меня закидали письмами изъ Нижняго. Лица, ежедневно посѣщавшія насъ въ Москвѣ, узнавъ, гдѣ я нахожусь, всѣ написали ко мнѣ. Меня очень тронуло ихъ вниманіе, но я пугаюсь при видѣ множества писемъ, на которыя нужно отвѣчать. Гагарина благополучно родила въ деревнѣ, не имѣя другой помощницы, кромѣ своей горничной; она сама пишетъ мнѣ, равно и всѣ Оболенскіе, Соллогубъ, Небольсина и т. д. Не вѣдаю, гдѣ Вяземскіе; полагаю, онъ въ полку. Мы знаемъ, что были безсовѣстные негодяи, услуживавшіе Наполеону въ Москвѣ. Не знаю, съ чего ты взяла, что Визапуръ русскій дворянинъ; онъ не что иное, какъ мулатъ, явившійся Богъ знаетъ откуда и годный только стоять на запяткахъ у кареты вмѣсто негра. Загряжскій давно съ ума сошелъ; не знаю, кто такой Бестужевъ; довольно

вѣрно то, что большая часть измѣнниковъ—купцы, иностранцы всѣхъ націй, вообще люди, ничего не значащіе, дворянъ же весьма немного.

32.

18 ноября.

Мы остались въ одиночествѣ. Валуевы уѣхали вчера съ своимъ братомъ. Большая часть нашихъ знакомыхъ уѣхали въ Москву или въ ея окрестности. Осталась наша семья, состоящая изъ пяти лицъ, считая и Мишеля, да Разумовскіе. Общество сихъ послѣднихъ весьма удовлетворительно для матушки, но не для меня. Предстоящая зима кажется мнѣ весьма жалкою въ сравненіи съ прошлыми зимами. Однако я не отчаиваюсь и увѣрена, что съ Божіею помощью не буду слишкомъ тосковать. Я такъ распредѣлила свои занятія, что не имѣю ни минуты свободной и не вижу, какъ идетъ время. Пока мнѣ не приходилось страдать отъ холода въ нашей гадкой квартирѣ, я смотрѣла равнодушно на изодранныя драпировки, парусинную мебель, кривые столы, теперь же все это мнѣ кажется невыносимымъ. Впрочемъ, надъ нами сжалился одинъ здѣшній помѣщикъ и велѣлъ намъ привезти мебель изъ своего имѣнія. Я достала себѣ теплые ботинки, которыя не снимаю съ ногъ; эта обувь, равно и весь мой нарядъ, придаетъ мнѣ видъ пятидесятилѣтней старухи. Я никогда не была щеголихой, и потому мнѣ ничего не значитъ обойтись безъ щегольства. Но я не могу съ такой же философіей отказаться отъ талантовъ, которые развивала съ самаго дѣтства и коими забавляла тѣхъ, кому желала доставить удовольствіе. Я болѣе не буду въ состояніи позабавить тебя пѣніемъ, потому что я совершенно потеряла голосъ. Вчера я попробовала кое-что спѣть и рѣшительно не могла взять ни одной ноты. Прощайте всѣ мои романсы, аріи, дуэты, которыми я потѣшала моихъ добрыхъ друзей! Помнишь ли ты наши ужины у дяди? Гдѣ-то онъ теперь, милый дядя! Говорятъ, домъ его сгорѣлъ. Кстати, я отказываюсь отъ многаго изъ сказаннаго мной о Ростопчинѣ; говорятъ, онъ вовсе не такъ безукоризненъ, какъ я полагала. Судя по послѣднимъ, вѣрнымъ свѣдѣніямъ о всемъ случившемся до и по отдачѣ Москвы, я вижу, что есть причины сердиться на графа. Ему особенно повредила его полиція, которая, выйдя изъ города въ величайшемъ безпорядкѣ, грабила во всѣхъ деревняхъ, лежащихъ между Москвой и Владиміромъ. Много есть другихъ мелочей, не дѣлающихъ ему чести. Онъ съ Кутузовымъ, какъ кошка съ собакой. Беннигсенъ одно время не въ ладу былъ съ Кутузовымъ, но они скоро помирились и теперь другъ съ другомъ въ прекрасныхъ отношеніяхъ. Я обѣщала тебѣ сообщить подробности о старикѣ Кульманѣ, вотъ онѣ. Не будучи извѣщенъ полиціей о сдачѣ Москвы, онъ остался въ городѣ. Въ первые же три дня по вступленіи французовъ его ограбили, сожгли его домъ, словомъ, онъ всего лишился. Въ лохмотьяхъ, питаясь тѣмъ, что французы выбрасывали на улицу, въ отчаяніи, онъ просилъ принять его въ лѣкаря въ одинъ изъ наполеоновскихъ госпиталей. Это доставило ему способъ существованія въ теченіе шести ужасныхъ недѣль, которыхъ не забудетъ ни одинъ русскій. Когда французы удалились и наши власти вернулись въ городъ, Кульмана

схватили и посадили въ тюрьму. Оттуда онъ написалъ матушкѣ письмо, раздирающее душу. Этотъ несчастный человѣкъ, служившій нашему отечеству сорокъ лѣтъ, занимая мѣста, на которыхъ онъ могъ разжиться въ теченіе года, не взялъ ни гроша. Уѣзжая изъ Москвы, мы оставили его въ довольно жалкомъ положеніи. Несмотря на свою честность и безкорыстіе, онъ попалъ въ такое положеніе, изъ котораго лишь Богъ можетъ его вывести, и все это благодаря вѣтрености и неразумію, столь страннымъ въ старикѣ и столь намъ извѣстнымъ. Нѣмецъ нашего Мишеля, бѣдный Кленсенъ, сгорѣлъ въ нашемъ домѣ, гдѣ остался послѣ нашего отъѣзда. Съ отчаянія онъ началъ пить и въ тотъ роковой день, когда подожгли Никитскую, онъ былъ такъ пьянъ, что его никакими силами не могли вытащить изъ угла, въ которомъ онъ спрятался, и такимъ образомъ онъ сталъ жертвою своей глупости и адскаго неистовства націи, считаемой за самую образованную во всей Европѣ.

Ежедневно сюда приводятъ плѣнныхъ; они крайне дерзки, такъ что губернаторъ, человѣкъ очень порядочный, обращается съ ними, какъ съ собаками.

33.

25 ноября.

Сколько пріятныхъ новостей, милый другъ! Сколько причинъ надѣяться, что Господь сжалился надъ нашими страданіями и что мы будемъ имѣть счастіе отомстить за гибель милой столицы, унизивъ и окончательно уничтоживъ тирана, бывшаго причиною всѣхъ нашихъ мукъ!

Нынѣ мы получили извѣстія отъ 8 ноября, настолько удовлетворительныя, что можемъ себѣ позволить предаться чувству, похожему на радость! Я говорю, что чувство наше похоже на радость, ибо мы такъ давно не радовались, что даже забыли, что значитъ радоваться. Какъ бы то ни было, дышится свободнѣе, и можно надѣяться, что снова настанутъ миръ и спокойствіе, которыхъ мы такъ жестоко были лишены. Еслибы не попалъ братъ Николай въ тотъ омутъ, отъ котораго зависитъ наша общая участь, мнѣ кажется, мнѣ бы нечего было желать. Однако, скажи мнѣ кто-либо прошлый годъ, какъ проведу я зиму 12-го года, я, навѣрное, стала бы жаловаться на горькую участь, меня ожидающую. Вообрази, что я нахожусь посреди трехъ старцевъ (одинъ изъ нихъ отъ меня безъ ума); подъ носомъ у меня колода картъ для игры въ бостонъ, въ вечеръ я проигрываю два или три рубля. Чтобы разнообразить удовольствія, я и мой старый поклонникъ играемъ въ пикетъ по пятаку за очко. Затѣмъ, взгляни на мое прошлое, сравни обстановку, въ которой ты меня знала, и теперешнюю мою жизнь и скажи, что ты думаешь объ этомъ сравненіи.

Каждый день я катаюсь въ саняхъ и потомъ вышиваю безъустали. Это, признаюсь, мнѣ служитъ отдыхомъ и составляетъ любимѣйшее мое занятіе.

Ты желаешь знать, не приведутъ ли насъ въ Питеръ общія несчастія и потеря дома въ Москвѣ. На это я скажу тебѣ, что вашъ блестящій городъ увидитъ насъ лишь въ одномъ случаѣ, а именно: ежели служба Николеньки принудитъ его поселиться въ Питерѣ, тогда матушка все броситъ, чтобы послѣдовать за милымъ сыномъ, дабы своимъ присутствіемъ охранить его отъ

соблазновъ, словомъ, отъ безчисленныхъ пороковъ, коими богата ваша страна и которымъ 17-лѣтній юноша не въ силахъ противостоять. Николай такъ добръ, такъ довѣрчивъ, что болѣе другого нуждается въ руководителѣ, что онъ и самъ сознаетъ. До сихъ поръ онъ радуетъ всѣхъ насъ своимъ хорошимъ поведеніемъ, прекраснымъ характеромъ; ты понимаешь, что мы все забудемъ, коль скоро явится случай быть ему полезными.

Еще, быть-можетъ, встрѣтимся: мы на берегахъ Невы, ежели дядя Кошелевъ потребуетъ насъ; но я надѣюсь, что онъ этого не сдѣлаетъ. Онъ такъ несчастливъ во многихъ отношеніяхъ, что матушка не въ силахъ будетъ долго противиться его просьбѣ, ежели онъ серьезно того пожелаетъ; иначе лишь служба Николая можетъ насъ вызвать въ Питеръ. Мы — москвичи болѣе, чѣмъ когда-либо!

Странно, что со времени несчастія Москва стала еще милѣе для всѣхъ, кто къ ней былъ привязанъ. Многія лица, между прочимъ Апраксины, предполагая, что мы можемъ перебраться въ Петербургъ, написали матушкѣ, совѣтуя ей не покидать Москвы, говоря, что должно стараться сгладить слѣды бѣдствій, которыя потерпѣла милая столица, жертвуя собою для общаго блага. Вотъ наши планы. Зиму мы проведемъ здѣсь, и старый Нѣмчиновъ будетъ за мной ухаживать, сколько ему угодно. Весной мы намѣреваемся посѣтить принадлежащее намъ имѣніе въ Саратовской губерніи, котораго никто изъ насъ не знаетъ. Потомъ отправимся въ наше милое Высокое, пробудемъ тамъ до зимы и тогда вернемся въ дорогую Москву, гдѣ уже строятся нѣсколько зданій и на будущую зиму можно будетъ нанять домъ. Москва, говорятъ, полна народу; въ нее съѣзжаются изъ всѣхъ сосѣднихъ губерній.

Я одного боюсь, чтобы весной житье въ Москвѣ не сдѣлалось опаснымъ, такъ какъ во время шестинедѣльнаго пребыванія въ городѣ французы перебили множество народа. Не только городъ, но и окрестности усѣяны трупами, заражающими воздухъ. Представь, что будетъ весной, когда растаетъ снѣгъ! Николай пишетъ, что за пятнадцать верстъ отъ Москвы уже становится тяжело дышать; колодцы, овраги и рвы вокругъ Кремля, все наполнено мертвыми тѣлами; ихъ даже трудно отыскивать, и потому мѣры, принимаемыя противъ зла, недостаточны. Къ тому надо прибавить, что въ началѣ ноября еще не похоронены были убитые 26 августа; Богъ знаетъ, схоронены ли они теперь. За 25 верстъ слышно было зловоніе, и ежели не примутъ рѣшительныхъ мѣръ, весною запахъ слышенъ будетъ и въ Высокомъ, находящемся не болѣе какъ въ пятидесяти верстахъ отъ несчастнаго Бородина, что разрушило бы наши планы, и не знаю, куда бы мы дѣлись лѣтомъ въ такомъ случаѣ. Невѣстка моя беременна, и къ 1 іюня намъ необходимо гдѣ-нибудь устроиться, чтобы она могла спокойно родить.

Впрочемъ, я стараюсь какъ можно менѣе думать о будущемъ. Господь чудеснымъ образомъ вывелъ всѣхъ насъ изъ тяжкаго кризиса; было бы неблагодарностью съ нашей стороны, ежели бы мы слѣпо не положились на Его волю съ полной увѣренностью, что тогда все пойдетъ хорошо.

Кто могъ предположить, что событія примутъ такой оборотъ? Кто могъ осмѣлиться обозначить предѣлы зла, которое въ состояніи были сдѣлать намъ французы до и по вступленіи своемъ

въ Москву? Во всемъ виденъ перстъ Божій, и особенно безграничное милосердіе Провидѣнія, которое, наказавъ насъ, по правосудію своему, не допустило, однако, до крайней гибели. Опасались худшаго, нежели то, что случилось. Божія благость спасла насъ отъ горя, которое для насъ было бы тяжелѣе многихъ другихъ. Ты помнишь, что, при отъѣздѣ моемъ изъ Москвы мнѣ пришла ужасная мысль: я боялась, чтобы каннибалы не оскорбили гробницъ нашихъ отцовъ. Меня еще сильнѣе стала тревожить эта мысль, когда намъ разсказали, что чудовища эти откапывали мертвецовъ, чтобы грабить могилы. Я съ отчаяніемъ вспомнила о Дѣвичьемъ монастырѣ, гдѣ покоится лучшій и любимѣйшій изъ отцовъ. Николай по прибытіи въ Москву тотчасъ отправился въ монастырь и пишетъ намъ, что памятникъ батюшки, равно и всѣ другіе памятники, остались въ цѣлости. У насъ какъ камень съ сердца свалился. Въ женскихъ монастыряхъ совершались мерзости; но, что для насъ наиважнѣйшее, то цѣло, благодаря Бога.

Въ реляціи Кутузова сказано, что въ дѣлѣ 8 числа Финляндскій гвардейскій полкъ отличился храбростью. Въ этомъ полку находится братъ Даши Ухтомской; потрудись, милый другъ, узнать, не въ числѣ ли раненыхъ или убитыхъ значится князь Ухтомскій. Послѣ Бородинскаго дѣла въ этомъ полку осталось въ живыхъ семь офицеровъ, въ числѣ ихъ былъ и Ухтомскій. Богъ знаетъ, посчастливилось ли ему и на этотъ разъ. Бѣдная сестра его, которую я люблю съ дѣтства, въ ужасномъ страхѣ. Я получила отъ нея письмо и, судя по нему, вижу, что она страшно тревожится. Письмо ея отъ 16 октября; ей еще, значитъ, не было извѣстно, что произошло сраженіе подъ Малоярославцемъ.

34.

27 ноября.

Мы снова подверглись всѣмъ ужасамъ степной вьюги: это страшная мука, особенно когда живешь въ картонномъ домикѣ. Невольно вспомнишь о нашемъ тепломъ, уютномъ московскомъ домѣ, который былъ извѣстенъ своимъ удобствомъ въ самыхъ дальнихъ частяхъ города. Очень благодарю тебя за извѣстіе, что отысканъ крестъ Ивана Великаго. Я повторяю съ восторгомъ, что онъ не будетъ служить трофеемъ чудовищу! Однако я не могу удержать своего негодованія касательно спектаклей и лицъ, ихъ посѣщающихъ. Что же такое Петербургъ? Русскій ли это городъ, или иноземный? Какъ это понимать, ежели вы русскіе? Какъ можете вы посѣщать театръ, когда Россія въ траурѣ, горѣ, развалинахъ и находилась на шагъ отъ гибели? И на кого смотрите вы? На французовъ, изъ которыхъ каждый радуется нашимъ несчастіямъ?!.

Я знаю, что въ Москвѣ до 31 августа открыты были театры, но съ первыхъ чиселъ іюня, т.-е. со времени объявленія войны, у подъѣздовъ ихъ виднѣлись двѣ кареты, не болѣе. Дирекція была въ отчаяніи, она разорялась и ничего не выручала. Играли русскіе и въ болѣе спокойную пору, и то зала наполнена была лишь купцами. Чѣмъ болѣе я думаю, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что Петербургъ въ правѣ ненавидѣть Москву и не терпѣть всего въ ней происходящаго. Эти два города слишкомъ различны по чувствамъ, по уму, по преданности общему благу, для того, чтобы сносить другъ друга. Когда началась война,

многія особы, будучи не хуже вашихъ красивыхъ дамъ, начали часто посѣщать церкви и посвятили себя дѣламъ милосердія, чтобы умилостивить Бога за себя и своихъ соотечественниковъ. Ежели у насъ несли вздоръ, то, по крайней мѣрѣ, всѣ мы, русскіе, за исключеніемъ Петербурга, разумѣется, одинаково заблуждались.

Здѣсь въ Тамбовѣ, мѣстѣ болѣе безопасномъ, чѣмъ другія мѣста, балы, начинающіеся обыкновенно съ сентября, открыты были лишь послѣ сраженія подъ Вязьмой. До сихъ поръ ни одна дама не показывалась на балѣ, такъ что балы превратились въ мужскія собранія, гдѣ играютъ въ карты. Французскій языкъ изгнанъ; крестьяне лишь только услышатъ, что говорятъ на иностранномъ языкѣ, сейчасъ же скорчатъ грозную гримасу. Въ Москвѣ съ августа мѣсяца французы не осмѣливались показываться на улицахъ: ихъ побивали камнями. Мыслимо ли было, чтобы пошли на нихъ смотрѣть въ театрѣ? Шаховскіе разсказывали мнѣ, что во всю дорогу отъ Кавказа досюда они были, какъ на иголкахъ; если забывшись, по привычкѣ, начинали говорить по-французски, мужики сейчасъ спрашивали ихъ, не изъ тѣхъ ли они негодяевъ, которые грабятъ Россію и Москву.

Я забыла разсказать тебѣ о перемѣнѣ моихъ отношеній къ двоюродному брату Валуеву. Изъ заклятаго врага онъ сдѣлался моимъ поклонникомъ. Я получила отъ него такое посланіе изъ Рязани, въ концѣ коего недостаетъ лишь предложенія; въ послѣднемъ случаѣ оно было бы вполнѣ трогательно. Во время трехдневнаго пребыванія своего у насъ онъ преслѣдовалъ меня комплиментами и ласками, стараясь оправдаться передо мною въ своихъ прежнихъ ошибкахъ въ отношеніи меня и зная, что онѣ мнѣ извѣстны. Я не избѣгала объясненія и вечеромъ наканунѣ его отъѣзда высказала ему откровенно мое мнѣніе о разныхъ вещахъ. Онъ весьма покорно выслушалъ мои замѣчанія, сознавался, что былъ невыносимъ, говорилъ, что исправился и т. д. Въ заключеніе всего этого я получила вышеупомянутое письмо. Эта перемѣна мнѣ кажется чудомъ въ родѣ переворота въ судьбѣ Наполеона. Насталъ годъ чудесъ!

Еслибы не твое великодушіе, мы рѣшительно не вѣдали бы, что на свѣтѣ происходитъ. Нынче получили мы извѣстіе, что Николай съ Ипполитомъ отправились въ армію 19 числа; теперь они уже доѣхали.

Знаешь ли, что сдѣлали французы изъ гостиныхъ Разумовскихъ, о которыхъ ты упоминаешь въ письмахъ твоихъ (надѣюсь, что мы когда-нибудь въ нихъ встрѣтимся)? Въ третьемъ этажѣ, въ кабинетѣ графа, они устроили бойню; по уходѣ ихъ тамъ нашли зарѣзанныхъ коровъ и телятъ. Въ нижнемъ этажѣ были конюшни: въ среднемъ, на убранство котораго графъ прошлымъ лѣтомъ положилъ огромныя деньги, они все истребили.

Петровское исчезло; тамъ происходили ужасы, отъ которыхъ дыбомъ становятся волосы. Московскія кладовыя были въ цѣлости до октября; въ эту пору одна изъ служанокъ, влюбившись въ какого-то негодяя поляка, открыла ихъ разбойникамъ, равно и погреба, словомъ, мѣста, гдѣ что-либо хранилось. Потери Разумовскихъ простираются почти до двухъ милліоновъ.

Если желаешь составить себѣ понятіе объ образованнѣйшемъ народѣ, называющемъ насъ варварами, прими къ свѣдѣнію, что во всѣхъ домахъ, гдѣ жили французскіе генералы и высшіе

чины, спальни ихъ служили также чуланами, конюшнями и даже кое-чѣмъ хуже. У Валуевыхъ въ этомъ отношеніи такъ домъ отдѣлали, что въ немъ дышать нельзя и все ломать надобно, а эти свиньи тутъ жили.

35.

2 декабря.

Вчера въ первый разъ, съ тѣхъ поръ какъ я въ Тамбовѣ, была я на обѣдѣ, данномъ для матушки однимъ изъ богатѣйшихъ здѣшнихъ помѣщиковъ. Здѣсь для меня все ново, и есть что изучать. Я замѣтила, что есть возможность составить кружокъ изъ мужчинъ; они не щеголи и не отличаются любезностью, но зато разумные и даже пріятные собесѣдники. Что касается женщинъ, только губернаторша милая особа, остальныя нестерпимы. Всѣ съ претензіями, крайне смѣшными. У нихъ изысканные, но нелѣпые туалеты, странный разговоръ, манеры, какъ у кухарокъ; притомъ онѣ ужасно жеманятся, и ни у одной нѣтъ порядочнаго лица. Вотъ каковъ прекрасный полъ въ Тамбовѣ! Ты понимаешь, что я какъ можно рѣже буду видѣться со всѣми этими лицами, развѣ въ случаѣ необходимости. Мы каждый день видимся съ Разумовскими; она попрежнему безалаберна, а мужъ ея любезнѣе, чѣмъ когда-либо. Нынче мы у нихъ будемъ ужинать. Щукина не слишкомъ пріятная особа, я съ ней мало знаюсь, мы только вмѣстѣ играемъ въ карты; мужъ ея претошный. У нихъ живетъ племянница, которая замужемъ за какимъ-то Ивановымъ, глупое и невыносимое существо, какъ разъ подъ пару здѣшнимъ чопорнымъ дамамъ; она уже успѣла съ ними подружиться. Все это общество мнѣ не по вкусу, я бы его себѣ не избрала; но, за неимѣніемъ лучшаго, приходится имъ довольствоваться.

Вчера я видѣла пріѣхавшаго изъ арміи; онъ оставилъ главную квартиру 19 ноября. Извѣстія, имъ привезенныя, такъ хороши, что, будучи русскимъ, нельзя не забыть о своихъ потеряхъ и не радоваться, думая о безсмертной славѣ, которую пріобрѣтаетъ наше милое отечество. Французы, особенно злодѣй Наполеонъ и его приверженцы, растерялись. Я согласна, пусть эти дураки называютъ Россію варварской страной, коль скоро ихъ цивилизація привела ихъ къ добровольному подчиненію гнуснѣйшему тирану. Слава Богу, что мы варвары, если считаются образованными Австрія, Пруссія и Франція.

Сюда прислали четверыхъ плѣнныхъ французскихъ генераловъ. Князь Кутузовъ особенно рекомендовалъ одного изъ нихъ здѣшнему губернатору, родственнику своему, присовокупляя, что, слышавши, что съ плѣнными обращаются сурово, онъ желаетъ, чтобы измѣнили эту систему, ибо жестокое обращеніе съ обезоруженнымъ врагомъ не согласно съ русскимъ характеромъ. Потому съ большими генералами будутъ обращаться, какъ обращались въ Москвѣ съ Клерфельтомъ и Левенгеймомъ. Добраго старика Кутузова армія обожаетъ, вездѣ его встрѣчаютъ съ восторженными привѣтствіями. Ростопчину съ нимъ тягаться не подъ силу.

Знаешь ли, что у меня бывали минуты, когда меня такъ мучило все, что я видѣла, слышала и чувствовала, что мнѣ приходила мысль идти въ здѣшній монастырь, для избѣжанія всѣхъ горестей, которыя мы испытываемъ, живя въ свѣтѣ?

36. *10 декабря.*

Ты удивишься, узнавъ, что я собираюсь на балъ. Да, послѣзавтра я буду выплясывать съ тамбовскими щеголями. 12 декабря, какъ тебѣ извѣстно, празднуется во всей Россіи. Вотъ и здѣшній губернаторъ[1]), добрѣйшій человѣкъ, вздумалъ потѣшить общество и даетъ балъ, къ которому готовятся всѣ наши франтихи.

Признаюсь, меня удивляетъ, что мнѣ приходится явиться на балъ послѣ всѣхъ тревогъ и скорбей, испытанныхъ мною въ теченіе шести мѣсяцевъ; однако я не прочь взглянуть на провинціальныя собранія. Съ тѣхъ поръ, какъ извѣстія изъ арміи сдѣлались утѣшительнѣе, въ Россіи снова начали веселиться. Вотъ уже три недѣли, какъ здѣсь пляшутъ по воскресеньямъ въ жалкомъ, уродливомъ домѣ, въ которомъ жители Тамбова веселятся болѣе, нежели веселились мы въ прекрасномъ московскомъ зданіи.

Наше московское собраніе только что собирались отдѣлать и украсить на нынѣшнюю зиму, а негодяи французы превратили его въ пепелъ.

Ты, вѣрно, видала г-жу Болговскую, рожденную Салтыкову; у нея было большое имѣніе въ Смоленской губерніи. Жила она открыто, пользуясь всѣми удобствами жизни. Теперь же съ пятью дѣтьми, изъ которыхъ одинъ меньше другого, она принуждена продавать платья и бѣлье, чтобы не умереть съ голоду. И сколько такихъ случаевъ!

Я часто получаю посланія отъ Валуевыхъ; онѣ такъ привязались ко мнѣ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, проведенныхъ съ нами, что при всякомъ удобномъ случаѣ посылаютъ мнѣ дружескія письма. Подробности, которыя онѣ сообщаютъ мнѣ о Москвѣ, крайне интересны для человѣка, любящаго этотъ городъ, какъ я его люблю. Меня радуетъ привязанность народа, вообще всей націи русской къ этой древней и почтенной столицѣ нашего милаго отечества. Москва теперь, какъ муравейникъ. Въ нее стекаются отовсюду. Туда идутъ транспорты даже изъ здѣшнихъ мѣстъ; поэтому тамъ жизнь дешевле прежняго. Въ Москвѣ теперь можно все достать, даже предметы роскоши, какъ-то: шелковыя матеріи, вина, овощи и т. д.; даже общество, говоритъ Аннета, лучше прежняго. Всѣ лица, которыхъ дома уцѣлѣли, занимаются ихъ устройствомъ.

Кстати, я тебѣ не упоминала о великолѣпномъ проектѣ благотворительности, составленномъ нашими дамами. Каково твое мнѣніе о немъ? Право, женское судилище, съ предсѣдательницей во главѣ, напоминаетъ мнѣ сенатъ фей Уржели, во главѣ коего находилась королева Берта. Не знаю, видѣла ли ты эту піесу; но увѣряю тебя, что предполагаемый комитетъ мнѣ ее напоминаетъ. Откровенно говоря, если хотятъ дѣлать добро и благотворить, то можно обойтись безъ гласности. Въ предпріятіи же этихъ дамъ я вижу желаніе выказаться. Это признакъ тщеславія, непріятнаго и въ мужчинѣ и которое вовсе не нравится мнѣ въ женщинѣ, назначеніе коей держаться въ сторонѣ.

У насъ въ гостиной съ десятокъ помѣщиковъ, явившихся сообщить намъ извѣстіе о побѣдѣ Витгенштейна.

---

[1]) Петръ Андреевичъ Ниловъ.

37. *17 декабря.*

Я ѣздила на балъ, чтобы не обидѣть тамбовскихъ обитателей, старалась быть веселой и до четырехъ часовъ утра танцовала, Богъ знаетъ, съ какими рожами. Праздникъ былъ блестящій; даже въ столицѣ онъ бы имѣлъ успѣхъ. Никогда не встрѣчала я такой коллекціи оригиналовъ, какую пришлось мнѣ видѣть въ этотъ день.

Тамбовъ теперь въ полномъ блескѣ. Все дворянство собралось на выборы, отъ бѣдняка до богача. Пора выборовъ самая веселая въ губернскихъ городахъ. На балѣ графъ Левъ[1]) насчиталъ до двадцати мундировъ одинъ другого оригинальнѣе. Тутъ, судя по мундирамъ, находились представители четырехъ царствованій; были нѣкоторые и въ сюртукахъ. Цѣлыхъ три дня послѣ балу мнѣ нездоровилось. Я отвыкла поздно ложиться, устала и вообще неохотно ѣхала на балъ. Вѣсти московскія неутѣшительны. Тамъ свирѣпствуютъ повальныя болѣзни, какъ въ городѣ, такъ и въ окрестностяхъ. Несчастная столица переходитъ отъ одного бѣдствія къ другому. Надо надѣяться, что приняты будутъ строгія мѣры къ отвращенію зла и что въ стѣнахъ милаго города снова водворится здоровіе, миръ и счастіе, которыми онъ пользовался въ теченіе вѣковъ.

Нашъ старый маіоръ, котораго ты знаешь, умеръ вслѣдствіе непріятностей, перенесенныхъ имъ во время пребыванія въ Москвѣ извергов. Однако мы очень счастливы: изъ нашихъ никто не погибъ, кромѣ Клемана и маіора. У Разумовскихъ же умеръ лучшій ихъ управляющій, похоронивъ въ теченіе недѣли жену, трехъ дѣтей и имѣвъ несчастіе видѣть звѣрскіе поступки извергов въ отношеніи къ его одиннадцатилѣтней дочери. Несчастная тоже при смерти. Много подобныхъ случаевъ; въ Голицынской больницѣ, въ церкви, на алтарѣ, нашли мертвую дѣвочку одиннадцати лѣтъ, бывшую жертвою самаго гнуснаго злодѣйства. Сначала отъ подобныхъ новостей меня била лихорадка, но мы обязаны французамъ привычкою къ самымъ непріятнымъ ощущеніямъ; они такъ часто повторяются, что не могутъ производить постоянно сильнаго впечатлѣнія.

Сумарокова въ Москвѣ и пишетъ мнѣ, что она объѣздила весь городъ и преимущественно ту сторону, гдѣ мы жили. Съ трудомъ отыскала она развалины нашего милаго дома[2]). Она говоритъ, что не видавшій настоящаго положенія Москвы еще не можетъ вполнѣ ненавидѣть злодѣевъ. Я не хочу ненавидѣть ихъ, прошу Бога простить имъ ихъ злодѣйства; но положительно можно сказать, что съ тѣхъ поръ, какъ міръ существуетъ, ни въ древней, ни въ новой исторіи не найдешь поступковъ, подобныхъ преступнымъ дѣйствіямъ ихъ въ нашемъ отечествѣ.

Графиня Орлова, Лобкова съ племянницей, гр. Апраксина и многія другія намѣрены провести зиму въ Москвѣ.

Я рѣшительно отказываюсь отъ моихъ похвалъ Ростопчину вслѣдствіе послѣдней его выходки, о которой мнѣ сообщили. Ты, вѣрно, слышала, что мадамъ Оберъ-Шальмé, бросивъ свой магазинъ, въ которомъ находилось на 600.000 рублей товару, послѣдовала за французской арміей. Государь приказалъ про-

---

[1]) Разумовскій.

[2]) Въ Леонтьевскомъ переулкѣ.

дать весь этотъ товаръ въ пользу бѣдныхъ. Именитый же графъ нашелъ болѣе удобнымъ подѣлиться имъ съ полиціей. Младшему изъ чиновниковъ досталось на 5.000 рублей вещей; сообрази, сколько пришлось на долю графа и Ивашкина. Это скверно до невѣроятности. Мой двоюродный братъ Волковъ отказался отъ своей доли. Спиридовъ, московскій комендантъ, и князь Борисъ Андреевичъ Голицынъ, которые также были приглашены къ дѣлежу, тоже не захотѣли въ немъ участвовать; неизвѣстно, чѣмъ кончится эта исторія, но она отвратительна.

Я еще не говорила тебѣ, что я достала дрянные фортепьяны и ноты; матушка заставляетъ меня пѣть. Если у тебя есть какія-нибудь хорошенькія піесы, пришли ихъ мнѣ, дружокъ. Здѣсь подобныя вещи нужнѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Трудно веселиться въ Тамбовѣ; благодаря всѣмъ моимъ усиліямъ, я дошла до того, что не скучаю. Слава Богу, у меня характеръ, которому скука невѣдома.

О Николаѣ не имѣемъ извѣстій съ тѣхъ поръ, какъ въ походѣ. Сестра тоже не можетъ часто писать, потому что слѣдуетъ за Чичаговской арміей. Послѣднее ея письмо было изъ Пинска отъ 2 ноября. Что дѣлать, надо терпѣть: горю ничѣмъ не поможешь.

Не стыдно ль вамъ отнимать у насъ Віельгорскихъ? Впрочемъ, берите ихъ. Катиша непремѣнно хочетъ ѣхать, вопреки всему семейству и своему безхарактерному мужу.

38.

24 декабря.

Плѣнные, разсѣянные по всей Россіи, заносятъ всюду заразу, потому что сами они почти что чумные. Прислуга наша, пріѣхавшая изъ Высокаго, разсказываетъ, что по большой дорогѣ во многихъ деревняхъ есть дома, въ которые никто не смѣетъ входить; находящіеся въ нихъ умираютъ или оживаютъ, будучи оставлены на произволъ судьбы. Принцъ Ольденбургскій умеръ на третьи сутки.

Не могу выразить тебѣ, до чего меня растрогали нынче утромъ разсказы нашей бѣдной прислуги о всемъ, что она вытерпѣла съ конца августа до конца октября. Московскіе пожары и пожары въ деревняхъ, лежащихъ по Можайской дорогѣ, освѣщали Высокое въ теченіе трехъ недѣль такъ, что ночью тамъ было свѣтло, какъ въ полдень. Въ теченіе мѣсяца наши и крестьянскія вещи лежали въ телѣгахъ. Люди насушили сухарей и собирались скрыться въ лѣсъ, единственное надежное убѣжище отъ французовъ. Непріятели были въ пятнадцати верстахъ отъ Высокаго. Рѣшительно чудомъ спасся этотъ милый уголокъ!

Съ истинной радостью думаю я, милый другъ, что намъ остается всего недѣля до новаго года. Уповаю на милосердіе Божіе и надѣюсь, что наступающій годъ не похожъ будетъ на тотъ, съ которымъ мы разстаемся.

Тамбовъ наполненъ плѣнными. Французы считаютъ понесенный ими разгромъ за поправимую неудачу. Поляки, зная, какъ ихъ ненавидятъ у насъ, выдаютъ себя за голландцевъ или за нѣмцевъ. Жалки испанцы и португальцы: они на свободѣ и ежедневно приходятъ просить милостыни. Я съ ними говорила. Они Россію превозносятъ до небесъ, а Наполеона ненавидятъ и радуются его паденію. Между прочими тутъ есть одинъ генералъ португальскій; съ нимъ было два сына, одного убили у него на

глазахъ, другой пропалъ безъ вѣсти; да дома осталась у него семья, о которой онъ въ продолженіе двухъ лѣтъ не имѣетъ извѣстій. Несчастный старикъ слова не можетъ сказать безъ слезъ. Сама я ни одного генерала не видала и сержусь на тѣхъ, кто заговариваетъ съ французами, отъ которыхъ дождешься лишь дерзостей. Когда ихъ отщелкаютъ, они тотчасъ осядутъ и становятся низкопоклонными. Прелестный характеръ, нечего сказать!

39.

31 декабря.

Ты не поняла меня относительно взгляда моего на монашескую жизнь, милый другъ. Еслибы монашеская жизнь была такова, какой ей слѣдуетъ быть, то, живя въ уединеніи, мы приближались бы къ величайшему блаженству, которое лишь возможно на землѣ. Но лучшія учрежденія искажаются подъ рукой человѣческой. Многое достойно осужденія въ жизни монаховъ, однако нѣкоторые изъ нихъ приносятъ пользу. Въ свѣтѣ же, посреди развлеченій, мы забываемъ ближняго. Что бы ты мнѣ ни говорила, я все-таки остаюсь при моемъ убѣжденіи, что уединеніемъ мы ограждаемся отъ многихъ скорбей. Въ свѣтѣ мы напускаемъ на себя неестественную чувствительность, напрашиваемся на разнаго рода непріятности и подвергаемся искушеніямъ. Чѣмъ меньше нитей, привязывающихъ насъ къ жизни, тѣмъ менѣе ощутительна потеря ихъ. Ты ошибаешься, думая, что я хочу избавиться отъ всѣхъ привязанностей. Между ними есть такія, которыя самъ Богъ внушаетъ намъ: слѣдуетъ каждому исполнять свой долгъ. Хотя Господь запрещаетъ любить кого-либо болѣе, чѣмъ Его Самого, но повелѣваетъ любить ближняго, а чувство это слѣдуетъ хранить и въ монастырѣ.

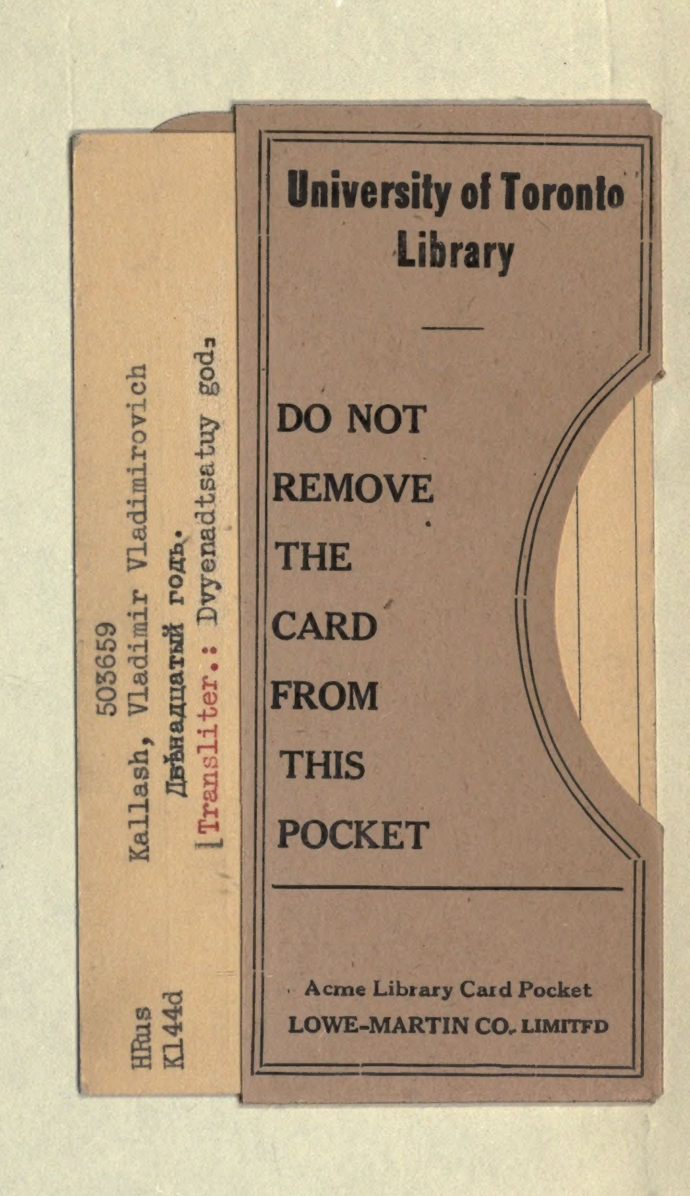
Впрочемъ, не бойся: пока я нужна кому-либо на свѣтѣ, я не рѣшусь идти въ монастырь. Теперь я имѣю счастіе посвящать матушкѣ все мое время.

Цѣлую недѣлю мы возились съ крестьянами изъ саратовскаго имѣнія, посланными отъ сельскаго міра. Весною отправимся въ Саратовъ, оттуда въ Сарепту къ Гернгутерамъ. Они всего въ 150 верстахъ отъ насъ. Нынче утромъ получили мы два письма отъ сестры изъ Минска. Она говоритъ, что у нихъ всѣ госпитали переполнены, дороги покрыты трупами, деревни полны больными, такъ что крестьяне убѣгаютъ въ лѣса и мертвыхъ оставляютъ безъ погребенія. Это можетъ имѣть ужасныя послѣдствія. Да сохранитъ насъ Богъ отъ чумы! Въ Москвѣ и ея окрестностяхъ тоже свирѣпствуютъ болѣзни, равно и въ Казани, гдѣ умеръ бѣдный князь Петръ Салтыковъ. Сегодня отправили къ вамъ партію плѣнныхъ испанцевъ и португальцевъ. Берегитесь, чтобы они васъ не зачумили. У насъ остались поляки, французы и нѣмцы.

Вообрази: теперь открывается, что величайшія неистовства совершены были въ Москвѣ нѣмцами и поляками, а не французами. Такъ говорятъ очевидцы, бывшіе въ Москвѣ въ теченіе шести ужасныхъ недѣль.

Я теперь ненавижу Ростопчина и имѣю на то причины. О! ежели мы съ тобой когда-нибудь увидимся, сколько мнѣ придется разсказать тебѣ. Мнѣ кажется, въ мѣсяцъ всего не передашь...

ОГЛАВЛЕНІЕ.

503659
Kallash, Vladimir Vladimirovich
Двѣнадцатый годъ.
[Transliter.: Dvyenadtsatuy god,
HRus
K144d
University of Toronto
Library
DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET
Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED